

Анна ОРАНСКАЯ

**ЛЕКАРСТВО
ОТ МУЖЧИН**

BOSTON PUBLIC LIBRARY

Copley Square

Анна ОРАНСКАЯ

ЛЕКАРСТВО ОТ МУЖЧИН

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (2Рос-Рус)6

О-63

*Оранская, Anna
Leкарство ot muzhchin*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc., New York.*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

For (Russian)

Оранская А.

О-63 Лекарство от мужчин: Роман. — М.: ООО “Фирма
“Издательство АСТ”, 1999. — 432 с.

ISBN 5-237-03432-2

Она не выбирает средств, считая, что цель оправдывает все. Ее можно считать безжалостной и бездушной. Но... Жизнь жестока, и каждый в ней — сам за себя. Она знает — если не защитит себя сама, этого не сделает никто. И она помнит об этом всякий раз, когда выходит на новую смертельно опасную охоту...

© А. Оранская, 1999

© Оформление.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999

...Дождь такой сильный — ну просто настоящая стена. Непроницаемая, сплошная, отгораживающая меня от всего остального мира.

Что ж, он много теряет, этот мир — потому что если бы он мог заглянуть в мое окно, то увидел бы нахальную рыжую девицу, абсолютно голую, бесстыже развалившуюся в белом кожаном кресле посреди гостиной в не слишком пристойной позе. И вдобавок поглаживающую себя с блуждающей улыбкой. А другой рукой то отщипывающую кусочки круассана, то подносящую ко рту чашку с капучино и ставящую ее обратно на придвинутый вплотную к креслу низкий стеклянный столик.

Так что не повезло сегодня миру — хотя, если бы не дождь, я бы не подняла жалюзи, а сидела бы в точно таком же виде и смотрела на улицу сквозь узкие щели между полосками синего пластика. Ненавижу одеваться, а уж с утра тем более. И завтрак в голом виде — это традиция. Такая же, как капучино и круассан. И поглаживание себя.

Видно, снилось мне что-то такое приятное, сладкое — по крайней мере когда проснулась, внизу все было мокро. Интересно, что это было — и кто, и как, и где? Может, и запомнила бы, если бы не разбудил чертов звонок. Моду взяли — звонить в девять утра. А я легла, между прочим, только в три. Не позвонили бы, я бы, наверное, хоть что-то сейчас помнила, хоть смутный обрывок сна.

Так нет, лишили одинокую молодую женщину, не состоящую в браке и не имеющую постоянного любовника — в смысле любовницы, — даже виртуального, так сказать, секса.

Я, кстати, так и не поняла, кто звонил, — да и не суть важно. Какой-то журнал, название которого я опять же не уловила, заказывает мне серию материалов о Франции — и оплачивает все расходы. Дорогу, проживание вплоть до месяца, переезды — и плюс гонорар, разумеется. Как он выразился, по классу «А», по высшему разряду то есть. Все подробности — в контракте, который в течение дня пришлют по факсу.

Короче, готовы заплатить кучу денег — и все ради того, чтобы такой профессиональный журналист, как я, полетела из Монреаля во Францию и собрала материал о том, как русские нувориши скупают дома на Лазурном берегу, и про Париж что-то тоже, но главным образом интересует их Марсель. Марсель как столица мировой наркоторговли — «Французский связной» двадцать лет спустя.

«Французского связного» я смотрела, кстати, — Джин Хэкмен там в главной роли. Американский полицейский, разбирающийся с наркомафией сначала у себя в Штатах, а потом в Марселе. Неплохой такой фильм. Только снят он был не двадцать лет назад, а побольше, кажется. Но это тоже не важно — равно как и то, что Марсель, насколько мне известно, столицей наркобизнеса больше не является. Важно то, что послезавтра я должна быть во Франции.

«В принципе мы не торопим вас с ответом, мисс Симони. Но если вас заинтересовало наше предложение, мы можем заказать вам билет на любой день. Например, на субботу. Что скажете?» Что я, интересно, могла сказать? Что предложение не кажется мне заманчивым?

Конспираторы чертовы. Со стороны здорово все так звучит — вежливо и красиво. Редактор какого-то журнала пытается убедить журналистку — свободную художницу, фриленсера, пишущую для самых разных изданий, — принять предложение, обещая ей за это золотые горы. Видно, очень талантливую, раз к ней обращаются, — получше своих штатных сотрудников и уж куда лучше любого англоязычного журналиста, живущего во Франции. Ну кому еще писать о Франции, как никогда не бывавшей в ней и даже не говорящей толком по-французски мисс Анне Симони? Куда еще девать журналу деньги, кроме как тратить их на поездку какой-то внештатницы?

Так что примитивно — но слушай нас кто, ничего такого не заподозрит. И ни черта не догадается, что это заманчивое предложение — на самом деле приказ. Приказ вылетать в субботу, послезавтра то есть, в Марсель и быть готовой прожить там минимум три недели.

Вот так вот меня разбудили. Нельзя сказать, что приятным получилось пробуждение, — но вообще уже почти два месяца меня не беспокоили, так что следовало ждать чего-то такого. Агент 007 снова нужен своей стране — а значит, ему остается только щелкнуть каблуками и отправляться на поединок с очередным представителем мирового зла.

Хотя лично я служу не стране, а группе людей. Когда-то и вправду сидевших в большом мрачном здании в центре Москвы и защищавших интересы государства, но потом отвернулось от них это самое государство, так что интересы они защищают уже свои. Точнее — интересы любого, кто в состоянии заплатить требуемое и кто устраивает мое начальство в качестве клиента.

Черт, вспомнить бы еще, какое издание он назвал? А впрочем, не важно — там скажут. И статью за меня

напишут — или хотя бы найдут кучу всяких интересных фактов, которые я сама могу изложить. Книги ж сама пишу — целых две уже вышло. Правда, если б не контора, мне бы и в голову не пришло писать книги, да и не взяли бы их у меня — слабоваты они, наверное. А так напечатали и еще ждут. И аванс проплатили приличный за третью.

Чтобы если кто заинтересуется некой мисс Анной Симони, два с половиной года назад получившей канадское гражданство, то выяснится, что живет мисс Симони за счет книг и статей, и налоги платит исправно, и имеющиеся средства позволяют ей постоянно нигде не работать и разъезжать по миру, собирая материалы для публикаций и сюжеты для бессмертных ее произведений. Все чисто, не придерешься — контора уж если обеспечивает легенду, то на совесть.

Могли бы, правда, легенду и получше сотворить — сделать меня президентом какой-нибудь преуспевающей фирмы. У них этих фирм по всему миру куча, и возглавляют только свои — официально или неофициально. Вот и числилась бы я президентом или членом совета директоров солидной компании или банка, ни во что бы себе не влезала, осуществляла бы общий контроль — следила бы, чтобы все нормально шло, и конторе отчисляли что положено, и никто обмануть ее не пытался. И получала бы хорошие деньги, жила бы в особняке где-нибудь в Лос-Анджелесе или Майами, или на Багамах, разъезжала бы на «порше» или «феррари», наслаждалась бы жизнью.

А вместо этого — квартирка в Монреале в средненьком районе, трехлетний «фольксваген-гольф», десять тысяч долларов в месяц на номерной счет в банке на Кайманах и здесь максимум сто тысяч местных в год.

Так что остается радоваться, что хоть сюда отправили — да и то потому, что в Москве мне не стоило больше светиться. Была там пара дел в 93-м, после которых искали меня злые люди с весьма конкретной целью. Я, честно говоря, думала уже, что все, конец, — но начальство решило, что я работник ценный, да и за границей буду не менее полезной, чем в столице. Вот и живу я тут и радуюсь — и периодически мечтаю о том, что через пару-тройку лет, ну, может, лет через пять, опять же если все нормально будет, меня поднимут-таки. Ну не вечно же мне быть журналистом и писателем, могу же я вдруг открыть какое-нибудь дело и стать миллионершей?

Я, конечно, знаю один способ, как заработать кучу денег без конторы — сесть и написать книгу о том, кто я такая, и чем занимаюсь, и на кого, говоря словами шпионских романов, работаю. Причем никто ведь и не поверит, что это правда, — решат, что осчастливил своим появлением мировую литературу новый Джеймс Бонд, только женского пола. И денег заплатят кучу — миллион на этом точно можно будет поднять. Только вот после того, как выйдет эта книга, проживу я максимум неделю — а если узнают о моих планах пораньше, то и написать мне ничего не удастся.

В общем-то, если уж совсем честно, жаловаться мне не на что. Монреаль не Москва, получаю неплохо, все время в разъездах — то Штаты, то Испания, то Япония, не соскучишься. Могла бы куда хуже жить — или вообще не жить. С такой работой, как у меня, лучше ценить каждый новый день. Потому что никогда не знаешь, что принесет завтрашний.

Ну ладно, хватит о грустном. В конце концов надоело тут киснуть уже — да еще и дождь зарядил такой, что кажется, будто не конец сентября за окном, а сере-

дина ноября, и зима скоро с заносами и снегопадами. А там, куда мне надо лететь, погода наверняка получше. И хотя в Марселе я не была и только по «Французскому связному» его и представляю, думаю, что это все же не самый плохой город.

По крайней мере куда лучше, чем тот, который начинается на ту же букву, но находится совсем не во Франции. Тот, в котором я родилась и прожила двадцать семь, — но в котором совсем не хотела бы очутиться.

Ни-ког-да...

1

— Может, тачку нормальную в прокате возьмем, а, Вован? Западло на такой разъезжать...

Я сделала вид, что не услышала. Пока вообще ничего не было понятно — ни какова моя роль во всем этом, ни кто этот маленький, бросивший такую сильную фразу. Один точно конторский — ненавижу слово «наш», для меня они все чужие, я одна для себя «своя». Вот он ко мне и пошел уверенно, когда я стояла как дура в аэропорту, не зная, кого встречаю.

Я приехала за час до парижского рейса — время не рассчитала, хотя за неделю уже освоилась тут, помоталась на машине по городу, поизучала маршруты. Приехала, попила кофе в баре, побродила по магазинчикам.

А потом встала чуть в стороне от выхода минут за пятнадцать до того, как объявили рейс. Рейс не международный, а внутренний, самый банальный, короче, встречающих толком нет — час с небольшим лета, невелико расстояние, чтобы еще кто-то кого-то встречал. И стояла, как дура не зная, кого жду, — но зная, что один из них меня знает.

Не люблю вслепую встречать — но для конторских любителей секретности это обычное дело. Им виднее, конечно, — но, кажется, не так уж сложно было бы

передать мне фотографию хотя бы одного из этих двоих. И вкратце, намеком, суть дела. Но нет, они перестраховщики.

Я даже не знала, летят те, кого я жду, этим рейсом или нет. По крайней мере первоначально прибыть они должны были в среду, но отложилось вот, на субботу перенеслось. Хорошо предупредили — в последний момент, правда, но все же. Я уже выходить собиралась, как позвонил мне Жорж, который меня встречал в Марселе, сказал, что встретиться хочет, что готовы у него факты, которые он мне обещал для статьи. Ну я и поняла, в чем тут дело, — потому что он мне уже все в первую встречу отдал.

Приятный мужик — лет под пятьдесят, седой, с бородкой, ухоженный, одет хорошо. И манеры приятные — чисто французские. Хотя скорее всего этот Жорж при рождении был Георгием, и Георгием минимум лет сорок своей жизни оставался. Я таких видела уже несколько человек в разных странах. Похожи они друг на друга, бывшие советские журналисты-международники, я имею в виду тех, кто на контору работал. Не знаю, сколько было чистых журналистов среди них, но большинство, по-моему, кто с КГБ, кто с ГРУ сотрудничал.

А когда все рушиться начало в Союзе, корпункты стали сокращать, им же обратно неохота было ехать — привыкли тут, страшно назад, в бардак и бедлам. Вот у кого завязки были, кто просидел уже в стране с десятков лет, тот и смог остаться — кто-то сам зацепился, кому-то контора помогла. Ну вот и они ей в ответ помогают — делают что просит. Кто-то из таких вот журналистов-конторщиков в свое время статьи за меня писал, мной подписывал и пристраивал в американские и европейские журналы — и сейчас, если есть нужда, то же делают.

Как этот Жорж, который собрал все, что нужно мне будет написать, — хотя опыт у меня есть и в собирании фактов, и в написании, все же я сюда приехала за другим. А тут уже готово все. Мне только переписать осталось своим языком. А потом тот, кто дал мне заказ, запихнет этот несомненно интересный материал в свой журнал. А я сделаю ксерокс присланной мне статьи и подколю ее в свой, так сказать, портфолио. Если кто-то когда-то заинтересуется мной, то вот оно, подтверждение высочайшего моего профессионализма и необходимости разъездов по миру.

Он мне понравился, Жорж. Встречал меня с табличкой с моим именем и букетом цветочков — маленьким, но от того не менее приятным. Вежливый такой, галантный, обходительный. Отвез сначала в гостиницу, неплохой уютный отельчик на четыре звезды в тихом спальном районе, потом заехал опять и повез показывать квартиру, которую снял для тех, кого мне предстоит встречать. От гостиницы пять минут езды, неплохие апартаменты, гостиная и четыре спальни.

От него я и узнала, что встречать предстоит двоих, — но больше ничего. Он, видно, больше и сам ничего не знал. Любит контора такую запутанность — казалось ведь, могли его использовать, коль скоро он все равно здесь живет. Но нет, дергают меня из Монреаля, потому что Жорж этот выполняет совсем другие функции и, возможно, вообще толком не при делах.

Ну и ладно. Я вопросов стараюсь не задавать — раз так, пусть так и будет. Да и некому их задавать — я после заданий возвращаюсь, как правило, обратно в Канаду, в Москве бываю максимум раз в три месяца, инструктаж перед делом мне редко дают, это что-то экстраординарное должно быть. Обычно тот, кого я встречаю, дискету привозит или целый диск — включайте, мисс Анна, компью-

тер и читайте, что там хочет от вас ваш шеф. А так живите в неведении — и блаженствуйте.

В общем, он показал мне все, отвез в кар-рент, где я старенькую «Рено-19» взяла в прокат, и обратно до отеля проводил, дабы с дороги не сбилась. И в ресторан пригласил — отведать знаменитый марсельский буйабес, суп из десятка сортов рыбы и морепродуктов. Не отказывайтесь, мол, Анна, — я-то уж знаю, где настоящий буйабес готовят, а побывать здесь и его не попробовать есть настоящее преступление.

Действительно вкусно оказалось — особенно с легким красным вином. И вечер хороший получился — тем более в таком обществе. Посидели, поболтали о том о сем, преимущественно о местной жизни, которой я не знала и основные детали которой были для меня важны — районы, магазины, цены, рестораны, все такое. Ну и передал мне все, три или четыре пространных статьи и даже иллюстрации к ним.

Я еще подумала, что в принципе можно было огород не городить — и статейки хоть завтра отослать в тот журнал штатовский, который по инициативе кого-то из конторских помощников меня сюда направил. Но конспирация есть конспирация — пусть месяц ждут, пока я тут якобы буду собирать материал, который на самом деле давно собран. Да и вряд ли так уж нужны журналу статьи на эту тему — специально придуманные для того, чтобы я здесь оказалась. Точно так же их могла бы и Токийская биржа заинтересовать, и добыча опалов в Австралии, и коррида в Испании. И рано или поздно их либо какое другое издание заинтересует материал о московской жизни — так примерно месяца через полтора заинтересует, если ничего экстраординарного не произойдет.

Хороший получился вечер. Но, как я и предполагала, он не появлялся больше — только позвонил предуп-

редить, что те, кого я должна встречать, прилетят на три дня позже. Я, признаться, не огорчилась — некуда было мне торопиться, а жить и не думать о завтрашнем дне я давно научилась. Ну а одиночество мне уже стало куда приятнее чьего-то общества. Я, в конце концов, последние два с половиной года прожила в полном одиночестве — если не брать в расчет регулярные поездки по миру — и получала от этого максимум удовольствия.

Общения мне на выездах вполне хватало — большего не надо, потому что с моей работой отношение к людям вырабатывается соответствующее. Длительные связи опасны, друзья не нужны, а все, кто тобой интересуется, подозрительны. Периодические чисто деловые контакты по работе, возникающие ненадолго и обрывающиеся навсегда, и разовые сексуальные контакты, преимущественно с людьми совершенно посторонними, — самое оно.

В общем, я не скучала. Изучала город, осваивалась на местных дорогах, пару раз с трудом избежав на узенькой, мощенной булыжником улочке, ведущей от гостиницы к центру, лобового столкновения с автобусом, занимающим всю встречную полосу и половину моей. Кучу времени проводила в кафе и ресторанах — недорогих, естественно, дорогие мне не очень интересны, я от них еще в Москве устала. Да и ни к чему напрягать бухгалтерию лишними и ничего мне не дающими расходами, когда в любом маленьком ресторанчике имеются сыр, вино, морепродукты, паста. Тем более что кухня здесь не классическая французская со всеми ее сложностями и наворотами — а средиземноморская, ближе к испанской и итальянской. А я и в Монреале в основном в итальянских ресторанчиках питаюсь — ненавижу гамбургеры, куриные крылышки и прочий фаст-фуд. И если готовлю сама себе изредка, тоже итальянское

только. И запиваю вином, благо в Монреале выбор гигантский и цены приемлемые.

Он странный город, Монреаль, — но, если честно, я к нему привыкла за два с половиной года. В феврале 97-го уже три будет. Сначала он мне жутко нравился, после Москвы-то, а потом показался серым и скучным. Даже не слишком любимая мной Америка стала милей, и я жалела, что не в Нью-Йорк попала. А там сказала себе, что выбор был не мой, — нужно им, чтобы я сидела именно в этом городе, значит, тут и буду сидеть.

А им, конечно, удобно — гражданство мне тогда сделали чуть ли не за месяц-полтора, а плюс выгоден очень канадский паспорт, почти по всему миру без виз можно разъезжать. И получается, что, с одной стороны, я вроде от Москвы далеко — девять с лишним часов лета, — а с другой стороны, могу в любую минуту вылететь почти в любую точку мира, и время не надо терять на бюрократическую возню. А до Нью-Йорка мне вообще час лететь — поэтому частенько меня туда посылают. А может, у них планы какие-то есть далеко идущие, может, они тут планируют бизнес какой-нибудь основать — и уже свой человек есть, который присмотрит, возглавит и все такое.

Ладно, черт их знает, какие у них планы — может, завтра сообщат мне, что отныне я буду жить в том же Марселе. Запросто.

Я, кстати, уже день на третий подумала, что, возможно, была бы не против такого перевода. Достаточно тихо, достаточно уютно. И магазины неплохие — наткнулась даже на платье от любимого своего Тьерри Мюглера. И ухватила тут же — благо цена приемлемая. Черное, на «молнии» спереди, со странным кармашком на рукаве — на первый взгляд какой-то комбинезон рабочий, а присмотришься, так сразу видно, что дорогая супермодная вещь.

Мюглера я люблю куда больше всех остальных. Одежда, духи — только от него. В целом, наверное, слишком броский получается вид — но у меня ведь нет задачи выглядеть незаметной. Это изначально было невозможно, потому что я рыжая, а рыжие везде в глаза бросаются. А когда я начинала в конторе серьезными делами заниматься, никаких париков в Союзе в помине не было. Шеф, правда, косился несколько раз задумчиво на мою голову — но потом сам заметил, что это хорошо, что я выделяюсь. Потому что никто и не сообразит, кто я такая.

Ну какой, к чертовой матери, я агент конторы? Приятная невысокая рыжая девушка — точно знаю, что вдобавок сексуальная, хотя кое-кто еще и уверяет, что красивая. Никаких широких плеч, железных кулаков, следов физической подготовки, намеренной маскировки — ну абсолютно.

Так что выделяться мне совсем не запрещено, а даже как бы и разрешено. Тем более за границей, где я не серенькая домохозяйка, а одинокая журналистка, раскатывающая по всему свету и просто обязанная привлекать к себе внимание тех, с кем ей приходится сталкиваться. Кому охотнее дадут интервью — невзрачной зажатой уродине или рыжей привлекательной девице в красивом костюме и высоких сапогах, кокетничающей и смеющейся беспрестанно, раскованной и смелой, даже нагловатой временами? Кого пустят туда, куда не пускают других? Кому помогут даже самые строгие представители власти? То-то и оно.

Короче, я неплохо тут проводила время, в Марселе. И вовсе не стала бы возражать, если бы выяснилось, что те, ради кого я тут, задержатся еще на пару недель. И не скрою, что эта мысль у меня не раз мелькала, когда я стояла в аэропорту, рассматривая выходящих с только прилетевшего парижского рейса. Не сразу уви-

дев остановившийся на мне взгляд — такой, словно сквозь оптический прицел рассматривают, цепко ухватив и никуда не собираясь отпускать. Почувствовав его, когда обладатель этого самого взгляда был шагах в десяти от меня. И сразу поняв, что это ко мне.

Конторские, если только они во внешней разведке не работали, не сидели резидентами по многу лет за границей, лично мне сразу заметны. Западники расслабленные, свободные — а эти напряженные, и сколько бы самоуверенности на себя ни напускали, напряженность сразу чувствуется. Хотя ведь вроде лучших в контору забрали из тех, кто служил когда-то государю, — но один черт видны.

Ну вот и этот был виден. Собранностью, сосредоточенностью, готовностью к выполнению задания, с которым сюда приехал, — словно ему прямо сейчас предстояло начать его выполнять. И я улыбнулась неуверенно — я ведь не знала на сто процентов, что это он, — и смотрела, как он идет, коротко стриженный высокий парень лет тридцати трех — тридцати пяти. Где-то сто восемьдесят восемь рост, плюс-минус пара-тройка сантиметров, крепкий, здоровый, килограммов на девяносто пять тянет, если не на сотню. В толстом однобортном синем пиджаке, черной водолазке и черных же брюках.

А вот второй, который шел за ним, был явно чужой — маленький, худощавый, в джинсовом костюме и расстегнутой на груди джинсовой рубашке, из-под которой толстая золотая цепь издалека была видна с какой-то солидной блямбой, то ли крестом, то ли медальоном. Но похоже, что, несмотря на всю свою разнородность, они были вместе — потому что первый второго явно контролировал, может, поэтому и показался мне таким напряженным. Он не оглядывался на него, хотя тот шел чуть позади, но всем телом своим его пас, всеми клетками.

Я не успела вдуматься во все это — они были уже рядом.

— Мисс Анна? Мистер Головин сказал, что вы нас встретите, — произнес первый заученно, каменно так, и мне показалось сразу, что с языком он не в ладах. — Он передал вам несколько экземпляров журнала с вашей статьей — и письмо. И благодарность за вашу готовность помочь, мисс Анна.

— Скорее мадемуазель. Ну мы же во Франции — значит, мадемуазель, — пояснила с улыбкой, подтвердив свое предположение относительно его лингвистических способностей. Дратся и стрелять, следить и организовывать диверсии он, безусловно, умел куда лучше — а язык в него просто вдолбили, он его, так сказать, задницей взял, зубрил ночами ради продвижения по службе. И он для него как был чужим, так им и остался — и вдобавок явно не нравился ему, сковывал, как водолазный костюм. — Лучше просто Анна. И можно по-русски, если хотите — хотя мой русский далек от совершенства. Люблю практиковаться — но не с кем...

— Владимир. — Он кивнул коротко так, стопроцентно по-офицерски.

— Леха, — встрял второй, рассматривая меня оценивающе, ухмыляясь развязно. — Ничего Анна, а, Вов? Хороши у вас, Вован, работнички — я думал, мужик будет вроде тебя, а тут такую встречу организовали...

— Секунду. — Владимир отвернулся к этому, подтолкнув его слегка, кивком показав, чтобы шагнул назад, шепнув что-то недлинное, но точно внушительное. Буквально через минуту поворачиваясь обратно с немного виноватой улыбкой: — Извините, надо было уточнить кое-что.

— Да, да, конечно, — кивнула с очередной западной улыбкой, прекрасно поняв, о чем шла у них речь. Сразу

ведь ясно было, что маленький этот, который Леха, совсем не конторский — а значит, не должен знать, что я при делах. Вот Владимир, видно, ему и сообщил то, что должен был сказать еще в самолете, — что я просто иностранка обычная, бывшая русская, живущая давно за границей, а то и родившаяся здесь от эмигрантов. Которую главный редактор одного московского журнала, абсолютно далекий от конторы, ни о чем не подозревая, попросил встретить их и помочь тут освоиться.

Обычная легенда для таких ситуаций — необходимая для моего спокойного пребывания за границей и очень полезная зачастую в работе. Потому что неконторский, вылетающий на Запад в сопровождении конторского, его, как правило, остерегается, а то и ненавидит, а во мне начинает видеть союзника, доверенное лицо и возможного помощника. И объект для приставаний — которому в силу неофициальности его положения можно рассказать то, чего другим не расскажешь. Например, о том, что где-то есть у него записанная на подставного человека недвижимость, о том, что фантастически богат, кучу денег перевел в такой-то банк, и если я помогу тихо перевести эти деньги куда-нибудь в другое место, то часть из них гарантированно моя.

Но в любом случае маленький этот на бизнесмена, которого сюда привезли, чтобы деньги вернул, тут спрятанные, совсем похож не был. И одет не по-бизнесменски совсем, хотя костюмчик джинсовый от Версаче и ботинки хорошие — а вот сумка дерьмо, дешевая, явно не его.

Владимир шепнул ему что-то после фразы про машину — и тот хмыкнул только. У них такие странные были отношения, совсем мне непонятные — обычно сопровождаемый опасается контролера, а то и всерьез боится. А тут, похоже, контролер куда больше дергался, словно переодетого и замаскированного тщательно внука

президента сопровождал. А сопровождаемый вел себя намеренно нахально и развязно. И держался абсолютно уверенно — и вид был такой, словно это он был контролером. Контролирующим и Владимира, и меня. И всех окружающих заодно.

— Вы бывали раньше во Франции? — Я говорила с ними очень грамотно, так иностранцы говорят, хорошо знающие русский — с соблюдением всех грамматических правил, так что язык их сразу по ушам бьет, поскольку не разговорный он, а литературный. И еще я говорила медленно, как бы подбирая слова, как бы переводя каждую фразу с английского на русский, прежде чем ее озвучить, — и с акцентом, несильным, но заметным. И интонации были чисто западные, русскому языку несвойственные. Я, в конце концов, в Москве столько с иностранцами работала, что копировать их русский было проще простого. — А здесь, в Марселе, вы тоже не бывали никогда раньше?

— Не! — Он весело мотнул головой, ему нравилось все, ну абсолютно все. — В Италии был — она ж рядом тут?

Владимир, на которого я в этот момент смотрела в зеркало заднего вида — интересно было увидеть, как он реагирует на наш разговор, — закаменел лицом, чуть подавшись вперед.

— В круизе был — по Средиземке: Греция, Италия, Турция, Испания. В Таиланде был, — продолжил этот, только ухмылка стала пошире. — Была в Таиланде, нет? Во страна — обалдеешь! Девчонки косоглазые на каждом шагу — сами лезут, только отбивайся. Тут, кстати, как с этим?

Я непонимающе пожала плечами.

— Ну девки, понимаешь? — Он изобразил в воздухе женскую грудь. — Путаны? Классные путаны?

— О! — отреагировала неопределенно, затем решила, что лучше смутиться. — Не знаю. Вы интересуетесь этим вопросом?

— Да уж интересуюсь. Ты б знала...

Владимир хлопнул его по плечу, опять же пытаясь сделать это незаметно для меня.

— Вот Вовка не хочет — жена у него, да, Вован? Нельзя ему. А мне — надо...

— Смени тему, — донеслось сзади.

— Ой, Вовка, Вовка! — Маленький укоризненно покачал головой. — Ладно, сменим. Да, слушай, мне б одеться надо нормально — не то мы тут торопились с вылетом...

Сзади многозначительно кашлянули, и маленький довольно хохотнул, словно ему доставляло удовольствие злить контролера.

— Короче — завтра с утра прям съездим туда, где бутики есть. Версаче знаешь? Ну Версаче — да знаешь, сама, гляжу, одета классно. А я Версаче люблю, только его и ношу.

Это было приятно слышать — пусть в Москве твердят, что Версаче есть не что иное, как униформа для новых русских, мне он самой нравится. Красивые вещи. Не в моем стиле — но тем не менее. Кроме русских, его, между прочим, куча западных знаменитостей носит — которых в тупой безвкусице не обвинишь. Так что выбор его я полностью одобрила — равно как и комплимент. Ненужный, но показывающий, что он разбирается в женской одежде.

— Да, разумеется, в Марселе есть множество бутиков. Мы обязательно их посетим. Вы должны решить, когда вам лучше это сделать, и я вас буду сопровождать. Я ваш гид.

Я снова улыбнулась. Не то чтобы мне нравилось улыбаться по поводу и без — но я привыкла быстро вжи-

ваться в роль. Это раньше тяжело давалось, и я нервничала и, когда не получалось что-то, сбивалась, тряслась, напрягалась — а тут я еще в аэропорту сказала себе, кто я и какова моя функция. И что-то незаметно щелкнуло внутри, когда объявили о прибытии рейса, — и я стала туповатой приветливой эмигранткой или дочкой эмигрантов, которой никогда и в голову не придет, кого ее попросили принять и развлекать. Которая рада помочь чем может.

— Ну раз гид, так слушай, что говорю — завтра и поедем!

Голос его в мгновение стал резким и жестким, и я посмотрела на него непонимающе. Потом уже подумала, когда узнала о нем кое-что, что он тогда внезапно заподозрил что-то и решил меня проверить — и стоило бы мне вдруг сбиться с акцента или отреагировать в том же ключе, в котором была произнесена его фраза, то понял бы все с ходу. А может, просто хотел сразу поставить все на свои места — как принято в его мире. Но в любом случае я тогда не знала, кто он, и в любом случае покупаться не собиралась, и просто посмотрела на него, распахнув глаза — а потом быстро оглянулась на Владимира, уже успевшего хлопнуть маленького по плечу.

— Повежливей, Алексей.

Тот дернулся вперед, освобождаясь от легшей на плечо руки — полубрезгливо, полуиграя.

— Да ты че, Вован, — все ж нормалек. Да, Ань? Ань! Заснула, что ли?

— О, вы спрашиваете меня? Меня зовут Анна. Мисс Анна, мадемуазель Анна, просто Анна — вы можете обращаться ко мне как удобно. Понимаете, Алексей?

Я и в самом деле ненавижу всякие уменьшительно-ласкательные от моего имени — они мне кажутся идиотски крестьянскими. Все эти Аннушки, Анюты, Аньки

и тому подобные. И всем, кто меня знает, это хорошо известно, а остальным приходится объяснять. Желательно подходчивее — чтобы больше не коробили мой условно нежный слух.

— Как скажешь.

Он по-прежнему ухмылялся, он был королем в этой ситуации, и стало понятно, что проблем с ним будет хоть отбавляй. Меня не смущал его лексикон — обычная для многих прибалтийская смесь, модный в России язык. Настолько модный, что нормальные люди, я имею в виду, по-настоящему авторитетные и высоко поднявшиеся, на нем не говорят, их речь куда культурнее — а вот многие не имеющие к криминалу никакого отношения с удовольствием вплетают в речь все эти «в натуре», «за базар ответишь», «сесть на измену» и тому подобное. Короче, дело было не в лексиконе, тем более что он говорил достаточно грамотно, без акцента и мата.

Но поведение его было странным, и я не могла понять, кто он. В который раз себе сказав, что он точно не бизнесмен. Правда, бизнесмены — они разные бывают, есть такие, что фигура борца-тяжеловеса, «мать» через слово, пальцы веером, но опять же бизнесмен. И тем не менее он был не из них. И совсем не лох — он не глазел по-идиотски по сторонам, не отпускал необычайно остроумных замечаний насчет проезжающих мимо машин, проходящих по улицам женщин и по другим значимым поводам.

Мне не хотелось гадать. Достаточно, что я уже поняла, что он пассажир непрстой. Хотя и не догадывалась, насколько непрстой...

2

— Еще кофе, мадемуазель?

Молодец, заметил, что пуст большой кофейник в гостиничном ресторане, из которого я пыталась нацедить третью уже по счету чашку.

— С удовольствием.

Он расцвел прямо, улыбчивый молодой парень, черноволосый, смуглый, скорее итальянец, чем француз. Впрочем, я таких тут уже немало видела, в Марселе — сказывается, видно, близость моря.

— Может быть, хотите покрепче — настоящий французский?

— Это было бы восхитительно!

— Лично для вас мадемуазель, — произнес так, словно объяснялся мне в любви, ставя передо мной маленький блестящий кофейник.

— Спасибо. — Я улыбнулась ему благодарно, оценив жест. Приятно — мелочь, а приятно.

— Если вам надо что-то еще...

— Благодарю вас, я непременно к вам обращусь...

— Тьерри.

— Спасибо, Тьерри...

Он отошел неохотно, оглянулся на меня, скрылся за дверями служебного помещения, кухни видимо. Оста-

вив меня одну в пустом просторном зале. В шпионском фильме я должна была бы последовать за ним, и улыбнуться ему загадочно, оказавшись на кухне, и приложить палец к губам — и, убедившись, что больше там никого нет, вытащить непонятно откуда пистолет с глушителем и выстрелить в тот момент, когда он, закрыв глаза, ждал бы нежного поцелуя. Ну а что еще делать с агентом ЦРУ, замаскировавшимся под официанта? Но это был не роман, и у меня не было пистолета, и ЦРУ я была неинтересна, и стрелять ни в кого не собиралась.

Хотя в принципе это действительно могло показаться подозрительным — такое внимание. Мой новый друг Владимир точно бы что-то заподозрил. А вот я — нет. Они тут вообще приветливы, на Западе — на улицах и в магазинах, в самолетах и в ресторанах, и особенно в гостиницах. Ну понравилась я ему, а может, просто настроение хорошее, вот и все дела. Ну пусть запомнит — мне-то что? Все равно быстро забудет. Гостиница хоть средних размеров, но народу живет немало — и сколько перед ним людей каждый день мелькает?

Конечно, я немного выделяюсь среди общей массы постояльцев. Завтракаю по крайней мере позже всех — в десять. А с приездом этих теперь спускаюсь в ресторан к девяти. Могла бы и вообще не завтракать — слишком люблю поздно ложиться и поздно вставать, — но по пробуждении мне необходим кофе, а искать поблизости кафе лень. К тому же подопечные мои встают слишком рано и теоретически ждут моего приезда — так что приходится ставить будильник на восемь. Душ, минимум косметики — губы только и глаза чуть подвести, сделав их максимально круглыми, мне так нравится в последнее время, — ну и одеться. С учетом того, что у меня с собой один костюм, кожаные джинсы, вечернее платье на случай и плащ, выбор невелик. И на

завтрак. Где к девяти уже пустота, ну максимум один человек. Круассан с огромного белого блюда, стакан апельсинового сока из высокого кувшина, а потом уже кофе.

Утренний кофе для меня ритуален. И думать о чем-либо за питием его не люблю. Вот и сейчас выкинула из головы услужливого Тьерри, глядя на тихую пустую дорожку перед отелем. На два четырехэтажных дома метрах в пятистах — не частные особняки, но многоквартирные, хотя, очевидно, недешевые, и квартиры явно большие и удобные. На освещенные солнцем лужайки, чисто вымытые, сверкающие машины у гостиницы. Спальный район — ни магазина рядом, ни какой-нибудь заправочной станции, даже дорога в стороне, метрах в трехстах отсюда, тут ее не слышно. И ни души — кто дома, кто на работе, кому тут бродить, собственно?

Я закурила, сделав первый же глоток лично для меня заваренного кофе — вытащив из прямоугольного кожаного футляра короткую тонкую сигарку, точнее, сигариллу. Тоже характерная моя примета. Издалека, правда, не поймешь, что это, — может, тонкая коричневая сигарета типа «Мор», «Дюмон» и тому подобных. Только вблизи запах чувствуешь сигарный. Хотя я даже в самолете, где сигары курить запрещено, сигариллы курю спокойно.

Так что примета, конечно, характерная — как и рыжие волосы и любовь к Мюглеру, — но ничего тут не поделаешь. Нравится мне эта ставшая частью натуры привычка. Приобретенная, кстати, под влиянием иностранца. Был кубинец один, Рауль — не Кастро, правда, — стажировался в Высшей школе КГБ в 89-м, полгода я с ним работала. Правда, работа своеобразная — он меня хотел все время, возбуждала его, видно, рыжая девица с очень белой кожей. Так что большую часть времени мы в постели проводили. И это при том, что опыт работы у

меня уже был дай Бог, и я от секса уклонялась сколько могла, и так часто, как можно. Это когда-то сразу отдавалась, как только клиент проявлял желание, — думала, что откажу, а он обидится — и все, ничего не получится.

А к тому времени, когда Рауля мне поручили, уже знала, что к чему, и тем не менее. Встречаться каждый день готов был — а как встречаемся, чуть ли не сразу ко мне. Уж на что он гулянки любил — у них там целая кубинская община была в высшей школе, и кажется, что ни вечер, так праздник, выпивка, танцы, девицы, — так и от них стал отлынивать, лишь бы ко мне. Я уже сама ему говорила: ну пойдем лучше к твоим, посидим, ты ведь сам раньше меня таскал к ним все время — а он ни в какую. Говорила, давай пореже, ни к чему часто, ты ведь иностранец, вдруг заложит кто из твоих, и у меня неприятности, и у тебя — тоже не проходило. Если по его, так лучше каждый день, и лучше сразу ко мне, и лучше на всю ночь. И как ни старалась отлынивать, минимум дважды в неделю он у меня ночевал.

Страстный ужасно был, уже вроде и сил у него нет, а все целует, гладит. И снова возбуждается, и все заново. Таких я больше никогда не встречала. Не то чтобы жалела когда-нибудь об этом — все же это слишком, по пять-шесть часов подряд сексом заниматься. Но он мне нравился. На вид не особо впечатляющий — невысокий, худенький, и ниже пояса ничего примечательного, — а в постели просто олимпийский чемпион. Постоянно изобретающий все новые и новые правила соревнований.

Вот это от него — сигары. Ни ром кубинский, ни приторные банановые и ананасовые ликеры меня совершенно не устраивали, а вот сигары полюбила. Сначала чисто защитная мера была — он курил все время, даже в постели в редких перерывах, а я задыхалась от этого дыма. А потом подумала, что надо самой их курить — ведь у меня и с сигаретами то же самое, не тер-

плю, когда-то курит рядом. Ну и ничего, привыкла. Настолько, что даже влюбилась в них. И он пришел в восторг, и за полгода меня ими завалил просто. Денег особо не было, они ж нищие там, на Кубе, и я это знала и сама отказывалась от подарков и походов в ресторан — так он меня сигарами осыпал так, что мне на два следующих года хватило. Специально для меня своим, кто оттуда прилетал, маленькие тоненькие сигарки заказывал. Вот с тех пор только их и курю.

А вот сейчас я смаковала гондурасскую сигариллу, характерного для этой страны темного цвета, почти черного — любуясь собственной рукой с черными ногтями. Приятно жить на свете, черт возьми. И собой полюбоваться тоже приятно. Я вообще сама себе очень нравлюсь — да что там скромничать, люблю я сама себя. Куда больше, чем когда-либо смогу кого-нибудь полюбить, — хотя, признаться, сомневаюсь, что способна на это чувство по отношению к кому-либо.

Так что жутко приятно было выпить хорошего кофе в пустом ресторане и посмотреть на красивую тихую улочку. И снова, как каждое утро, вспомнить, что я молода, привлекательна, сексуальна. На чей-то взгляд, даже красива — хотя опять же слово оставляет меня равнодушной, может, потому, что я сама себе знаю цену, лучше чем кто угодно. И покурить было приятно — особенно под по-настоящему крепкий кофе, с особым привкусом, потому что французы зерна жарят дочерна, как правило.

И тут наткнулась взглядом на арендную свою «рено», припаркованную справа от входа, — совершенно случайно наткнулась, тут же отвлекаясь от пустого созерцания и сладких ощущений. Вспоминая, что сегодня уже пятый день, как они здесь, и ничего пока непонятно, и сегодня я должна выяснить наконец, кто такой этот Алексей.

Я удивилась тому, что мне не передали из Москвы дискету, как было заведено. Только письмо на бланке одного крупного журнала — в котором главный редактор, судя по письму, не раз встречавшийся со мной, просил оказать содействие двум его близким знакомым, принимающим самое активное участие в финансировании журнала. И радовался тому, что так совпало, что я лечу во Францию как раз тогда, когда туда едут его люди. И, осознавая мою занятость, просил помочь им освоиться и сообщал, что пары недель на Марсель им хватит, а потом выражал надежду, что я смогу свозить их в Париж, если мне самой надо будет побывать там по работе. И наконец, сообщал мне, что у меня очень интересные компаньоны, которые в обмен на помощь расскажут мне много интересного о России. И все.

Не знаю, заподозрил бы что-нибудь посторонний, но, по-моему, текст был безобидным. Он скорее был отмазкой для меня — на крайний случай, — чем инструктажем. Разве это инструкции — через две недели после их прибытия поехать с ними в Париж, а плюс вытянуть из Алексея максимум информации? Маловато для инструктажа — просто недопустимо мало.

Я сразу подумала, что дискета была, но с ней случилось что-то. Не то что Владимир ее забыл или потерял — за это головы отрывают. Но ему могло померещиться нечто подозрительное на парижской таможне, а конторские дискеты хитро устроены — одним незаметным движением можно сделать так, что она осыплется и никто ничего с нее не считает, каким бы компьютерным гением он ни был. В конторе спецы по технике дай Бог — куда хочешь влезут, в любую сеть — за те-то деньги, что им платят.

Так что я посмотрела на него вопросительно, ожидая признания в том, что дискету он испортил, — но он молчал.

— И это все? — спросила его удивленно, покосившись на принесенную с собой сумку с так и не вытащенным из нее ноутбуком. Позволив ему заглянуть в текст письма, хотя до этого взглядом показала, что это для меня послание, и, прежде чем читать, подождала, пока он отойдет. Мы буквально минут пять как приехали — я специально захватила с собой ноутбук, когда отправилась их встречать, и завезла их на квартиру и, когда маленький удалился в душ, тут же посмотрела со значением на Владимира. И тут-то он и протянул мне письмо. И я какое-то время переводила недоуменный взгляд с него на бумагу.

— Все. — Он пожал плечами, и вид был такой, словно он считает, что с меня этого достаточно. — А что еще-то?

Я просто посмотрела на него — молча, ничего не пытаясь передать, зная, что он поймет, что я хочу ему сказать этим взглядом. Глупо было бы объяснять, что я не девочка. Что я, считай, девять лет в конторе и видела людей повыше и похлеще, чем он, и все в таком духе. Это было бы глупо — он, наверное, тоже не мальчик был с улицы, наверняка много чего было у него за плечами, иначе бы не взяли его в контору. И вполне естественно, что он сюда приехал, считая себя главным, — я ведь и не претендовала на главенство, хотя, проколись он, спросят и с меня. Но знать, зачем они здесь, я была обязана. И потому молча на него смотрела.

И он молчал. Может, решил для себя, что я любовница кого-то из конторы, не постоянная, а такая, которую можно периодически вытаскивать в любую страну, когда сам туда приезжаешь. Или бывшая любовница,

или жена, которую просто бросить опасно и нежелательно, или чья-то дочка. Я ведь и в самом деле непохожа на суперагента — и на женщин, имеющих отношение к конторе, тоже непохожа.

Ну вот и он, видимо, пришел к этому выводу. И заключил, что доверять мне стремно, потому что я все загублю. Я слышала, что такое бывало раньше, и в КГБ, и в ГРУ, когда посылали в резидентуры сынков и внучков, которые творили черт знает что, раскрывались сами и раскрывали других, заваливали операции и все такое. А может, он решил, что у меня другая специфика работы — чисто постельная, — так что и знать мне ничего не надо?

— Я жду, — напомнила через какое-то время, глядя ему в спину, слыша шум воды в ванной.

— А чего ждать? — Он даже не повернулся. — Все, что надо, тебе передали — а дальше делай что говорю, и все дела.

Произнесено все было корректно — видно, он боялся все же, что у меня есть свое влияние на кого-то из начальства, — но твердо.

— Во-первых, Владимир, стоять к женщине спиной невежливо. Особенно во Франции, — произнесла медленно и отчетливо. — Во-вторых, в вас и без этого русского за милю видно. А в-третьих, если вы такой умный, — сейчас останетесь в одиночестве и сами себе будете говорить, что делать дальше. А я сегодня же передам, что вы отказались от помощи и, на мой взгляд, вы слишком нервный, а потому ненадежный. И чем быстрее вас отзовут, тем лучше, потому что работать за границей вам нельзя, выделяетесь слишком. Я понятно выразилась — или повторить по-русски?

Я специально говорила по-английски — мне так удобнее. Да и кто знает этого маленького, может, он тихонько выполз уже и слушает вовсю?

Это был блеф, конечно, — в том плане, чтобы звонить в контору. То есть я могла в случае нужды и иногда так делала — но только если был очень серьезный повод. А тут я все должна была выяснить сама — иначе что обо мне подумает шеф?

— Ну и начало! — Владимир соизволил повернуться наконец, и на лице была смесь плохо скрытой злости и деланной виноватости. Он совершенно не умел им владеть, лицом — может, потому, что слишком тяжелое оно было. Черты грубые — массивный нос, толстые губы, брови густые, мощный подбородок. — Иметь дело с женщиной!

Фразы, чисто английские, должны были звучать соответственно, с экспрессией — в него же они явно были тупо вдолблены, потому прозвучали сухо и безэмоционально. Это было смешно — с учетом того, что он произнес их специально, чтобы продемонстрировать мне, что вовсе не лох, и за границей и сам может общаться, и с языком у него все в порядке, как и со всем прочим. Но я не улыбалась.

— Итак?

— Не торопись — я ведь только приехал. Поговорим, конечно, — вечером. Или завтра.

Он точно наслаждался своей главностью — похоже, его в конторе слишком долго и мощно прессовали, так что жутко захотелось хоть немного, хоть с кем-то побыть начальником.

— Сейчас.

Плохо он умел скрывать эмоции — я даже подумала, что, может, он женоненавистник, домостроевец, может, жена или подруга ему изменила. И, решив, что раз так началось все у нас, то сейчас и следует разобраться, определиться, кто есть кто, я намеренно медленно села в кресло, двинув его к стене так, чтобы сразу увидеть,

когда появится второй. Так же медленно закинула ногу на ногу, вытащила сигариллу и поднесла к ней зажигалку. Прикуривая долго, словно процесс доставлял мне удовольствие. И в самом деле любуясь огоньком, вырвавшимся из кусочка серебра.

— И?..

— О, кайф! Ну в натуре кайф! Ты прикинь, я ж нормально мылся знаешь когда? — Маленький буквально влетел в гостиную, застыл, заметив меня, может, думал, что я уже ушла. И стоял голый. Даже не думая прикрываться полотенцем, которым тер голову, взъерошивая короткие волосы. И смотрел на меня так, словно пытался смутить или шокировать — интересна ему была моя реакция. И я подыграла, произнесла короткое «О!» и отвернувшись. Мне показалось, что пока лучше так. А потом посмотрим.

— Ну ты как девочка, Ань... Анна, — поправился тут же. — Слушай, ты не замужем сама-то? Да и это — как тут с девчонками? Видишь, парень молодой, красивый, все при нем — на отдыхе как такому без девчонок?

— Выйди, Лех, — услышала голос Владимира, но шагов слышно не было, тот стоял на месте. Подтверждая странность их отношений и явное ненамерение подчиняться приказам.

— Да ладно, голых мужиков не видела она, что ль? У них тут на каждом шагу стриптизы мужские, журналы порно и для мужиков, и для баб. Вон в Италии... Ладно, тоскливый вы народ. А девчонок, Анна, давай искать — прям сегодня и давай...

В общем, в тот день было не до разговоров — наедине мы уже не оставались. Равно как и в три последующих. По той простой причине, что из квартиры они вообще отказались выходить. Точнее, Владимир отказался за них двоих.

Я, честно говоря, даже не поняла сначала. Когда маленький выскочил в голем виде и потом убрался, я сказала сразу, что пойду, вернусь через час где-то, когда они себя в порядок приведут с дороги, — а если часа им не хватит, то попозже. Я очень приветливой и вежливой была после произнесенных жестких слов — кнут и пряник, на мой взгляд, есть лучшее средство. Я ему показала, какой могу быть, если что-то не так, — пусть теперь снова увидит, что я могу быть такой, какой была, когда их встречала. Пусть дальше видит мою приветливость и мягкость — но если опять возникнут недоразумения...

— Отвезу вас на обед. Тут есть один прекрасный ресторан, подают традиционное блюдо, буйабес. Не пробовали, Владимир? С красным вином — восхитительно. Посидим, подумаем, что будем завтра делать, обсудим планы на ближайшие две недели...

— Во-во — давай в кабак! — выпалил маленький из соседней комнаты — я говорила по-английски, но слово «ресторан» он, судя по всему, понял. — По городу прошвырнемся, посмотрим, че тут вообще, какое движение — ну че происходит в смысле. А попозже к девчонкам. А завтра по магазинам — не то я вообще голый. Во, смотри!

Он снова зашел в гостиную, по-прежнему без одежды.

— Да не, не отворачивайся — мне ж в натуре надеть нечего. Я вон у вас... в гостях, — кивнул он в сторону Владимира, — и то белье каждый день менял. А тут в суете этой вообще без всего прилетел.

— Вам будет достаточно одного часа, чтобы собраться? — Я уже была в дверях, когда это сказала, чисто формальный вопрос. И остановилась, услышав непонятное:

— Да нет, не поедем мы. Никуда не поедем. Леха простыл вон, температура у него — и вообще нам с ним поговорить надо кое о чем, и...

— Ты че? — Маленький поперхнулся прямо. — Не, ты че гонишь, а?

— Иди, иди! — Владимир, стоявший прямо за мной, подтолкнул меня к двери. — Поесть привези только — «Макдональдс» тут есть? Вот оттуда и привези. И воды еще. Ну давай, Анна. Давай — ждем!

Он буквально выставил меня, в самом деле немного подтолкнув. И запер за мной дверь — на оба имевшихся замка плюс ключ, — оказавшуюся слишком толстой, чтобы что-то доносилось сквозь нее. Я постояла какое-то время, надеясь услышать что-нибудь, — но, как ни напрягалась, кроме неразборчивых голосов, которые теоретически могли исходить и из телевизора, ничего не слышала.

В машине я сказала себе, что это нормально. Что он просто хочет поставить маленького на место, объяснить ему, как надо вести себя со мной. Тот нуждался в разъяснениях, это было бесспорно. И лишение его выхода в город на этот вечер должно было оказаться действенной мерой. Но только на этот вечер. Потому что суть акклиматизации не в том, чтобы сидеть в квартире, а совсем в обратном — в том, чтобы как можно больше времени проводить в городе, привыкать к местной жизни, запоминать какие-то фразы и детали. Даже если сделать что-то предстояло в Париже — им все равно надо было освоиться во Франции. Тем более что ни один из них тут не бывал.

Однако на второй день все повторилось. Я из-за них специально встала рано, отметив еще про себя, что Владимир так мне и не позвонил. Хотя я ему оставила номер мобильного — гостиничный не дала, не стоит, а мобильный еще в первый день взяла, хотя и не воспользовалась ни разу. Даже проверила, не отключила ли случайно, — но нет, все в порядке было.

Тем не менее я собиралась так же неторопливо, как и обычно. Ну не звонят, их проблема, а я вовсе не планировала из-за отсутствия звонка нарушать привычный темп жизни — и час ушел на сборы, а потом кофе пила внизу минут сорок. И только подумала, выходя из отеля, что интересно, каким языком и тоном теперь будет разговаривать наш низкорослый друг. И усмехнулась, представив, что он заговорит со мной на чистом английском. Или все же на русском, но необычайно манерно: «не изволите ли вы», «будьте так добры», «хотел обратить ваше внимание на тот факт, что» — примерно так.

Ошиблась. Мне даже дверь внизу не сразу открыли, пришлось назваться раз десять и целую речь произнести, весело выкрикивая, куда они делись и хватит им спать, потому что так всю жизнь можно пропустить, и все такое. В дом меня наконец впустили — но не в квартиру. Так что маленького я вообще не увидела, только Владимира, беседовавшего со мной на площадке.

— Не надо ничего — привези поесть, как вчера. Только побольше, чтобы на весь день хватило. И воды побольше — минералки. И пиво не покупай — он не пьет, а мне ни к чему. Да, и сигарет купи — «Мальборо». Не то кончились у меня. А ему сладкого — просил. Привези — и все, отдыхай. Завтра утром встретимся...

Он захлопнул дверь прежде, чем я успела вставить что-то. Ни здравствуй, ни прощай — довольно по-хамски, особенно если учесть, что я не обслуга. Но я разных видела и в разных ситуациях бывала — и к тому же он был мне безразличен, мы встретились ненадолго и максимум через месяц должны были расстаться навсегда, я редко сталкивалась второй раз с одним человеком. И потому обижаться не собиралась.

Назавтра, то есть позавчера, все повторилось — один в один. И вчера тоже. С тем лишь исключением, что я

еще и вечером к ним заехала — что-то не нравилось мне в этом. К тому же он так и не звонил ни разу, и я набрала сама, я знала номер телефона. И с полчаса так набирала, слыша всякий раз частые короткие гудки. А потом поехала.

— Ты чего? — Владимир явно недоволен был моим появлением. — Завтра утром приезжай — сразу привози еду и все.

— Я звонила...

— А... Не работает что-то. Да нет, не нужен мастер — некому звонить. И тебе не надо. Завтра привози как всегда. Привет!

— Вы не забыли, о чем мы говорили в первый день?

Он уже был ко мне почти спиной — и сейчас остановился, услышав вопрос, недовольно покосился на меня. А потом обратно на дверь.

— Да помню. Все расскажу — куда торопишься?

И поспешно вошел в квартиру — словно что-то такое могло произойти за время его минутного отсутствия. Вот и весь разговор.

Если честно, то меня устраивало такое положение вещей. Мне совершенно не хотелось светиться рядом с ними — хотя я и не догадывалась о характере задания. Я приезжала к порту, в самый центр, бросала машину на стоянке и шла гулять. А часа в два-три устраивала себе ленч — большой салат из морепродуктов с одним бокалом белого вина. А в семь-восемь — настоящий обед, который растягивала часа на два, а то и побольше, выпивая бутылку вина и заказывая несколько чашек кофе с десертом. После обеда еще прогулка, разумеется, — хотя средиземноморская кухня считается в мире самой полезной и сбалансированной и калорий в блюдах не так много, лишний вес ни к чему.

А к десяти-одиннадцати уже возвращалась в отель. Если было настроение, еще вина заказывала в баре — я

же во Франции, где вино есть национальный напиток, пьют все, каждый день и помногу — и какое-то время проводила там.

Раньше я понапряженнее была, когда в другую страну на задание выезжала. Плейер с собой брала обязательно и кучу дисков, пару-тройку книг на английском, штук пять — десять толстых журналов — чтобы отвлекаться, расслабляться, ни о чем не думать. А со временем куда спокойнее стала. Научилась абстрагироваться безо всяких подручных средств — даже спиртное, как вот вино здесь, пью чисто для удовольствия, а вовсе не для того, чтобы забыться.

Так что первые четыре дня их пребывания здесь я старалась о них не думать. И вот сейчас, утром пятого дня, ощутила слабое, но все же беспокойство. Словно то ли предчувствие, то ли интуиция подсказывает, что не все так просто и будут проблемы. И мне это не понравилось, это было совсем лишнее. А значит, нужно было немедленно вернуть себе спокойствие — выяснить, кто такой Алексей и что им предстоит сделать.

Только и всего...

3

— Только и всего?

Я произнесла это довольно равнодушно, хотя, признаюсь, внутри было совсем другое. Я на самом деле была ошарашена тем, что услышала, — может, потому и удалось так легко скрыть эмоции.

— А что, мало? — В голосе Владимира было не изумление, нет — обида. — Если мало — на тебе дискету. Я специально не давал, чтобы раньше времени не запаниковала, — там все о нем, вообще все. Тебя жалел, между прочим, — живешь тут чистенько, по миру мотаешься, думаю, выложу ей с ходу все, ей же плохо станет. Ну раз хочешь — почитай на досуге, дополни картину...

Он был со мной дружелюбен. Вынужденно. Потому что я стала свидетелем сцены, которую видеть была не должна — по его мнению.

Он встретил меня как всегда на площадке. Я в соответствии с нашей договоренностью из отеля поперлась в «Макдональдс», накупила там всего — шесть биг-маков, шесть двойных чизбургеров, шесть филе-о-фиш, четыре пакетика куриных наггетсов, шесть пакетиков с картошкой, шесть пирожков с яблоками, два огромных коктейля, молочный и шоколадный. Прямо-таки ленч для небольшой фирмы. Плюс в машине лежали купленные

по пути две бутылки эвиана и колы. Вот такое ежедневное меню на двух взрослых мужиков. Которым, правда, я то ли во второй, то ли в третий день привезла несколько замороженных пицц — микроволновка в квартире была — и еще всякого по мелочи, типа орешков, чипсов, жевательной резинки.

Интересно, что подумает человек, который пятый день видит девицу, поднимающуюся в одну из квартир с полным пакетом с большой желтой буквой М? Что она больна булимией — выезжает с утра за едой, возвращается, запирается и жрет как слон, не отводя бессмысленного взгляда от телевизора и вытирая жирные пальцы прямо о себя? Или что заперла в квартире незадачливого любовника, которого насилует так, что только десяток гамбургеров и может восстановить силы? Что она террористка, поселившая в снятой квартире сообщников из Палестины и подкармливающая их перед решающим актом самопожертвования?

Я не оглядывалась по сторонам, не смотрела на окна ни этого дома, ни соседнего, стоявшего метрах в ста пятидесяти. Я знала, что из одного из этих окон может наблюдать за мной какой-нибудь детектив на пенсии, которому нечего делать. Или просто подозрительный старикан, начитавшийся шпионских романов, которого насторожит девица в кожаном — ведь кожаная одежда есть неотъемлемый атрибут террористов, нацистов и иже с ними.

Не стоило об этом думать — в самом плохом случае я могла удивленно сказать, что знакомый журналист из Москвы, узнав, что я собираюсь во Францию, попросил помочь в качестве гида двум его знакомым. Все ведь чисто — и у меня, и у этих. Так я считала — потому была спокойна. Знала бы то, что узнала полчаса спустя, — наверняка озиралась бы.

Визит начинался традиционно. Я нажала на кнопку домофона и, как всегда не слыша никакой реплики за- таившегося Владимира, произнесла несколько раз свое имя — игриво напомнив, кто я и что принесла. А через минуту буквально была у их двери. Как всегда нажав несколько раз на звонок и снова представляясь — даже не злясь на такие глупые и слишком многоступенчатые предосторожности. Даже не собираясь спросить его язвительно, не потому ли он так долго рассматривает меня в глазок, что думает, что кто-то записал мой голос на диктофон и надел маску, точно скопированную с моего лица.

Мне показалось, что я услышала что-то, подойдя к двери. Какой-то шум. Конечно, это мог быть телевизор, по которому передавали что-то типа борьбы, кетча или бокса, — и они так засмотрелись, что не открывали мне дольше, чем обычно. А когда открыли наконец, Владимир, даже не выходя, просто протянул в коридор руку за пакетом с едой. Но я отступила назад.

— Доброе утро, Владимир. — Рядом никого быть не могло, тут на площадке было по одной квартире, и я говорила по-русски, но с очень заметным акцентом. — Может, вы соизволите выйти? Или мне оставить вас без еды?

— Да я... — Он замялся, раньше этакое не было, и это сразу бросилось в глаза. — Да я из душа...

— Значит, я войду к вам — и обещаю на вас не смотреть, пока вы не оденетесь. Вам это может показаться странным, но мне уже доводилось видеть голых мужчин — в кино, разумеется, — так что вряд ли я открою для себя что-то новое. Но даже если вам есть чем меня шокировать, обещаю не падать в обморок...

— Отдай пакет — и до завтра!

Скажи он это по-другому, может, я так бы и сделала — но мелькнувшее меньше часа назад предчувствие заставило поступить по-другому.

— Или я вхожу, или вы выходите — или...

Кажется, он выругался — тихо, почти неслышно бросил что-то резкое в пол. И, приоткрыв дверь, протиснулся сквозь нее, тут же плотно закрывая ее за собой, подпирая спиной, словно страшный зверь там остался. Который сейчас должен был предпринять попытку вырваться на волю.

Вид у него был странный. Он в майке был и спортивных штанах, но какой-то помятый и взъерошенный, и потом от него пахло сильно — и почему-то краснело пятно на скуле. Я бы еще подумала, что он спал, отлежал щеку, — даже могла бы согласиться с тем, что во сне можно вспотеть, но ведь не настолько, чтобы на всю площадку пахло. Тем более якобы после душа.

— Да мы тут — ну, тренируемся немного. — Молодец, сразу понял, что я заметила что-то. — Так, слегка — не то без занятий тяжело, а выйдешь на пробежку, так забежишь еще куда, заблудишься тут. А так...

Потный, помятый, голос вздрагивающий, будто он и в самом деле вышел ко мне из спортзала после солидной нагрузки и пытался восстановить дыхание, чтобы говорить ровно. Нормально прозвучало, и пятна на руке, на предплечье — пятна-вмятины — смотрелись в свете сказанного нормально. Но вот только вмятины скорее от зубов были, чем от ногтей, и нос отчего-то стал побольше, словно распирал его какой-то гигантский чих. И как только я увидела это, тут же увидела и припухлость на виске, и содранную кожу на костяшках кулака, и слишком красное ухо.

— Здоровый образ жизни — это прекрасно! — Я закивала многозначительно, отчетливо видя его плохо скрываемое желание побыстрее меня выпроводить. — Это превосходно. Я очень рада за вас. Да. И поэтому я бы хотела узнать о ваших тренировках поподробнее — прежде чем о них узнает полиция от ваших соседей снизу.

А потом те, кому это будет еще интересней. Так что оставьте вашему спарринг-партнеру пакет — если он еще жив и у него остались зубы, чтобы жевать, — а мы с вами спустимся вниз и побеседуем. После чего вы сможете к нему присоединиться — тренировки отнимают столько сил, что подкрепиться просто необходимо...

— Я... — Он оглянулся на дверь еще раз, и уже видно было, что я пробилась сквозь его защиту, и он опасается меня и ненавидит, но все равно сделает то, что я скажу. — Слушай, давай потом? Завтра...

— Нет.

— Ну как ты не поймешь?.. — Он снизил голос до такого тихого шепота, что я еле слышала, стоя от него в пятидесяти сантиметрах. И так пришлось подойти, потому что он шептал с самого начала и озирался — и ему становилось все дискомфортнее не только оттого, что я его застала в явно неподходящий момент, но и потому, что мы беседовали здесь, где теоретически мог появиться кто-то еще. — Ну не могу я его оставить — понимаешь? Не могу...

— Что ж, там будут рады это узнать...

Я отвернулась и шагнула к лифту. Не сомневаясь, что он меня остановит. Потому что будь я даже полной дурой, мне бы стало очевидно, что происходит что-то незапланированное — и ему совсем не надо, чтобы контора была в курсе.

— Ладно, заходи.

Я остановилась, постояла так немного, как бы колеблясь, — а потом сделала еще шаг к лифту.

— Спасибо — я недостойна такой чести.

— Анна!

Перегибать палку дальше не стоило. И я повернулась, пожала плечами — ладно, мол, уговорил — и вошла. Протиснувшись мимо него, намеренно придерживавшего меня

в коридоре немаленьким своим телом — ему не хотелось, чтобы я оказалась в квартире раньше его. Но ему все равно надо было закрыть дверь — разумеется, на оба замка и ключ, — и я обогнула его и прошла в гостиную. Не заметив ничего такого — разве что одно кресло было развернуто к стене, но это могло быть и намеренным действием.

— Подожди!

Он буквально метнулся ко мне, но я уже открыла дверь в ближайшую спальню. Опять же ничего такого не заметив — если не считать лежавшего вниз лицом на кровати Алексея в разорванной у шеи майке, со связанными за спиной руками, плотно скрученными в щиколотках ногами. И, судя по наличию полукруга скотча на затылке, с заклеенным ртом. А так ничего особенного.

Он, видно, услышал что-то — начав переворачиваться. Но не успел — я поспешно шагнула назад, тихо прикрывая дверь, проходя мимо стоявшего за моей спиной Владимира, — и, вернувшись в гостиную, подняла с пола перевернутую пепельницу, оставившую под собой гору окурков, села в кресло и закурила. Медленно выдыхая вкусный дым и глядя в окно. Пока ни о чем не думая — просто ожидая рассказа. Не повернувшись, даже когда услышала, как он разворачивает второе кресло и садится в него тяжело и чиркает зажигалкой.

Я не пыталась искать никаких объяснений тому, что увидела. Не пыталась ничего анализировать. И потому была спокойной. И просто сидела и курила. А когда сигарилла кончилась, так же неспешно, по-прежнему глядя в окно, вытащила вторую — вдруг вспомнив, что собираюсь изменить привычке никогда не курить одну за другой. А привычки для меня важны, я консервативна — и попытка им изменить означает, что, несмотря на внешнее спокойствие, внутри не все так гладко. И я сунула сигариллу обратно в портсигар — видимо, пыта-

ясь обмануть саму себя, — и, приподнявшись с кресла, пошла в коридор, уже у дверей услышав шаги сзади.

— Ты куда?

Мне не хотелось отвечать. Я вытащила из привезенного мной пакета бутылочку с «Перье» и свинтила ей тонкую шею. Все это время чувствуя, как он неотрывно смотрит мне в спину.

— Ну ладно, давай разговаривать. — Он сказал это, только когда я выпила всю воду и закурила наконец еще одну сигарку. — Ты ж хотела разговаривать, чего молчишь теперь? Ну спрашивай — что хотела знать?

Я мотнула головой:

— Уже ничего. И вообще мне пора, наверное. Приятно было познакомиться. Другу своему большой привет — заочно. И Москве тоже. Хотя не надо, им я сама передам — минут через двадцать.

Ему не понравилось упоминание о Москве, это точно. Но он сам был виноват — чего мне было его жалеть?

— Да что ты понимаешь-то? — выпалил зло. — Ты знаешь, что он меня убить хотел? Что я вторую ночь не сплю толком, потому что эта тварь пообещала, что задушит, как только засну. Ты вообще знаешь, кто он такой?

— Простите? — Я сделала вид, что не услышала. — А, вы об этом... Нет, не знаю — и не хочу. Мне все равно. И вообще мне уже пора.

Он произнес всего несколько фраз — очень весомо и значимо. И снова шепотом — хотя глупо бояться весьма маловероятных микрофонов после всех реплик, которыми они обменивались в мое отсутствие. А я молча слушала. И, когда он замолчал, произнесла:

— Только и всего?

Вот он и выдал мне короткий обиженный монолог — видимо, на его взгляд, я должна была охать и ахать, и, может быть, даже падать в обморок, и уж наверняка смот-

реть на него с плохо скрываемым восхищением. И пихнул мне в руки дискету, которую не отдал сразу. На которой, видимо, и было самое главное. И которую он мне сейчас предложил почитать на досуге. И снова заговорил. Может, и вправду опасаясь, что я сейчас уйду, поеду к себе, чтобы изучить то, что на ней, — и оставлю его одного. В идиотской ситуации, в не лучшем настроении и с явным подозрением, что, вместо того чтобы читать дискету, я звоню в Москву и говорю, что он все запорол.

Я не ушла — я сидела и внимательно слушала все, что он говорил. Если честно, то было ощущение, словно меня придавили к креслу — потому что я ждала чего угодно, только не такого. И теперь лучше было выслушать все — чтобы потом проанализировать. Хотя и так уже было ясно, что ситуация, в которой я оказалась, очень плохая. Настолько, насколько может быть плохо.

Он замолчал снова, лишь периодически кидая реплики, дополняющие рассказ — но не фактами, эмоциями в основном. Вдруг разозлившись на мою внешнюю безэмоциональность.

— Ну что молчишь? Повторить, что ли?

Я наконец перевела глаза на него, увидев вопрос на его лице — вопрос, что я буду делать дальше. И может быть, даже вопрос, что делать ему.

— Сходите в душ, — ответила, прежде чем спохватилась, что он ведь на самом деле ничего не спросил. — Пожалуйста. Тут пахнет, как в спортзале, а я все-таки женщина. Сходите — я никуда не уйду. А повторять не надо — у меня хорошая память...

И, глядя, как он какое-то время смотрит на меня непонимающе, а потом встает и выходит, с невеселой усмешкой подумала, что, может даже, было бы лучше, если бы память у меня была плохая. Мне так легче было бы сейчас — намного...

4

Нет, у меня действительно очень хорошая память. С детства читала очень много. Да и тренировки постоянные были. Иностранный язык учить — лучшая тренировка.

Так что потом, когда я в конторе проходила специальные курсы в конце 91-го — начале 92-го, все навыки игодились. Был там спец один, старорежимный такой, может, еще в сталинском НКВД служил. И приемы у него были старомодные, в куче книг описанные. Например,ходишь в комнату, в течение тридцати секунд осматриваешься, а потом отворачиваешься и описываешь обстановку вплоть до мельчайших деталей. Высота потолка, цвет штор, что лежит на столе, сколько горшков на подоконнике — все.

Еще тесты были на запоминание текста написанного и на слух, лиц, имен и фамилий и адресов и номеров машин — ну и прочие в таком примерно духе. И я без проблем все прошла — отчасти, может, потому, что не слишком серьезно ко всему относилась. И дел иметь с конторой — тем более неофициальной, тем более после того как официальную трягнули в свете августовского путча 91-го так, что обо мне там вообще забыли, — не планировала. Я просто так, в принципе, пришла — просто потому, что не решила, что делать.

Пять лет с конторой работать — это срок, и лично я верила уже, что она меня никогда не отпустит, и за некоторыми исключениями жизнь моя меня вполне устраивала. И конечно, я немного растерялась, когда потом, после путча, она меня отпустила — точнее, забыла о моем существовании, ей не до меня было. И силы у нее были уже не те, чтобы вернуть меня обратно против моей воли, — я так считала. И обрадовалась, что вот он, мой шанс, вот она, свобода. И поспешно уволилась из «Интуриста» — после того как увидела, что памятник Дзержинскому валят. Сочла это за символ — и уволилась.

Но прошло месяца три, и не похоже было, что что-то дала мне эта свобода. Тут как раз бывший шеф мой и объявился — как будто знал, что со мной происходит, и ждал, пока сама созрею. Пригласил на беседу, цивильно все так, в ресторан — где и сообщил, что уцелевший от Феликса постамент в окно больше не видит, но занимается почти тем же. И там, где он теперь, нужны люди вроде меня — образованные, свободно владеющие языком, имеющие опыт работы и знающие специфику.

Он не сразу все это выдал — начал с того, что из конторы ушел, и пригласил меня, просто чтобы в неформальной обстановке пообщаться. Узнать, чем помочь может — ибо чувствует за меня определенную ответственность. Ну и вытянул из меня, что перспектив никаких не вижу, подрабатываю переводами, и лучшее, что может со мной произойти, — то, что я выйду замуж за какого-нибудь иностранца. Сделаю, короче, то, что он мне в свое время сделать не дал.

— Анна, у такой женщины — и такие мелкие планы! — Он возмутился даже. — Ты уж меня извини — мечты, как у валютной проститутки. Ну выйдешь за какого-нибудь середнячка, только ради того чтобы уехать, — и дальше

что? Нет, я не спорю — в чем-то там лучше, чем здесь. Но скучно ведь, Анна, — вот тебе точно станет скучно. Тебе мужчины нужны вокруг, и желательно, чтобы обновлялись почаще, общество нужно, внимание — от тебя же чуть ли не все твои иностранцы в восторге, ты же в интуристовских ресторанах и барах из пяти лет работы провела три. А там муж запрет в доме, и если и выйдешь куда, так только в магазин — да и выйдешь в стареньких джинсах, а не в хорошем платье. Они же скупые, сама знаешь, — и уж особенно с женами. Ему жена за чем — чтобы детей рожала и еду готовила, за домом ухаживала. А из тебя, прости, домохозяйка, по-моему, не очень — убежден, что готовить ты не умеешь, и, пожалуйста, не говори мне из чувства противоречия, что научишься. Не твое это, Анна. Кстати, будь я кинорежиссером, на роль примерной жены, домохозяйки и матери я бы тебя ни за что не взял...

Он был прав тут — я действительно привыкла к другому существованию. Пять лет в «Интуристе», с постоянными мотаниями по стране, жизнью в уютных гостиницах, поездах и автобусах, с беспрестанным флиртом с иностранцами и их вниманием, завтраками, обедами и ужинами в хороших ресторанах и вечерами в барах. Я и вправду не умела готовить, а в моей квартире — уютной двухкомнатной квартирке в Ясенево, куда меня прописала контора, и не из милости, а потому, что им так было выгодно, — царил бардак. Пусть художественный, на мой взгляд, но все же. И мне нравилось быть независимой морально и материально, я плохо представляла, как можно жить с кем-то и от кого-то зависеть.

Но в любом случае та жизнь кончилась, я сама завершила ее, уволившись, — а новая еще не началась. И если честно, я уже подумывала о том, чтобы вернуться в «Интурист», к прежнему существованию — потому что

то, как я жила сейчас, уступало тому, что было, — только без участия в нем конторы. И это мое намерение — я уже внушала себе все чаще, что надо вернуться только затем хотя бы, чтобы найти подходящего для замужества иностранца, — опять же подтверждало его правоту. Но я предпочла обидеться:

— Ну естественно, на таких, как я, не женятся, это вы правы. Роль шлюхи, которую вы мне в свое время навязали, бесспорно, мне подходит лучше...

Он посмотрел на меня так, словно видел насквозь и понимал, что обида наигранна.

— Анна, ну зачем ты так? Я совершенно не хотел тебя задеть...

Что ж, по крайней мере он не напомнил, что я пять лет играла эту роль именно потому, что в какой-то момент добровольно легла в постель с интуристом. Зная, что это запрещено, — но как-то в это не вдумываясь. Он мог бы напомнить — и это, и то, что никто не заставлял меня ни с кем спать, когда я работала на него. Иногда это подразумевалось, иногда нет — но он никогда не относился ко мне как к глупой девице, которая годна только на то, чтобы под кого-то ее подложить. Короче, как к проститутке. Каковой я, в общем, и не была.

Да, поначалу, в первый год работы, я сама шла на близкие отношения с нужным иностранцем — опасаясь, что иначе он утратит ко мне интерес и ничего я от него не добьюсь, — но потом, со временем и с опытом, начала оттягивать сближение. Часто даже подсовывала нужному интуристу валютных путан — они ведь тоже в большинстве своем были конторские, не то чтобы там работали, но делали что скажут, если у конторы была в том нужда. Вот я и знакомила такого интуриста с, так сказать, подругой — найдя кучу объяснений тому, почему при всей огромной симпатии к нему, при всем

влечении, которого, естественно, не было, я сама не могу вступить с ним в близкие отношения. «Может быть, как-нибудь потом» — обтекаемая утешительная формулировка, произнесенная низко и хрипло, сопровождаемая соответствующим взглядом, глаза в глаза, действовала безотказно.

При этом я знала, естественно, что девяносто пять процентов этих «как-нибудь потом» останутся пустышкой — хотя я буду принимать знаки внимания, приглашения в рестораны, соглашаться на посиделки в баре до позднего вечера. И кокетничать, изредка становясь серьезной, признаваясь, что рада бы познакомиться со всем близко — но если об этом узнают, то лишусь работы. А с немногими избранными — либо наиболее важными для конторы, либо наименее поддающимися обработке, либо самыми приятными — будет все. Но это было мое решение.

Так что полуискусственная обида моя в самом деле была справедливой лишь отчасти — и я оценила, что он не стал ни о чем напоминать. Он вообще был тактичен и внимателен — с самого начала. И, что было очень важно, всегда вел себя со мной как с очень важной и значимой сотрудницей — не скупясь на умные похвалы, очень мягко указывая на ошибки, ненавязчиво давая советы. И не пошлил — и не выпрашивал во всех подробностях о моих постельных отношениях с тем или иным иностранцем, как делали в его отсутствие другие.

И никогда не вел себя как начальник — хотя те, кто заменял его, когда он был в отпуске или в командировках, именно так себя и вели. И никогда ничего от меня не требовал — в смысле постели, — хотя, естественно, мог получить все, особенно в самом начале нашего сотрудничества, когда я была не в том положении, чтобы ломаться и отказываться. Мне казалось, что я ему нрав-

люсь, я слышала от него немало комплиментов — но дальше никогда не заходило.

Это было странно — он был приятный мужчина, на пятнадцать лет меня старше, всегда аккуратно и хорошо одетый, недешево и со вкусом, и наверняка пользовавшийся вниманием, и я не сомневалась, что он не может не любить женщин. Я, помню, даже как-то поддела его — я проработала с ним где-то год, и как раз накануне уехал один американец, с которым я провела тут две недели, который мне очень понравился и которому очень нравилась я, который искренне приглашал меня к себе, обещая найти работу в Штатах, если я захочу. И у меня началась депрессия, потому что я думала о том, что никогда никуда не поеду, навсегда останусь здесь и так и буду работать в «Интуристе» на контору, пока мне не исполнится тридцать — мне тогда думалось, что это уже глубокая старость, — после чего меня вышвырнут вон, как старую потасканную проститутку, которой уже никто не соблазнится.

Так что мне было плохо, и тут он меня вызвал, то есть назначил встречу в городе, потому что в самой конторе мы встречались, очень редко, — и, как обычно при встрече, восхитился моей внешностью, отметив, что мне очень идут облегающие джинсы и яркая помада. На что я заявила, что обманывать меня не надо, я знаю, для чего я ему нужна и кто я для него и его организации. А он не ответил резкостью на резкость, хотя по идее я ведь не имела права с ним так говорить, — и сказал удивленно, что и в самом деле считает меня очень привлекательной и даже красивой. А то, что я иногда делаю по работе, моих достоинств несколько не умаляет — тем более что он понимает несчастных иностранцев, восплававших ко мне желанием.

«Ну вы-то не воспылали!» — так я ляпнула. «Ты так думаешь? — Он посмотрел мне в глаза, показывая, что

мы откровенно говорим сейчас и больше этот разговор не повторится. — Ты не права, Анна. Просто я люблю свою жену — и никогда ей не изменял. Но...» Он не договорил то, что хотел сказать, добавив вдруг что-то про моральный облик чекиста, — свел все к шутке, короче.

Я помнила все это — и, в общем, ценила, потому что он не раз помогал мне. И вступился, когда одна гнида, которая заменяла его как-то, нагло и открыто мне заявила, что хочет убедиться, так ли я неотразима на самом деле — не то что-то не верится ему, что так клюют на меня господа туристы, что выбалтывают то, что не стоит, или совершают поступки, которых не следовало бы совершать. Всяких пошлостей и гадостей наговорил, и все это в грубой форме — и закончил, что раз, мол, квартиру тебе пробили, будешь развлекать в ней тех, кто захочет, потому что возомнила о себе слишком много, надо бы на место поставить, что сегодня вечером и будет сделано.

А я его послала подальше и уехала к одной подруге, жила у нее дней пять, а потом отправилась с очередной группой по стране. А когда вернулась, шеф уже появился — и ему-то я все и выложила. И он не на сторону того встал, как и должен был бы в теории, а на мою — и, предупредив, что человек тот со связями, но безнаказанным такое оставлять нельзя, предложил мне спектакль разыграть. И мы разыграли — я сделала то, что требовалось от меня, и в постели того разговорила на не слишком хорошие по тем временам темы, а шеф его в итоге подставил. Да так, что его понизили сначала, а потом и выперли к черту.

Так что я все это вспомнила сейчас, сидя с ним в ресторане — но не обольщаясь, отдавая себе отчет, что с тем своим коллегой он свел счета с моей помощью.

Да и потом не раз меня использовал, когда для его карьеры это требовалось, — он никогда не настаивал, но обставлял все так, что это просто взаимопомощь. Я помогаю ему — он мне. Я знакомилась с кем ему было надо, привлекала к себе внимание, делала то, что требовалось для осуществления цели, — не обязательно сама соблазняла и отдавалась, могла подсунуть лжеподругу, читай путану, — а взамен получала задания попрестижнее, материальные блага, а плюс он закрывал глаза на кое-какие мои дела. И поднимался по служебной лестнице — продолжая меня контролировать, как бы высоко ни поднялся. Не знаю, что уж он там начальству говорил — он меня давно уже должен был передать людям рангом куда ниже, — но я оставалась с ним.

Вот и сейчас он объявился явно не просто так. И хотя пока разговор шел вокруг да около, хотя он был как всегда предельно вежлив и внимателен, я понимала, что мы не просто так встретились, что я ему нужна зачем-то. И потому упрямо повторила:

— Ну конечно, роль шлюхи — единственная, которую я могу исполнять.

— Анна, я тебя прошу — перестань играть! — Он расхохотался, и я не смогла сдержать улыбку. — Мы ведь оба знаем тебе цену, верно? К тому же я мог бы предложить тебе роль куда интересней.

— Сводницы?

— Нет, Джеймса Бонда женского пола. — Он посмотрел на меня, пытаясь определить, какой эффект произвели слова. Он был хороший психолог, я это знала. — Мисс Джеймс Бонд, выполняющая важные задания, получающая очень приличные деньги. Как и ее мужской прототип, занимающаяся любовью только с тем, с кем захочет. Лицензия на убийство тебе не нужна. А обаяние, знания и опыт у тебя и так есть. Что скажешь?

Он снова рассмеялся, показывая, что это шутка, — и к деловому разговору мы больше не возвращались, обо всем и ни о чем шла речь, и мне было с ним хорошо и весело, и я уже не хотела задумываться о смысле встречи. В какой-то момент вдруг решив, что он и в самом деле нашел меня из личного интереса, чтобы сделать то, чего хотел пять лет, но не мог из-за опасений сломать карьеру. А вот теперь, когда карьера сама завершилась, обо мне и вспомнил.

Это было лестно — он был приятный мужчина, очень приятный. И мы посидели так часа три, а потом он предложил меня подвезти и поднялся на чашечку кофе, предложенную вполне обдуманно. И кивнул на предложение налить виски, у меня была как раз бутылка «Ред лейбла» в баре, и потягивал его, смакуя, и не торопился уходить, я это видела.

И тогда все и произошло. И не важно, что это было не слишком хорошо и не слишком долго — для меня это морально было куда важнее, чем физически. Потому что он знал, чем я занималась, и вот выяснилось, что его это несколько не смущает — для него это такая же работа, как его собственная. Потому что это показывало, что все его комплименты, сказанные мне за пять лет, были искренними — а для меня это почему-то имело огромное значение.

Он быстро ушел — пошутив перед уходом, что, хотя он уже и не чекист, моральный облик все еще важен, а первая измена жене дается нелегко, — и ни слова не сказал о деле. А потом мы встретились еще. Уже без секса, который лично мне от него был нужен лишь один раз, да и ему, наверное, тоже, — но зато с конкретикой.

Так я и оказалась на этих курсах. Думаю, он заранее, еще как только мы встретились в первый раз, знал, что я соглашусь и курсы пройду, — а я, даже устроившись на

них, все еще думала, что ничего не решила. Что в любой момент могу намеренно все запороть и меня пошлют подальше. Но это ошибка была — потому что, видно, все я решила, просто признаваться в этом себе не хотела. И насчет послать тоже, наверное, была ошибка — никуда бы они меня не послали, потому что кое-что уже я знала. Припутали бы как-нибудь — была бы работа похуже, менее ответственная и денежная и более неприятная.

А если бы и отпустили, то я бы знала до конца своих дней, что в любой момент могут напомнить — причем в самый неподходящий момент. Уверена, например, что, отпусти они меня и выйди я замуж за иностранца, как мечтала тогда, года через два-три, в общем, раньше или позже, кто-то бы набрал мой новый телефонный номер. И предложил бы мне сделать что-то — а в противном случае мой муж получил бы снимки собственной жены в весьма пикантных ситуациях и с разными мужчинами. А может, и видеозапись.

Но тогда к тестам я относилась спокойно, куда спокойнее, чем к институтским экзаменам, — притом что с четвертого курса я знала, что все равно никто меня не отчислит, потому что контора, с которой я вынуждена работать, за меня вступится, нужна я конторе. И именно благодаря спокойствию все тесты и прошла. Хотя были даже такие несовместимые со мной дисциплины, как рукопашный бой, точнее, джиу-джитсу, и стрельба.

Хорошо хоть от меня ничего особо не требовали — выучила я десяток приемов, простейших в исполнении, но эффективных, и тем ограничилось. И со стрельбой так же — провели со мной десятка три занятий и удовлетворились явно посредственными результатами. В конце концов мне другая работа предстояла — мне интеллектом предстояло брать, головой, короче, и женственностью. И в крайнем случае телом. Но никак не пинком в пах и удушением воротником пиджака.

Не скажу, конечно, чтобы это не пригодилось — стрельба и рукопашка в смысле. Увы, бывало. Не на уровне, конечно, перестрелки с десятком вооруженных противников и поединка против пятерых каратистов — куда мельче и несерьезнее. Но я всякий раз говорила себе, что это случайность. Что больше этого не будет никогда.

Да, так это я все вспомнила к тому, что память у меня на самом деле хорошая. И потому весь монолог Владимира в ней остался — по порядку, буквально предложение за предложением.

— Северянин это. — Вот что он произнес, когда я ему сказала, что не знаю, кто этот Алексей. Весомо так произнес, глядя на меня по-особому, словно это была сенсация века. — Леха Север. Что, не слышала?

— Разве я должна была слышать?

Он махнул рукой, словно с идиотом беседовал.

— Леха Север. Киллер номер один Российской Федерации. Ну?

Больной надежд не подавал. И Владимир тяжело вздохнул — сенсации не получалось.

— Слушай. Леха Север, бывший спецназовец, потом мент. Судимость, побег из колонии, с 1990-го — в розыске. Случайно арестован в 92-м. Сбежал. В феврале 96-го во время проверки документов расстрелял пятерых ментов. При попытке скрыться получил тяжелое ранение. В больнице признался в убийстве двух воров в законе, нескольких крупных авторитетов и крутых бизнесменов. И три висяка на себя взял, по которым генпрокуратура работает, — прикинь, под контролем генпрокурора дела! Деятель один, так сказать, общественный, банкир и бизнесмен крупный. Все убийства заказные, организованы и исполнены по высшему классу. Киллер номер один, короче...

«Только и всего» вырвалось у меня, в общем, случайно. Просто он ждал реакции — вот я и среагировала.

Но не так, как он думал, — потому и обиделся, и дискету мне наконец-то отдал. Но тут же рассказ продолжил — куда менее связный, зато более детальный. И я слушала, разумеется, но не так внимательно — я знала, что на дискете все куда конкретнее. И больше фактов, а не эмоций. И потому слушала его вполуха, а сама думала о другом — о том, что уже догадываюсь, зачем они здесь, и никак не хочу поверить, что это происходит со мной. Потому что это задание может стать для меня концом. Концом спокойной жизни на Западе или концом вообще — сейчас не так уж важно. Важно, что это не сон и мне надо искать выход.

И чисто на всякий случай, как бы между прочим, поинтересовалась:

— Он, я так понимаю, по специальности здесь?

Владимир посмотрел на меня внимательно — словно еще раздумывал, гад, говорить мне или нет. А потом кивнул:

— А ты как думала? Его просто так, что ль, из тюрьмы вытащили, бешеные деньги заплатили? Работа как раз для такого профи — и не одна, а целых две.

Я безразлично пожала плечами — да даже реши я показать эмоции, сил на них все равно не было. Внутри пустота поселилась, и все потяжелело разом, все кости и внутренности увеличились в весе, прижимая меня к земле.

— Да ты не волнуйся. Это ж в Париже работа, а до отъезда десять дней еще. — Он вдруг подмигнул мне весело, и голос звучал так, словно он меня успокаивал. Он явно не сомневался, что я в шоке, — и ему это нравилось, потому что так он чувствовал себя хозяином положения. Хотя совсем недавно ощущал себя совсем по-другому. А мне вовсе не хотелось, чтобы он догадался о моем состоянии.

— Значит, он все десять дней так и будет лежать? — поинтересовалась колко и по снова появившейся на лице обиде поняла, что выпад был точным, как раз в болевую точку. И похвалила себя за то, что в такой вот поганой ситуации сохранила самообладание. А раз так — значит, шансы выбраться из этой самой поганой ситуации чистой и невредимой у меня есть. Наверное, есть...

— А что, по-твоему, мне с ним делать?

Я промолчала — это был риторический вопрос.

— Я же тебе говорю — я из-за него две ночи, считай, не спал. Он меня убить пытался. Ну не пытался — сказал, что убьет, подушкой задушит. С него станется, с паскуды. Я его все эти дни вообще из поля зрения не выпускал. Телефон, по-твоему, чего не работает? Я же понимаю, что он позвонить кому-то может — кто-то остался у него в России. И деньги у него там остались — ты представь, сколько ему за работу платили, тем более такого уровня. Я так думаю, что за одного только банкира тысяч двести отдали, а то и триста. А за воров? Ну отстегивал он немного тем, с кем работал, кто слежку организовывал и все такое, — но большая часть-то осталась. Или в Москве — или в банке где-нибудь здесь, а это еще хуже. Он же себе наверняка отходные пути готовил. Не идиот ведь, понимал, что рано или поздно кто-то узнает про его дела — или из своих корешей кто заложит, или посредник сдаст, если выйдут на него и прижмут. Денег-то никто так и не нашел — он следователю заявил, что нету денег, потратил все. Но это ж бред. Где он жил, тоже не нашли — так бы, может, была зацепка...

— И?.. — больше мне нечего было спросить.

— Что «и»? Сорваться он отсюда может — вот что «и»! Паспорт его у меня — у него, оказывается, двойное гражданство было, фиктивный брак с еврейкой, и там

не Северянин он, а Кантор. Когда согласился с нашими работать, попросил телефон, набрал кому-то, на следующий день нашему человеку девка какая-то паспорт передала. Говорит, никто не знает про этот паспорт — когда его взяли, у него другой был, левый, — но девка-то это знала. А может, у него еще какой есть...

Тут он был прав — при наличии денег в Москве и гражданство другой страны купить как делать нечего, и новый российский паспорт на новую фамилию, и загранпаспорт на чужую и с твоей фотографией. И почти любую визу штампонуть в момент. Были бы контакты и деньги.

— Ну вот и представь, — продолжил он, помолчав, может, давая мне время переварить информацию. — Он отсюда сорвется, ей позвонит, а сам заляжет где-нибудь. А она прилетит через день-два с паспортом новым для него. Ему чего, прокантуется он где-нибудь пару дней — без проблем. Почитаешь потом — он такие вещи творил, что это ему раз плюнуть. Дождется ее, и все, ищи его потом...

— Значит, вы будете его в таком виде тут держать?

Я была права. Но он, видно, и в самом деле дошел до грани — и абсолютно не знал, что делать дальше.

— А что? Да ты пойми — он же и в окно скакнуть может, да что угодно. Я тут за ним пятый день хожу — везде, кроме ванной с туалетом, — а он только смеется, сволочь. И свое твердит — поехали в город, одеться надо, в ресторане посидеть, девочек снять. В какой с ним город ехать! Если деньги его за границей лежат, в банке каком-нибудь швейцарском — точно сорвется. Это ж натура такая — посадили, а он с зоны сбежал. Через несколько лет взяли случайно, так он со второго этажа выпрыгнул в наручниках — мент, дурак, вышел, а этот в окошко скакнул и ушел спокойно. Да и из Бутырки чуть

не свалил — была информация, что он там полмиллиона пообещал тому, кто вытащит. Хорошо, что вовремя охрану к нему другую приставили, — а так бы ушел. Значит, и отсюда попробует уйти. А ты с вопросами своими!

— Ладно... — Я пожала плечами. — Ладно. В Париж его в таком виде и повезем. И работу он будет делать связанный. Хорошая мысль! Только я думаю, что если вы его так продержите хотя бы еще пару часов, то в случае, если все же мы поедем в Париж, первая пуля вашей и будет. Вы уж простите, но если он такой профи, то, наверное, может выстрелить побыстрее, чем вы...

— Слышь, езжай к себе, а? Давай-давай. Поговорили и хватит. Рассказали тебе все, и будь довольна. Езжай и почитай там дискетку-то — а потом, может, еще поговорим...

Это было жутко глупо — то, что он говорил, и то, что он делал. Мне казалось, что он и сам понимает идиотизм своего поведения — но упорно не желает это признавать. Здоровый мужик — а ведет себя как ребенок, упрямо твердящий ерунду и знающий прекрасно, что это ерунда. Но тот хоть самоутверждается таким образом, а этот заваливает дело.

Я вдруг подумала, что все дело в том, что он боится. Боится, что Алексей его убьет, когда он будет спать. Боится, что тот убежит. И задание не выполнить тоже боится. Потому что знает, как отнесется контора к тому, если он его упустит.

— Знаете, Владимир, у меня есть мысль. Отдайте мне его паспорт — а ему скажете, что попросили меня абонировать сейф в банке и положить туда конверт, в котором этот самый паспорт и был. И я думаю, что вы можете спокойно спать — никуда он не денется без паспорта. И еще я думаю, что он заинтересован в выполнении задания не меньше, чем вы, — ему ведь обещали за

него заплатить? Сколько бы у него там ни было денег — если они у него и в самом деле есть, — лишних ведь не бывает, верно?

Мысль, такая простая, но почему-то не пришедшая в его голову, кажется, ему понравилась. По крайней мере, он ничего не сказал в ответ.

— Так что у него те же интересы, что и у вас, — а то, что ему хочется нормально здесь пожить, кажется вполне объяснимым. Давайте так — я сейчас уеду, вы его развяжете, скажете, что были не правы и что я скоро вернусь и мы все вместе поедem в город. Свозим его по магазинам, как он хотел, пообедаем...

— И девку ему найдем?

Мне показалось, что он признал уже мою правоту, а сопротивляется просто потому, что моя идея не пришла к нему раньше.

— Обязательно найдем. Думаю, без труда — это же порт, тут уличных проституток не меньше, чем в Москве, да и борделей наверняка хватает. Хочется ему — пусть хоть каждый вечер этим занимается. Только предупредите, чтобы говорил с ними поменьше, сказал, что моряк, поляк или чех, что-нибудь такое...

— Да уж сам догадаюсь.

Я пропустила обиженную реплику мимо ушей.

— Ну так как — решили?

— А если... — Он все еще не желал сдаваться. — А если он ей телефон какой-нибудь пихнет, проститутке? Ну, к примеру, телефон той девки, которая паспорт передавала? Пихнет номер, напишет текст, объяснит на пальцах, что заплатит, если она позвонит, и...

Я не стала смеяться. Наверное, бессонница на него действовала плохо. Господи, такой ведь самоуверенный был — и на тебе, параноик натуральный! Мне самой совсем не улыбалось провалить это дело — понятно, что

контора была бы совсем не в восторге, если бы человек, за освобождение которого заплачены большие деньги, сбежал. Правда, я что-то очень сомневалась, чтобы контора платила свои — эта сумма стопроцентно включена была в устный контракт с заказчиком. Конечно, в случае провала Владимиру оторвут голову — может, и в буквальном смысле, — но тут и моя голова была на кону, моя спокойная жизнь. И лично я ею рисковать не собиралась.

— Хотите — могу переехать к вам. Может, так будет спокойнее?

Я специально это сказала — косвенно напоминая, что он боится оставаться с Алексеем один на один, и рассчитывая, что он откажется. Мне совсем не улыбалось такое соседство — как минимум потому, что я предпочитаю одиночество.

— Да мне и так нормально.

— Вот и прекрасно! — Я улыбнулась ему искусственно, решительно вставая. — Вернусь через час — вам хватит часа, чтобы понять, что я права?

— Через два приезжай! — отрезал он. — А что с этим делать — я еще подумаю.

Я оглянулась, выходя, без слов спрашивая, чего тут, собственно, думать.

— А что — может, кончить эту сволочь, ты как считаешь? — Он явно пытался поднять собственное достоинство, которое, как ему наверняка показалось, он только что уронил в общении со мной. — Кончить и сказать, что отказался дело делать. Как тебе?

Я просто покачала головой и пошла к двери. Я не стала говорить ему, что в этом случае я просто обязана буду доложить начальству — и тогда скорее всего кончат его самого. Ему вряд ли понравились бы мои слова — хотя они были почти стопроцентной правдой...

5

— Добрый день! Как ваши дела? Ваш друг мне говорит, вы тут занимаетесь спортом?

Я улыбалась ему, делая вид, что я совершенно не в курсе, что произошло между ними. И естественно, не в курсе относительно его персоны.

— Имел я таких друзей! — Он сказал это не совсем так, но смысл был этот.

— Простите?

— Хорошие дела, говорю! — Он усмехался, он был доволен и моим появлением, и, кажется, результатом их, так сказать, тренировки. — Ты куда пропала-то? Обещала город показать, по магазинам прошвырнуться, к девчонкам поехать...

— О, я с удовольствием, прямо сейчас, если хотите... — Я разыграла удивление, обернувшись с недоумением на застывшего в дверном проеме Владимира. — Но мне сказали, у вас простуда.

— Да, лечусь вот — видишь? Народное средство есть — пропотеть получше. Вот, считай, и выздоровел. Ну так едем?

— Если вы хотите. — Я снова ему улыбнулась. Я ведь была ничего не понимающая иностранка, пусть и

русского происхождения, но давно уже иностранка. — Я буду рада.

— Да хотим мы, Анна. Но нельзя пока. Алексей болеет еще, — встрял до этого молчавший Владимир. — Не повезло — только прилетели, и тут такое. Бывает же!

Я не поняла, зачем он это сказал, — ведь мы же договорились. Но лицо его было непроницаемым, когда я на него посмотрела. Мне казалось, что он меня понял, когда мы говорили пару часов назад, — но, похоже, он не мог не оставить за собой последнее слово.

— Да здоров я, Ань, — Анна то есть. Не слушай его — слишком уж он заботливый. Пряма маманя родная! — Во взгляде маленького, адресованном не мне, было что-то нехорошее. — Мы ж с ним друзья — я о нем забочусь, он обо мне. Ты знаешь что, Анна, — ты приезжай через полчаса, я его уговорю пока...

Я примерно представляла, каким будет характер их беседы. И какое-то время переводила взгляд с одного на другого, а потом рассмеялась:

— Алексей, я вам... завидую. Я могу только мечтать о такой заботе. А вы, Владимир, — вы фантастически строгий, я не стала бы завидовать вашей девушке или жене. Но... Мне очень жаль — вы приехали, а ничего не видели здесь...

В воздухе висело напряжение — оно чувствовалось, почти осязаемым было. И я знала, что, оставь я их сейчас наедине, все кончится плохо, потому что оба находятся на грани.

— Я буду убеждать Владимира сама! — Я заговорщически улыбнулась маленькому, наклоняясь к нему поближе. — Вы, пожалуйста, уйдите в другую комнату — я буду разговаривать. Женщина это сделает лучше...

Он подмигнул мне в ответ — не так нагло, как до этого. Не скажу, что мы стали друзьями, но контакт установился. И это было важно — потому что между ними двумя контакта не было, а без этого о какой работе вообще может идти речь?

— Итак? — спросила по-английски с некоторой иронией.

Владимир не отвечал. Стоял посреди комнаты и даже не смотрел в мою сторону — стоял боком к двери и голову к ней повернул. Будто думал, что тот, кто остался за ней, либо подслушивает нас сейчас — что в принципе было возможно, хотя в досье ни слова не было о том, что Север знает язык, — либо готовится к чему-то плохому. К примеру, конструирует парашют, на котором собирается вылететь из окна, пока мы тут будем увлеченно беседовать. Или сооружает из подручных средств — хотя даже кухня со столовыми приборами, сковородками и прочими орудиями бытовых убийств была на нашей половине квартиры — какое-то страшное оружие, которым через мгновение уложит нас обоих.

Я не ожидала, что, когда вернусь через два с половиной часа, маленький все еще будет связан. Я это сразу поняла, когда Владимир открыл мне дверь — потому что он снова пытался меня не пустить, хотя попытки были вялыми.

Не могу сказать, что я особо удивилась. За то время, что у меня было, я успела прочитать дискету. Контора как всегда перестраховалась, загнав на пластиковый квадратик пару десятков статей из российской прессы, посвященных отечественной организованной преступности, — безобидный подбор материалов специально для западного журналиста. Только вот некоторые из приводимых там статей явно были написаны кем-то из конторы — специально для меня — и, разумеется, нигде не публиковались.

Дураку ведь понятно, что, пока идет следствие — как оно шло по Северянину до его побега, — никому ничего не сообщается, так что какие могут быть публикации? Утечки, разумеется, бывают, если учесть, какие копейки получают те сотрудники правоохранительных органов, кто сидит не на хлебном месте, приносящем хорошие деньги — типа, скажем, гаишника на дороге, — но на информации, которая в этом случае тоже становится товаром. Не знаю, много ли российские газеты за такую закрытую информацию платят — сомневаюсь, признаться, это ж не Запад, где журналист за сенсацию может такую сумму получить, что легко отстегнет долю с четырьмя нулями своему источнику, — но вот заинтересованные лица выкладывают, без сомнения, солидно.

В общем, несмотря на внешнюю безобидность содержания, на дискете среди десятка статей было два-три оперативных материала. Это можно было понять еще и потому, что текст — как и на дискетах, на которых обычно мне передавали суть задания, — осыпался очень быстро. Почти так же — задание успеваешь прочитать один раз, три минуты есть на прочтение, прежде чем буквы посыплутся, а тут у меня было порядка получаса. Я в компьютерах не спец, не знаю, как уж им удастся так заразить дискету, что ее и не распечатаешь, и не перепишешь, — по крайней мере, специальный диск с антивирусной программой, который мне тоже в конторе вручили и который всегда вожу с собой, восстанавливал нанесенный этой дискетой ущерб в течение часа примерно. А я весь этот час сидела и осмысливала прочитанное.

Так что, возможно, мне не стоило удивляться тому, что, когда я вернулась, маленький все еще был связан. Биография у маленького была впечатляющая — и подвиги, если можно так выразиться, тоже. Он много чего

натворил, Северянин Алексей Афанасьевич, 1965 года рождения, появившийся на свет 11 апреля в Кемеровской области. И способен был на многое. И даже можно было похвалить Владимира за то, что ему удалось его скрутить — хотя и не без труда, все отметины и ссадины, которые я видела, придя к ним утром, были свидетельством того, что ему пришлось потрудиться. Хотя он превосходил маленького по габаритам раза так в полтора — тот рядом с ним ребенком выглядел.

Я не сомневалась, что Владимир из своих тридцати пяти примерно лет минимум пять провел в спортзале и на стрельбище, а еще десять оттачивал в реальных ситуациях то, чему учили инструктора. И наверняка мог ударом убить хорошо подготовленного противника, поразить цель с огромного расстояния и при плохой видимости, и все такое прочее. Однако Северянина, подготовленного куда хуже, он испугался — надломившись чисто психологически, потому что тот по духу оказался сильнее. И то, что он сейчас лежал связанным, это подтверждало.

Он не подарок был, Леха Север. Служил в спецназе ГРУ — снайпер, подрывник, рукопашник, — остался на сверхсрочную. И перспективы были — но в 87-м уволили прапорщика Северянина. Едва под трибунал не отдали за то, что избил офицера. Дело замяли только потому, что офицер сам был не прав, а Северянин на хорошем счету находился — отличник строевой и политической подготовки, обладающий ярко выраженными лидерскими способностями и волевым и сильным характером. Что-то сказал ему офицер неуважительное — если уж в конторе, особенно в бывшей, уважение было не в ходу, то можно представить, как в армии начальники с подчиненными разговаривают, тем более не в штабе, а в войсках.

В итоге начальник оказался в больнице — чудом отделавшись незначительными повреждениями типа сотрясения мозга, сломанных ребер и прочих пустяков, вовремя оттащили Леху. А бывший уже прапорщик — на гражданке.

Одного этого достаточно было, чтобы понять, что за тип этот Север — свободолюбивый, независимый, не желающий никому подчиняться. С немалым гонором — и, как все маленькие ростом люди, с болезненным самолюбием. Непонятно мне было, правда, зачем он с таким характером, вернувшись домой после армии, пошел в милицию, — но, видимо, нравилась ему служба, хотя он явно был к ней непригоден из-за психики. Может, он еще рассчитывал, что удастся как-то подстроиться — может, не знал, чем еще заняться. Года полтора по крайней мере продержался — пока в начале 89-го не сел за изнасилование.

Вот там, в заключении, он себя и проявил в первый раз. Получил восемь лет да плюс на обычную зону кинули — не на специальную ментовскую, а на самую обычную, да еще с такой статьей. Я с криминальным контингентом немало общалась, пока в Москве работала, так что имела представление о том, что такое зона и какие законы в ней. И знала, что там с бывшими ментами делают, рассказывали мне. А тут двойной минус получался — и мент, и плюс статья такая, за которую в зоне опускают, как правило.

Однако, как живописала одна из статей, Леха Север лагерные законы изменил под себя. И в первую же ночь, когда его собирались опустить, устроил поборникам понятий настоящее побоище. И хотя следующие три месяца провел в лагерной больнице — на больничке, как там говорят, — из полутора десятков нападавших целым не остался ни один. А четверо лежали на больничке рядом с Севером.

Видимо, неплоха была подготовка в спецназе ГРУ, раз один человек смог противостоять такой толпе. Причем так противостоять, что победа не досталась никому — и желающих повторить поединок не нашлось. Да вдобавок Леха стоял на ногах, когда появилась наконец охрана — я так думаю, знавшая или уж как минимум предполагавшая, что происходит, не собиравшаяся вмешиваться, появившаяся только потому, что бой слишком затянулся.

И с того момента Леха Север пользовался на зоне безграничным уважением. А потом и непререкаемым авторитетом — после того как при невыясненных обстоятельствах был убит положенец, смотрящий по зоне, то есть человек, осуществляющий контроль за положением дел в отсутствие на зоне вора в законе. Как следовало из дискеты, положенец этот, некто Балда, объявил на весь лагерь, что, как только мент выйдет с больнички, его таки опустят. Потому что закон есть закон.

А вскоре Балду нашли с заточкой в груди — утром обнаружили случайно, когда стали будить мирно спящего. Естественно, никто ничего не видел — и следствие ничего не дало, хотя никто не сомневался, чьих рук дело.

Так что стал бывший мент Леха Север некоронованным королем зоны — вопреки всем понятиям. А в конце 90-го, отсидев почти два года из своих восьми, сбежал. Опять же непонятно как — никто никогда не сбегал из той зоны, в смысле ни одного удачного побега не было. А Север сбежал. В очередной раз доказав, что не жизнь ему диктует условия, а он ей. И продолжал доказывать это и дальше.

Супермен, в общем, — один из тех самых суперменов, в существование которых я не верила, но с которыми мне не раз приходилось сталкиваться и попутно

выяснять, что многие из них совсем не те, кем кажутся. А вот Леха Север, похоже, был именно самым натуральным суперменом. И мне совсем это не нравилось. И Владимиру очевидно, тоже.

Даже начала трудовой, так сказать, биографии Северянина достаточно было, чтобы понять, что это не просто не подарок, но бомба замедленного действия. Которую привез мне взявший на себя ответственность за доставку груза почтальон. Только вот теперь было очевидно, что почтальон свои силы переоценил, — видимо, слишком напрягала его несколько последних дней мысль о том, что под боком у него бомба, вот он и сломался. И начал усердно ковырять бомбу, стучать по ней и поджигать ее, старательно провоцируя взрыв — который как раз почтальона и должен был смести первым. А после него уже и меня.

Глупо было спрашивать сейчас застывшего посреди комнаты Владимира, как контора могла послать такого типа всего с одним сопровождающим. И зачем вообще она его вытащила из тюрьмы, где его убили бы в итоге или откуда бы он сбежал — одно из двух, третьего не дано, вряд ли бы до суда он там дотянул. Они ведь знали о Севере побольше, чем я, — мне, естественно, далеко не все сообщили, хотя и немало. Так неужели не понимали, что контролировать его нереально, тем более одному человеку? Или верили, что он настолько заинтересован в их предложении, что будет вести себя как пай-мальчик?

Задай я сейчас Владимиру этот вопрос, мы бы сразу стали ну если не друзьями, то очень близкими людьми — потому что я не сомневалась, что он сам задавал его себе не раз. Но я предпочла промолчать, не люблю говорить глупости. Тем более, несмотря на то что Север был нашей общей проблемой, каждый из нас был сам за себя.

Только вот Владимир уже надломился, и я представляла, сколько сил ему будут стоять даже еще десять дней в Марселе, не говоря уже о пребывании в Париже. Слишком сильным был и потому надломился — а я собиралась выжить за счет мягкости.

Не победить — но именно выжить. Потому что для меня важнее всего не победа была над кем-то, а моя спокойная жизнь в Канаде, счет в монреальском банке и второй, на Кайманах, вещи от Мюглера, кофе, вино, сыр и секс — то есть то, ради чего стоило жить. А побеждают пусть супермены — победа для них есть смысл бытия.

— Итак? — повторила после затяжного молчания.

— Что — итак?

Ему не нравилось, что именно я подсказала ему идею с паспортом — и не нравилось, что сейчас я настаиваю на единственно логичном выходе. Не нравилось, что сам он так и не решился за два с половиной часа моего отсутствия развязать маленького — и что я настоятельно порекомендовала ему сделать это как можно быстрее. И обставить все так, что приехала я и интересуюсь, где якобы простуженный, желаю свозить его к врачу или в аптеку — и в связи с этим, чтобы я ничего не поняла, им следует примириться и забыть о конфликте, тем более что общее дело впереди. Начать все заново, короче, — и развлекаться те десять дней, что нам предстояло провести в Марселе.

Он ждал другого, когда я появилась. Он думал, что, прочитав все, я буду подавленной и убитой, буду паниковать, спрашивать его, почему такое выпало именно мне и что теперь делать. Он стопроцентно хотел, чтобы я проявила слабость, — и тогда бы он сказал мне, что все нормально, что он лично со всем справится. И пошел бы и развязал Алексея — все равно бы пришлось развязать, но он выдал бы это за высшее проявление собственной мудрости.

А тут все было наоборот. Тут я была трезва и спокойна и настойчиво напоминала, что другого выхода нет, и подталкивала к действию. И он, изобразив наконец, что решение это его собственное и я тут ни при чем, пошел и развязал его. И буквально тут же оба вернулись в гостиную, причем маленький предусмотрительно прикрыл наброшенной курткой рваный ворот майки и наверняка красные запястья.

Но даже в этой ситуации Владимир не смог повести себя нормально — стоило мне начать расслаблять маленького, тут же вмешался, заявляя, что ездить никуда не стоит, вызвав взгляд, полный не злобы даже, а ненависти. И вот теперь, когда я пообещала Алексею уговорить его так называемого друга и убедила оставить на время нас одних, он все еще не мог переступить через себя и прийти к единственно верному выводу. И вдруг взорвался:

— А если он смотает от нас в городе — ты его ловить будешь? А если передаст проститутке телефон девки своей и несколько слов напишет, которые надо сказать? А если?.. — Он запнулся — Отвечать ты будешь, да?

Яростный шепот на русском — неумный ход — был достаточно тих, но я боялась, что тот, кто мог стоять за дверью, в состоянии его разобрать.

— Вы говорите слишком быстро для меня, Владимир, — мой русский не так хорош, — произнесла медленно и не очень громко по-английски, прислушиваясь к звукам из-за двери и ничего не слыша. — По крайней мере, если мы сегодня не выберемся в город, боюсь, что вы его уже никогда не увидите. Ни его — и никакого другого...

Он усмехнулся в ответ. Полагаю, что должна была увидеть в усмешке безумную уверенность в себе, железную волю и отсутствие страха — но, как ни всматривалась, ничего такого там не заметила...

6

— Нет, мне еще воды закажи. Алкоголя почти совсем не пью, серьезно. Вино иногда сухое — но редко очень...

— Алексей, вы во Франции; где еще пить вино, как не тут?

— Вечерком, может... — Он подмигнул в который раз за этот день, достаточно приветливо и весело. — Идет? А сейчас воды — минералки. И без газа чтоб, не люблю пузырьки...

Он заботился о своем здоровье — это я и из досье дискетного знала. Никакого спиртного, изредка дорогое сухое вино, не больше пары бокалов. Явление для криминального мира, в котором многие пьют и сидят на наркотиках, довольно редкое. У меня был один такой знакомый — который вообще не пил, не курил и даже отвергал казино, дискотеки и прочие развлечения, считая их потерей времени. И женщинами почти не интересовался. Человек без слабостей — с дикой жадой власти, которая и позволила ему подняться чуть ли не на самый верх преступной иерархии.

Примечательно, что умер он здоровым — его взорвали в бронированном «мерседесе», каким-то образом подложив мину внутрь, в салон. Каким именно

образом, я была в курсе, но сейчас это значения не имело.

Не знаю, был ли знаком с ним Алексей — тот человек куда выше был по уровню. И не знаю, польстило бы ему сравнение с тем человеком — скорее всего да. Но, разумеется, я не планировала делать ему такой комплимент — я была глупая иностранка, откуда мне было знать таких людей? Я даже слышать о них не слышала.

Да и комплимент был бы не совсем точным. У Севера слабости были — одна слабость. Любовь к женщинам. Из-за которой он и сел, кстати. И которой отличался и в дальнейшем — хотя больше она его не подводила, только помогала.

— Вечером к девчонкам, да, Анна?

Я чуть смущенно кивнула, улыбнулась про себя — не успела подумать, как тут же он эту свою слабость и подтвердил.

— Если захотите...

Мы сидели за столиком в том самом «Мирамаре», в котором я была с Жоржем, — вряд ли это был лучший ресторан Марсея, как он меня уверял, но и не худший. По крайней мере буйабес производил впечатление — и на меня, и на Алексея. Я даже удивилась, что он смог его оценить. Я думала, что он закажет кусок мяса побольше, стейк с кровью, этак по-суперменски, — а он, услышав от меня про популярнейшее в Марселе блюдо, заказал именно его. И похоже, получал искреннее удовольствие от тонкого вкуса — может, и не меньшее, чем я.

Я похвалила его безмолвно. Молодец — приехал в страну, ест то, что в ней популярно. Не то что наш друг Владимир, которому все равно было, что есть. Я заказала ему то же, что и нам, — потому что на вопрос о предпочтениях он пожал плечами безразлично — и сей-

час равнодушно подносил ко рту то ложку, которой зачерпывал суп, то вилку с куском нежнейшего рыбьего мяса.

Зато Северянин вовсю наслаждался наконец-то обретенной свободой. Я его понимала. С февраля находился в тюрьме, целых семь месяцев, почти восемь. И только успел глотнуть, образно говоря, воздуха свободы — по дороге в Шереметьево и в закупоренном пространстве самолета, — как снова оказался за решеткой и провел пять дней под домашним арестом. И вот вышел наконец.

Он рад был этой свободе. И кажется, благодарен мне за то, что я похлопотала о досрочном освобождении. Я уже не сомневалась, что он добился бы его сам — побегом или дракой с тюремщиком, которому больше вряд ли удалось бы застать его врасплох — его биография это подтверждала. Но тут вмешалась я и помогла ему сэкономить эмоции и силы. И он был со мной другим, не таким, как в день встречи, — приветливым, вежливым, насколько можно, и немного игривым.

Ему было хорошо и весело. Он даже Владимиру ни слова не сказал, даже не попытался вытянуть его хотя бы на словесный конфликт. Он вообще не обращал на него внимания. И когда я проводила короткую обзорную экскурсию по городу, который сама знала недостаточно хорошо — но им и моих знаний хватило с лихвой, — и когда мы наконец припарковались в центре, неподалеку от порта, и пошли гулять по торговому кварталу с целью отыскать бутик Версаче.

В Марселе торговый квартал, где расположены основные магазины и бутики, не так уж велик — три параллельные улицы, правда, совсем недлинные, и три им перпендикулярные. Но мы шатались по ним порядка четырех часов — пока Алексей не купил то, что хотел. В

одном бутике костюм версачёвский и плащ, в другом рубашку с брюками, в третьем кожаную куртку. Только вот белье не нашли и носки — и потому обошли все по второму кругу, так как без этих деталей туалета он обходиться отказывался.

— Анна, ну как я без трусов, а? Телку увижу классную, брюки ж лопнут!

Тема ему нравилась — и заодно нравилось меня смущать, ведь я по-прежнему делала вид, что стесняюсь таких разговоров. Я не сразу поняла, что в его глазах это лучший комплимент — его, Лехи Севера, внимание, которое он мне уделяет. Он был о себе высокого мнения по всем пунктам — и, очевидно, не сомневался, что производит на женщин неизгладимое впечатление.

Это было немного смешно. Маленький, сто шестьдесят сантиметров примерно, то есть даже немного пониже меня, худенький на вид — хотя из досье можно было заключить, что натренирован он дай Бог. И в общем, ничего особенного в лице — небольшой рот с самыми обычными губами, ничем не примечательный средних размеров нос, выпирающий вперед волевой подбородок, который, на мой взгляд, не настолько значим, чтобы кардинально менять заурядную внешность. А вот глаза — глаза, наверное, и были тем, что делало самое обычное лицо чем-то большим, чем стандартная физиономия. Если в них всматриваться, конечно.

Они все время разными были, глаза — то потухшими и полусонными, то яркими, брызжущими искрами энергии, исходявшей от их хозяина, то очень холодными, полными ненависти, то испытующими, впивающимися, просверливающими чужую оболочку. То передавали полное превосходство того, кому принадлежали, над всем остальным миром — то приветливо улыбались.

Это, наверное, было лучшее выражение, с которым они могли на меня смотреть, — приветливость, смешанная с симпатией, отчасти с похотью, может, потому, что не было поблизости другого объекта женского пола. Они медленно перемещались по моему телу и лицу, оценивали и ощупывали, раздевали и одевали обратно. Но очень неторопливо, с полной уверенностью, что то, что они делают со мной, мне необычайно лестно — и если его тело захочет повторить то, что делают глаза, я буду на седьмом небе от счастья.

Я не возражала против таких взглядов. Мужские взгляды давным-давно меня не беспокоят — такого рода эмоции остались позади, в том периоде, который был до попадания в контору, когда мужчины были для меня именно мужчинами, а не объектами, а секс с ними — не работой, пусть зачастую очень приятной, но моим самоутверждением за счет их желания. После 86-го, с которого началась для меня новая, совсем иная жизнь, интерес к мужчинам стал кардинально другим — и их интерес ко мне я воспринимала холодно и отстраненно. И совершенно спокойно реагировала на то, что меня разглядывают. Мне и в голову не приходило отворачиваться, возмущаться хотя бы без слов, выражением лица или позой тела, или, наоборот, начинать кокетничать, показывая, что мне нравится, что на меня смотрят, — и тот, кто смотрит, тоже нравится. Если только это не нужно было для работы.

Сейчас это было не нужно. В мою задачу не входило очаровывать его, привязывать его же собственным желанием к себе — тем более он был, похоже, не из тех, кого можно привязать. Соблазнять его мне тоже было ни к чему — такие задания не для моего уровня, они позади остались, в далеком прошлом. Конечно, было время, когда я могла лечь с кем-нибудь в постель, хотя

теоретически это не требовалось для выполнения задания, — просто потому, что человек мне нравился. Но таких мужчин становилось все меньше, а с тех пор как я жила в Канаде, их, кажется, вообще не было. Кажется, последним был тот, кого я вспоминала, когда мы пришли в ресторан, — тот, кто очень заботился о своем здоровье и в итоге добился своего, умерев абсолютно здоровым. Не без моей помощи умерев.

А этот мне не нравился. Хотя я не могла отрицать, что он производит впечатление на женщин, — и досе я знала, что это так. Но это были другие женщины — пониже уровнем. Не в плане внешности — самой неотразимой я себя считала, может быть, лет в восемнадцать, на том и кончилось все, — но в плане вкусов, взглядов, запросов, самооценки, жизненного опыта. Где-нибудь в провинции он даже в молодости наверняка был казановой — как позже в Москве, где те, с кем он спал, рисковали ради него многим, включая жизнь.

Может, не всегда осознанно рисковали — я знала, что часто он их подставлял просто, как, например, подставил ту, которая принесла израильский его паспорт конторским. Это ведь был стремный шаг — ее могли пасти потом и с пристрастием порасспросить о темных пятнах в жизни Лехи Севера и его деньгах. Хотя лично я сомневалась, что он был из тех, кто способен доверить что-либо серьезное женщине. Он был скорее из тех, кто женщину использует — но не более.

Короче, как мужчина он мне не нравился. Но я не могла его не уважать — досе у него было впечатляющим, — хотя он и был как бы из противоположного лагеря. Правда, контора сама далеко не всегда творит благовидные дела — хотя все обставляется именно так. Убрать, например, криминального авторитета — чисто

теоретически задача очень благородная. Но ведь контора не из принципа в этом участвует, а потому, что этот авторитет затронул интересы конторы либо перешел ей дорогу — ей и подконтрольным ей структурам, — либо заказ на него сделали выгодный.

Поэтому Леха Север, несмотря на то кто он был, вызывал у меня уважение — но не более. И еще — я предпочла бы уважать его на расстоянии. Желательно на очень большом — лучше через океан.

Но я старалась максимально отвлекаться от своих знаний о нем и прятать их поглубже. И в общем, прогулка по магазинам прошла нормально. А для него так даже чудесно — если учесть, что приобрел он всего на восемь тысяч долларов примерно. То есть вещей было совсем немного — но так как от Версаче, то стоили дай Бог. Но платила не я. Мне совершенно не улыбалось потом — если мне удастся выбраться без потерь из этой ситуации, о чем не хотелось думать сейчас, — отчитываться за покупки, которых я не должна была делать. Так что Владимир платил — снова проявивший негибкость и поставивший нас всех, и наше общее дело заодно, в весьма интересное положение.

Это в самом первом бутике было — в первом, в котором Север сделал покупки. Сначала Алексей вошел, я за ним и, входя, обернулась на Владимира, показывая жестом, что жду его, придерживаю специально дверь. Но он отмахнулся — видно, думать мог только о том, как бы не сбежал подопечный. А все остальное ему было безразлично.

Короче, Северянин выбирал долго, потом я с продавцом уточняла насчет размеров, потом он в примерочной торчал Бог знает сколько, потом выходил, показываясь мне, всматриваясь пристально в мое лицо в ожидании реакции, — а потом долго крутил-

ся перед зеркалом, явно любуясь собой. Это было странновато — для человека с такой биографией, гордящегося своей мужественностью и не раз ее доказывавшего, — по-женски так любоваться собой, поворачиваясь перед зеркалом.

Такому бы больше пошло деланное безразличие — а не нескрываемый интерес. Но из досье следовало, что он о себе высочайшего мнения, да и я уже видела, что он считает себя неотразимым. И прочитала вдобавок, что, сидя в Бутырке, он через адвоката заказал себе каталог московского магазина Версаче и несколько дней выбирал одежду, в которой якобы планировал появиться на суде. Даже у охраны уточнял постоянно и у следователя, когда суд примерно будет — надо ж, мол, знать, в чем туда ехать, в пальто, или в плаще, или в пиджаке.

И ведь не собирался точно до суда сидеть, знал, что или убежит, или кончат его тут, — но, видно, слишком нравилось ему одеваться, поэтому так тщательно и подошел к вопросу. И отдал пять с лишним тысяч — точнее, адвокату кто-то отдал. Это не просто для отвода глаз было сделано — смотрите, мол, никуда я не собираюсь сматывать. Нет, это любовь к одежде в нем проявилась. Чувство, мне очень знакомое — и потому узнаваемое в других.

В общем, он кивнул наконец — я еще подумала, что не всякая женщина так долго размышляет, идет ли ей новый наряд, — и, подойдя ко мне поближе, еще раз поинтересовался, понравилось ли мне, и попросил продавцу объяснить, что он все это берет. И когда тот упаковал все — беспрерывно восхищаясь выбором, по-моему, искусственно, просто потому, что таков закон торговли, тем более что в бутиках покупателей почти нет, — Леха посмотрел на меня. А я на него. А продавец — на нас обоих.

Я вообще не понимала, в чем дело — пока Леха многозначительно не щелкнул пальцами. Только тогда сообразила — да и то постепенно до меня доходило все, — что у него нет денег, потому что, естественно, никто ему не собирался их давать, чтобы он не ускользнул из-под контроля, такое вот средство управления. Заодно поняла, почему он о цене не спрашивал, почему скидки я выбивала по собственной инициативе, больше по привычке, чем из-за заботы о Лехином кошельке, — ему было все равно, не свое же. И я, сообразив, кивнула напрягшемуся продавцу — сейчас, мол, — и выскочила на улицу. Не сразу увидев отошедшего в сторону Владимира.

Он подошел неохотно — мне даже показалось в какой-то момент, что он намеренно дистанцируется от меня с Алексеем, то есть ведет себя так, как следовало вести себя мне, которой потом оставаться на Западе, после того как все закончится. Даже мысль мелькнула: уж не надумал ли он меня подставить? Но я засунула ее поглубже, эту мысль — сейчас была проблема важнее, а время работало против нас, — и стояла и смотрела, как он идет ко мне не спеша.

— Ну что там? — спросил сквозь зубы.

— Кажется, это вы привезли пассажира — так вам и платить за него, — заметила колко. — Вот идите и расплачивайтесь сами — пока продавец полицию не вызвал, подумав, что его собираются обмануть.

Он посмотрел на меня как на пустое место — и неохотно сунулся внутрь. Выйдя обратно с не слишком довольным видом — прямая противоположность весьма довольному Алексею.

— Дороговато обходишься, — буркнул тихо, но я услышала.

— Так компенсация с тебя, братан, — я в вашей хате шмоток на пятеру оставил, — парировал тот улыбаясь. —

Вот вернешься — заведи их и сдай, чтоб бабки вернуть. Да и чего жмешься, кореш, — сэкономил тут на мне вовсю, дерьмом кормил, теперь только отслюнявливать будешь...

— Посмотрим еще, чего ты стоишь...

— Да уж побольше, чем ты, мусорок! — Ответ на тихую реплику был довольно громким. — И рожу не корчи тут — говорят отслюнявливать, значит, отслюнявливай! Понял, нет?!

— Что? — вмешалась я, решив что пора.

— Да я не тебе. — Леха улыбнулся, довольный, что поставил Владимира на место. — Вовка вот говорит — сэкономишь на себе, купил мало. Заботливый корешок у меня...

Господи, ну как можно было посылать за границу человека, который не умеет сдерживать эмоции, — тем более на такое задание? В Москве или глубинке российской он, безусловно, был хорош — в роли засланного в ту или иную бригаду казачка или провинциального бизнесмена, крутого мужика, который даже бандиту готов башку свернуть, если тот вести себя не умеет. Но здесь он обращал на себя внимание и был проницаем насквозь — и Леха усмехнулся, на него посмотрев.

— Не горюй, кореш, — дело сделаем, отстегну тебе на костюмчик, чтобы жаба не душила.

Тот, кажется, готов был уже броситься на обидчика — прямо при мне, прямо посреди улицы. Да он, по-моему, вообще ничего уже не видел — кроме ненавистного лица, на котором нарисована была нескрываемая издевка.

— Алексей, Владимир — вы не могли бы говорить понятно? — встряла я снова, и Леха, кажется, сообразил, что при мне такие разговоры вести не стоит. — Если вы желаете побеседовать наедине — я могу отвезти вас обратно. Хотите?

— Кончай, Ань, — тьфу, Анна. — Леха взял меня под руку, отворачиваясь от оппонента, увлекая за собой. — Это мы с ним шутим так, по-дружески. Больше не будем, отвечаю.

Как ни парадоксально, именно в нем была вся проблема, во Владимире. И даже теперь, после шоппинга, в ресторане, когда я пыталась создать за столом относительно нормальную атмосферу и Северянин охотно шел на контакт, мой, с позволения сказать, коллега хранил молчание. Тупо глядя в одну точку, куда-то в центр стола. Прямо как на тренировке по рукопашке, где учат смотреть противнику не в глаза, а в горло, так легче все его движения уловить. Вот и он смотрел между нами, контролируя нас обоих — Севера, естественно, в большей степени, чем меня. Хотя я не удивилась бы, узнав, что он теперь считает, что я заодно с Лехой, — паранойя дает самые непредсказуемые результаты.

У меня немало было в жизни неприятных ситуаций — пусть большинство из них были куда лучше, чем нынешняя. Но в тот момент, когда они происходили, мне они казались максимально плохими — и я еще в самом начале работы поняла, что если не научусь абстрагироваться, то свихнусь или стану вздрагивающей от любого звука истеричкой. И пусть поначалу мои улыбки в таких вот ситуациях были деланными, а смех натянутым, еда не имела вкуса, а сигареты курились одна за одной и спиртное пилось как вода — но постепенно поведение становилось все естественнее.

Я слишком любила получать удовольствие — а постоянное нервное напряжение, в общем, оправданное с такой работой, этому вовсе не способствовало. Так что я научилась отвлекаться. И испытывала оргазм в постели с мужчиной, хотя была в курсе, что нас снимает видеокамера — как бывало, когда я работала в Интуристе.

И мило улыбалась собеседнику, понимая, что, узнай он, кто я, завтра же закажет мою смерть — что могло произойти не раз, уже когда я работала непосредственно в конторе. И в не самую приятную минуту я могла заказать в ресторане именно то, что давно хотела попробовать, — и с аппетитом это съесть.

Тут не в суперменстве дело и не в длительных аутогенных тренировках и медитациях, которым я, кстати, никогда не предавалась, ненавидя любое насилие над собственной психикой, ленивой и не любящей нагрузку. Просто ко всему привыкаешь.

Вот и сейчас я наслаждалась едой и вином, а после десертом, кофе и сигаркой. И медленно выдыхала дым, пропуская мимо себя тихие в соответствии с договоренностью рассуждения Севера о Версаче, женщинах вообще и местных девицах в частности — хотя и запоминая их, — и чувствовала себя вполне неплохо. Потому что по крайней мере в эту минуту все было хорошо — хотя в целом все было ужасно и обещало стать еще ужаснее. Особенно если мне не удастся как-то вернуть в реальность того, кто и должен был контролировать ситуацию.

Любым способом — но вернуть...

7

— Может быть, все-таки сядете в машину? Или вы предпочитаете мокнуть?

Он оглянулся на меня, мазнул пустым взглядом и отвернулся.

— Владимир, вы промокнете насквозь и простудитесь...

Он молчал.

— Владимир, я вас прошу.

Ничего не действовало. Он торчал как идиот около публичного дома не в самом престижном квартале Марселя — даже скорее в совсем непрестижном, — и мелкий дождик поливал его всюду вот уже полчаса.

Мне было, в общем, плевать, что он промокнет, — но я не хотела, чтобы он бросался в глаза, привлекая внимание и к нашей машине. И еще я не хотела, чтобы он продолжал психовать на протяжении тех часа-полтора, которые нашему третьему другу предстояло провести в обществе проститутки в этом заведении — убогом, видимо, но единственном, которое нам удалось найти.

Те сорок минут, что Лехи не было с нами, Владимир психовал — он обежал небольшой трехэтажный дом, плотно облепленный с обеих сторон такими же дома-

ми, раз пять как минимум. И кажется, подозревал — и думаю, справедливо, — что тут имеется потайной выход. Черт его знает, может, тут проституток гоняют периодически по типу того, как это делают в Москве, — и на этот случай такой выход просто необходим.

Это была моя вина. Мне следовало позвонить предварительно Жоржу и встретиться с ним или просто по телефону заявить, что мне заодно, уж коль скоро я здесь, предложили написать материал о местной проституции. Интересует, мол, таинственную редакцию, как развлекаются моряки, приходящие на своих судах в Марсель, — и заодно, как решают этот вопрос граждане посостоятельнее.

Я просто не успела это сделать. Только в час дня мы вышли из их квартиры, примерно часа полтора-два мотались по городу, где я им показывала те достопримечательности, о которых уже знала сама. Потом часа четыре прогулки по торговому кварталу, потом два с лишним часа в ресторане. Мне не хотелось никуда торопиться — да и куда, собственно, — и потому я выпила одна бутылку вина, и кофе заказывала трижды, и выкурила три сигарки. Понимающе выдыхая дым подальше от Алексея, шутливо от него уклонявшегося — зато злобно покосившегося на Владимира, когда тот в очередной раз щелкнул зажигалкой прикуривая.

Так что мы вышли примерно в начале десятого, и на свой риторический, в общем, вопрос, что будем делать дальше — я, признаться, планировала отвезти их на квартиру, ну или прогуляться еще полчаса перед этим, — получила четкий ответ:

— К девчонкам — куда ж еще?

— Вы хотите сказать... — смешалась, растерявшись, забыв как-то о его еще в день приезда высказанных пожеланиях.

— Да я вообще хочу! — Он хохотнул, но его приветливость по отношению ко мне замерла, повиснув в воздухе, готовая в зависимости от моей реакции или подняться еще выше, или ухнуть вниз. — Обещала, между прочим, подруга. Тех, кто за базар не отвечает, за язык притягивают — в курсах?

— Что-что? — переспросила непонимающе, пытаюсь удержать наши отношения на том уровне, на котором они были. Не дать им стать теми же, что были у них с Владимиром. И рассмеялась чуть запоздало: — О, вы так нетерпеливы, Алексей! Конечно, я помню — но здесь, во Франции, в обществе женщины не говорят, что хотят других женщин. Она может обидеться — или даже будет ревновать...

— Ревнуешь, значит? — Он ухмыльнулся довольно. — Ну тогда поехали к тебе — Вовку отвезем вот, и к тебе...

— О, к сожалению, это невозможно! — Я достаточно правдиво изобразила огорчение. — Это долго объяснять, но... Я предпочту отвезти вас к другим девушкам...

Не могу точно сказать, что было в его взгляде — удовлетворение от того, что покорил очередную девицу, или опасение, что я над ним смеюсь, или недоверие, или что-то еще. Он был самоуверен и самовлюблен, но и подозрителен одновременно — иначе ни черта бы он не выжил в своем мире.

— О, как нелегко быть женщиной... — добавила я со вздохом, улыбаясь ему, показывая, что играю. — О'кей, поехали...

Я только около их дома — я завезла Алексея переодеться, и Владимир, естественно, поднялся с ним, а я решила, что мое общество не требуется, их нахождение в квартире наедине сейчас не опасно, поскольку у Алексея есть конкретная цель и все другое

отступило на второй план, — сообразила, что не знаю, что делать дальше.

Но надумать я все равно не успела — они уже вышли. Владимир в неизменном своем наряде, который менял только на спортивный костюм, и Алексей во всем новом — строгом черном костюме, черной рубашке и черном фактурном галстуке.

— Прекрасно выглядите, Алексей, — произнесла с легким восхищением, вызвав одобрительный взгляд — он отметил, что я способна оценить его безупречный вкус. — У меня нет сомнений, что все девушки будут ваши...

Все девушки и вправду были его — в смысле те, кого мы начали встречать на улицах после полуторачасового бессмысленного мотания по городу, — только заплати. Но ему они почему-то не нравились.

Мы проехали одну улицу, забраковав девиц двадцать или двадцать пять, потом следующую, перпендикулярную, где их тоже было немало. Я только парковалась и трогалась с места — а эти ходили, один впереди, другой метрах в пяти сзади. Они производили странное впечатление — один не отвечает ни на какие приветствия и заигрывания и после короткого молчаливого осмотра каждой оправляется дальше, а второй выслушивает все то же самое плюс обиженные реплики, адресованные первому, но при этом на девиц даже не смотрит, не заботясь о том, чтобы все выглядело естественно.

И я тут еще — странная девица, медленно едущая вдоль тротуара, абсолютно чужеродная в этом районе и потому бросающаяся в глаза. Правда, стекла в машине были подняты и свет в салоне погашен — но это, думаю, смотрелось еще страннее. В общем — смотрите и запоминайте, люди добрые, непонятную троицу.

— Поехали дальше, — недовольно бросил Алексей, сев наконец обратно в машину.

— Куда? — поинтересовалась недоуменно. — Тут же...

— Я откуда знаю — куда? Назвалась гидом — давай вези! Тут дешевки одни — рожи дикие, штукатурки по килограмму, сиськи до живота, и каждой лет по сорок...

— Фу, Алексей! — возмутилась деланно, кокетливо махнув на него рукой. — Как некрасиво! Бедные девушки дарят мужчинам счастье, а вы про них так грубо...

— Я последние полгода только таких тварей и имел — чего, и тут прикажешь? Знаешь, бабы у меня какие были? А как ласты загнули... — Голос осекся, он понял, что сказал не то, — и стал куда мягче, тем более я вела себя так, что повода на себя злиться не давала. — Ладно, давай еще поедем...

И вот наконец я сидела в машине около публичного дома, радуясь, что все нормально. Что Алексей пробудет там еще час максимум — ну что делать с проституткой не самого высокого уровня больше полутора-двух часов? — и мы поедем обратно. И хотя бы сегодняшний день, наш первый день в городе, можно будет смело назвать нормальным. А значит, завтра будет легче.

Я похвалила себя за то, что нашла в итоге выход из положения. Привередливость Алексея меня уже утомила — но я сама считала, что лучше ничего, чем что-то, и это давало мне силу шутить и улыбаться. И идея родилась, только когда была отвергнута очередная путана.

Кому знать город, как не таксисту? И я притормозила около ближайшей стоянки такси и вылезла решительно — все во мне было против этого, слишком нестандартно было то, что мне предстояло сделать, а значит, и забудется это не сразу. Но другого выхода не

было, а я поклялась себе, что сделаю все, чтобы наш первый день в городе был удачным. И, подойдя к одной из машин, потянула на себя пассажирскую дверцу и села внутрь, кивнув водителю и первым делом вытащив из сумочки стофранковую купюру, шестнадцать долларов примерно. А уже минут через десять вышла обратно — держа в руках записку с адресом того заведения, которое мне требовалось.

Думаю, он счел меня за идиотку, этот таксист. Ну за кого еще принять девицу, которая садится к тебе в машину в начале первого ночи и на плохом французском, вставляя в него английские слова, начинает объяснять, что она приехала в Марсель с двумя друзьями, которые очень хотят найти девушек на ночь, но так, чтобы не вести их в гостиницу, чтобы все произошло в борделе. Он не сразу понял меня, а потом еще и приятеля позвал из соседней машины, и вдвоем они догадались наконец, о чем я — причем каждый по очереди обернулся на мою «рено» с двумя читающимися в ней фигурами.

И каждый покачал головой, как бы говоря, что мужики эти какие-то идиоты, раз девица за них все выясняет. И оба точно меня запомнили — но зато у меня был адрес. Гарантировавший мне твердо, что контакт с Алексеем у меня установлен окончательно — и что задание не под угрозой срыва, пока по крайней мере. Если его придирчивость в выборе проститутки не обратит все мои усилия, весьма стремные лично для меня, в бессмысленные, никому не нужные действия.

И как только управляемая мной «рено», поплутав по незнакомым мне улочкам, остановилась неподалеку от неказистого домишки с нужным номером и ярко освещенным входом, и Алексей вышел из машины, оглядываясь вокруг, я обернулась к Владимиру:

— Пожалуйста, если вы хотите сегодня спать спокойно, пойдите с ним и объясните, чтобы ему показали всех, кто там есть, — они поймут ваш английский. Только скажите, что вы оба моряки из Польши, — так ведь будет лучше. Или мне пойти с ним самой?

Кажется, он хотел ответить, чтобы я так и сделала. Хотя знал, как и я, что туда хода мне нет — появление женщины в таком заведении, неместной женщины, приведшей желающего трахаться моряка-иностранца, войдет в анналы истории данного борделя. И я повторила еще раз:

— Я вас прошу. Это не для него и не для меня — а для нашего дела...

Он вылез недовольно и молча пошел ко входу. Даже не обернувшись на Алексея — который на меня покоился и которому я кивком показала, чтоб следовал за ним. И вскоре вышел обратно. Один. И вместо того чтобы подойти ко мне и рассказать, как все прошло, — дураку понятно, что я волновалась, словно это был мой ближайший родственник, который умер бы, если бы не сбросил дурную сперму, — осмотрел дом внимательно, отходя назад, будто считая окна или пытаясь проникнуть взглядом-перископом за задернутые занавески. И несколько раз быстрым шагом, больше напоминающим бег, обошел его вокруг — и наконец застыл перед входом, несмотря на заморосивший дождик, не откликаясь на мои призывы вернуться в машину. Поддавшись наконец только потому, что я ему, кажется, здорово надоела своими просьбами.

— А если его там нет уже? — произнес первым делом, встряхнувшись нервно, по-собачьи как-то, послав в мою сторону кучу брызг, тут же вытягивая из пачки очередную сигарету. Он сел рядом со мной, и я видела, что он не отводит глаз от входа, даже когда прикурива-

ет. — А если он через другой выход сорвался? Кто отвечать будет? Ты? Я сюда по делу приехал — а из-за тебя эту тварь отпускать приходится!

«Господи!» — произнесла про себя устало, ничем не выдавая того, о чем думала.

— Владимир, нам с вами нужно, чтобы он был в нормальном настроении и состоянии, — произнесла тихо, но отчетливо, глядя в его глаза, уклоняющиеся от моих. — Мы с вами обязаны сделать так, чтобы он поехал с нами в Париж и сделал то, что надо сделать. И если для этого нужно выполнить не самые сложные его просьбы — даже очень естественные просьбы, — разве это не в наших интересах?

— Естественные! То рожу кривит, когда шлюх этих ему вывели, — то говорит, чтобы я за два часа заплатил и за двух. Я, говорит, двух сразу возьму, по групповухе соскучился. А с двумя часа мало — за два плати...

Он махнул рукой в мою сторону, показывая, что разговаривать не хочет. И мы наконец встретились глазами, и мне показалось на какое-то мгновение, что я психиатр, пытающийся успокоить тяжелобольного — что удастся, только если он смотрит врачу прямо в глаза.

— Ты знаешь, сколько трудов стоило эту тварь вытащить? — Он говорил тихо, но я чувствовала, что он дрожит от злобы. — Я ж лично все делал — встречался с кем надо, бабки передавал. Четыреста тысяч — как тебе? Охранника убрал еще, который его вывел, — чтоб свидетелей не было. Я лично — нормально, да? Дали пацану двадцатилетнему долю от того, что я передал, — уверен, что копейки дали, тысяч пять там, не больше, — так он и таких денег не видел, он бы за них что хочешь сделал. Вот и вывел падлу — и пулю в башку. Нормально, да? А этот покосился только и в тачку сел.

И первым делом мне — из-за тебя такой костюм в камере оставил, что хоть возвращайся за ним. Спокойный такой, падла, — если бы не мы, кончили бы его там, а он про костюм.

— Я все понимаю, но...

— Думаешь, он там женщин не видел? — перебил зло Владимир. — Да он там чуть не каждый день трахался. В Бутырке вообще бардак, там же что хочешь за бабки — не дали бы ему менты отдельную камеру, боясь, что в общей его кончат, если с воли заказ поступит, так он бы сам себе ее купил. Жрал из ресторанов, отравлений боялся — и все подкалывал следователя, что не они за еду платят, а он сам. Вино, минералка — по высшему классу сидел. Компьютер в камере, журналы с голыми бабами, шмотки цивильные по каталогу — как тебе? И чуть не через день секс. Там же как — сто баксов дал, сказал, какую телку хочешь, тебе находят в женском корпусе и запирают вас вдвоем в отдельной камере на два часа. Понравилась телка — потом за полтинник можешь с ней встречаться. Хочешь другую — опять столярник. А ты тут ему поддакиваешь — потрахайся, Леха, это в наших интересах. Да это его уже интерес — тихо сидеть тут, не высовываться и потом работу сделать. Ему за это, между прочим, обещано немало...

— Ему за это еще и много заплатят? — Я специально разыграла удивление, мне интересно было узнать, во что его оценили и каков его стимул соответственно. — Я думала, он свободу отрабатывает, а гонорар символический...

— Да уж символический — семьсот тысяч не хочешь? За двоих — семьсот тысяч! Эта ж падла торговалась еще. Я же тебе говорю — я с ним и беседовал в Бутырке. Шансов, говорю, у тебя нуль, идешь под выш-

ку, если раньше не кончат — уж слишком большие деньги заплачены, чтобы ты поменьше прожил. Бежать не получится, а и получится, куда денешься, тебя ж и менты искать будут, и бандиты — он же, гад, во многих городах поработал, ему приговоры по всей стране выносили. А так — мы тебя вытаскиваем, даем паспорт на новое имя, вывозим за границу. Делаешь для нас работу — и свободен. А он артачиться начал — свалить и сам свалю, нужна работа, так плати. Еще меня, сволочь, купить предлагал. Мне ж ему надо было сказать чего-то, ну откуда я тут, — ну я и сказал, что от КГБ, ФСБ в смысле. А он мне — слышь, давай я тебе триста штук дам лично, поделись с кем хочешь, но вытащи.

Я понимающе покачала головой — восхищаясь Северянином. Раненым, приговоренным многими к смерти, но при этом ничего не боящимся и уверенным, что сбежит.

— Вот и прикинь — еще и торговлю начал. Миллион просил — за границей работать, говорит, сложнее. Говорит, тут-то легче, а все равно за один выстрел беру столько, сколько ты в жизни не видел. А там, за кордоном, — миллион и все дела. А мне поручили вдвое меньше ему назвать. Так торговались — на семистах еле сошлись. А он еще, падла, тут выкобенивается. По мне, так я бы его еще в Москве кончил — была мысль, когда вывели его оттуда, прям там и хлопнуть и сказать, что при попытке к бегству охранник пулю всадил, а я уж потом охранника. Просто еще люди рядом были наши — а так бы...

Все было понятно — он ненавидел Алексея еще до того, как они сюда прилетели, еще с тех пор, как тот проявил характер в тюрьме. Неужели не могли заметить эту ненависть и послать кого-то другого? Или думали, что это будет лучший стимул для строжайше-

го контроля? Вот уж неумно так неумно. Господи, ведь все с опытом, уж тем более те, кто такие решения принимает, — ведь Владимир же отчитывался перед ними о переговорах с Севером, не раз и не два отчитывался и инструктаж получал детальный. И что, не заметили, как он относится к нему, — не подумали, что эта ненависть будет только помехой? Нет, великие психологи пришли к выводу, что эта ненависть им только на пользу. Или?..

— Неплохо — и семьсот тысяч, и свобода, — поддакнула с таким видом, словно была в шоке.

— Вот-вот — прикинь? Я его еще в Германию должен вывезти после всего — в Париже на самолет посадить. Чтобы эта падла растворилась там так, что концов не найдешь. А эти мне еще — если все по высшему классу сработает, будем дальше использовать. Используешь его, жди! Да он с концами исчезнет, не найдешь. Или примут его за другого, так он вложит всех — и меня, и тебя, и кого валил тут. Это ж падла настоящая. Мне-то чего — я домой, а вот ты...

Он посмотрел на меня внимательно, следя за реакцией — увидев то, что хотел, потому что я не стала скрывать, что мысль мне не понравилась.

— Ты живешь-то где — тут, в Марселе?

Идиот — сложно сообразить, что ли, что я плохо знаю город? Но меня его идиотизм в данном случае порадовал — хотя и закралась мысль, что это может быть проверка, так, интереса ради.

— Нет, в Лондоне, — ляпнула первое, что пришло на ум. — Но... Что же делать теперь?

Я прошептала последние слова подавленно, думая про себя, что даже если когда-нибудь Алексей меня кому-нибудь вложит, меня это не беспокоит — ни фамилии моей, ни места жительства он не знает все рав-

но, и этот не знает. А портрет мой может дать любой, с кем я сталкивалась тут, — тот же официант в ресторане гостиницы.

— Что делать? — В голосе его впервые прозвучала усмешка. — Ты не волнуйся — посмотрим, что делать. Решим. Главное, чтобы он работу выполнил, — а там решим. Если не свалит никуда, падла. Все, пойду погуляю.

Мне жутко не нравилось все это, но я не могла не признать, что сегодня плодотворный день. Потому что контакт с Лехой я установила точно — и потому что теперь точно знаю, почему сюда послали именно Владимира. Потому что знали, что, если что-то будет не так, Владимир Леху кончит без раздумий, — видимо, намекнули ему, что такой вариант возможен, и он уловил намек. И уже тогда принял решение, что по возвращении скажет, что Леха ненадежен и использовать его в дальнейшем нельзя.

Да нет, так быть не могло. Зачем тогда было вытаскивать Леху и платить за это четыреста тысяч — не проще ли было послать своего профи? А тут такая работа проделана — и что, впустую? Контора скупа — своему за это копейки заплатили бы по сравнению с Лехиным гонораром и суммой, отданной за его освобождение. И вдруг такое расточительство?

Я думала и думала, просчитывала чужие ходы и мысли, пока меня не осенило наконец. Проще простого все оказалось. Они его вытащили, чтобы выполнить чужой заказ на каких-то французов, — а попутно взяли заказ на Лехину смерть, наверняка прямо после побега и взяли, и наверняка не от одного человека. Намекнули тем, кто заинтересован в исполнении приговора, что легко могут его найти, — и тут же заказ и взяли. Скорее даже несколько заказов от разных структур — коль скоро су-

ществует так много желающих поднять рюмку за упокой души Северянина.

Точно, так все и было. Стопроцентно рассчитывать на то, чтобы использовать Леху и дальше, по всем странам и континентам использовать, — это было бы проявлением наивности. Слишком хитер, слишком свободолюбив, слишком независим — и денег бы он просил все больше и больше.

Они, конечно, наверняка обдумывали все «за» и «против». С одной стороны, Северянин был высококлассным профи с огромным опытом работы в самых разных условиях и ситуациях и внушительным послужным списком. И теоретически можно было предположить, что Леха ухватится за шанс и будет делать все, что контора скажет, — а контора, сделав ему новые документы, будет держать его под контролем в той же Германии. Выгода обоюдная — конторе надежность, ему деньги. Но с другой стороны, Лехин характер показывал, что иллюзии все это, что даже если он выполнит несколько дел, то только более опасным станет и более неконтролируемым.

Нет, они, конечно, не приняли четкого решения относительно его судьбы — прояви он покорность и готовность служить конторе, жизнь ему сохранят. Но запасной вариант уже был готов.

Что ж, я рада была, что все поняла, — и следовало удивляться, что понимание не пришло ко мне раньше. Я ведь с самого начала в конторе, почти с момента ее, так сказать, образования — могла бы сразу понять. Это стиль конторы — все просто, цинично и надежно.

И доходно. За четыреста тысяч вытащили Северянина, тот сделает работу, за которую контора получит под миллион — наверняка ведь не рядовых французов предстоит убрать. А плюс за Лехино устранение столько

же — с учетом сложности заказа и имени устраняемого. А не придется устранять, так заработают на нем потом — и будут зарабатывать до тех пор, пока не решат, что пора его убирать. И опять же за его смерть получают солидную сумму.

Нет-нет, я не критиковала никого. И мне было все равно, сколько они заработают на этой операции и сколько вообще зарабатывают, — я не считала их деньги, я свои считала. И планы конторы относительно других людей меня не волновали — только в отношении меня самой.

Я подумала о Лехе, который развлекается сейчас с двумя проститутками, довольный, счастливый, не подозревающий о том, что скорее всего никаких денег после выполнения задания он не получит и никуда не уедет. И о превратностях судьбы подумала. О том, что хитрость, чутье и уверенность в себе закинули его очень высоко, из нищего прапорщика спецназа превратив в киллера номер один России. И они столько раз спасали ему жизнь, помогая отнять жизнь у других, — а вот теперь подвели. А ему это даже не приходит в голову — он слишком уверен в том, что он лучше всех и потому всем нужен и важен, и все будут делать то, что он скажет, и будут платить столько, сколько назовет.

Мне было все равно — у меня своя судьба, у него своя, мало меня беспокоящая. Каждому свое, как говорится. Но если брать по большому счету, в плане общечеловеческих ценностей, то по крайней мере я могла сказать, что скрасила последние дни его существования. Если бы не я — разве попробовал бы он французских проституток, причем двух сразу? А я, между прочим, собиралась скрашивать его последние дни и дальше. Так вот по-добросамаритянски.

Я усмехнулась, подумав о том, что всегда называла себя бездушной тварью, заботящейся только о себе и совершенно безразличной к другим. И так оно и есть — потому что жизнь жестока, и каждый в ней сам за себя, и если я не буду заботиться о себе и защищать себя, то этого не сделает никто. И я помню об этом, выходя на очередную охоту, в которой важно лишь ухватить кусок добычи и уцелеть и вернуться обратно в свою пещеру, чтобы наслаждаться примитивным, но таким вкусным бытием.

Но оказывается, что даже бездушной твари свойственно проявление заботы о других. С одной лишь оговоркой. Оно ей свойственно только в том случае, если ей это выгодно...

8

— Прекратите! Немедленно прекратите! — Я выкрикнула это по-английски, влетая в переулок, видя, что опоздала. Толпа уже выстроилась полукругом, и он стоял в этом полукольце, прижавшись к стене, а напротив него стоял тот самый араб.

Восемь против одного — и с явным намерением этого одного убить. А этот один по иронии судьбы мне как раз был очень нужен — именно поэтому я и вылетела из машины, когда увидела, как его выводят, окружив. Точнее, как он сам их выводит — спускаясь первым, зная, что они пойдут за ним. Этаким крысолов из Гаммельна, наигрывавший на дудочке и с помощью своей мелодии уводивший за собой сначала крыс, а потом детей.

Тех, кого уводил за собой марсельский крысолов, можно было одновременно назвать и крысами, и детьми. Потому что большую часть времени они, вполне очевидно, проводили в подворотнях и подвалах, и потому что вряд ли самому старшему было больше восемнадцати, ну двадцати максимум.

— Прекратите! — крикнула еще раз, уже по-французски, решительно углубляясь в мрачный узенький переулок, замечая, как поворачиваются ко мне лица. И не слыша шагов сзади — шагов того, кто должен был, обязан был появиться и вытащить нас из этой ситуации.

Зная, что, появившись он с опозданием минут на пять, не исключено, что найдет здесь два трупа — один уж точно. И пусть не мой — но меня после этой истории тоже можно будет считать трупом, который какое-то время еще походит. А уж ему, тому, кто опоздал, возможно, и походить уже не придется.

Один из этих крикнул мне что-то, я не разобрала — у нас в Монреале говорят на чистом, правильном французском, а это, видимо, было сказано на каком-то арабско-французском сленге, понятном только им и им подобным.

— Прекратите! Я вызову полицию!

Наверное, мне не стоило этого кричать — потому что один, оглянувшись на остальных, шагнул ко мне, и я отступила инстинктивно. Понимая, что именно это ему и надо — заставить меня убежать, — а пока я буду кого-то вызывать, они сделают дело. Понимая, что должна им помешать, — вот только как?

Наверное, нам не стоило сюда приходить — в эту дешевую дискотеку неподалеку от порта. В принципе это был старый город, читай центр, и я рассчитывала на другое — иначе бы никогда сюда не зашла. Но Алексей уже порядком меня достал в этот вечер, а мне не хотелось с ним ссориться — у нас за неделю, прошедшую с того первого выезда в город, установились весьма неплохие отношения.

Конечно, это была непростая неделя — с учетом их взаимной неприязни и почти полного отсутствия контакта между мной и Владимиром. То есть мне приходилось и быть посредником между ними — своего рода буфером, не дающим им столкнуться лбами, — и контролировать ситуацию. Делать все для того, чтобы Алексей адаптировался тут и чувствовал себя комфортно, — и следить за тем, чтобы и Владимир был в нормальном

состоянии. И заодно я постоянно, пусть и подсознательно, пыталась понять, собирается ли Алексей выполнять задание либо просто рассчитывает усыпить нашу бдительность и сбежать, — Владимир заразил-таки меня своей паранойей, к счастью, лишь частично.

В общем, так вот я металась между ними, играя сразу несколько ролей. Внутри я была таким Бондом, пытающимся просчитать ситуацию, хладнокровно наблюдая за теми, кто рядом с ним. Когда мы были все втроем, я была на стороне Алексея. А когда оставалась вдвоем с Владимиром, то на его. Кнут и пряник — так я ему это объяснила, — хороший следователь и плохой, добрый и злой. Он кивнул, но, кажется, он уже подозревал меня в том, что я планирую помочь Северянину сбежать — или как минимум что я идиотка, не понимающая, что творит, и своим идиотизмом ставящая задание под угрозу срыва.

Не могу сказать, что все это давалось невероятным трудом — тем более что я старалась не думать о будущем и всех возможных последствиях, а думала только о сегодняшнем дне, жила настоящим моментом, иначе свихнулась бы просто. У меня бывали странные задания — но в такой ситуации я оказалась впервые. И напряжение было постоянным — оно уходило, только когда я оставалась одна, и возвращалось, когда, допив утренний кофе, я выходила из отеля, чтобы ехать за ними.

Если бы им дали на акклиматизацию три — пять дней, все было бы проще. Но две недели — плюс какое-то время в Париже, тоже, наверное, две недели минимум — это уже было слишком. Я даже после тех первых посиделок у публичного дома намекнула Владимиру, что мы могли бы спокойно уехать в Париж раньше — так было бы больше шансов на то, что все пройдет без эксцессов. И что поддержу его, когда начальство начнет разбираться,

почему мы нарушили инструкции и сократили срок пребывания в Марселе, — если вообще дойдет до разбора, победителей ведь не судят, верно?

— Да нечего нам там делать раньше, — выдавил из себя неохотно, когда понял, что я не отстану. — Человек, что клиентов там разрабатывает — ну адреса там, номера машин, распорядок дня, все такое, — моего звонка только в понедельник ждет, двадцать первого. Раньше не найдешь его. Позже можно — а раньше нет. И еще получить нам тут кое-что надо перед отъездом. Все, закрыли вопрос...

Я сразу поняла, что речь об оружии, — и еще поняла, почему они выбрали Марсель в качестве места прилета и акклиматизаций. Порт здесь — вот в чем причина. И значит, накануне отъезда в Париж сюда придет корабль, на котором есть человек, который передаст Владимиру винтовку или пистолет, — Северянин, судя по досье, из любого оружия стрелял снайперски, включая автомат Калашникова. И мы с этим стволом отправимся в Париж — судя по всему, на машине, ведь в самолет с ним не сядешь.

Казалось бы, мне уже нечему было удивляться. Все и так было достаточно дерьмово — в смысле мое участие в выполнении именно такого задания, связанного с убийством, даже с двумя. И в том смысле, что исполнить эти работу предстояло не человеку из конторы, а профессиональному киллеру, у которого черт знает что на уме, который никому не подотчетен и может выкинуть сюрприз в любой момент. Так теперь еще и выяснялось, что мне придется везти через полстраны на машине двух людей, при которых будет оружие.

Так что его сообщение мне не понравилось. Хотя мой шеф не раз называл меня авантюристкой, это был чистой воды комплимент — в его глазах, не в моих.

Поскольку я таковой не являлась и риск не любила. Мне больше нравились спокойные задания, пусть сложные, но не сопряженные со стрельбой и киллерами. И я в который раз задумалась, почему сюда направили именно меня — ведь у них в каждой стране по несколько своих людей, так почему я?

Потому что другими рисковать не хотят, или они рангом повыше, чем я, или покровители у них посерьезнее — а меня относят к категории тех, кем легко можно пожертвовать? Потому что решили освободить таким образом мое место, посадив на него кого-то другого? Запросто, место-то теоретически теплое. Потому что я в чем-то провинилась? Тоже возможно — могли что-то выяснить из прошлых дел, я небезгрешна перед конторой, хотя глупых ошибок не совершала и отвергала такие искушения, от которых могла закружиться голова. Когда тебе предлагают бешеные деньги, если сможешь сбежать от контролеров, — разве не искус? Но я всегда оказывалась стойкой — а если и совершала что за спиной конторы, то очень редко. И только когда знала, что риск равняется почти абсолютному нулю, а проступок, даже если раскроют, не сочтут серьезным — а выгода будет очень велика.

Я вовремя остановилась с этим гаданием — это было бесполезно. Нервы я себе испорчу, и внимание рассеется, потому что мысли будут о другом, — а истинной причины все равно не установлю. Ведь любая мелочь могла сыграть роль — например, то, что кто-то хочет скомпрометировать шефа через его подопечную. Для того, кто это сделал, не столь уж важно, выйдет или нет, — он подловит шефа не на мне, так на ком-нибудь или чем-нибудь другом, — а для меня конец всего. Потому что в лучшем случае меня отзовут в Москву и там оставят — а в худшем...

В общем, я перестала гадать. И вся эта чернуха скопилась внутри черепа, забила в маленький уголок, куда

загнали ее воля и рассудок, — но я знала, что стоит ослабить контроль, как она вырвется и захлестнет меня. И потому полностью абстрагировалась от того, что будет через две недели — живя сегодня. Слишком много было забот каждый день и чуть ли не каждую минуту, чтобы отвлекаться.

Я заезжала за ними в девять, сократив время сна, — хотя мне очень тяжело вставать в такую рань, но лучше так, чем давать им побыть вдвоем лишний час. Так что я приезжала, и мы ехали завтракать и потом шатались, исходив пешком чуть ли не весь город. Хорошо хоть никто не стал спорить, когда я жестко настояла на двухчасовом ленче и трехчасовом обеде. После которого следовал визит к проституткам. А в течение тех двух часов, пока Алексей отсутствовал, мы сидели с Владимиром в машине.

Мы почти не разговаривали. Я пыталась несколько раз мягко дать ему понять, что он зря так реагирует, когда Леха его намеренно подкалывает или игнорирует, зря так напрягается в самых безобидных ситуациях. Но он меня не слышал — не хотел, я думаю. А может, уже и не мог. Он настолько заиклился на Северяnine, что я подумала даже, что после того как он его убьет по выполнению задания — если это произойдет все же, — то потом застрелится сам, потому что смысла в жизни у него уже не будет.

Присмотрись к нашей троице кто со стороны, он бы подумал, что я, развратная девица, путешествую с двумя мужчинами, и оба меня вожделеют, и потому ведут непрекращающуюся борьбу. Пока психологическую — но способную легко перерасти в физическую схватку не на жизнь, а на смерть. А я этой борьбой наслаждаюсь.

Наверное, так можно было подумать. Если услышать, как легко я журю Леху, когда он за обедом, например,

бросает на стол фразу, что настоящий мужик только о телках и должен думать — или возникают подозрения, не к мужикам ли его тянет. Он даже не смотрел при этом на Владимира, он со мной говорил, того вообще не замечая, — но мы оба знали, кому адресована фраза. И Владимир знал — и каждый пустячный укол проби-вал то, что некогда было броней, но давно уже превра-тилось в сверхчувствительную кожу.

Я, сидя рядом — я всегда между ними садилась, мне так больше нравилось, — физически ощущала, как он напрягается, как закипает в нем злоба. Даже когда я возражала Лехе, что Владимир молодец, верен своей жене и сколько я ни убеждала его последовать примеру Алек-сея и посетить соответствующее заведение, он отказы-вается наотрез, — она не разряжалась, обстановка, а он начинал зlobиться еще и на меня.

Вот так вот мы и сосуществовали. В девять я приез-жала, примерно в двенадцать ночи привозила их обрат-но. И еще на час поднималась с ними, навязавшись на чашку кофе, — мне надо было убедиться, что все будет о'кей, — но опять же Леха приглашал, не Владимир.

С ним мы были прям-таки друзья. Он с удоволь-ствием ввязывался в пустые мои разговоры, рассказы-вал про Италию и Таиланд, хотя и осекался частенько, когда вспоминал своих знакомых. «Ну мы, короче, с Витькой Хряком — ну то есть с корешем одним...» Или: «А в Риме шатаемся, смотрю — Мишка солнцевский. Ну то есть знакомый там один, тоже из Москвы, Солн-цево знаешь?» И о чем говорил особенно охотно и мно-го, так это о девицах — я сама была в Таиланде, но столь подробной информацией о местных проститут-ках, ценах на них, их привычках не обладала. А тут мне все это рассказывалось во всех подробностях, включая анатомические, — про Бангкок, Рим, Москву, Тюмень и прочие города.

Порой казалось даже, что он этими рассказами — я неизменно смущалась поначалу, но потом устала и сделала вид, что привыкла, и в зависимости от темы то хихикала, то деланно возмущалась — добивается того, чтобы между нами что-то произошло. По крайней мере он пытался говорить мне комплименты. Как-то даже заявил, что с него подарок за то, что вожусь с ними, — и затащил в бутик женского белья, предварительно посмотрев на Владимира нагло и щелкнув пальцами: деньги, мол, гони. И так и смотрел с вызовом, а тот, набычившись, уничтожающе смотрел на него — и ведь минуты три так стоял посреди улицы, кретин, — но наконец вынул пачку франков, сунув не глядя.

«Из гонорара вычти», — бросил ему Леха и потащил меня за собой. И я, наконец сообразив, куда мы зашли, вынуждена была ему сообщить, что белья не ношу — ну, может, только холодной зимой могу трусики себе позволить, — и он развеселился жутко и остаток дня, когда я садилась, всякий раз в шутку как бы заглядывал мне под юбку. И огорчился, когда на следующий день я приехала в кожаных джинсах, — шутливо, но жестко требуя, чтобы я немедленно переоделась, иначе поездка потеряет всякий смысл. Пришлось поехать и переодеться — дружба так дружба.

В общем, может, он и в самом деле чего-то хотел — а может, изводил таким образом Владимира, думая, что тому не нравится его поведение. А может, я ему нужна была как возможный союзник и помощник. К тому моменту я еще не поняла, в чем причина такого внимания. Но по крайней мере стоило мне зайти поздно вечером на чашку кофе, как он начинал вести себя весьма настойчиво. Подсаживался ко мне, обнимал и поглаживал. Естественно, при Владимире, который сидел в той же гостиной как каменный истукан, внутри которого

бурлит лава, и весь вопрос в том, когда она выплеснется — сегодня, или завтра, или через месяц.

И все мои ссылки на то, что он, Леха, собственно, только что потребности свои удовлетворил, не действовали. Это шлюхи, мол, о них и говорить не стоит — а ты другое дело. И хохотал, когда я хлопала его по рукам, и так же реагировал, когда я говорила, что для меня он слишком откровенен и будь он один, то может быть, но... Я говорила это так, что дурак бы понял, что это просто игра — но Леху она забавляла. По крайней мере, играл он в нее охотно и не уставая.

Вот так вот мы и жили. Достаточно размеренно и однообразно. До тех пор, пока этим вечером Леха не нарушил привычный ход событий, заявив, что бордели ему надоели, чего-то новенького хочется. И сам предложил съездить в дискотеку — он, мол, в Москве дискотеки любил, оторваться ему по кайфу, да и телок там снимал классных. Так что туда мы и поедем после обеда. И там он себе и найдет девицу — может, даже двух. И если кое-кто готов пересмотреть взгляды на женский пол, согласен поделиться — он не жадный вовсе.

И мы приехали сюда, узнав адрес у официанта в ресторане. Может, для него она была хорошей — но мне не понравилась сразу. Небольшой дом в старом городе — примерно такой же старый и невзрачный, как те, в которых были посещаемые нами бордели. Яркая вывеска посреди глухомани, орущая музыка, минимум машин у входа — а те, что были, исключительно потрепанные малолитражки. Полутемные узкие переулки, непрестижность района и места — все было против нашего туда визита. Но Лехе все пришлось по вкусу — и мы поднялись по лестнице, ведущей прямо на второй этаж.

Так шум был и грохот, и народу куча, и суета у барной стойки — атмосфера, мне не слишком нравящаяся в принципе. А Север вот развеселился с ходу — и, постояв немного рядом со мной, издал какой-то возглас, видимо, означавший, что он заметил смазливую девицу. И скрылся в толпе. И так как роста он был маленького, я его почти сразу потеряла из виду. И обернулась на молча стоящего позади меня Владимира — который вернул взгляд, наполнив его отрицательными эмоциями, испытываемыми по отношению ко мне и Северянину, — и решительно полез в толпу, намереваясь находиться как можно ближе к подопечному.

Мне не нравилось тут — хотя я быстро нашла более-менее уютное место, чуть поодаль от беснующейся толпы, в самом углу барной стойки. Оседлала высокий табурет, заказала бокал красного вина — при этом на меня посмотрели как на инопланетянку, потому что я, кажется, не вписывалась в общий интерьер, а к тому же народ тут пил джин-тоник, виски и местное крепчайшее пойло, анисовую настойку «Рикар». Ну и пиво, конечно, коронный дискотечный напиток.

Так что я устроилась неплохо — но это ничего не значило. Мне не нравилось ни место, в котором я устроилась, ни музыка, для которой я была слишком стара, ни контингент — преимущественно молодежь, притом с преобладанием арабов.

Слава Богу, хотя бы никто особо не приставал ко мне — пару раз попытались привязаться парни какие-то, но белые, и быстро отставали, когда я улыбалась обезоруживающе, отвечая по-английски, что я не одна. И я сидела и всматривалась в зал, периодически видя Владимира, мелькающего то здесь, то там, — и весело представляя, как он топчется неподалеку от Севера, не

выпуская того из вида, выглядя и чувствуя себя полным идиотом.

Становилось душно, дым плавал в воздухе, превратившись в натуральный смог, затянувший немаленьких размеров площадку, — и народу все больше набивалось, небелых опять же. От одного из которых я еле отвязалась — потому что вел он себя нагло, похлопав меня сзади по попке под смех пришедшей с ним компании, и тут же уселся на соседний стул, наклоняясь ко мне и заглядывая в глаза.

Я нормально отношусь к наглости — но когда она умная, когда человек показывает, что это напускное, что он специально так себя ведет, что это игра. А у этого наглость была вызовом, она из самоуверенности происходила, хотя на вид он был обычный ублюдок. Ладно был бы мафиозный тип, хорошо одетый, в золоте — а этот больше напоминал обычного хулигана, максимум начинающего бандита, которому пока профессия его ничего особо не принесла. И потому я не стала улыбаться, посмотрев на него равнодушно и устало — без презрения, чтобы не провоцировать, но как бы толком и не видя.

Он что-то говорил — слишком быстро и на слишком искаженном французском, чтобы я поняла, — и я покачала головой и развела ладони. Думая, что очередной взрыв смеха вокруг вызван его шуткой по моему поводу, — и вдруг разозлившись на Севера за то, что из-за него оказалась в такой дыре.

Он продолжал говорить, но я делала вид, что вообще не слышу, что его здесь нет как бы. И, не спеша допив вино — второй бокал уже за тот неполный час, что просидела тут, — затушила сигарету в пепельнице, решительно соскользнула с табурета и двинулась к вы-

ходу. Зная, что никто не будет меня останавливать и тем более за мной выходить — просто потому, что никому это не надо.

Я вышла и направилась к машине, припаркованной чуть в стороне от входа. И буквально минут через десять увидела выходящего Леху и группку арабов, следовавших за ним, — и как все они свернули в узкий полутемный переулок. И метнулась за ними. И теперь вот стояла шагах в семи — десяти от плотно взявших в полукольцо прижавшегося к стене Севера арабов — видя, что все лица повернуты ко мне. Думая, что по иронии судьбы Север вышел разбираться с теми самыми арабами, которые приставали ко мне, — и как раз тот, который непосредственно приставал, стоял напротив него в полукруге.

Не знаю, чего они медлили — скорее всего сначала пытались запугать того, кого считали жертвой, чтобы потом кончить одним ударом. Немного по-детски — окружить вот так и стоять молча, как бы говоря, что попался ты, братан, и никуда теперь не уйдешь. И ждать, пока тот сломается, — чтобы увидеть, как самоуверенность перерастает в страх. Чтобы насладиться этим страхом, а потом и вполне возможными мольбами о пощаде.

— Прекратите! — крикнула по-французски, командным таким тоном, просящий тут был бесполезен. — Или полиция будет здесь через пять минут!

Я вдруг увидела, как блеснуло что-то в полукруге — четко понимая, что это нож. Такой вот ответ на мое предупреждение — означающий, что им и минуты хватит, чтобы все решить. И тут же тот, который был ближе всех ко мне, быстро шагнул в мою сторону, и еще шаг сделал, махнув рукой угрожающе, то ли показывая, чтобы уходила, то ли демонстрируя, что меня ждет, если останусь.

Я не двинулась с места. По той простой причине, что отсюда мне было хорошо видно то, что происходит. Например, что остальные все еще на меня смотрят — то ли думают, не оставить ли меня здесь вместе с Лехой, то ли ждут, когда я убегу наконец.

Но я не собиралась бежать. И ждала, когда ближний ко мне, худенький, юный совсем парнишка, сделает еще три-четыре шага и окажется рядом. Я уже знала, что буду делать — пну его в пах. Из всех приемов, которые мне показывали на курсах, которые заставляли заучивать — инструктор специально давал мне только то, что, по его мнению, подходило под меня, мой рост, комплекцию и психику, — я отобрала для себя десяток. Он сам всегда цитировал любимого своего Брюса Ли, который утверждал, что женщине, как бы она ни была подготовлена, лучше воспользоваться бегством, чем драться с мужчиной. И я не сомневалась, что он прав, — недоумевая, зачем же тогда с учетом такой вот истины я сюда хожу.

Пара удушающих, удар пальцами в глаза и ребром ладони по горлу, подбородку или переносице, пара болевых, когда палец вдавливается в определенные точки на голове, удар ногой и коленом в пах и два удара ногами по ногам — вот и весь мой арсенал. Отрабатывать пришлось намного больше — упражнения с ножом, веревкой, палкой, всякими подручными средствами, — но это было для проформы. А свой десяток я освоила дай Бог. Потому и курсы прошла — не сомневаясь, правда, что это мне никогда не понадобится. Не зная, что ошибаюсь.

Вот сейчас мне это было надо. И я даже похвалила себя — потом уже, правда, — что не думала, а заранее знала, что буду делать, если он приблизится. И я смот-

рела, как он приближается, медленно и нерешительно, глядя чуть повыше его плеча — туда, где стояли Леха и араб напротив него. Кажется, уже на совсем незначительном друг от друга расстоянии.

Им надо было сделать все быстро — попробовать в смысле. А что тянуть — всадить нож Лехе в спину, когда тот выходил еще, или накинуться всей толпой уже на улице, воткнуть нож и бежать. И пырнуть меня заодно, чтоб без свидетелей. Но они тянули, идиоты. Прямо как в кино — когда главный злодей в финальной сцене, вместо того чтобы сразу прикончить главного героя, обычно начинает очень много говорить, давая тому время собраться с силами и победить именно в тот момент, когда всем уже казалось, что он проиграл.

Наверное, все длилось не так долго — просто так вспоминалось потом. Думаю, минуты три все тянулось — с того момента, как я заорала, приближаясь к ним, до того момента, когда все стояли, повернув ко мне головы, а один двигался неторопливо и уверенно в мою сторону. И остановился, когда крик раздался из-за его плеча — короткий крик, сопровождаемый хрустом, отчетливым в тишине, и гулким ударом, словно бильярдный шар врезался в борт.

Он обернулся, тот, кто шел ко мне. И, как и я, стоял и смотрел туда, где в центре полукруга лежал непонятно как оказавшийся на земле араб с неестественно вывернутой рукой. А над ним стоял Леха Север.

— Кто на следующего, черножопые?

Возможно, мне это показалось — возможно, всплыла в памяти слышанная когда-то в примерно такой же ситуации фраза. А в следующую секунду полукруг сомкнулся и буквально через мгновение откатился назад скомканной кривой, оставив еще одного лежащего и одного скрючившегося пополам.

Я даже не двинулась с места. И не потому, что знала, что ничего толком не смогу сделать — максимум, если повезет, отключу одного, да и то вопрос, как все это получится. Высокие сапоги и узкая юбка средней длины резким телодвижениям не способствуют. И я просто смотрела, как Север прыжком оказывается около того, кто ближе к нему, опрокидывая его ударом руки, добивая пинком в голову. И отскакивает назад, и с размаху бьет ногой того, кто стоял на коленях, скрючившись. И хотя я не видела Лехино лица, но готова была поклясться, что ему весело — потому что после стольких дней относительно спокойного пребывания в тюрьме он наконец-то в своей стихии. Даже нет — в чужой стихии, которую он покоряет сейчас.

Они не ждали такого, эти чертовы дети подворотен, гроза школ и белых мальчиков и девочек, они на понт его взять рассчитывали — и теперь, похоже, растерялись. Оправившись, только когда пятый — тот самый, что уже совсем недалеко от меня был, — проорал что-то, кидаясь к ним, к Лехе, точнее. Что-то вытаскивая из кармана — какую-то короткую палку, которая увеличилась вдруг, когда он встряхнул ее на бегу, удлинилась, гибко задержавшись утолщением на конце.

Никто не поддержал его, когда он кинулся сбоку на Леху — который был уже готов. Я крикнула что-то, не знаю, услышал он или нет, — но, стоя к этому уроду боком, он вдруг резко шагнул ему навстречу, ломая движение, подсаживаясь под него, перекидывая через себя, прыгая на поверженного сверху, обрушиваясь на него обеими ногами, быстро наклоняясь и поднимая что-то. Ту самую телескопическую дубинку — я наконец поняла, что было у него в руке, я видела такие как-то. Короткая железная трубка, которую стоит встряхнуть, как она вырастает в длине вдвое, причем вторая поло-

вина — это толстая плотная пружина с гайкой на конце. Жуткая вещь — пробить череп, или выбить глаз, или сломать руку ею можно, кажется, без труда.

Шаги сзади раздались, когда Леха рванулся на четверых оставшихся, к которым присоединился один из поднявшихся, — так по-фехтовальному рванулся, только вот оружие было не в выставленной вперед руке, а в той, которая сзади. И я не видела ударов, только вопли и стоны слышала, и падение глухое, и тут все заглушили шаги, громкие, прибавляющие в децибелах, заставившие обернуться. И увидела несущегося ко мне Владимира.

Он опоздал — Лехе уже не нужна была помощь. Я увидела это, как только повернулась обратно — успев заметить скрывающиеся вдали фигуры. И идущего ко мне Северянина — попутно прыгающего на одно из лежащих тел, ввинчивающегося в него каблуками под хруст и стон.

— Слушай, ну и страна у вас тут — нормальному человеку отдохнуть не дают, кругом бандиты сплошные.

Я улыбнулась автоматически.

— Слушай, может, поедем? — Он спросил это как бы между прочим. — Не то мало ли чего... Ты к мусорам... к полиции как? Я вот не люблю их чего-то...

И первым пошел к машине, заставляя меня покачать головой — он, только что рисковавший жизнью, вел себя сейчас трезвее, чем не так рисковавшая я и совершенно ничем не рисковавший Владимир. И я шагнула за ним, чувствуя, как голова непроизвольно мотнулась еще раз, отдавая Лехе должное — а застывшая на лице улыбка ожила и потеплела...

9

Руки скользили по телу — легко, нежно, искусно, касаясь там, где их ждали с замиранием. Заставляя выгибаться и постанывать. И я откинулась, безвольно роняя руки назад, за голову, чуть раздвигая ноги, подставляя, предлагая себя всю.

Мне редко снятся эротические сны — но это был именно сон. Яркий и красочный и абсолютно реальный — картинка из прошлого, кажется, почти не измененная памятью и тем проектором, который показывал мне его сейчас, подключив мое тело к какому-то хитроумному аппарату, заставляющему чувствовать все словно наяву.

Да, это было на самом деле — в начале 95-го, кажется. В январе или феврале, в Нью-Йорке. Журнал один крупный устраивал солидное такое пати, посвященное собственному юбилею, и меня пригласили — пригласил тот, кто перед этим впихнул в этот самый журнал две или три якобы мои статьи, на самом деле им и написанные — или еще кем-то. Но подписанные мной — возникшим из ниоткуда фрилансером, жутко талантливым и претендующим со временем на роль звезды мировой журналистики.

Я понимала, что так не может длиться вечно — чтобы кто-то все писал за меня и еще и пристраивал напи-

санное за счет собственных связей. Это было неплохо для начала, тем более я совсем недавно приехала в Канаду, я только осваивалась здесь. Но легенда должна была быть супернадежной — а значит, я сама должна была начинать писать. Плюс мне нужны личные отношения с руководством тех изданий, в которых я уже печаталась благодаря чьей-то помощи. Мне надо было, чтобы меня знали, чтобы я могла звонить и предлагать что-то, а не ждать, пока кто-то шепнет на ухо знакомым редакторам, чтобы заказали статью молодой способной журналистке из Монреаля.

Я решила, что так мне будет спокойнее — в конце концов, приехав на Запад, я не планировала возвращаться в Москву, я собиралась тут жить и работать. Как можно реже прибегая к чужой помощи — и доказывая конторе свою самостоятельность и способность адаптироваться без посредников.

И вот один бывший международник, проработавший в Штатах лет двадцать и тесно сотрудничавший с конторой, сделал так, чтобы меня пригласили. Шепнул издателю, которого знал много лет, что многообещающая канадка-фрилэнсер, пару раз напечатавшаяся в его журнале, как раз в Нью-Йорке — и неплохо было бы вручить ей личное приглашение. Журналистка будет счастлива — а журналу выгода.

Так что я прилетела, поселилась в гостинице «Виста», прямо рядом с Центром мировой торговли, пару дней погуляла по городу, а на третий мне встречу назначили в редакции. И я приехала, ожидая, что максимум, кто меня встретит, — это один из редакторов, а тут сам шеф-редактор меня принял. Лет сорока пяти примерно, одетый чуть небрежно, но с «Ролексом» на запястье. Да и пиджак я потом точно такой увидела в бутике в Трамп Тауэр — за полторы тысячи.

Он жутко удивился, меня увидев — может, ожидал, что жирная страхолюдина войдет, не знаю, — и рассыпался в комплиментах, угощал кофе и жутко долго повествовал о роли его журнала в жизни США и мира. Несколько преувеличивая эту самую роль — и собственную значимость заодно. И о сотрудничестве нашем мы поговорили — после чего мне вручили приглашение на пати, заявив, что будут рады пообщаться со мной в менее формальной обстановке.

Пати — звучит скромно, а на самом деле прием был по высшему разряду. Я в черном своем платье пришла от Мюглера — как раз перед Рождеством купила тут же, в Нью-Йорке, во время рождественского сейла — и смотрелась вполне на уровне. Я рыжая, так что кожа куда более белая, чем у большинства, — а с черным платьем насыщенного, густого очень цвета, суперконтраст получается.

Я это знала и чувствовала себя великолепно. Ощущала, что вписываюсь в интерьер шикарного ресторанного зала, по которому бродят женщины в вечерних платьях и мужчины в смокингах, в крайнем случае в очень строгих костюмах. И по виду в большинстве своем совсем не журналисты — но издатели, рекламодатели и известные личности, о которых журнал этот писал.

Я пришла одна — тот, кто дал мне рекомендацию, сказал, что так лучше, он свое дело сделал и уже ни при чем тут. Хотя подошел ко мне все-таки один раз, постоял минут пять рядом, рассказав, кто есть кто, и удалился. А я бродила по огромному залу, здороваясь с абсолютно незнакомыми людьми, приветливо мне кивавшими. Непривычно было, не скрою. Но комфортно — я знала, что выгляжу куда лучше большинства женщин в этом зале. И мужские взгляды мою уверенность только подогревали.

Я даже поела, причем с большим аппетитом — там фантастические были блюда на длинном большом столе, к которому гости подходили ненадолго и тут же удалялись с полными тарелками. И шампанского выпила — которое в принципе не люблю, но просить для себя вино не стала, хотя его и принесли бы, разумеется.

А потом, когда народ насытился, атмосфера пораскованнее стала. И мужчины стали подходить — не скажу, что толпами, но человек пять — семь точно. Кто познакомиться, кто якобы спутав меня с кем-то, кто выяснить, что делает тут такая эффектная девушка, кто еще за чем. Один, уже прилично выпивший, предложил даже уехать — чтоб повеселиться в другом месте. А другой чуть смущенно предложил культурную программу уже после пати — и его смущение подсказало, о какой именно культуре речь.

А я всем улыбалась и со всеми была любезной — я вживалась в эту жизнь, осваивалась в ней, делалась своей. И мне нравилось внимание, и визитки, протянутые мне, казались символами прочных деловых связей — хотя визитка в Америке совсем ничего не значит, это то же самое, что в России фамилию свою назвать. И тут-то и появился Питер, он же шеф — заявив с ходу, что жутко счастлив меня видеть и хотел подойти раньше, но слишком много официальных вопросов возникает, и требуется уделить внимание всем высоким гостям, хотя его, по правде, хочется уделять только мне.

— Я польщена. — Так я ему ответила и пристально посмотрела в глаза, откровенно и открыто. — Для меня большая честь находиться здесь — но мне тут так одиноко. И здесь — и вообще в Нью-Йорке. Я даже думала, не уехать ли прямо сейчас и сегодня же вернуться обратно в Монреаль...

— Нет-нет, прошу вас, не торопитесь! — Он произнес это поспешно, кладя свою руку на мою. — Вечер только начинается, не так ли? А вы мой гость — разве я могу вас отпустить?

Я кивнула. Мне еще во время первой встречи показалось, что я ему понравилась, а сейчас он это подтвердил — равно как и желание, невысказанное, но тем не менее присутствующее в глазах. Америка не Россия, страна куда более пуританская, проповедующая семейные ценности. Но секс в ней решает многое — кстати, в Штатах, используя тело, можно куда выше подняться, чем в Москве. И я подумала, что если он хочет — то почему бы и нет в конце концов, он ведь мне тоже нравится.

И примерно часа через четыре, уже под утро, я оказалась в его постели. Он не был настойчив, он был нерешителен и мягок — даже слишком. И по сути, если бы не я — ничего и не было бы. Просто я вовремя поняла, чего он хочет — и что он не может прямо заявить мне в лицо, чего именно желает.

Он так все обставил, словно это я проявила инициативу. Он только намекал. На то, что после пати было бы неплохо поехать в один престижный ночной бар. На то, что у него очень красивый дом в Нью-Джерси и ему интересно, что бы я сказала о его доме. На то, что я могла бы остаться у него ночевать — в этом нет ничего такого, а комнат для гостей у него хватает.

Даже попозировать перед ним голой он попросил стесняясь — «я читаю «Плейбой», но модели такие скованные и некрасивые, а вы куда лучше, я уверен, что если бы согласились, то произвели бы фурор», и все в таком духе. Не знаю, читал ли он «Плейбой», но имел он в виду «Пентхауз», в котором съемки предельно откровенны. И как бы он там ни стеснялся, но тем не

менее неотрывно и жадно смотрел, как я по его просьбе то сажусь в кресло, широко раскидывая ноги на подлокотники, то встаю на четвереньки, то нагибаюсь стоя, повернувшись к нему попкой, то ласкаю себя лежа.

По-моему, у него были проблемы с потенцией, и давно — потому что он лишь касался меня языком, губами и пальцами, но делал это так, словно занимается именно таким сексом уже лет двадцать. И я закрыла глаза и представила, что я в постели с женщиной — с лесбиянкой, предпочитающей проявлять активность. Но не с такой, которая больше напоминает мужчину — и в постели агрессивна, напориста и неутомима, отчасти еще и оттого, что сама разрядиться толком не может. А с ласковой, нежной, но все же активной.

Я лежала, расслабившись, и чувствовала, как ходят по моему телу руки, как бегают по нему пальцы — легкими, почти невесомыми шажками, — и мне было жутко приятно. Они знали, как бегать, эти пальцы, они были олимпийскими чемпионами по бегу — особому, не по прямой, но по определенным точкам. Которые реагировали на прикосновения выбросом горячей влаги вниз и выкидывающимися из горла стонами и шепотом.

Я не играла даже — в этом не было нужды. Я лишилась воли и сил под этими ласками, смягчилась, растеклась по постели, подрагивая, — и пальцы всякий раз точно чувствовали, что пора совершать рывок к финишу, и вскальзывали туда, откуда к ленточке вел кратчайший путь.

А потом все начиналось сначала — новая дистанция, каждая длиннее предыдущей, новый забег с теми же участниками. Только иногда на помощь пальцам приходил язык, дразнящий, обволакивающий и раздвигающий, доводящий до исступленного бешенства начинающие сокращаться мышцы.

И через какое-то время уже не было точки на моем теле, которая бы не отзывалась на прикосновение стоном — от пальцев ног до шеи, от коленок до стыдной дырочки между двух пухлых половинок. А я все лежала, позволяя переворачивать себя, раздвигать ноги и сжимать их, опускать или поднимать руки. Называя того, кому принадлежали эти пальцы, язык и губы, «милой» и «дорогой». Уже позже, когда все вспоминала, тихо порадовалась, что в английском языке нет склонений — и соответственно «милый» и «милая» звучат одинаково.

А потом я случайно наткнулась на его член. Как-то так получилось — он терся о меня, кажется, и сам попал прямо в мою непроизвольно сжавшуюся руку. Он был маленький и мягкий, но все-таки член — и я открыла глаза, понимая, что совсем не с женщиной в постели, а с мужчиной, пусть и импотентом. Из которого, правда, путем долгих издевательств я все-таки вырвала один оргазм.

Но это было уже в конце — коротенький эпизод, незначимый совсем. А многочасовое действо, предшествовавшее концу — странное, но необъяснимо приятное, — мне запомнилось. То есть я не вспоминала его намеренно — только, может, когда он звонил, хотя чаще это делала его секретарша, он, видимо, стеснялся меня, — но оказалось, что память отложила все туда, где копила сжатые до размеров компьютерных файлов объемные полнометражные картины.

Там были самые разные фильмы — из разных периодов, с разной эмоциональной окраской, по-разному сохранившиеся. Были черно-белые, совсем старые, из доконторского периода, когда секс был для меня средством получения удовольствия, а не вытягивания информации или компрометирования. Были более поздние,

абсолютно стершиеся из-за того негатива, с которым ассоциировались. Были выцветшие и полустертые, с пробегающими по экрану полосами — именно в тех местах, которые были неприятны. А были и прекрасно сохранившиеся независимо от даты выпуска. Яркие, красочные, красивые. И та, которую я смотрела сейчас, во сне, оказывается, относилась именно к ним.

И я содрогалась и стонала во время просмотра и, кажется, гладила сама себя, и рука периодически оказывалась между бесстыдно раскинутых ног — действуя в унисон тем, другим рукам, находившимся в других местах. Превращающих в эрогенные зоны самые, казалось бы, нечувствительные кусочки плоти. И меня совсем не напрягало, что фильм такой затянутый. Наоборот — он мне нравился, и я смотрела его так, словно и в самом деле лежала на большой постели красивого ухоженного холостяцкого дома в Нью-Джерси.

Однако то, что оказалось вдруг в моей руке — что-то большое, длинное, горячее, твердое, — его не было в том фильме. Там было нечто крошечное и вялое, не жаждавшее прикосновений, — а тут мою руку положили на это большое, и накрыли ее сверху своей рукой, и водили взад-вперед. И это несоответствие копии оригиналу заставило вырваться усилием из сна, открыв глаза. Не сразу увидев в полной темноте сидящего на моей постели голого Алексея, ласкающего мою грудь.

Я дернулась резко, отодвигаясь от него, приваливаясь к стене спиной.

— Ты чего, испугалась? — Он говорил тихо, голос был приветлив, и легкая насмешка в нем была. — Я слышу — шепот, стоны. Думаю, может, плохо стало. Захожу — лежишь голая, одеяло скинула, сама себя готовишь. Прислушался — меня зовешь. Вот так...

— Я видела сон...

— Я снился-то?

— Нет, это были не вы! — Я решительно качнула головой, только сейчас сообразив, что моя рука все еще лежит на его члене. — Я очень прошу вас уйти. Пожалуйста.

— Да ладно, ты чего? — Он удивился даже, все еще водя рукой по моей груди, остановившись на чуть увеличившемся горячем сосочке. — Ты ж хочешь, я вижу. Мужик же снился — точно? Аж взмокла вся...

— Фу, Алексей, это звучит очень некрасиво.

— Да ладно! — Он отмахнулся шутливо. — Главное — правда. Мокрая, голая — хочешь ведь, колись? Я уж тут минут десять сижу — классная ты девка, Анна...

— Знаете ли, Алексей, — то, что этой ночью по собственной вине вы лишились секса, не является поводом приходить ночью ко мне в спальню. — Я все еще не очень хорошо соображала, лишь потом оценив, что он специально не стал ничего делать, когда я спала, хотя я бы толком и не поняла, что происходит. А и поняла бы — что, кричать бы стала, когда процесс уже, так сказать, идет? Но он не воспользовался этим — и не настаивал на своем, когда я уже проснулась, хотя я бы вряд ли сопротивлялась. Ему важно было, чтобы все происходило добровольно, чтобы я сама его хотела — вопрос самолюбия. Раньше, в молодости, он был менее самолюбив — сел-то за изнасилование, хотя был при этом женат, и еще две девицы на него заявили, пусть потом отказались от показаний. — Я осталась ночевать в вашей квартире лишь по той причине, что много выпила и в таком состоянии нельзя управлять машиной...

Это была неправда. Я осталась только потому, что боялась, что между ним и Владимиром возникнет конфликт. По крайней мере повод для него был. Когда мы

приехали сюда после драки у дискотеки, Север, посокрушавшись, что забрызгал чужой кровью брюки, и попросив меня закинуть их в стиральную машину, заявил, что драка дракой, а без девицы он оставаться не собирается.

— Ну поехали, что ли, Анна? — заявил, переодевшись, выйдя в гостиную уже в костюме. — Че стрематься-то? Никто нас не видел, никому мы не нужны — да и девки меня заждались уже, в окошко смотрят, когда Леха приедет, сразу двум счастье подарит? Ну давай, поехали!

Я поразилась, что он ведет себя так, словно и на самом деле ничего не произошло. Он был прав, конечно, у драки, кажется, не было свидетелей, никто не высказывал из дискотеки, никто не проходил мимо, никто не видел, как мы отъезжали и на чем, — но ведь это только кажется. К тому же бордели, в которые мы ездили, были рядом с этой дискотекой — в одном районе в смысле. И если он убил кого-то из этих, полиция могла сейчас рыскать по району, и случайно наткнуться на нас, и вспомнить, что кто-то видел, как арабы выходили с белым парнем невысокого роста, который потом уехал вместе с рыжей девицей и еще одним парнем на «Рено-19». Так что здравый смысл подсказывал, что хотя бы сегодня нужно отсидеться.

— Но, Алексей, вас могут искать полицейские... Извините, нет. Я не имею желания из-за вас оказываться в полиции...

— Да кончай ты! — бросил не грубо, но весело. — Не бойся, со мной не пропадешь. А черные эти — ты ж сама видела, с ножами все, это ж шпана местная, у них же драки небось каждый день тут. И к тому же они сами начали. Я ж за тебя заступился, между прочим, — а ты меня кидаешь!

Это было не совсем так — и он знал, что я знаю. То есть я не сомневалась, что он заметил, как этот араб, которого он положил потом первым, приставал ко мне. Но разбираться они вышли позже. Когда я начала по пути сюда охать и ахать и делать вид, что нервничаю — я и в самом деле немного понервничала, все могло сорваться из-за незапланированной глупости, и я с трудом заставила себя не гнать «рено» по узким улочкам, потому что могла произойти глупость еще большая и последняя к тому же, — он рассказал, как было. Что увидел, как ко мне пристают, но сразу выяснять ничего не стал, решил отложить разборку на потом, когда дело к закрытию пойдет. Потому что классную телку себе присмотрел, и только-только начал отношения налаживать, и оставлять ее не хотел. И тут, на свою беду, этот самый араб и вклинился — вместе со своей шайкой.

— Ты прикинь, Анна! — Он обращался только ко мне, игнорируя сидящего сзади Владимира, кажется, готового вот-вот взорваться. — Телка класс, танцую с ней, туда-сюда, разговариваю кое-как — объясняю, что давай в кабак поедem, посидим, а потом ко мне. И она вроде согласна уже, кивает, смеется. И тут пидоры эти под ноги лезут. Ну подвинул одного слегка — не мешайся, братан, — так чуть за горло не хватают. И телке пихать начинают — тоже ихняя телка, смугленькая такая, атас вообще, — и она сваливает. Видать, пидоры насвистели ей, чтоб с белым не трахалась. И на меня тянут — трещат чего-то, не поймешь, а рожи злые. Такую телку увели — ну че мне делать-то с ними? Сейчас, думаю, я за нее разберусь — и за тебя заодно. Ну и киваю на выход — главного прихватил за рукав и за собой. Ну эти бараны всей толпой и поперлись. На лестнице встали, я и говорю им — все, негры херовы, доигрались. Сейчас вам Леха рожи-то поразукра-

сит, обезьяны паскудные! А они как загалдят — негр, негр, — поняли, видать. Ну я первый на улицу и пошел...

Ему понравилось случившееся — видимо, прежде всего потому, что он доказал себе, что в форме и восемь уроков для него не помеха. И мне показал, кто он такой, — и Владимиру. Он ведь не знал, что я в курсе была его биографии — и история с побоищем в лагере, когда он был один против полутора десятков и выстоял, была мне знакома. Тут противников было поменьше — но зато у него ни одного синяка.

— Это ужасно, то, что я видела, — уронила удрученно. — Вы были так жестоки...

— Да брось, че ты! — Он счел мои слова за комплимент. — Ты ж еще помогла — они ж на тебя смотрели, когда я первого уронил. На глушняк вообще, нокаут. Думаю, надо выручать тебя — ну и вломил. Понтов куча у негра, а от апперкота башка чуть не оторвалась. Пустая ведь, а тяжелая, чуть кулак не сломал — а об землю дался, я думал, асфальт проломит...

Он рассмеялся, и я затревожилась, что смех этот расколет сидевшего сзади истукана, заполненного бурлящей лавой — но лава, кажется, чуть остыла от случившегося и от того, что сам истукан это пропустил, появившись слишком поздно.

Он позже уже едва не раскололся — когда Северянин заявил, что надо ехать в бордель. Владимир, сидевший в кресле напротив меня — убитый, одуревший на вид, кажется, не соображающий ничего толком, — подлетел буквально, когда наконец понял, о чем идет речь. И, одним прыжком оказавшись около Лехи, вцепился в него яростно.

Но не успел ничего сделать — я вовремя вмешалась, заорав. Не дико и пронзительно — шум мне был нужен

не больше, чем им, хотя они в тот момент вряд ли это сообразили, — но достаточно громко. А потом я подскочила к ним, начав кричать, что устала от них и они мне надоели и что я вызову сейчас полицию. Это скорее возмущенная речь была, а не крик — чуть истеричная речь, произносимая скороговоркой. И наконец я решительно оттолкнула Владимира, стоявшего ко мне боком, сжигавшего раскаленным взглядом ухмыляющегося Леху.

— Анна, кончай! Ну бывает у нас — но мы ж друзья! — первым опомнился Леха, решив, видно, что я и вправду впала в истерику. — Кончай, все ж нормально, чего ты?

Он даже приобнял меня, похлопав по спине — но я вырвалась и вернулась обратно в кресло, закуривая, не глядя на них, не произнося ни слова. Слушая успокаивающего меня Северянина — отмечая, что Владимир так ни слова мне и не сказал, хотя моя роль его к этому обязывала.

— У вас очень странные шутки, — выдавила наконец. — Хорошо, быть может, я вас неправильно поняла по той причине, что вечер выдался полным неприятных событий. Должна вам сказать, что мне необходимо расслабиться. Я предлагаю вам, Алексей, поехать со мной за бутылкой вина — совсем рядом с вашим домом находится автомобильная заправка, а при ней имеется магазин. Вы ведь выпьете со мной вина, правда?

Я так пыталась разрядить обстановку — а Севера взяла с собой, чтобы не оставлять их наедине и дать Владимиру возможность успокоиться и взять себя в руки.

А потом часа два мы сидели и пили. То есть пили мы с Северянином — неторопливо, маленькими глоточками, включив музыкальный канал телевизора. А Владимир молча сидел тут же, в гостиной, чуть в стороне от нас, и курил одну за одной, и, кажется, не сводил глаз с нас

обоих. Возможно, уже считая меня пособницей Лехи — которая может помочь ему убежать.

Мне не доставляло никакого удовольствия сидеть тут — я предпочла бы провести это время тоже с бутылкой вина, но наедине с собой. Но я знала, что, стоит мне уйти, Владимир начнет выяснять отношения. Он прав был, в общем, — Север не имел права провоцировать драку, он был здесь по делу, за которое он получил свободу и должен был получить деньги, немалые притом. Это было просто непрофессионально — то, как он себя вел.

Хотя лично я не сомневалась, что он не предполагал ни на секунду, что один из арабов может засадить нож ему в спину, — он был уверен, что с ними разберется, и, возможно, даже расценивал это как разминку своего рода. И еще я не сомневалась в том, что ему совершенно не хотелось попасть в полицию — и будь у него хоть одна мысль, что такое может произойти, он бы ничего не сделал. Но он верил в обратное — он вообще очень верил в самого себя.

У него были для этого все основания, если честно. Уволенный спецназовец, разжалованный и осужденный мент, брошенный в обычную зону со статьей за изнасилование — он мог гордиться тем, что достиг высот. Уволили из армии, пришел в ментовку, где трахал всех девиц подряд и занимался поборами с кооператоров и наверняка стал бы в итоге весьма обеспеченным человеком. Бросили в зону, где все, что ему светило, это пробыть восемь лет петухом, — а он стал там чуть ли не королем. Никто из этой зоны не бежал — а ему удалось. Стал после побега объявленным во всесоюзный розыск преступником — казалось бы, человеком, обреченным на вечный бег, — а он спокойно вернулся домой и влился в одну из местных бригад, быстро став в ней вторым человеком.

Но ведь и этим не ограничился — в Москву потянуло. Это от спокойной-то жизни — в Москву, где предстояло делить уже поделенный мир, влезать в чужую игру на чужом поле и пробовать отхватить свой кусок. И убедил-таки своих — перебрались. И устроились неплохо — заранее вычислив коммерсанта одного, своего земляка, который в Москве бизнес делал крупный, — вот они сначала за счет его отчислений и жили. Но и этого мало было Лехе, идейному вождю бригады — из-за которого, если верить досье, бригада вскоре подтянула в Москву дополнительные силы из дома, а потом начала расширять в столице сферы влияния.

Сколько московских на разборках положила Лехина команда, не сказано было в досье — но я, примерно представлявшая, что есть криминальный мир столицы, могла догадаться, что немало. Потому что уж больно быстро и круто Лехина бригада поднялась и обрела славу беспредельщиков, которым человека закопать что раз плюнуть. И не случайно заказы им стали давать на убийства — лишь бы кому не дадут.

И даже тут Леха довольствоваться достигнутым не стал, еще повыше подняться захотел, потому что считал себя поспособнее и поумнее своих корешков. И денег ему больше хотелось, и сам себе начальником быть хотел — гордый он, Леха. И судя по дискете, от бригады он отдаляться начал — то есть с ними был, но начал заказы брать лично для себя. Все равно на кого — лишь бы платили хорошо.

И зарекомендовал себя дай Бог — и как снайпер, и как организатор. И даже титул киллера номер один заслужил — после ареста уже. И то, что Владимир мне рассказал — что практически смертельно раненный Север в тюремной больнице поведал про громкие свои дела, заявив, что в историю войти хочет, — это тоже

показатель. Не хотелось ему умирать обычным бандитом — гордость не позволяла.

И ведь снова на ноги поднялся — в который раз в своей жизни доказав, что не опрокинешь его так просто. И выздоровел, и сидел в Бутырке, и планы бежать строил. И даже с конторой, предложившей его освободить, и то торговался — выторговав приемлемые, на его взгляд, условия. И сейчас — в ближайшем будущем, точнее, — имел все шансы стать весьма крупным киллером уже международного масштаба.

И я почему-то не сомневалась, что, если бы контора смогла договориться с Лехой — через умного посредника, естественно, а не такого, как Владимир, — и использовала Леху и в дальнейшем и платила ему солидные гонорары за дела, ему и в голову не пришло бы от них дернуть. Сколько бы денег он ни накопил, он никогда не выйдет из игры, потому что играть ему нравится. Тем более что всегда есть шанс занять положение повыше. И именно потому он и не остановится — потому что наверх его тянет, любой ценой. Потому что уверен, что место его на самом верху.

Но я не могла напомнить все это Владимиру, доказав логически, что Леха в выполнении задания заинтересован так же, как и мы. У меня просто не было такой возможности — потому что Алексей не собирался оставлять нас наедине, — но даже если бы она появилась, он бы не стал меня слушать. Он давно уже был в своем мире, в котором не было ничего, кроме ненависти к Лехе Северу и желания убить его как можно быстрее, — и с каждым днем он погружался в этот мир все больше, все глубже. Постепенно утрачивая и логику, и рассудок, и связь с реальностью.

И поэтому у меня не было сомнений в том, что оставлять их нельзя. И уже начало третьего ночи было,

когда я заявила чуть нетрезво, что, если они не против, останусь ночевать у них — водить машину в таком состоянии ни к чему. На что Владимир молча кивнул — а Алексей хмыкнул довольно.

— А я-то думаю, чего ты меня к телкам не отпустила? — шепнул на ухо, бесцеремонно усевшись на глазах у Владимира на широкий подлокотник моего кресла. — Молодец. Нравлюсь тебе, колись?

— Я боюсь, что вы неверно меня поняли, — произнесла в ответ довольно громко, чтобы слышал Владимир. — Я останусь, чтобы спать — вы понимаете?

И, погрозив ему пальцем, отстранилась, попросив его вернуться на свое место. Стараясь показать, что все нормально и я не обижена и не пытаюсь обидеть его, — просто он смущает меня, вот и все. И он вернулся — даже удивив такой покладистостью.

Будь я в джинсах, я бы легла прямо в одежде — на диване в гостиной. Не знаю, удалось бы мне заснуть в столь дискомфортной ситуации — но это было лучше, чем ехать в отель. Однако я была в юбке — а Мюглер такой дизайнер, что в его юбках сидеть-то сложно, а уж спать вообще нереально. Так что я после душа — быстрого, потому что эти могли устроить черт знает что в любую секунду — вышла в полотенце. И, положив свои вещи в одну из четырех небольших спален, выходящих дверями в неширокий коридор, пошла обратно в гостиную. Рассчитывая, что там никого нет — и я смогу покурить в одиночестве и допить вино, все равно не спится.

Я ошиблась — в гостиной сидел Север в одних трусах. Красивых таких, версачевских. И присвистнул, меня увидев. Не слишком большое полотенце, в которое я завернулась кое-как, сверху еле-еле прикрывало грудь, а снизу открывало ноги почти как мини-юбка. Даже поткровеннее — в связи с отсутствием на мне белья.

— К тебе или ко мне?

Я улыбнулась ему и ушла — справедливо рассудив, что оставаться с ним один на один совершенно ни к чему, потому что разговор может быть только об одном, — и какое-то время лежала еще и курила, открыв впускающее прохладный воздух окно. Не могу сказать, что мне было некомфортно — я привыкла к гостиницам и новым местам, и здесь, в небольшой спальне, было вполне сносно, особенно в одиночестве. Я вслушивалась автоматически в живущие в квартире звуки — но дверь спальни Владимира, соседней с моей, не открывалась, а дверь напротив, в спальню Лехи, открылась и закрылась.

И я сбросила полотенце наконец и заползла под одеяло — успев только похвалить себя за то, что мое присутствие сыграло свою роль и отношений они не выясняли. И потому завтра я останусь у них снова. А послезавтра нам предстоит ехать в Париж, и там им точно будет не до ссор. Потому что оба профессионалы — и если могут позволить себе что-то тут, на отдыхе, то там, где предстоит работа, к которой надо подготовиться как следует, все будет тихо и мирно.

Ну а когда все закончится... Мне по большому счету было плевать, что будет, когда все закончится. Мне главное было, чтобы все прошло успешно. А если потом Владимир выстрелит Лехе в затылок или задушит его или все-таки отправит в Германию — это уже его личное дело. Ко мне, бездушной твари, заботящейся только о собственной шкуре, это не имеет никакого отношения.

И я заснула. И вот проснулась сейчас, обнаружив на своей постели голого Леху. Явно не собирающегося меня насиловать, ничего не предпринимающего вообще — ждущего, когда я отдамся сама.

— Анна, ну ты как девочка в самом деле. — Он говорил тихо, весело и насмешливо, все еще водя рукой по моему телу. — Лежишь тут голая, мокрая, мужики снятся — а строишь из себя целку. Ты смотри, какой мужик с тобой — за член-то меня хватала во сне, руки не оторвать. Ну так чего?

— Нет-нет, то, о чем вы говорите, невозможно! — Мне не хотелось говорить ему, что он не в моем вкусе, потому что это было не так — у меня в принципе не было особых вкусов в отношении мужчин, разве что пожилые и солидные нравились мне больше, чем молодые, но это тоже было относительно. И говорить ему о том, что я предпочитаю женщин, тоже было лишнее. И что секс по работе мне скучен — опять же ни к чему. Будь мы с ним один на один, завись от того, как я себя поведу с ним, выполнение работы — может быть. Но у него был контролер, а я была лишь сопровождающей — и потому искала сейчас повод, наконец его найдя: — Мы с вами не одни находимся в этой квартире, Алексей. — Я показала глазами на дверь, которую он предусмотрительно прикрыл за собой. — И я совсем не хочу...

— Ты про Вовку, что ль? — Он удивился даже. — Да кончай — ты же видишь, он по другой части. Ну не интересуют его бабы, женщины — ты же видела...

— Вы думаете?..

— А че тут думать — пидор натуральный. Ну педераст, голубой — понимаешь?

Я глубокомысленно покивала.

— Но вы же говорили мне, что у него есть семья...

— Ну, может, и так. — Ладонь сжала сильнее мою грудь, показывая, что разговор затянулся. — Слушай, давай про него забудем. Спит человек — ну чего его будить...

— Владимир сказал мне, что по ночам он не может спать... — Я мягко выдернула у него руку, которую он снова опустил на свой член.

— Это точно! — Север усмехнулся издевательски. — Спит он плоховато. Слушай, Анна, может, хватит разговоров-то? Обидно прям — тут с тобой такой мужик сидит, красавец, одно слово, и к бою готовый, а ты... Как тебе мой — хорош?

Он с силой опустил мою руку туда, куда она не хотела ложиться. Заставил провести сверху вниз по горячей напрягшейся коже — в то время как его рука скользнула между моих ног, а один из пальцев нырнул в горячую влагу.

— О, что вы?! Пожалуйста, я не могу так! — Я произнесла это уже громче. Не то чтобы мне было страшно, что он все сделает силой — как известно, можно изнасиловать только ту женщину, которая этого хочет. Просто мне ни к чему были с ним такие отношения — по крайней мере пока. — Я вам все объясню потом.

— Ты из-за него, что ли? — Леха и не думал обижаться, для него мое согласие было вопросом нескольких минут, тем более что попытка сжать ноги не удалась все равно, палец его остался внутри. — Ну, если он так тебя напрягает, поехали к тебе. Или — или ты с ним хотела? Так давай его разбудим. Или ты групповуху любишь? Ну давай так — если тебе по кайфу...

Это была интересная мысль. Неожиданная, но настолько интересная, что я задумалась даже. Рассматривая предложение как способ установить мир между ними. Меня бы это не напрягло — такое было у меня, хотя и очень давно, и не скажу, чтобы было жутко приятно, но в качестве эксперимента прошло неплохо. И я уже знала, что мужчин секс с одной женщиной сближает —

нечто вроде кровного родства возникает. И еще я не сомневалась, что, проведи мы часа три в одной постели, все втроем, эта была бы лучшая разрядка существующей напряженности. И после этой ночи инициатива в наших отношениях перешла бы ко мне — а сами отношения изменились бы настолько, что их легко было бы контролировать.

Я не успела додумать — Леха одним движением взметнулся на кровать, оказываясь передо мной, становясь на колени так, что напрягшийся член, излучавший жар на расстоянии, оказался напротив моего рта.

— Завязывай меня обламывать — кончу же сейчас!

Все это звучало шутливо, не было ни грубости, ни приказа в тоне — но я инстинктивно дернулась назад, плотнее прижимаясь к стене, ударясь о нее головой.

— Алексей!

Дверь скрипнула, впуская в комнату свет.

— Слышь, отвали от нее!

Голос стоящего в дверях Владимира был командно-жестким, и я ощутила, как напрягся и тут же расслабился Леха.

— Ты б вышел, братан, — видишь, люди заняты!

— Отвали!

— Анна, скажи ему!

— Алексей, я очень прошу вас уйти, — произнесла тихо, но твердо. — Пожалуйста...

— Ну как хочешь! — Я не услышала в тоне обиженных ноток. — Я ей, понимаешь, развлечься предлагаю, а она... Ладно, надумаете чего, меня позовите...

Мне показалось, что он как-то легко согласился уйти — даже не попытавшись послать Владимира подалее. Мне не понравилась эта легкость — в ней было что-то, чего я не могла объяснить. Но он вышел — и на этот момент это было главным.

Я натянула на себя одеяло, садясь поудобнее, глядя на Владимира, отвернувшегося от меня, смотрящего на захлопнувшуюся дверь Лехиной спальни.

— Спасибо... Мы можем поговорить? — спросила тихо, думая, что надо объяснить ему, как все произошло, чтобы он, не дай Бог, не пришел к неправильному выводу — и не сообщил потом в конторе, что я занималась сексом с Севером, тем самым мешая работе. — Я приду в гостиную через минуту — подождите меня, хорошо?

— Спать пора! — Он даже не удосужился повернуться ко мне, бросив фразу через плечо, к тому же по-русски. — И больше тут не ночуй, поняла?

И резко захлопнул дверь, и буквально тут же хлопнула дверь его спальни. Идиот, он ломал мою роль — ну позволил бы он так себе разговаривать с незнакомой иностранкой, только по просьбе общего знакомого согласившейся повозиться тут с ними несколько дней? Да в жизни не стал бы — к тому же до этого бы и не дошло, она бы его послала на три буквы еще в первый день. А этот урод, себя не контролировавший, показывал Лехе, что я не та, кого играю. Возможно, ему было наплевать — но не мне. И я должна была что-то сделать, чтобы вытащить его из мира злобы, ненависти и подозрения, в который он окончательно переселился.

Что ж, похоже было, что предложение Севера — относительно секса втроем — и вправду было лучшим и, может, даже единственным способом изменить наши отношения. Но тут я представила, как войду сейчас голая к Владимиру, сяду на кровать и начну приставать к нему, а он будет отбиваться и отсылать меня к черту, — и мне это не слишком понравилось.

— Завтра, — сказала себе, устраиваясь поудобнее на постели, зная, что больше уже никто ко мне не войдет.

— Завтра. Прямо утром шепну Алексею, что готова на такой вариант и чтобы он мне помог расслабить Владимира, и вечером подольше посидим в ресторане, и я обязательно втяну его в какой-нибудь не слишком скромный разговор. И заставлю выпить, чтобы уж точно расслабился. Придумаю повод — собственный день рождения, например. Почему нет? Да, самый лучший повод — и навяжу им свою программу на день, и потребую подарков. И буду вести себя игриво, кокетничая с обоими. А потом придем к ним, захватив с собой еще выпить, — и я выйду, приму душ и вернусь к ним голая. И заявлю, что хочу отметить день рождения таким вот экстравагантным образом — потому что они оба мне нравятся и я не хочу отдавать предпочтение кому-то одному. И...

Я вспомнила ленинскую цитату относительно того, что никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Но мне уже хотелось спать. И я повторила себе:

— Завтра. Завтра — обязательно...

И начала проваливаться, ощущая улыбку на лице...

10

Домофон молчал. И мне очень не нравилось это молчание.

Я стояла перед ним уже минут пять. — и как полная кретинка, которая все никак не может понять, что ей не откроют, нажимала на кнопку, ожидая ответа. Которого все не было и не было.

Странно — я отсутствовала всего три с половиной часа. И они должны были сидеть в квартире и ждать меня — я им сказала, что, когда вернусь, мы поедем в ресторан, а потом у меня для них приготовлен сюрприз. Не сказала какой — но произнесла фразу очень многозначительно. Леха догадался, кажется, — тем более что я еще утром ему шепнула, что обдумываю его вчерашнее предложение, и улыбнулась двусмысленно, — а Владимир в силу своей заикленности на Лехе, может, и не понял, но ему предстояло это понять.

Я снова нажала на кнопку. Не отпуская ее, говоря себе, что, возможно, у них слишком громко работает телевизор. Или они оба спят. Все-таки оба знали, что меня пару часов как минимум не будет — а накануне спать легли поздно и встали рано. Лично я проснулась в десять — но когда вышла, все в том же полотенце, оба

уже были на ногах. Северянин смотрел телевизор, Владимир на кухне пил растворимый кофе, приканчивая очередную сигарету, раздавливая ее в уже полной пепельнице. И судя по кругам под глазами, возможно, он не спал вообще — всю ночь прислушиваясь к звукам за своей дверью.

Так что сейчас, когда я стояла перед домом, они все еще могли спать. Может, просто не разобрались с будильником или решили, что я разбужу.

Я уехала в шесть вечера, сказав, что вернусь максимум к девяти и мы пойдем отмечать мой день рождения — и чтобы они отдохнули, потому что нам предстоит бурная ночь, гулять так гулять. А сейчас было уже девять сорок пять. И мне бы не хотелось, чтобы они проспали до утра.

Я успокоила себя, повторив в сотый раз, что они спят. Им негде больше было быть. Я не могла поверить в то, что они сели на такси и поехали выбирать мне еще один подарок, кроме того, что сделали днем. Или пошли прогуляться, воздухом подышать, идиллически так, вспоминая минувшие дни или обсуждая меня, красавицу. Это было бы слишком — возможно, но слишком. Так что они просто обязаны были находиться в квартире — и рано или поздно услышать домофон и открыть мне дверь.

Не знаю, почему я занервничала. Но когда осознала это, то приняла меры. А именно — пошла обратно к машине, чтобы сесть в нее и выкурить сигарку. И настроиться на то, что после я снова подойду к домофону, и позвоню, и услышу недовольный голос Владимира — и поднимусь наверх. А еще лучше — вспомнить сегодняшний день, отвлекаясь от настоящего момента.

Что ж, это был очень плохой день — и очень нервный. Но все плохое пришлось на вечер — а с утра все

было здорово. Я встала, быстро ускользнула в душ, где проснулась окончательно и нарядилась наспех — почти не злясь, что приходится осуществлять столь важный процесс в таких неподходящих условиях. И когда вышла — мокрая, завернувшись в плотно облепившее меня полотенце, — на лице моем, кроме косметики, была улыбка.

— Я должна сообщить вам что-то очень важное, — произнесла торжественно. — Сегодня мой день рождения, и я хочу отметить его с вами. Вы мне будете должны сделать презент — а я приглашаю вас в хороший ресторан. Я настаиваю на том, чтобы мы отмечали этот праздник всю ночь напролет. Я надеюсь, вы не имеете ничего против?

— Базара нет! — с шутливым возмущением выкрикнул Леха. — Гуляем, братан!

И, подскочив ко мне, жарко впился в губы — заставив отстраниться поспешно. Ненавижу поцелуи — помада размазывается. Никчемное дело — и, на мой взгляд, вовсе не прелюдия к сексу. Так, ненужные нежности. И я отстранилась от Лехи, умудрившегося еще и запустить руку под прикрывавшее меня полотенце.

— Возможно, я рассмотрю ваше вчерашнее предложение, — шепнула тихо, улыбаясь. — Я буду еще думать — но...

И мы поехали завтракать. День такой хороший выдался, солнечный, теплый — и хозяин кафе, в которое мы зашли, даже вынес на улицу столики, которых вчера тут не было. И мы сидели на воздухе, пили кофе с круассанами, и я болтала без умолку, кокетничая с обоими, пытаясь вытянуть на разговор вечно молчаливого и насупленного Владимира.

Время тянулось бесконечно медленно — как всегда, когда хочешь, чтобы оно прошло побыстрее. Делать не-

чего было, до ленча еще как минимум часа четыре, а до праздничного обеда все десять, минимум девять. И веселить их в течение такого продолжительного времени представлялось проблемным. Так что я после завтрака заявила, что мне надо привести себя в порядок. Мне просто необходим был поход в салон — массаж, педикюр, маникюр, подровнять волосы, и все такое.

— Алексей, я уверена, что вы понимаете, что для меня очень важно сегодня быть особенно красивой. Я так сильно хочу сегодня нравиться вам двоим — сильнее, чем обычно. Это потребует два или три часа — но я обещаю отблагодарить вас за ожидание.

— Как? — тут же вставил Леха, не сводя с меня глаз.

— О, я не знаю!.. — Я развела руками потерянно. — Я обещаю вам придумать. Обещаю — то, что я придумаю, вам понравится...

Когда часа через три я вышла из салона, они были там же, где я их оставила — в открытом кафе неподалеку, — и, похоже, не сказали друг другу ни слова за это время.

Никаких особых изменений со мной не произошло — те же волосы, тот же черный лак на руках, может, только вид чуть посвежее. Но Леха с игривым восхищением покачал головой, цокая языком:

— Класс! Слушай, я бы тоже подстригся — найдем цирюльню, а?

Это был шанс — вывести его из игры на время. И мы нашли мужской салон минутам в двадцати ходьбы, и я зашла с ним, заказав полную программу. Я, правда, спохватилась, что попытка сделать ему маникюр может его возмутить — хотя никто не будет красить ему ногти цветным лаком. Я, когда работала в Москве с криминалом, не раз сталкивалась с таким мнением, что это, мол, для пидоров ухищрения, — но солидные люди щеголя-

ли аккуратно обработанными ногтями, и у кого-то они даже были покрыты бесцветным лаком.

Но на всякий случай я предупредила Леху, что ему предстоит, — и он кивнул спокойно. И я вышла, зная, что он проторчит там час минимум — и этого часа мне должно хватить, чтобы наконец побеседовать по душам с Владимиром.

Он сидел на лавочке чуть наискосок от входа — разумеется, с сигаретой в зубах. Он, кажется, вообще одну за одной курил. И только покосился, когда я села рядом, — упорно глядя куда угодно, только не на меня.

— Может быть, пойдем посидим в бар? — кивнула на соседнее здание, немного в стороне, но если сесть у окна, вход в мужской салон просматривался бы прекрасно. — Лично я не отказалась бы от чашки кофе — а вы?

— Ну и иди, — процедил сквозь зубы не поворачиваясь.

— Послушайте, не могли бы вы быть повежливее? В конце концов...

— Да что в конце концов? Если бы его грохнули вчера — ты бы отвечала? Ты ж видишь, чего эта падла творит — а все ему поддакиваешь! Рестораны, девки, дискотеки — ты все! Он бы у меня не вылезал из квартиры — поныл бы, я б его успокоил еще разок, и все. Как родной бы сидел — если б не ты...

Я тяжело вздохнула. У меня после вчерашней сцены у дискотеки были большие сомнения в том, что Владимиру так бы легко удалось усмирить Леху, — а напоминать ему, что вынужденное заточение еще больше озлобило бы Севера, было бесполезно, я ведь уже говорила об этом.

— Ну чего вздыхаешь? Я этой падле, еще когда в Москве разговаривали, перед тем как его вытащить, ра-

столковал — если говоришь «да», мы тебя вытаскиваем. А там делаешь все, как я скажу. Сделаешь — забирай паспорт, бабки и вали в Германию, отдыхай до нового задания. Но пока не сделал — слушаешь меня. А он только, сука, вылез и сразу понты гнать начал. И ты тут еще...

Я промолчала — спорить с ним было глупо, он меня не слышал.

— Это ж та еще гнида — его вытащили, а он... Он же без нас покойник был бы. Он понты-то гнать сколько угодно может, думать, что сам бы свалил. А я точно знаю, что был бы покойник. Его к смерти столько народу приговорило — один хрен кончили бы, не в тюрьме, так на суде или на зоне. Его ж раненым взяли — думали, вообще умрет. Пуля почку пробила, удалять пришлось, еще и легкое задето. Да и менты его потоптали при задержании — он же пятерых ихних уложил. Почти покойника привезли. Чуть оклемался — живучий, сволочь! — ему и сказали, что шансов никаких почти. Вот он следователю и выложил все — говорил, в историю войти хочет. Удобный оказался клиент — на него и другие дела вешать пытались, а он все брал, даже если не его работа. Месяца три между жизнью и смертью болтался — в себя приходил и плел следаку про дела свои, а потом опять отключка.

И ведь с самого начала бежать планировал, гад! Вот и брал на себя все, что вешали, — время-то идет. Ему ж вышка один черт за пятерых ментов, которых при задержании кончил, — а тут живет, пока следствие тянется. Ты прикинь, если он пару десятков мокрух на себя повесил — по каждой следственный эксперимент, выезд на место, бумаг куча. Это ж лет на пять работы. Он на это и рассчитывал, верняк!

А тут кто-то из ментов сболтнул про то, что именно Леха поет. Проплатили, видать, неплохо — мент и протрепался. Леха, короче, в Бутырке, а по Москве слухи ползут насчет его признаний. Братва его сразу к смерти приговорила — считай, приговоров десять разные люди вынесли за своих воров да авторитетов. Да гнида эта умудрилась еще и кучу бригад между собой воевать заставить — уберет лидера группировки, люди его определяют, кому смерть была больше всех нужна, ну и давай разбираться. А про Леху никто и не в курсе. Так что прикинь, сколько народу смерти его хотело.

Да даже свои от него открестились с ходу — как слухи пошли, их тут же отстреливать начали, не знали же, что Север киллерством сам промышлял втихую. А тут они узнают еще, что вроде Леха взял на себя убийство того вора, который их пригрел в Москве и за них вставал на разборках. А Леха за бабки под него работу сделал втихаря. Ну и свои ему приговор — тоже начали искать, кто в тюрьме его кончит, бешеные деньги обещали, чтобы остальной братве показать, что за Леху они не ответчики, им самим его труп нужен. Да и заказчики беспокоились небось — он не назвал никого, сказал, что через посредников заказы приходили, а сам не интересовался, кто и зачем, — но заказчики же не бараны, понимают, что может расколоться.

Так-то кончили бы там Леху. Я так слышал, двести штук за него обещали, а потом триста. Да за такие деньги любой из ментов местных бы его пристрелил — за попытку к бегству, за сопротивление, за что угодно. Так повезло ведь — начальство ментовское им заинтересовалось, раскрутить его до конца захотело. Так-то все заказухи — висяк, а тут суперкиллер арестован, на котором куча трупов.

Про то, что он сам все рассказал, никто бы и не узнал — блестящая работа следствия. Показуха натуральная, короче. Зато охрану приставили — не прой-дешь. А я так думаю, что все равно бы кончили — ну представь, если охраннику дают сто штук, он что, колебаться станет? Да он таких денег за десять жизней не заработает. А так один выстрел — и нет проблем. А еще лучше втихаря — нож там или яд, без разницы. Если бы не контора, добрались бы до него так или иначе. А он, сука...

Все это я уже знала — и потому продолжала молчать.

— Вот и прикинь — его спасли, денег пообещали, а он чего? И ты тут еще, заступница...

— Владимир, поймите, я хочу сделать как лучше. — Мне не нравилось оправдываться, но я должна была найти с ним общий язык — хотя бы попытаться, пусть и в последний раз. — Вы думаете, мне он нравится — или мне нравится это задание? Представьте, что я совершенно не рада быть здесь рядом с ним — и мне он неприятен так же, как и вам. Кстати, я вам благодарна за то, что вы появились вчера — мне не хотелось кричать, но, наверное, пришлось бы. А вы появились так вовремя...

— Да ладно, чего там... — Он произнес это мягче, и я обрадовалась, что нашла в себе силу на такой извиняющийся тон, который, похоже, его подкупил. — Я уж сам гниду эту видеть не могу. Подсуропила контора — дала работку. Ладно в Москве — там нормально как-то с такими работать, а тут... Там чего — сделал дело, а в конце отмашку дал или сам кончил, и все. А тут сиди с этой гнидой — и следи, чтобы не сорвалась.

Что ж, я оказалась права — в том, что он чистый оперативник, работающий по организованной преступности.

Базовая специализация конторских работников — низший уровень, так сказать. Конечно, и на этом уровне были свои градации — я не сомневалась, к примеру, что тот же Владимир вовсе не последний там человек. Но выше оперативника он никогда не поднимется. Выявить, проследить, разработать, впихнуть «жучка» в офис или машину, устроить аварию или организовать покушение или убить самому — вот это его.

А бизнес, разработка финансовых операций типа возврата денег, переведенных за рубеж, — такое ему не поручат. Равно как и работу более тонкую — скомпрометировать человека, который этой самой компрометации ждет и боится. Расставлять ему аккуратные, незаметные ловушки, вытягивать те слова, которых ему не стоит говорить, провоцировать на неадекватные поступки и высказывания, переигрывать психологически — это не его.

Он как палач, который проводит грубое дознание, ломая кости и выбивая зубы, а потом отрубает голову — бесспорно, мастерски пытается и отрубает, высокопрофессионально, так чтобы голова на одном лоскутке кожи повисала. Но все же он всего лишь палач. А не нейрохирург, способный легким движением наладить либо разрушить работу организма — в зависимости от задания. Не психотерапевт, умело расслабляющий пациента, мягко убеждающий рассказать ему то, что другому тот не рассказал бы под раскаленным утюгом и угрозой записывания паяльника в задний проход.

Нет, я не имела ничего против оперативников — я общалась с ними на первом этапе своей работы на контору, когда тоже занималась криминалом. И авторитетами, и связанными с преступностью бизнесменами и чиновниками. Я уважала профессионализм, разумеется. Просто я поднялась на более высокий уровень. А он остался на низшем — и хотя это не означало, что я хо-

рошая, а он плохой, ему следовало бы почувствовать разницу.

Но, наверное, он ее чувствовал — вот и злобился на меня и относился ко мне соответствующе. Как любой работяга, считающий всех остальным дерьмом и гордящийся своей рабочей специальностью просто потому, что гордиться ему больше нечем. Или ощущать себя низшим существом — или от противного высшим. Или — или, другого не дано, когда объективное восприятие действительности отсутствует. Как оно отсутствовало у него.

Им не надо было посылать его сюда — но его уже прислали. Что ж, по крайней мере похоже было, что я наконец пришла с ним к какому-то пониманию. Это потребовало времени и усилий — но, кажется, я наконец своего добилась.

— Я вас прекрасно понимаю! — Я улыбнулась ему мягко, закрепляя успех. — И мечтаю о том, чтобы все поскорее кончилось. Скажите, Владимир, вы давно женаты?

— Проехали! — Голос его снова стал жестким, а у меня внутри потяжелело все. Потому что последняя попытка наладить с ним нормальный контакт провалилась. Казалась успешной, но в итоге провалилась все равно.

Правда, оставался вечер, точнее ночь, на которую у меня были, может, не самые приятные для меня, но зато нужные для нашей работы планы — но опять же вопрос, как он будет ко мне относиться после этого. В лучшем случае мы все должны были бы стать чем-то вроде друзей — на время, нужное для выполнения задания, — а в худшем...

«Брось — все получится», — подумала про себя, повторяя это снова и снова. Тем более что Владимир мол-

чал, вселяя в меня надежду, что на смену резкости придет мягкость, которую я хоть на мгновение, но вытащила из него.

— Короче, — произнес он, помолчав. — Нам сегодня должны привезти то, чего ждем, — сама поедешь. Я этого с тобой не оставляю. Он тебе по голове даст или шею свернет — и подорвет. Да не смотри на меня — если решил, если надумал чего, то и без паспорта подорвет, ему не впервой. К тому же город тут — не тайга. И деньги у него есть — я ж менял тут, на шлюх ему, еще по мелочи — а тут смотрю, вроде не осталось уже ничего. Карточка на месте, а наличных мало стало. Я так думаю, что он втихую пошарил по карманам — так что на два-три дня ему хватит, может, и на неделю, пока не прилетят за ним. Так что поедешь сама — в восемь вечера надо в одном месте быть. Сумку дадут или чемодан — привезешь, и все дела...

Я покачала головой — мне совершенно не улыбалось ехать за оружием и светиться перед незнакомым человеком, который мог потом кому-то болтнуть про меня. Или попасться на передаче, если того пасут.

— Спасибо за доверие, — бросила язвительно. — Но я недостойна такой чести.

— Да кончай! — Он проигнорировал сарказм — словно ему очень важно было то, что он от меня хотел. — Там дел на две минуты. Приедешь в порт, зайдешь в бар один, там человек будет, я тебе его нарисую сейчас на словах, с ходу узнаешь. Скажешь что надо, он тебе все отдаст. Не бойся — надежный. Его на наркоте взяли полгода назад — привозил помаленьку, подторговывал по мелочи. А наш один к дилерам затесался, так и узнал промежду прочим про морячка. Ну и сделали подход. Или ментам сдаем — или нам помогаешь, не бесплатно. Ну он и выбрал — не дурак оказался. Так

что привезет все и болтать не будет — башку-то оторвут...

Странная у нас получалась команда — профессиональный киллер, который того и гляди дернет от нас, не бывавший за границей оперативник, не умеющий держать себя в руках, и только что завербованный конторой новичок, в первый раз выполняющий ее задание, наверняка в жизни не перевозивший оружия. И я — направленная сюда из далекой Канады. Для полного счастья осталось только, чтобы тот, кто занимается разработкой операции в Париже, не ориентировался в городе и не знал французского.

Будь я так же параноидальна, как Владимир, я решила бы, что операция придумана чисто для того, чтобы всех нас закопать — всех ее участников. Эдаких камикадзе, которые выполняют работу, но ценой своих жизней.

— Нет, — произнесла я еще тверже, чем в первый раз. — Это не моя специфика. Берите своего клиента, если боитесь, что он от меня сбежит, и езжайте с ним вместе. Туда я вас отвезу — обратно такси возьмете. А я такими делами заниматься не буду — я не курьер и не девочка на побегушках. Да к тому же вы-то уедете потом — а мне тут жить, между прочим.

— Ну как знаешь! — Он смерил меня презрительным взглядом, как бы говоря, что такие, как я, хотят всегда оставаться чистенькими и только мешают тем, кто делает по-настоящему серьезную работу. — Боишься — значит, боишься.

Я не стала ничего отвечать — ну не рассказывать же ему, что у меня были случаи куда опаснее и неприятнее.

— А зря боишься, — добавил он после паузы, все еще разглядывая меня с не совсем понятным выраже-

нием. — Мужику-то тому фотографию твою показывали, он тебя в лицо знает. Ему сказали — или я приду, или ты, и фото показали. Так что...

«Твари!» Настроение, и так не самое лучшее, искусственно подогреваемое, упало вмиг на нижнюю отметку. Ну какой идиот мог сделать такое — и зачем показывать мою фотографию черт знает кому, какому-то левому типу, который занимается черт знает чем? Кто ему мешает рассказать все, когда его в следующий раз поймают на наркоте — особенно здесь. Расскажет такую вот историю в обмен на свободу — ему умный коп попадется, сопоставит передачу оружия русским со стрельбой в Париже несколькими днями позже. И начнется — опрос по гостиницам, выяснение моего имени, и...

Раньше я почти не думала о таких последствиях — но тут мне все не нравилось с самого начала, вот и лезли в голову ненужные мысли. И еще одна пришла — что кто-то в Москве пытается меня подставить и намерен сделать это всерьез, по-настоящему. Поэтому я здесь, хотя мне было так далеко сюда лететь и страна для меня незнакома. Поэтому я свечусь рядом с Лехой Севером и мою фотографию показывают какому-то уроду.

— Ну так как?

Мне хотелось послать его подальше — не слишком грубо, но и не слишком вежливо. В конце концов, надуманной праздничной веселости во мне уже не было — и сама мысль об отмечании фиктивного дня рождения показалась идиотской. И уж ночной секс втроем — особенно. А желание улучшить наши отношения просто погасло. Я была по уши в дерьме, и мне вдруг стало все равно, что конфликт между Севером и его контролером может что-то испортить. Это уже было их дерьмо — им

из него и выбираться. А мне предстояло выбраться из того, в котором оказалась я.

Я закурила, как всегда очень медленно вынув из кармана плаща портсигар, полюбовавшись красотой тонкой кожи, а потом и вытянутой из футляра тонкой сигаркой. Я заметила краем глаза, как Владимир достал зажигалку — впервые за две недели вспомнив о вежливости, — но предпочла извлечь свою, данхилловскую, небольшую, но массивную, серебряную с золотыми полосками и буквой d в кружочке. Я всегда старалась создавать целый ритуал из самых обычных вещей — так интереснее было жить. А к тому же это создавало настроение — которое чуть приподнялось даже сейчас.

Я сказала себе, что дергаться глупо. И все, что я могу в настоящий момент, — это постараться сделать так, чтобы все прошло блестяще. А вот потом — потом я вернусь в Монреаль. А недели через три прилечу в Москву, предварительно договорившись с каким-нибудь западным журналом — может, с тем нью-йоркским, шеф-редактора которого вспоминала минувшей ночью, — о материале или серии материалов из России. И там уже и выясню, почему все получилось так, как получилось.

— Хорошо, — произнесла безразлично. — Но при одном условии — я делаю, что просите вы, а вы сделаете то, о чем попрошу я. А именно — сегодня вести себя так, как будто бы бесконечно счастливы отмечать со мной мой день рождения. И не мешать моим попыткам создать между вами с вашим подопечным некоторое подобие дружбы...

— Видал я таких друзей! А день рождения в Москве отметим, не время сейчас.

Я посмотрела на него молча, не сдержавшись, вложив во взгляд утомленность от общения с ним. Я только сейчас вспомнила, что он даже не поздравил меня с

днем рождения. Ведь он не мог знать, правду я говорю или нет, никто бы никогда не показал ему мое досье, такое не практикуется — максимум, что ему могли сказать, так это дать мою краткую характеристику, в том плане, что большой опыт работы, надежна, знает язык как родной и благодаря тому, что женщина, может добиться результатов там, где мужчине не удастся вообще ничего.

Я не сомневалась, что примерно так ему и сказали — даже не став упоминать, к чему я была причастна. Были громкие дела на моем счету — но только считанные люди знали, кто это сработал. А этому даже на них не намекнули — значит, не надо было ему знать. И значит, что и досье он видеть не мог. А соответственно должен был поверить в то, что мой день рождения именно сегодня. И при этом даже не поздравил. Не то чтобы это было обидно — мне плевать на него было, — но показательно.

— Сколько лет-то тебе? — спросил примирительно.

Я подумала, не сказать ли ему, что женщину о возрасте не спрашивают, — но не стала, слишком непонятно для него.

— Вообще-то день рождения у меня в декабре, — произнесла устало. Я все-таки думала, что он поумнее. И непонимание, проступившее на его лице, меня совсем не позабавило, а скорее огорчило. — Но это ведь непринципиально, верно?

... Я завезла их к шести на квартиру, сразу после ленча, и пококетничала немного, сокрушаясь, что мне надо ненадолго отъехать по делам. Но к девяти или чуть раньше я вернусь, и мы поедем гулять. И многозначительно закатила глаза при прошептанных напоследок словах о сюрпризе, который ждет их после ресторана. И ушла. Потом заскочила в гостиницу — я не была там

больше суток, соскучилась, можно сказать, — и поболтала чуть-чуть с приветливой девушкой внизу, рассказав ей, что встретила тут друзей, приехавших в качестве туристов, и вот планирую сегодня вместе с ними отправиться в поход по значным местам. А заодно уточнила адреса и названия наиболее престижных ресторанов, баров и дискотек, открытых допоздна. Приняла душ, быстро подкрасилась, накинула на новый костюм черный плащ и поехала в порт, благо езды до него было порядка двадцати минут.

Мне очень не нравилось все это. Потому я старалась не думать о том, что мне предстоит. Вместо этого вспоминая, как Леха вернулся из салона — надо признать, что теперь он выглядел еще эффектнее, даже мафиозность черного костюма с черной рубашкой и черным галстуком смотрелась эффектно. Короткие волосы — не ежик, но все же короткие — ему зачесали назад безо всяких проборов, и ему это шло. И вообще он был весь такой ухоженный, что я бы и не предположила, что этот человек меньше чем две недели назад сбежал из тюрьмы, в которой ожидал смерти.

Если он и смахивал на мафиози, то только на западного, притом высокого полета. У него вообще западный стал такой вид — я даже поразилась про себя тому, что человек, родившийся в глухой дыре, шесть лет проведенный в бегах и три с лишним года в тюрьме и зоне, может так выглядеть.

Я знала, что ему это будет приятно, — и рассматривала его оценивающе, когда он приблизился и застыл передо мной, любуясь производимым эффектом. Рассматривала, постепенно добавляя во взгляд восхищение и интерес.

— Ну как? — не выдержал он.

— Если бы я мечтала о мужчинах, то мужчина моей мечты должен был бы быть таким, как вы...

Я рассмеялась — высказывание было выпреним донельзя, — зная, что он оценил. И получила подтверждение буквально минут через двадцать — когда мы пошли дальше по пешеходному кварталу в поисках подходящего места для ленча и Алексей вдруг застыл на месте, заставив резко затормозить идущего за ним надзирателя.

— Анна, не подслушивай!

Он махнул рукой, и я сделала еще пару шагов вперед и обернулась к ним, слыша доносящийся до меня горячий шепот.

— Да не жми! Ну че ты, в натуре — на базаре, что ль?! Бабки давай! Ну кредиткой плати — мне по х...ю!

И мне, повернувшись:

— Анна, идем подарок покупать. Выбирай что хочешь — с меня!

Я отнекивалась какое-то время — но он возражений не принимал. Он хотел расплатиться за то, что я его оценила, — и, видимо, гарантировать себе плотские утехи на сегодняшнюю ночь. Не думаю, что он так уж меня хотел — но я не сомневалась в том, что я куда лучше проституток, которых он трахал здесь, и получше многих из тех, с кем он общался в Москве. Я, правда, знала, что он предпочитает моделей — так в досье было написано, — то есть худых длинноногих девиц. А следовательно, я была не в его вкусе. Но похоже было, что он готов ради меня свои вкусы изменить.

— Вы можете подарить мне духи. «Тьерри Мюглер» — мои любимые...

— Да брось ты! — Он даже обиделся. — Получше чего выбери. Хочешь — золото, хочешь — шмотку модную. Ты выбирай — сказал с меня, а я за слова отвечаю...

В общем, прогулка наша затянулась. Зато я стала обладательницей красивого строгого костюма от Мюглера — длинного приталенного пиджака со стандартно средней юбкой. Чистая шерсть с серебряными пуговицами, на которых красуется фирменная звездочка неправильной формы, — мне очень понравилось. Сама бы я такое не купила никогда — строговато, на мой взгляд, хотя, бесспорно, супер — и померила просто потому, что интересно стало, как такое будет сидеть на мне. И когда вышла из примерочной, Алексей молча поднял большой палец — подтолкнув Владимира в сторону продавца.

— О, подождите, подождите! — выпалила по-английски, заметив впервые ценник — под тысячу долларов получалось, дороговато для подарка. Я бы лучше сама себе его купила — не сразу, если бы надумала. Но он не слушал меня, пощелкал большим и указательным пальцами, нагло и категорично взирая снизу вверх на своего контролера — и вид у него был при этом такой, словно он смотрит сверху вниз.

Мне в самом деле было неудобно. Конечно, несколько раз мужчины делали мне дорогие подарки — в смысле несколько раз я соглашалась их принять. А так предпочитала покупать себе все сама. И в любом случае это был не тот мужчина, от которого я хотела бы что-то получить. Но Владимир уже протянул кредитку продавцу, и я шагнула обратно в примерочную. Говоря себе, что в конце концов это лишь символическая плата за те неприятности, которые мне пришлось пережить до сегодняшнего дня. А за те, которые впереди — за одну только поездку в порт, — и десятка таких костюмов будет недостаточно.

— Супер! — Алексей, бесцеремонно откинувший занавеску в тот самый момент, когда я сняла с себя

костюм, оставшись голой, не спеша провел по мне взглядом. — Без него, правда, тоже супер. Лучше, чем ночью, — отвечаю! Короче — вечером в новом, ночью — без него. Так?

Заявление было довольно бестактным — но я не сомневалась, что он уже оценил меня и пришел к выводу, что я не из бедных. Так что это скорее была шутка, чем заявление, что за эти девятьсот с лишним долларов я обязана ему отдаться. Но я пока еще не знала, будет ли эта ночь, у меня еще было время оценить свой план и, может быть, отказаться от него, и потому я поинтересовалась:

— Я хочу верить, что это шутка — правда?

— Да шучу. Подарок — сказал же. Понравилось?

И довольно улыбнулся, когда я кивнула, произнеся с придыханием — «очень-очень».

И все было классно за ленчем и потом, по пути на квартиру. Откуда я уехала в шесть после короткого разговора с Владимиром. А сейчас было уже девять пятьдесят, и я собиралась вылезти из машины и вернуться к их двери и предпринять вторую попытку их разбудить.

Я уже успокоилась — задавив в себе все воспоминания и размышления о неудачной поездке в порт. Я знала, что в этом нет моей вины. Владимир во всем виноват, не пожелавший оставить со мной Леху — а может, планировавший впутать меня во все это посильнее. Это была его вина, что Север остался без оружия, — и ему предстояло исправить ее завтра, придя на встречу самому. Если, конечно, придет тот, кто должен передать это самое оружие. По идее должен — но...

Я заставила себя улыбнуться, с усилием комкая и запихивая вылезшие мысли обратно в крошечную коробочку, пряча ее в дальний уголок черепа. Говоря себе, чтобы развеселиться, что, может, никакого секса втро-

ем ради установления общей дружбы у нас сегодня не будет — но вот секс вдвоем я Владимиру гарантирую. Продолжительный акт морального секса — в ходе которого он услышит наконец от меня то, что следовало ему сказать уже давно.

Улыбка стала понатуральнее. Такой секс меня устраивал больше, чем тот, который я планировала. Один на один — оно как-то естественнее все же. Правда, это скорее будет изнасилование, чем акт по доброму согласию — но, в конце концов, он это заслужил...

Может, он специально домофон испортил, догадываясь, что я ему скажу? С него стало бы — с учетом того, что телефон он из строя уже вывел. Мне не нравилось, что намеченный мной половой акт откладывается — но, может, он просто набирался сил, чтобы выдержать то, что я собиралась с ним сделать?

«Так оно и есть, — сказала себе, поднося палец к кнопке звонка. — Спит и набирается сил. Ну что ж, они ему понадобятся...»

В тот момент, когда я вдавила ее, я подумала, что, может быть, имеет смысл перенести изнасилование на завтрашнее утро. Не говорить ему ничего сейчас, тем более он не будет спрашивать меня при Лехе, — и просто кивнуть, чтобы он истолковал кивок в свою пользу. И отправиться отдыхать — а уже утром все и высказать.

«Если откроет в течение минуты — так и быть. — Я покачала головой, глядя на секундную стрелку, дожидаясь, пока она замрет на двенадцати, чтобы начать отсчет, прежде чем снова вдавливать кнопку. — Ну молись, ублюдок, — время пошло...»

11

Я решительно вставила ключ в замок. Повернула его, потянула ручку на себя. Заглянув в пустой коридор, почему-то темный.

Здесь вообще было темно. Ни в гостиной, ни в кухне тоже не было света, и полосы его не пробивались из-под невидимых отсюда дверей спален. И телевизор не работал — он бы отбрасывал блики, я бы их заметила, да и услышала бы его тоже. Но было темно. И абсолютно тихо. Сонное царство, в общем. Которое мне предстояло пробудить к активной жизни.

Я шагнула вперед, не закрывая входную дверь, впуская свет с площадки, чтобы обнаружить выключатель. Так и не увидев его, наткнувшись на него чисто случайно. И щелкнув им наконец, разгоняя этот мрак. И только закрывая дверь, сообразила, что она не была заперта на все запоры — два замка и ключ, как Владимир всегда делал, — а только на один ключ, естественно, в двери отсутствовавший. И это было странно — прям-таки беспечность со стороны того, кто с удовольствием врезал бы еще пару замков.

Это было очень странно. И я шагнула направо, в кухню, освещая и ее, не видя ничего такого ни в ней, ни в ванной с туалетом, в которые заглянула следом. Ни в самой гостиной — в которую вошла наконец.

Значит, точно спят. Я села в кресло, закуривая, не торопя их пробуждение. В конце концов, я ожидала, что они на ногах, я была настроена на роль и игру. Но оказалось, что у меня есть возможность побыть наедине с собой, и я была ей рада. Потому что мне некогда было размышлять о том, что произошло в порту, — по пути сюда я гнала от себя эти мысли, я пыталась успокоиться и чудом увернулась от очередного взбесившегося автобуса, провозгласившего себя королем узкой дороги.

А сейчас прошло время, и я отвлеклась от недавних событий, пока трезвонила им в дверь и не слышала ответа. И, признаться, слегка нервничала, что мне не открывают. До тех пор нервничала, пока не вспомнила, что в бардачке «рено» лежит второй комплект ключей — который я им не отдала просто потому, что он был им не нужен, они ведь не выходили никуда поодиночке.

И я немного нервничала, когда открывала дверь, когда проводила осмотр квартиры. Всей — за исключением спален. Я не хотела открывать закрытые двери, не хотела их будить, подсознательно, видимо, планируя проанализировать ту встречу, на которую послал меня Владимир. За которую теперь собиралась послать его я — куда дальше, чем в марсельский порт.

...Я была в порту ровно в семь сорок пять. За пятнадцать минут до встречи. Я покрутилась немного, пока нашла тот бар, который назвал мне Владимир, — пришлось даже уточнять у прогуливавшейся оборванной парочки. Я проехала мимо него — он прямо на углу дома находился, на стыке двух улочек — и ушла налево, нарушая, видимо, правила, которые все равно в классическом понимании в Марселе отсутствовали. И припарковалась метрах в тридцати — сорока от входа — который могла легко разглядеть отсюда в зеркало заднего вида.

Повертела в пальцах сигарку, наслаждаясь расслабившим меня запахом — размышляя, не закурить ли. По мне, если уж курить, так надо получать удовольствие от процесса, отдаваясь ему полностью — иначе это скучно. А так как процесс занимает минут двадцать, то это автоматически означает, что я опоздаю на встречу.

Я посидела так еще пару минут, а потом достала зажигалку — ничего, подождет. Но уже позже пожалела, что зря испортила сигарку, — я все равно не расслабилась до конца и не сводила глаз со входа в заведение, периферийным зрением изучая все вокруг. Я удачно так встала, никто не загораживал мне обзор — и то, что я видела, мне не нравилось совсем. Не нравилось это убогое стремное место — кстати, совсем не так далеко расположенное от чертовой дискотеки, в которой мы были вчера. Тоже старый домишко, и, судя по редким прохожим, проходившим мимо «рено», публика тут обитала соответствующая.

Я понимала, что мне надо было одеться по-другому — в кожаных джинсах я бы смотрелась тут лучше, чем в дорогом строгом костюме. Но я оделась так из-за Алексея — было бы странно, получив в подарок на день рождения дорогую вещь, отмечать этот самый день рождения в чем-то другом. И оставалось порадоваться, что я прихватила плащ — виниловый, черный, блестящий, который надела прямо в машине, когда обнаружила, что на часах уже почти восемь десять.

Я сделала пару глубоких вдохов и выдохов, настраиваясь. Улыбнулась своему отражению в зеркале, решительно извлекла из сумки черные очки и вышла из машины, говоря себе, что все будет нормально. Именно так и будет — разве может быть по-другому?

Тридцать — сорок метров было до входа. Возможно, мне стоило подъехать поближе. Потому что, пройдя боль-

шую часть дистанции, я внезапно для себя самой остановилась на другой стороне улицы прямо напротив бара. Чувствуя, что не хочу туда идти.

Я не очень верю в предчувствия и не могу сказать, что интуиция меня никогда не подводила. И я ничего такого не ощущала, когда затормозила вдруг, не дойдя до входа каких-то десять шагов. И черная кошка не перебегала мне дорогу, и на доме не висела цифра 13 — тем более что я в отличие от подавляющего большинства западников не суеверна. В Канаде, к примеру, как и в Штатах, дом под номером тринадцать увидеть сложно — что в гигантском мегаполисе, что в маленьком городишке. Равно как у многих авиакомпаний — а может, и у всех — отсутствуют тринадцатый ряд и тринадцатое место.

Я пристально смотрела через дорогу на бар, на полупустые улицы, на стыке которых он и стоял. Я даже не могла объяснить, что мне не нравится здесь. И решила, что еще пять минут тот, кто пришел туда на встречу со мной — если он вообще пришел, — подождет. В конце концов, ему за это заплатят деньги — лично я заплачу. А я постою тут еще и подумаю, почему меня так туда не тянет — ведь должна же быть причина, собственно?

Все казалось предельно просто — зайти, увидеть, сесть к нему за столик, произнести две фразы и взять то, что надо. Но я уже определилась, что не буду у него ничего брать там, только на улице, только убедившись, что никого нет рядом. Это тоже была не гарантия — если его пасли, мне стоило только взять сумку или чемоданчик в руки, как меня приняли бы тут же. Утешало лишь то, что вряд ли кто-то его пас — ну кому нужен российский моряк, только что сошедший с корабля?

В принципе никому. Если только... Если только то, что он везет, не обнаружили при таможенном досмотре — и он, вымаливая снисхождение, не рассказал историю о том, что его шантажировал КГБ, ФСБ то есть, потребовав передать оружие по адресу. Угрожая расправиться с его женой и детьми, если он не сделает то, что надо, — или даже с ним самим.

Паранойя — вещь заразная. Я усмехнулась, тут же стирая усмешку с лица. Вспоминая, что слышала про один такой случай — только дело было в Абердине, в Шотландии. Людям предстояла работа в Лондоне, а оружие решили получить подальше от места, как и в нашем случае. А морячок, якобы висевший на надежном крючке, лоханулся. Кто-то из команды покопался в его вещах во время рейса, ну и наткнулся на винтовку и сдал его таможене — были у них какие-то счета. А тот сразу и выложил все. И чтобы задницу спасти — и заодно заработать денег и сменить место жительства.

Тому, кто пришел на встречу, повезло лишь потому, что какая-то мелочь ему не понравилась. И только поэтому он не подошел — хотя морячка видел, как тот стоит с сумкой через плечо в условленном месте. Но там был день, и был оперативник с огромным опытом, знающий, что такое наружка, и напарник у него был — а тут была ночь, и оперативного опыта у меня не было, и я была одна. А к тому же, по словам Владимира, этот знал меня в лицо — а там было все как положено, конторские знали морячка, а тот их нет.

В итоге конторские все хитро обставили. Появились на следующий день утром, задолго до повторной встречи, — и один нанял бомжа местного, дал двадцать фунтов, сказал на чистом английском, чтобы тот сходил вон на тот корабль и передал нужному человеку записку. А сам свалил тут же. А второй издалека наблюдал, как

копы отводят в сторону бомжа — а к вышедшему с корабля морячку пристраивается наружка.

Потом, кстати, выяснилось, что морячок там такого нарасказывал, кошмар просто — лепил как сказочник профессиональный. Вот только не поверили ему. Не похоже было такое на КГБ, те бы по-другому ствол ввели, без проблем, да на месте купили бы. А мысль о существовании конторы никому — ни на Западе, ни в России — в голову не приходила, и не приходит, и не придет. Так что влип морячок — вроде всерьез.

Но это не могло быть сейчас утешением. Так что память меня не порадовала. Даже мелькнула мысль, не вернуться ли обратно, сообщив Владимиру, что человека я там не увидела, — наверняка заранее было решено, что если сегодня не получится, то завтра они встречаются там же и в то же время. И даже узнай он завтра, что человек там был на самом деле, — я бы сослалась на то, что его не узнала, поди докажи.

Но мне хотелось, чтобы он увидел, Владимир, что я тоже кое на что способна. Мне совершенно не было нужды ничего ему доказывать — но впереди был Париж, самая сложная часть задания, и мне надо было сделать как-то так, чтобы быть рядом и в стороне одновременно. Помогать — но ни в коем случае не засветиться.

И я решила, что если сделаю то, что надо сделать сейчас, то потом мне будет легче отдалиться. Не вызывая отрицательных эмоций, не провоцируя последующего доклада с негативной оценкой моей деятельности. Я и так уже предвидела, что мне самой придется написать весьма нелестный для него отчет — примерно такой же, какой он напишет обо мне.

Я стояла через дорогу от бара, все еще размышляя, идти туда или нет, — придя наконец к выводу, что, на-

верное, надо. Он все равно знает меня в лицо, и если его пасут, используя в качестве приманки, ожидая того, кто придет, так, значит, мой портрет имеется уже на всех вокзалах и во всех аэропортах Франции. А если это не так...

«Ну конечно, не так, — шепнула себе успокаивающе. — Ну почему, собственно, все должно быть так?» И хотя вопрос был риторическим, я кивнула одобрительно, похвалив себя за позитивный подход к проблеме, — и решительно пошла через дорогу. И, войдя внутрь, сразу поняла, что меня останавливало. Только вот я слишком поздно сообразила, что именно.

Сколько я наблюдала за входом — минут двадцать — двадцать пять в общей сложности, — ни одна женщина не входила в бар и из него не выходила. И я это отметила, кстати, — почему-то не придав факту особого значения. Но вот сейчас, оказавшись внутри — и не просто внутри, у самой двери, но уже сделав несколько шагов в стойке, — я увидела, что это чисто мужской бар. Дешевое заведение со стриптизом вдобавок — в котором единственные имеющиеся в помещении женщины раздеваются на сцене.

Не скажу, чтобы все сразу обернулись ко мне — но треть как минимум это сделала. Чего удивляться — я совершенно не вписывалась в интерьер. И потому, что была женщиной, и потому, что была одета слишком дорого для такого места. Возможно, кто-то не искушенный в моде принял бы меня за проститутку — особенно с учетом высоких сапог и блестящего плаща, эффектных атрибутов моей одежды, и темных очков в темное время суток, — но даже проституткам тут нечего было делать. И я застыла на пороге, подавляя желание шагнуть назад, — ошиблась, мол, дверью, извиняйте, почтенные господа, — и вместо этого делая шаг вперед.

Сволочь, идиот поганый, самоуверенный кретин! — примерно так можно перевести с английского те слова, которые я мысленно адресовала Владимиру. Каждый второй, спроси его послезавтра или через неделю, что интересного он видел за последние дни, вспомнит рыжую девицу, зашедшую в мужской бар. Я не сомневалась, что так и будет, — на меня смотрели и мужики, сидящие за столиками, и девица со сцены. Кто-то даже махнул мне рукой — заходи, мол, красотка, — а кто-то громко рассмеялся под не расслышанную мной шутку, пославшую по залу волну веселья.

Бесспорно, я хреновая актриса — но жизнь, особенно такая, как моя, игре учит. И я послала приветственный жест рукой в ту сторону, откуда махали мне, и несколько нетвердо сделала десяток шагов, оказавшись прямо в центре заведения, напротив сцены. И огляделась нарочито медленно, почему-то решив, что роль подвыпившей проститутки, забредшей сюда — то ли в поисках клиента на ночь, то ли в поисках того, кто свалил, не заплатив, то ли вообще случайно, — наиболее подходяща. Не сразу увидев в полутемном зале того, кто подходил под описание. Но все же заметив его — высокого худого парня лет тридцати, длинноволосого, белобрысого, в джинсовом костюме.

Я его заметила — и готова поклясться, что он тоже смотрел на меня. И по идее все, что мне оставалось делать, это повернуться и пойти к выходу. Показывая ему тем самым, что жду его на улице. Владимир уверял, что парню показали мое фото, — и вряд ли темные очки делали мое лицо таким уж неузнаваемым. Но тем не менее он меня не узнавал — или слишком хорошо играл, изображая вялый интерес к моей персоне, гаснущий с каждой секундой.

Мне не хотелось снимать очки — и не хотелось стоять даже лишнюю минуту посреди этого зала. И я по-

качнулась с носка на пятку и обратно, произнеся громкое «О!» — и уверенно направилась к нему, зная, что на меня смотрят, и плюхнулась напротив.

— Закажи мне чего-нибудь, дорогой!

Он покосился на меня неприязненно, нервно оглядевшись. И промолчал. Мне хотелось верить, что это он — хотя он был самым обычным, под такое описание куча народу подошла бы. Но почему-то он до сих пор меня не узнал. Хотя не скрывал, что я мешаю ему, — а значит, он ждал Владимира. О том, что он нервничает и оглядывается потому, что за ним следят, думать мне не улыбалось — и я не думала.

— Тебе жалко для меня выпивки, дорогой?

Я произнесла это не слишком громко — мой французский все же не был совершенен, все же я учила его и общалась на нем в Канаде, а это вещи разные. Правда, я уже успела уловить тут разноречивую речь, очевидно, сказывалась близость к порту. И не исключено, что это вообще была забегаловка чисто для моряков-иностранцев, которым неохота углубляться в городские дебри.

— Секи — только на берег сошли, Серый уже телку снял! — донеслось из-за столика через один от нас на чистом русском. — Серый, лови момент — телка-то ничего. А сам не будешь — с товарищами познакомь. Да, и это, Серый, — может, она всем даст по очереди? Только со скидкой, слышь? Давай, чего щелкаешь!

Господи, ну что за кретины вокруг? Мне вдруг захотелось вздеть руки к небу в безмолвной мольбе, прося избавить меня от идиотизма окружающего мира. Ну почему человек, который приходит в бар, чтобы передать оружие, притаскивает за собой людей со своего же корабля?

Ладно — главное, что это был он. И судя по неприязненному взгляду, я ему очень не нравилась. Я меша-

лась тут, он ждал Владимира, он должен был сидеть один. А тут приперлась я, и вот-вот могли подсесть к нему боевые товарищи, жаждавшие знакомства со мной. Но мне это было нужно не меньше, чем ему.

— Анатолий просил передать вам двадцать тысяч франков, — произнесла кретинскую фразу, мало похожую на шпионский пароль. Нет чтобы что-то солидное придумывали — про славянский шкаф, скажем, — так всегда простые обычные фразы. Банально, серо, буднично — и никакого творчества. — Деньги со мной — если с вами бандероль.

Он вздрогнул, дернулся даже — следи за ним кто, сразу бы заметил. И дерганье это, и его взгляд на меня — испуганный и подозрительный. А вот для непрофессионального наблюдателя все выглядело бы естественно. Но я тем не менее продолжала изображать подвыпившую проститутку — и прикурила с пятой попытки, тщетно пытаясь упереть в стол разъезжавшиеся локти.

— Чего? Ты... Какой Анатолий? Ты...

Он был растерян. Он не ждал меня, он точно ждал кого-то другого. И именно Владимира. Но не меня.

— Потихе! — одернула его, косясь на тот стол, за которым сидели его дружки, кажется, так и не сводившие с нас глаз, хорошо, не подошедшие еще. — Анатолий показывал вам две фотографии, так? Вспоминайте, Сергей!

Кажется, ему пришлось не по вкусу, что я знаю его имя, — он не отметил, что его корешки громко называли его Серым.

— Не знаю я, о чем ты? Какие фотографии? Иди, а?

— Молодой человек, чью фотографию вам показывали, прийти не смог, болен он! — Я говорила жестко, сохраняя при этом на лице нетрезвую улыбку, и мне,

честно говоря, с трудом удавалось это совмещать. — То, что у вас, отдайте мне — а я вам двадцать тысяч.

— Серый, ну че ты там тянешь — сбежит ведь! — слышалось справа. — Сам договориться не можешь, что ли?

— Через пятнадцать минут жду вас на улице — на другой стороне. Если не напряжете память и меня не вспомните, я звоню в Москву — вас там по высшему разряду встретят, обещаю. Вас, кажется, на наркотиках взяли в свое время? Думаете, если в этот раз у вас их не будет, вам их не смогут засунуть в карман?

— Серый, ну че ты! — Я услышала звук отодвигаемого стула, скрипучий и мерзкий. — Витек, пойдем Серому поможем — телка его выбрала из всех мужиков, а он сопли жует...

— Пятнадцать минут... дорогой, — добавила по-французски. И встала, чуть покачнувшись опять, выставив ладони в сторону двух подходивших мужиков, погрозив им на прощание пальцем. — О ревуар, мальчики!

Он вышел через полчаса — даже через тридцать пять минут. Я увидела его сразу — потому что не сводила со входа глаз. Я сидела в машине, которую отогнала еще метров на десять дальше, туда, где было темнее, — мне не хотелось, чтобы он видел ее номер, хотя я уже сомневалась в его способности что-то запоминать. И вот сейчас, заметив его, я тихо открыла дверь, готовясь выйти и не спеша пойти назад, ему навстречу.

Он был не один — я просто заметила это не сразу. Те двое — может, не они, я толком не разглядела их лиц, но по крайней мере какие-то двое — вышли следом. Я видела, как они встали на углу и топтались там, никак не расходясь. Можно было предположить, что они докопались до него плотно, не отпуская никуда

одного. Неужели не надоело даже на земле видеть те же рожи, что и на корабле?

Я все ждала, когда он отвяжется от них. Вдруг заметив, благо никто не загораживал обзор, как он кинул быстрый взгляд через дорогу, туда, где должна была быть я, — и поспешным шагом двинулся в сторону порта, отрываясь от этих двоих, оставшихся там же. И оглянулся еще раз, на ходу, через плечо, уже отойдя метров на двадцать — и явно не собираясь возвращаться. И лишь висевшая на плече сумка махнула мне прощально, показывая, что на сегодня все кончено. Что он не ждал меня и испугался и теперь торопится вернуться обратно, чтобы избавиться от опасной ноши. И может быть, вернется завтра — чтобы отдать то, что привез, если увидит Владимира. А может быть, и не появится — испугается и кинет в воду то, что привез. Запросто.

Я вспомнила вдруг, как Владимир сообщил мне, что этот парень с корабля видел мое фото. Он не сразу это сказал, только когда понял, что на встречу с ним я не поеду, — и после паузы это и выдал. И смотрел на меня странно — с выражением, которого я не могла понять.

Зато поняла сейчас. Он блефовал. Он просто купил меня — и я, идиотка, поверила в невозможное. В то, что какому-то уроду показали мое фото — фото человека, много лет работающего на контору, а последние три года живущего на Западе. Да никто бы такого не сделал, ни один кретин — а я поверила и купилась.

Я задержала воздух в легких, потом выдохнула медленно. И, повторив операцию еще раз, повернула ключ зажигания, оживляя спящую «рено». И тронулась с места, обещая себе, что, когда вернусь, побеседую с Владимиром предметно — потому что то, что он сделал,

по-русски называется подстава. И вот за нее ему придется ответить. Сеансом морального секса, в котором он будет играть чисто пассивную роль.

...Сигарка, незаметно быстро сгоревшая под неприятные воспоминания, скорчилась в пепельнице некрасивымдохлым червяком, умудрившись едва не обжечь задумчивой хозяйке пальцы. И, растирая ее мстительно в куске толстого стекла, я автоматически бросила взгляд на часы — заметив, что уже начало одиннадцатого. А значит, мне пора их будить.

Не скажу, чтобы мне хотелось это делать, — я даже задумалась, не уйти ли так же тихо, как и вошла. Мне было бы приятнее посидеть одной — слегка отметив в гостиничном баре мифический день рождения. И вернуться к ним только утром. Владимир бы и не вспомнил — но Северянин с его цепкостью и наблюдательностью такого не пропустил бы. И не поверил бы, расскажи я ему, что, поехав по делам, встретила старых друзей, оказавшихся тут случайно — жутко обрадовавшихся встрече и меня уже не отпустивших. А все мои попытки предупредить его, Леху, кончились безрезультатно — их телефон занят был наглухо.

Мне не хотелось вызывать подозрений — даже мельчайших. И не хотелось портить установившиеся уже отношения. И к тому же мне надо было высказать все Владимиру — мне требовалось всего пять минут, на это время нам несложно было уединиться, — чтобы сбросить с себя нервное состояние, передав его ему. И мстительно наслаждаться его дискомфортом на протяжении долгого вечера, которому предстояло плавно перейти в ночь. Которая уже точно не завершится групповым сексом — но, может быть, увенчается сексом индивидуальным. С Северянином, естественно. И только если я решу, что так надо.

— Владимир, Алексей! Пришло ваше время вставать! — крикнула громко и весело, вылезая из кресла, направляясь к коридору, думая, с кого начать. Задав следующий призыв просыпаться — при мысли о том, что их глубокий сон мне даже на руку. Тихо делая несколько шагов мимо Лехиной двери, останавливаясь у двери Владимира. Говоря себе, что, пока Север спит, я сделаю то, что хотела.

Дверь открылась бесшумно, не скрипнув даже, и выключатель, чье расположение я знала, вдавился без звука, заливая комнату ярким светом. И я, прикрыв за собой дверь, повернулась к кровати, уже нарисовав на лице жесткую улыбку, которую сразу должны были заметить только что приоткрывшиеся глаза. Уже готовясь произнести колко первую фразу: «Доброе утро!» И в последний момент заметив, что тот, кому я собиралась обеспечить весьма безрадостное пробуждение, в постели отсутствует.

Я не поверила своим глазам, если честно. Даже потрясла головой, не вернув, однако, ожидаемой картинки. С трудом подавив детское желание заглянуть под кровать, под которую Владимиру с его габаритами забраться было невозможно, или поискать его в углу, который был девственно-чист.

Его тут не было — это был факт, каким бы неправдоподобным он ни казался. И я шагнула к маленькому шкафчику — в которой он мог залезть, только изрядно скрючившись. Я понимала, что вряд ли он прячется там от меня, но то, что происходило, было настолько странно, что вряд ли стоило называть странными собственные поступки.

Его не было и там — я этому не удивилась. Автоматически скользнув взглядом по содержимому — одежде,

в которой он выходил в город, висящей на плечиках рубашке, которую он так и не надел ни разу, начиненным туфлям внизу, рядом с распотрошенной сумкой, разлезшейся, вывернувшей внутренности, так дисгармонизировавшей с общим порядком в шкафу и в комнате.

Я тупо смотрела на все это, не понимая ничего. Будучи не в силах прийти ни к какому выводу. Его не было ни на кухне, ни в гостиной, ни в туалете, ни в ванной — и не было в собственной спальне. И вся его одежда была здесь — за исключением спортивного костюма и кроссовок, в которых он обычно расхаживал по квартире.

Звук в коридоре — тихий, еле слышный, возможно, примерещившийся — вывел меня из ступора. Я вздрогнула даже от неожиданности, поспешно отступая от шкафа, прикрывая не выдавшую меня дверцу — вдруг осознавая все. То есть то, что Владимир, возможно, опасаясь Лехиного обещания задушить его во сне, дождался, пока тот заснет, а сам перебрался в другую спальню — у них ведь было две свободных. И вот сейчас, заслышав шаги в своей комнате, возвращается крадучись. Не ожидая встретить тут меня.

Мне не хотелось, чтобы он застал меня за разглядыванием его вещей — черт его знает, что он мог решить. И я шагнула к окну, поворачиваясь к двери спиной, понимая всю идиотичность ситуации. Понимая даже, что упустила прекрасную возможность для подготовленной заранее разборки — потому что вошла туда, куда не должна была входить, и задержалась там на слишком длительное время. Но, услышав, как не показавшиеся все же, а реальные, просто тихие очень шаги застывают у двери, вернула на лицо холодную язвительность. Он

должен был получить свое, и откладывать это было совершенно ни к чему. Тем более что его маневр со сменой спален лишь подтверждал то, что я собиралась ему сказать насчет его паранойи.

Мне понравилась эта мысль — и я повернулась на звук открывающейся двери, расслабляясь, не думая ни о чем, чувствуя в себе холодную злость, которой предстояло не выплескиваться, нагреваясь до тысячи градусов, но вылетать кинжально, втыкаясь в самые уязвимые точки. И растерялась, встретившись взглядом с Алексеем.

— А я слышу, кричит кто-то вроде сквозь сон. Думаю — приснилось, что ли? Встал, в гостиной пусто. А потом смотрю — свет у Вовки. Ты че так долго, Анна?

Он смешно прикрывал глаза от света, умудрившись зевнуть во время речи, разорвав одно из предложений. Но при этом абсолютно свежий был и аккуратный — и почему-то в костюмных брюках и рубашке.

— А я ждал-ждал, переоделся уже — а потом так и вырубился в одежде, — пояснил вдруг, словно прочитал мои мысли. Он был наблюдателен и проницателен, даже слишком, и это было против меня. Особенно в такой вот непонятной ситуации, мне не нравившейся совсем. — Ну так че, едем отмечать-то?

— О, разумеется! — Я кивнула, будучи все еще не в состоянии убрать растерянность с лица. — Но... Я прошу вас объяснить мне, где находится Владимир? Мы должны ехать все вместе.

— Вовка-то? — Леха наконец посмотрел на меня прямо, убирая от лица руку, тут же снова сощуриваясь. — Ну и свет тут — хоть очки одевай. А че Вовка — без него поедем.

— Но... так невозможно, между нами существовала договоренность, что мы отмечаем мой праздник все вместе...

Я и вправду недоумевала — и лицо выражало то, что было у меня внутри.

— А че не можем? — Леха, кажется, тоже удивился. — Вдвоем и поедем. Он это, Вовка-то... уехал он...

— Уехал?

— Ну да. Позвонил в Москву, прибегает, говорит, кореш один его в Париже сейчас проездом, встретиться надо. Собрался в пять секунд и мотанул — говорит, жду вас там через пару дней.

— Но...

Я оглянулась на шкаф. И тут же, поспешно исправляя ошибку, провела взгляд дальше, продолжая линию, скользя им по комнате.

— Это так странно для меня, Алексей. Но должна вам сказать, что мне давно кажется, что мужчины склонны совершать очень странные поступки...

Он снова зевнул, потягиваясь, улыбаясь, прислонясь к косяку, перекрывая выход — а прищуренные глаза смотрели на меня, пряча свое выражение.

Я еще раз обежала взглядом комнату, наткнувшись вдруг на то, чего не заметила раньше. Качнула головой, как бы удивляясь поступку Владимира, развела руками.

— Что же, то, что делает Владимир, есть его личное дело, не так ли? — Я пожала плечами безразлично. — Но должна вам сообщить, что я рада, что вы, Алексей, никуда не уехали. И если вы хотите услышать правду — то я очень этому рада. Кстати, согласно вашей просьбе я надела подаренный вами костюм — вам нравится, как он смотрится на мне?

Я улыбнулась ему многозначительно, медленно повернувшись вокруг себя, застывая напротив него. Глядя кокетливо в полуприкрытые глаза.

— Класс!

Он кивнул ухмыляясь, и я пошла на него, пародируя походку манекенщицы, — и оттолкнула его бедром, заставляя посторониться и дать мне пройти — слыша, как за моей спиной щелкает выключатель и плотно закрывается дверь.

— Без него тоже класс. — Он сказал это мне в спину, и в голосе появились наконец приветливость и веселость. — Да, че ты там говорила — насчет сюрприза?

— Алексей, вы очень торопитесь! — Я вернулась к креслу, взяла сумку и только тогда повернулась к нему. — Хочу верить, что вам достаточно десяти минут, чтобы собраться. Если вы не выходите через десять минут, я уезжаю — и тогда вы уже не узнаете, какой сюрприз я имела в виду...

— А может, сюрприз сейчас, а поедем потом?

Я знала откуда-то, что он это скажет. Вообще было удивительно, что он выпустил меня из комнаты — как выяснялось теперь, лишь потому, что в принципе не собирался выпускать меня из квартиры.

— Алексей, Алексей! — сказала с деланной укоризной, грозя ему пальцем. — Французы говорят, в женщине должна быть тайна, загадка — или она неинтересна. Я бы хотела, я бы просила — это мой день рождения, вы должны меня слушаться, — чтобы в этот праздник во мне оставались для вас загадки. Если вы отгадаете все сейчас, вам станет скучно — и праздник не удастся. И пожалуйста, не обманывайте меня — мужчина красиво ведет себя с женщиной, только если он голодный...

Я рассмеялась, делая к нему шаг, потом второй, подходя вплотную, глядя в упор в глаза. Зная, что если он поверит, то все будет о'кей. Не в то, что все будет, на это ему скорее всего плевать, он и так все может получить сейчас — но в то, что я говорю что думаю и других мыслей у меня нет.

В моих глазах было обещание, и желание, и высокая оценка его — и мне надо было, чтобы он это увидел. Равно как и то, что я уже выкинула Владимира из головы — и его объяснение меня устроило более чем.

— Десять минут, — повторила тихо и отвернувшись, направляясь к двери. Почему-то очень долго вставляя в нее ключ и отпирая ее. Чувствуя спиной, что он близко, — и не зная, что почувствую в следующий момент.

Мне стоило усилий сдерживать себя — и ключ влез наконец в замок и повернулся медленно, и так же медленно поехала вперед слегка подтолкнутая мной дверь. И я обернулась уже на площадке, глядя на него, стоящего в двух шагах.

— Забыла вам сказать, Алексей...

Он еле уловимо напрягся, подобрался, неправильно среагировав, подумав, что теперь, когда я могла решить, что нахожусь, так сказать, на свободе, могу позволить себе сказать то, что хотела сказать еще в квартире, но боялась. Он и вправду считал меня дурой — а я, таковой не являясь, прекрасно знала, что он дотянется до меня одним скачком и отключит в секунду. И главный разговор в любом случае отложила на потом.

Он переместился поближе — незаметным почти движением.

— Что?

— Я забыла вам сказать, — я сделала вид, что не уловила движения, — что некоторые женщины очень похожи на мужчин. И им тоже важно, чтобы была загадка. И если они не голодные, с мужчинами они ведут себя без интереса. Понимаете?

Он помедлил, он не сразу понял, что я сказала, он готов был к другой фразе и моментальному рывку, но не к этому, и ему сложно было перестроиться.

— Ну даешь! — Он хохотнул наконец, расслабляясь, чуть обмякая всем телом. — Ну ты даешь, Анна!

И я пошла вниз под этот короткий смех, застрявший в моих ушах. Я не услышала из-за него, как хлопнулась дверь, но это было не важно — важно было, что я могла не прислушиваться к шагам за спиной. Просто потому, что их не должно было там быть.

И я шла, произнося про себя ругательства, адресованные тому, из-за кого я нервничала все эти дни, из-за кого сегодня оказалась в порту, из-за кого еле вышла из этой квартиры. Но потом вспомнила, что о мертвых надо говорить или хорошо, или ничего. Тем более о человеке, который умер совсем недавно...

12

— А как мы найдем его в Париже?

Он промолчал. Он так долго рассказывал мне по дороге про странности Владимира — ведь они же черт знает сколько лет знакомы, и тот всегда таким был, но тут вообще крыша поехала. Вроде отдохнуть приехал — а злой вечно, недовольный, хмурый, все ему не так. По семье, видать, соскучился. «Во мужики дурят — дома на сторону ходят, а как уедут куда, сразу обратно к жене тянет!» И я упорно не понимала жаргона, и кивала, и поддакивала, когда он переводил жаргон на нормальный русский, и тоже удивлялась поспешности отъезда. Но ничего не спрашивала. Откладывая все вопросы на тот момент, когда мы окажется там, куда едем.

— Нет, мне на самом деле важно знать — как мы будем искать Владимира в Париже?

— Да он сам найдет! — Алексей отмахнулся. — Он такой, он отыщет...

— Но как он сможет это сделать? — Я не успокаивалась, и я видела, что ему это не нравится, но сейчас и здесь это было уже не важно.

— Анна, кончай! — Он покачал головой укоризненно. — Давай о нем не будем сегодня. Если честно, он мне самому надоел — друг-то друг, но надоел. И нам с

тобой мешал. Мы ж завтра-послезавтра собирались в Париж, не сегодня — вот потом и поговорим...

— Хорошо, обещаю вам больше не затрагивать эту тему...

— Класс! — Он кивнул одобрительно. — Знаешь, поговорка такая есть — третий лишний.

— О! — Я не смущалась уже и посмотрела на него кокетливо, легко рассмеявшись. — Третий лишний. Это хорошо сказано. Вы имеете в виду постель?

Недовольство исчезло напрочь, совсем другое выражение появилось на лице.

— Угадала!

Он смотрел на меня пристально — с той игривой наглостью, с которой рассматривал меня раньше. Раздевая, поглаживая взглядом, спускаясь ниже — туда, чего не видно было ему сейчас, но что он уже видел, пусть и в темноте.

Я отвела глаза — демонстративно переводя их на зал дорогого и престижного, как минимум наполовину заполненного, но все еще заполняющегося, несмотря на время, ресторана. Впрочем, какое там время — одиннадцать часов, суббота тем более, когда расслабляться, как не сегодня! Тем более таким хорошо одетым и богатым людям, явно занятым в будние дни зарабатыванием денег. Самое время для отдыха местных сливок общества. Золотой молодежи со своими спутницами, пожилых бизнесменов, одетых официально, с женами в вечерних платьях. И разумеется, преуспевающих мафиозных типов, смуглых, черноволосых, больше похожих на итальянцев, чем на французов, — в серых костюмах и неизменно черных рубашках, расстегнутых на груди, увешанной золотом.

Девушка из гостиницы оказалась права — тут было действительно хорошо. Я еще колебалась какое-то вре-

мя, куда поехать, — она написала мне несколько названий и адресов престижных мест, но я выбрала это потому, что знала улицу, мне не надо было ее искать. А для меня это было значимо, мне хотелось поскорее очутиться где угодно, кроме машины.

Так что я выбрала это заведение — тем более что до него и езды-то было всего минут двадцать пять. И даже окажись оно похуже, я бы все равно в нем осталась, — но оно превосходило всякие похвалы. Правда, у меня не было аппетита, насладиться в полной мере местной кухней я не могла — но в любом случае собиралась заказать что-нибудь после того, как мы закончим с аперитивом. Что-нибудь легкое — типа морепродуктов или рыбы с белым вином. И естественно, сыр на десерт — такой, чтобы подходил под красное вино, мне его хотелось, я не могла пить только не любимое мной белое. И что-нибудь сладкое. И разумеется, кофе.

Вот такая была программа. А пока перед нами стояло по бокалу мартини с содовой и льдом — и чуть порозовевший от содовой красный вермут медленно разъедал лед, пропитываясь морозностью и чуть холодя руку. Классический аперитив, который я предпочитала всем другим — и уж особенно американским типа драй мартини, в котором вермута минимум, зато много джина и пропитавшаяся спиртом оливка.

Я сделала еще глоток, глядя по сторонам, — и откинулась на удобном кожаном кресле, извлекая из сумочки сигарку. Переводя взгляд на бокал Алексея.

Он поначалу отказался от спиртного. Но я настояла. Сказав, что хороший обед полезно начинать с аперитива, возбуждающего аппетит, — а к тому же такова традиция. И уж если он оказался во Франции, то ему надо ей следовать. А к тому же сегодня мой день рождения — значит, он должен меня слушаться. И он согласился. Сделал, в

общем, шаг мне навстречу — но забота о здоровье пить что-либо крепче сухого вина ему не позволяла.

Я оценила это — то, что он согласился, хотя и знал, что пить не будет. Вполне по-джентльменски.

У него было хорошее настроение — я это видела. Мы перестали наконец вспоминать Владимира, о котором он говорил всю дорогу сюда и тема его, видимо, утомила. Так утомила, что он перешел на другую — которая его интересовала больше. И давала ему возможность найти ответ на вопрос, что делать дальше. И что делать со мной, естественно.

— Костюм на тебе — класс.

— Спасибо, мне очень приятно это слышать. И я очень благодарна вам за подарок.

— Да ладно! — Он отмахнулся с таким видом, словно всю жизнь только и дарил женщинам дорогие подарки. — А ты кто вообще по жизни, Анна? Ну в смысле... занимаешься чем? Отдыхаешь просто?

— О, я была бы рада отдыхать! — Я рассмеялась легко, потому что искренне. — Но у нас так не принято. Увы, я не имею богатых родителей — и я должна зарабатывать себе на жизнь...

Взгляд его остановился на зажигалке, скакнул на часы.

— Я смотрю, неплохо зарабатываешь. В Москве такие на десятку тянут.

— Спасибо. Я одинокая женщина — я могу позволить хорошо позаботиться о себе...

— А че богатого мужа не найдешь? Или любовника?

Я улыбнулась — отчасти и потому, что угадала, к чему приведет разговор.

— Увы, Алексей, — может быть, вы думаете, что на Западе очень много миллионеров, но я живу тут много лет и почему-то никак не могу встретить ни одного. Я

уже давно сделала вывод, что мы ездим по разным улицам и обедаем в разных ресторанах...

Он хохотнул, оценив шутку.

— Ну а если попадется?

— Это зависит... — ответила уклончиво, — зависит от того, как много у него миллионов. Если их мало, это зависит от того, как хорошо он выглядит.

— А если как я?

— Я бы стала думать, — произнесла, глядя хитро на него. — Я бы стала очень долго думать...

— Ну так думай...

Мы замолчали на какое-то время. Он и вправду ждал ответа — от него зависело его дальнейшее поведение со мной. А я колебалась. Мне следовало бы спросить, что он потребует взамен — ну не так вот в лоб, а помягче, позамаскированное спросить, — но я и так знала что. И вряд ли бы он мне об этом сказал прямо сейчас.

Мне нужна была пауза, и я сделала знак официанту. Долго обсуждая с ним наш заказ, останавливая выбор на королевских креветках с авокадо и прочими экзотическими фруктами для нас обоих — и вине, которое он порекомендует.

— Ну так чего надумала?

Все это время он наблюдал за мной внимательно — он выглядел расслабленно, он то и дело оглядывался на зал, но большую часть времени смотрел на меня, достаточно напряженно.

— О, вы говорили это серьезно, Алексей? — Я изобразила удивление. — Я думала, что вы шутили.

— Да какие шутки! — Он тоже, похоже, удивился, но скорее всего моей тупости — вот ведь дура, шанс свой не видит. — Я за слова отвечаю.

— Вы хотите сказать... вы хотите сказать, что вы хотите быть моим любовником? — По мне можно было

понять, что я несколько ошарашена предложением. — О, это так внезапно...

— Любовь с первого взгляда, слыхала? — Он хохотнул снова. — Ты мне сразу понравилась — в аэропорту еще. Я даже Вовке говорю — во класс ба... девка. Ты меня, говорю, все дергаешь — че не женишься, че не женишься, — а я б такую увидел в Москве, тут же бы женился.

Я промолчала.

— Ну так че, Анна, — че молчишь? Я ж тебе нравлюсь, так? И ты мне нравишься. Значит, проблем нет. Хочешь — не поедem завтра ни в какой Париж. Ну его к черту, Вовку. Лучше к тебе полетим, в Англию. Виза у меня есть — шенгенская, знаешь, на всю Европу, — вот к тебе и рванем. Ты как?

— О, это так неожиданно...

Он точно считал меня идиоткой, как минимум недалекой девицей — и я похвалила себя за то, что хорошо играла свою роль. И его похвалила за умное решение. Не мотаться бессмысленно по континентальной Европе, а улететь со мной в Англию и пересидеть там. Может, даже жениться на мне и получить новую фамилию и английское гражданство. Которого у меня, естественно, не было — равно как и жилья в Лондоне, — но он об этом не знал.

А вот кое в чем он был идиотом. Шенгенская виза, кажется, на Англию не распространялась — ему пришлось бы ставить визу в местном израильском консульстве. А еще он забыл, что для меня станет сюрпризом, что у него израильский паспорт, в то время как я думала, что он русский, — и он также забыл, что паспорт якобы лежит в банке, а банк до понедельника ничего никому не выдаст. Но это, впрочем, была ерунда. Детали, которые сейчас ему не приходи-

ли в голову — поскольку ему надо было решить главный вопрос.

— Анна, я не шучу! — Он вдруг улыбнулся мне особому, видимо, улыбка должна показывать его чувства ко мне. — Полетели, а? Прямо завтра утром. В аэропорт позвоним, узнаем, когда рейс, — и первым и улетим. Тут же компаний всяких куча. Ну как? Сегодня отмечаем, ночью увидишь, что мужик тебе попался супер, а утром...

Я задумалась, есть ли они, деньги — прав ли был Владимир, предполагая, что у него могут лежать приличные суммы в каком-нибудь западном банке.

— Но... Моя квартира в Лондоне очень маленькая... — Я чуть смутилась при этих словах. — И у нас так не принято. И я должна сказать, что никогда не жила с мужчиной в одной квартире — это мне будет очень дискомфортно.

— Ну ты даешь! — Он развеселился. — Ну причину придумала! Да комфортно тебе будет — обещаю. Я знаю какой мужик — и утром, и днем, и вечером, и ночью один комфорт будет... Ну надоем — в гостиницу поселишь хорошую. Как?

Что ж, ему действительно не надо было торопить меня с ответом. Судя по всему, у него были деньги, хотя бы на первое время, — я знала откуда. А я ему нужна была, потому что могла помочь ему укрыться. Он не знал языка, а тут у него был бесплатный гид, у которого, наверное, можно было жить, оплачивая помощь страстными ночами. А если у него были где-то деньги, он мог рассчитывать на мою помощь в том, чтобы их снять. Он мог помнить счет — или узнать его у кого-то, позвонив в Москву и напомнив о себе, — и не сомневался, что все снимет при моем содействии. Может, даже послав меня вместо себя — нельзя было исклю-

чать, что его там могут ждать, а вот меня никто ждать не будет.

Красавец, одно слово. Хитрый, самоуверенный, убежденный в том, что настолько неотразим, что может использовать меня как хочет. А я в силу недалекости и увлеченности им и не пойму, что делаю и кто он. Как бы он отреагировал, интересно, скажи я ему, что прекрасно знаю, что он предпочитает манекенщиц и моделей? Наверное, ему это не понравилось бы. Но в любом случае разговор пора было переводить в другое русло. И мне совсем не было жаль, что мне придется его огорчить.

— О... — протянула неопределенно, просто чтобы что-то сказать, уже видя официанта, несущего наш заказ, любуясь оказавшимися передо мной гигантскими креветками, причудливо обложенными экзотическим гарниром, с аккуратной башенкой розового соуса в центре тарелки. Пробуя вино, которое официант налил мне на дно бокала, ожидая вердикта — наливая по полному бокалу нам обоим после моего кивка.

— За тебя! — Алексей поднял бокал, чуть наклоняясь ко мне, создавая атмосферу интимности. — Первый за тебя — второй за нас. Идет?

— Спасибо! — Я отметила, что он поднес бокал к губам, глотнув чуть-чуть, как бы подтверждая искренность тоста. — И еще я хочу сказать, что я с вами согласна. Я хотела сказать, что согласна выпить за нас.

— А на остальное — не согласна?

Он ухмылялся — он не сомневался, что я клюнула. И клюну окончательно после сегодняшней ночи.

— Я подумаю, — произнесла игриво. — У меня на это есть время, не так ли? Все равно мне и вам надо ждать Владимира — я была удивлена, что он уехал, но я знаю, что он вернется обратно. Мы будем его ждать — а я буду думать...

Кажется, он разозлился — хотя и сдерживал себя, но тон стал порезче:

— Послушай, я ж тебе объяснил все — не приедет он обратно. Сама ж спросила, где мы его в Париже будем искать — так и я не знаю. Он такой вообще, Вовка, шепутной — сорвался в момент и с концами. Мы давно с ним — у него и раньше так бывало. Ну прикинь — жена его звонит, говорит, пропал Вовка, боюсь за него, третий день дома нет и на работе тоже. А потом появляется — оказывается, друга старого встретил и мотанул с ним в другой город. Да с ним договариваться-то стремно — днем звонишь, встречу забиваешь на вечер, а он исчезает чуть не на неделю. Как тебе?

История явно была неподготовленной и потому слабоватой. Но я кивала, прикидываясь пораженной такими вот свойствами характера.

— Ну так чего, Анна, — едем завтра?

— Нет, нет, я не могу так сделать. Тот человек, который передал мне письмо с Владимиром, — он просил помогать ему, пока он здесь будет, все время. Я обещала сделать это. Тот человек — у нас с ним... он помогал мне давно.

Похоже, он в душе проклинал меня за тупость и неговорчивость. Но продолжал говорить, приводя самые разные доводы, напирая на свои чувства ко мне и мои к нему — откуда что взялось, непонятно? — и я кивала, и он покупался уже, но в финале я всякий раз неизменно говорила одно и то же: «Но я не могу».

Он перевел дыхание — количество произнесенных слов было слишком велико для него. И устало поинтересовался:

— Ты б хоть объяснила, почему?

— О! — Я улыбнулась хитро. — Я вам не стала говорить. Я была в комнате Владимира и заглянула в шкаф.

И увидела там все его вещи и сумку. Вы просто не видели этого, правда? Значит, он придет обратно, скоро придет.

Это был удар — несильный пока, но чувствительный. Он не ждал такого. Но надо отдать ему должное — то, что пропущенный удар был болезненным, он даже не показал. И переориентировался в момент, изображая на лице крайнюю серьезность:

— В том-то и дело, что вернется...

Я посмотрела на него непонимающе.

— Ну ладно... — Он оглянулся заговорщически, может, в кино где видел такое, так шпионы обычно озираются, прежде чем шепнуть связнику важный секрет. — Ладно — я тебе все скажу. Готова?

Я подалась вперед, впуская в глаза огонек любопытства.

— Знаешь, кто он? — Он спросил это шепотом, усиливая эффект секретности. — Он из КГБ — слыхала же? Во-во. А знаешь, зачем меня сюда притащил — задумали они тут что-то плохое. Я не русский, понимаешь, — еврей. У меня даже паспорт израильский. Ну женат я был — еврейка жена. Ну вот и паспорт. Да не важно...

Он махнул рукой, чуть сбиваясь со спокойного ритма, может, думая, что я в шоке и надо быстро мне все объяснить.

— Короче, я уезжать собирался в Израиль — а ты же знаешь, как они с евреями-то, красножопые, коммуняки то есть. Это ж базар пустой — демократия, перестройка, — туфта натуральная. Ну и арестовали меня. Посадили, пришили кучу дел — ну обвинили во всяком, чего не было. Им же это как два пальца, легко в смысле. А я сидел когда-то в тюрьме — случайно, за ерунду. Ну и говорят — или будешь сидеть, или сдела-

ешь что скажем. Ну а у меня какой выход — сделаю, говорю. А делать-то ничего и не хотел. Тянул просто время — понимаешь? Ждал момента, чтоб сбежать. А этот поверил мне — иначе никуда бы не уехал. А он поверил — а ему тут звонит их человек, из КГБ тоже, из Парижа, и он к нему. Вернусь, говорит, через пару дней, жди. Я ж тебе просто сразу не хотел говорить — ну чего пугать-то тебя? Я-то сбегу — а с тобой что будет? Они ж свидетелей не любят...

Я не замечала за ним актерских способностей до этого — а тут он играл, и весьма неплохо. Текст, правда, сочинил несильный. Будь он получше, он бы заставил меня хоть на секунду засомневаться в том, что информация на дискете действительно о нем. А он — тот самый Северянин, которого ведь может и не существовать в реальности. Я не сомневалась, что контора может сфабриковать что угодно — и для своего начальства, чтобы получить добро на операцию, и для меня.

Но уж больно бредовая была история, которую он мне рассказал. Может, лет десять назад в нее можно было поверить — про притесняемого еврея, — но сейчас? Да к тому же контора не стала бы посылать лишь бы кого на такое дело — и даже будь он не тот самый Северянин, сам факт его командировки сюда означал, что он уже убивал людей. И видимо, весьма профессионально.

И последнее, что не дало мне ему поверить, — я видела его драку с теми арабами у дискотеки. И то удовольствие, с которым он шел ко мне уже после побоища — и с которым о нем рассказывал позже.

Так что сомнений в том, что он врет, не было. Но я по-прежнему сидела, глядя на него округлившимися глазами, изображая некоторый испуг.

— Короче — бежать нам надо, Анна! — Он нагнулся вперед, кладя свою руку на мою. Он доверял мне — точнее, той, за кого он меня принимал. Той, которая, увидев в шкафу сумку и все вещи, которые человек носил на себе, поверила, что этот человек уехал. И теперь верит в рассказанную ей байку. — Прямо завтра и бежать!

Он буквально впивался глазами в мои глаза, убеждаясь, что мне можно верить. Что ж, я постаралась, чтобы он увидел все, что ему надо, — и шок, и неумность, и увлеченность им.

— Ну поняла наконец? О тебе ж пекусь. Не о себе...

— Но... Все так странно, что вы рассказали, — произнесла запинаясь, показывая, что нервничаю. — И если он — если он работает в КГБ, то мы должны позвонить в полицию. И рассказать про него. Мы обязаны, да. Мы не можем уехать так — он может сделать тут что-то плохое...

— Да ничего он не сделает! — Он подмигнул мне по-дружески. — Без нас с тобой — ничего. Он хотел, чтобы я сделал, — а сам не будет. И ты ему нужна. Так что не дергайся — вернется, увидит, что нас нет, и в Москву улетит. А мы с тобой...

Я задумалась на какое-то время, с аппетитом расправившись с одной из креветок, сделав глоток вина. Не сводя с него улыбающихся глаз.

— Ты чего? — Он явно не понимал моей веселости. — Ты думаешь, это шутки, что ли?

— О нет! — Я сощурилась хитро. — Значит, ваши разговоры о ваших чувствах ко мне — это неправда? Это чтобы я с вами убежала, да? И вы сказали, вы богаты, вы хотите быть моим любовником, делать мне подарки — это тоже вы сказали просто так?

— Ну ты даешь! — Он мотнул головой, тоже развеселившись. Причина была — я не впала в транс, я не

орала на весь ресторан, я не устроила истерику. И я говорила то самое, что должен был сказать лучший для него вариант той, кем он меня считал. — Во бабы, а! Ее спасают — а она про подарки. Да нет, Анна, — я за слова отвечаю. Все, что сказал, — за все отвечаю. Поняла?

— О, Алексей, мужчины любят так много обещать, а потом они оказываются очень экономными, — произнесла с деланным сокрушением. — Они здесь такие и в России, думаю, тоже. Я видела, Владимир очень не хотел покупать мне подарок...

Он замолчал, наверное, злясь, что я снова вернулась к этой теме.

— Так мой подарок-то. А Вовка — вот он скупой...

Я посмотрела на него внимательно в тот последний идиллический момент наших посиделок. Идиллия была условная, конечно, — но все же присутствовала. И вот пришло время с ней кончать.

Я улыбалась ему, глядя, как он принялся за креветок — с энтузиазмом и проснувшимся аппетитом — и ест их аккуратно и даже красиво. Улыбалась, думая, что он здорово смотрится в черном своем наряде — и весьма уместен в том дорогом заведении, почти что свой среди своих, издавна по крайней мере. И он действительно был привлекателен внешне — я это признавала. Несмотря на то что она, его внешность, могла произвести на меня впечатление только в сочетании с его биографией. Но это было не то впечатление, которое его устроило бы.

Все-таки мне было немного жаль грубо вторгаться в красивую со стороны картину, изображающую самоуверенного жесткого мужчину, легко соблазняющего привлекательную глуповатую девицу. Но с другой стороны, я ведь все равно знала, чем все закончится — процесс

соблазнения в смысле. Так что как ни жаль было — но время пришло.

— Вы знаете, Алексей, жённости очень любопытные...

Я задумалась на мгновение, не потянуть ли еще, не спросить ли, сколько у него денег, и что конкретно он мне предлагает в случае моего согласия стать его любовницей, и что-нибудь еще в таком плане — практические вопросы практичной женщины, на которые мне интересно было получить ответ. Но спросила совсем другое:

— Я хотела узнать — вы убили Владимира именно за скупость?

13

Жизнь — не кино. И он не поперхнулся, не подавился, не опрокинул бокал с вином. Он вообще не оторвал глаз от тарелки. Я бы подумала, что, может быть, он даже меня не услышал — но тут было не настолько шумно. Я огляделась, убеждаясь в который раз, что для того тона, каким я собираюсь переспросить, в пределах слышимости никого нет. И чуть повысила голос:

— Может быть, вы мне ответите? Мне просто любопытно...

Наверное, он сразу все понял, хотя я по-прежнему говорила с акцентом. Но та дура, которой он меня считал, такого не спросила бы — и она не могла знать, что Владимир никуда не уедет, оставив подопечного в одиночестве. А акцент тут был ни при чем — я ведь все равно оставалась иностранкой. Было бы глупо, если бы я перешла на жаргон и мат, показывая ему, что я очень непростая особа — для книги поворот неплохой, но слишком дешево, на мой взгляд. Я всегда была вежливой, а говорить на чистом русском за границей мне не хотелось — да и не такой он уже был чистый, потому что, когда живешь тут два с лишним года за границей, с русскими общаешься нечасто и то стараешься говорить с ними по-английски, удивляться нечему.

Не знаю, в общем, сразу он все понял или нет, но в любом случае он повел себя классно. Он не стал изображать недоумение и непонимание, спрашивать меня, откуда я это взяла. Он осознавал постепенно, достаточно быстро, кто я. И просто смотрел на меня — спокойно, без эмоций, может, чуть холодновато, слишком трезво. Он не хлопал себя по лбу, не смеялся киношно, выдавливая сквозь смех, что должен был убить меня прямо в квартире.

Он мог это сделать — убить в смысле, — но, видимо, решил, что ему нужен паспорт, который я якобы положила в конверте в абонированный банковский сейф. И что я такая дура, что мне и в голову не придет, что Владимир никуда не уезжал. Только поэтому он меня и отпустил — и еще потому, что решил, что я ему нужна.

Признаюсь, я удивилась, когда он дал мне спокойно уйти из квартиры. Он не предполагал, что я войду сама, что у меня есть ключ, — именно поэтому он и не убрал вещи Владимира из шкафа, и что не представлял, что я могу не просто проникнуть в квартиру, но еще и в этот самый шкаф заглянуть. И что делать, он тоже не знал — потому не открывал, хотя прекрасно слышал мои звонки.

Я решила, что он хотел свалить. Он убил его по крайней мере за полчаса до моего появления, а может, гораздо раньше — и прибрал следы, если они были, все-таки тренированного человека, особенно такого здорового, сложно убить без борьбы, тем более когда нет оружия. А потом он переоделся — потому-то и были на нем костюмные брюки и рубашка, причем абсолютно не мятые, хотя он и сказал мне, что заснул в таком виде. И еще он покопался в вещах Владимира — наверняка изъяв все наличные деньги и кредитку, выданную тому конторой. Я не думала, что там больше двадцати — трид-

цати тысяч долларов, максимум пятьдесят, — но Алексей мог думать что угодно, потому и взял.

А потом он собирался уходить. И подвело его то, что он не нашел ключ. Замки открыл, а вот ключ, на который Владимир запирался изнутри всегда, не нашел. Просто потому, что не осматривал комнату с того места, с которого осматривала ее я — стоя спиной к окну. Лично я его тоже заметила не сразу — уже когда окидывала комнату взглядом в последний раз, перед тем как выйти, увидела его за ножкой шкафа. Маловероятно, что Владимир его туда положил — скорее он выпал и откатился в ходе борьбы. Не важно — суть была в том, что без ключа он выйти не мог. А потом появилась я.

Странно, почему он молчал, когда я без устали жала на кнопку домофона — сделав два подхода минут по пять каждый, прежде чем вспомнила про лежавший в бардачке «рено» ключ. Он мог сказать мне, что Владимир его запер и уехал, зная, что я что-нибудь придумаю. Но он молчал — хотя я могла оказаться истеричкой, поднять панику, начать обегать соседей и звонить в полицию, крича, что пропали люди. Ему не нужна была полиция — но он не открывал. Наверное, потому, что просто не знал, что делать.

И тут появилась я — собственной персоной. И он, услышав ключ в двери, быстро метнулся в свою спальню и лег. Видимо, какое-то время еще раздумывая, что делать со мной, — а потом решив, что я ему могу пригодиться, если ничего не увижу. Вряд ли он планировал что-то глобальное — у него не было времени, и вряд ли он был в том состоянии, чтобы составлять серьезные планы. Нет, максимум, что он мог, это сказать себе, что если я ничего не пойму, ни о чем не догадаюсь — убеждена, что он от меня ничего не ждал, все было чисто, вряд ли стоило рассчитывать, что я буду ходить по всем

спальням, — то он примет решение вечером в ресторане, в спокойной, расслабленной обстановке. Говоря на его языке, разведет меня на базар, пробьет окончательно и все и решит. Тем более что на раздумья будет еще длинная ночь.

Вот потому он меня и отпустил — потому что ничего подозрительного во мне не увидел. Ему могло показаться странным, что я прошла в комнату Владимира, — но, к счастью для меня, он не слышал, что я открывала шкаф. Иначе вряд ли бы я вообще вышла из этой спальни. А в остальном я вела себя естественно, в меру поразившись внезапности отъезда Владимира — неудивление тоже вызвало бы подозрения. И уходить из квартиры я не торопилась — потому что знала, что стоит мне проявить суетливость и желание выйти поскорее, как он сразу поймет, что отпускать меня нельзя.

И поэтому я с ним еще пококетничала в гостиной — прежде чем не спеша пойти к двери. И по лестнице тоже спускалась медленно, подавляя желание побежать, — и, если честно, мне стоило больших усилий не газануть с ходу, когда я села в машину, не унести подальше от этого места.

Единственное, что я сделала, — так это, сев в «рено», вставила ключ в зажигание и опустила собачку, закрывающую центральный замок. И только тогда откинулась на сиденье, позволяя себе расслабиться. Чувствуя, какое дикое напряжение у меня было в квартире, каких трудов мне стоило выглядеть спокойной и улыбаться и делать вид, что все в порядке.

У меня тогда уже не было сомнений, что Владимир мертв. Даже при том, что я стараюсь быть оптимисткой — как говорят американцы, пытаюсь мыслить позитивно. Мне бы очень хотелось, чтобы Владимир был жив, потому что от этого зависело выполнение задания.

Он не нравился мне, он злобил меня, он меня подставил, он вел себя как идиот и в принципе сам спровоцировал то, что произошло — что бы ни произошло, — но он был нужен. Однако обольщаться не стоило. И я лишь усмехнулась невесело при мысли о том, что Владимир сам выбрал свою судьбу — я не хотела ехать в порт, я бы лучше осталась с Алексеем. Но он уже не доверял мне или хотел меня подставить и потому соврал, что тот человек видел мою фотографию — и все это для того, чтобы в мое отсутствие его убили.

Так что я не думала о Владимире и о том, что с ним. У меня не было времени задумываться, как отреагирует контора на известие, что Северянин убил контролера и сбежал, — в смысле обвинит ли она в этом меня. Мне куда важнее было понять, что собирается делать сам Северянин. И что делать мне.

Голова работала не очень — мне слишком хотелось уехать отсюда. Он ведь мог решить все же, что отпускать меня нельзя, — и придушить меня прямо тут, в машине, благо там, где я парковалась, не было никого, спальный же район. Мне нечем было от него обороняться, у меня не было оружия — и оставаясь, я ставила свою жизнь под угрозу. Но я давила страх, приводя самой себе кучу доводов за то, чтобы остаться. Например, что контора потом припутает меня, потому что крайний все равно нужен, а придумавший столь идиотскую операцию начальник крайним быть никак не захочет. И может даже дойти до того, что меня обвинят, что я взяла у Севера деньги, позволив ему убить контролера и сбежать.

Возможно, я преувеличивала, но это был весомый довод — согласно которому мне следовало остаться. Раскрыться перед Севером и убедить его сделать то, что надо, — завтра же сделав экстренный звонок в контору

и попросив прислать сюда, в Марсель, пару человек для контроля. И чтобы оружие они тоже каким-то образом привезли — потому что Владимир получение груза сорвал.

Я сказала себе, сидя в «рено», что, оставшись, выиграю много, а не рискую ничем — я прикинусь дурочкой, буду улыбаться и слушать его разговоры и из них сделаю вывод о его планах. А потом уже раскроюсь. И сделать мне он ничего не сможет — не при всех же. Даже если он решит, что можно пожертвовать паспортом, лишь бы избавиться от меня, — я не дам ему этой возможности. Потому что скажу ему, чтобы ехал обратно на такси, — я ни в коем случае не пущу его в свою машину, — а где я живу, он не знает. Плюс пригрожу ему Интерполом — тем, что сегодня же ночью могу сделать анонимный звонок, дав его точное описание и адрес, по которому можно найти труп, от которого он никак не успеет избавиться.

А еще я сказала себе, что могу заявить ему, что если он не согласен выполнять задание — мне все равно, это не мое дело. В понедельник откроется банк, я отдам ему паспорт, и пусть валит куда угодно. А завтрашним звонком срочно вызову сюда тех, кто помешает ему скрыться — если они успеют прилететь и если он не почувствует опасности и останется в квартире.

Я не знала, что сделаю точно, — знала только, что уезжать мне нельзя. И хотя передернулась нервно, когда увидела, как он выходит из дома — он не мог заметить с такого расстояния мою дрожь, — быстро поддела собачку, открывая машину. Сказав себе напоследок, что очень хочется верить в то, что это правильное решение — потому что, если оно ошибочное, оно заодно будет и последним.

Он, кстати, дал мне еще время на раздумья. Заявив, что не может найти ключ, куда-то дел его Владимир. И

не смотрел на меня, но я уже поняла, что это тоже своего рода проверка, — и протянула ему свой, пояснив, что агентство, в котором оформляла аренду квартиры, дало дубликат, а Владимир от него отказался. И его устроило это объяснение, оно было логичным и озвучено без эмоций, — и я, глядя, как он возвращается обратно в дом, сказала себе, что точно никуда не уеду.

Что ж, пока я все сделала правильно. И сейчас, сидя в ресторане, чувствовала себя куда спокойнее. И именно потому и смогла оценить направленный на меня прохладный трезвый взгляд. Могла оценить, что он классно себя ведет — спокойно, хладнокровно, без театральности и поспешных действий. И то, что он сказал после продолжительного молчания, я тоже могла оценить. Потому что такого не ждала. Думала, что он будет спрашивать, с чего такие мысли, или обвинять меня в том, что я насмотрелась фильмов про русскую мафию, — и всматриваться в меня, стараясь понять, не шучу ли я, всерьез ли спрашиваю. И если да, то как я это узнала.

А он... Он рассмеялся легко.

— Ну купила, а — ну как лоха! Я ж сразу подумал — чего это комитетчики левую телку используют? А этот мне — ты с ней потише, никакой фени, она не при делах, нужна нам просто, потому что страну знает и язык. Я, главное, просек же, что ты неместная, — как в город вышли, так и просек, что говоришь не так, как эти, все по-английски в основном, а на ихнем не особо. Этого спросил сегодня, а он мне отвечает, что из Лондона ты. Думаю еще, на хер они телку из Лондона используют, местных, что ль, никого нет? А ты, выходит, мусорская тоже. Ну купила — признаю.

Мне показалось, что он растерян, он не представляет точно, кто я и как много о нем знаю, — и этой болтов-

ней расслабляет ситуацию, а сам судорожно ищет выход.

— Вы не совсем правы, — заметила мягко, открывая карты, но не полностью. Ему не надо было много обо мне знать, а мне не нужна была конфронтация с ним. — Я здесь по той же причине, что и вы. Они на чем-то поймали вас — а несколько раньше на чем-то другом поймали меня. Так что мы оба здесь вынужденно — но по одному делу...

— Ладно, не свисти. «Поймали», «вынужденно» — хватит херни мусорской! Че ты как следак, в натуре, — ну купила раз, все, нет больше лохов!

Я пропустила грубость мимо себя.

— Скажите, Алексей, — начала, прожевав очередную креветку, — я похожа на покойного Владимира? Или, может, на конвоиршу из зоны? Мне казалось все же, что вы более наблюдательны. И то, что вы совершили в отношении меня одну ошибку, вовсе не означает, что надо приписывать мне все подряд. В отличие от вас я на себя чужих грехов брать не буду — даже для того, чтобы войти в историю...

Он дернулся — я процитировала его фразу, сказанную когда-то следователю.

— Ты че сказать-то хочешь — что не при делах? А тут так — мимо проходила?

— Я хочу сказать, что я делаю то, что вынуждена делать — потому что хочу жить и зарабатывать деньги. И ничего больше...

Он напоминал мне персонажа из фильмов ужасов, попавшегося мне на глаза в тот момент, когда с ним происходят самые невероятные мутации. Слишком много всего одновременно было в Северянине, и оно распирало его, это много, толкалось, пытаясь вылезти из самых неподходящих мест, растягивая кожу и лицо и голову.

Он еще пять минут назад был настойчивым ухажем и соблазнителем, а чуть позже спасителем от КГБ. А сейчас, не сняв старую маску, напялил на себя одновременно несколько новых. И не мог выбрать четко какую-либо одну, и они все причудливо переплелись в своеобразную мозаику, постоянно менявшую узор. Этакий взбесившийся калейдоскоп, встряхивающий сам себя, шокирующий того, кто в него заглядывает, нестабильностью перемещающихся по законам броуновского движения компонентов.

А я могла позволить себе быть спокойной. Я знала, что он по-киллерски хладнокровен, голова у него опережает эмоции — это и из досье было ясно, и из того, как он постепенно доводил Владимира, подталкивая к решающей стычке. Поэтому мне ничто не угрожало, и срываться прямо сейчас ему было невыгодно. И я рассчитывала, что нам предстоит разговор с целью определить наши отношения и уточнить планы на будущее.

— Давайте выпьем, Алексей, — не за нас получасовой давности, играющих каждый в свою игру. А за нас настоящих — понимающих, кто есть кто, не держащих друг на друга зла. Вместе думающих, как им быть дальше, как им выбраться из того дерьма, в котором они оказались. Идет?

— Это, может быть, ты в дерьме! — бросил зло. — А я в порядке, подруга — сечешь?

— Да нет, Алексей, — ответила вежливо, веря, что мы найдем общий язык. — В дерьме мы с вами оба — и в серьезном. И если выплывем — то тоже оба. И если утонем — то вместе. Бежать вам некуда, паспорт в банке, денег у вас мало, только то, что было у Владимира, карточку завтра утром заблокируют, я позвоню. И если у вас и есть где-то средства, то снять вы их сами не можете. В России вас ищут — и теперь и здесь будут

искать. И я бы очень хотела, чтобы вы поняли, что я, как и вы, ни на чьей стороне — а только на своей. И меня, как и вас, интересуют спокойная хорошая жизнь и деньги. Ничего больше. Поэтому я и предлагаю подумать, что нам делать.

Он мне не верил. Хотел поверить, потому что то, что я говорила, было разумно, и, кажется, по мне было видно, что я никак не могу быть сотрудницей КГБ, — только ему это было не так просто. Но он думал над моими словами — что уже было хорошо. Или делал вид, что думает, на самом деле размышляя о своем, — что было хуже.

Я не чувствовала радости от того, что переиграла его психологически — Леху Севера, умеющего выживать там, где выжить нельзя, расчетливого, холодного, сверхосторожного, хитрого. Но все же себя похвалила — это важно, хвалить себя и никогда не ругать, ну если только чуть-чуть.

Мне требовалось только одно — убедить его задержаться тут еще на два дня. И утром из гостиницы позвонить по тому номеру, который можно набирать только в экстренных случаях, — и рассказать все, завуалированно конечно. Им должно хватить двух дней, чтобы прилететь сюда. Когда у меня было турагентство, французскую визу можно было поставить за один день и всего-то за тысячу долларов — и если в понедельник днем им проставят визы, то в понедельник ночью, ну во вторник днем они будут здесь. К тому же они могли прилететь через любую другую страну — я не верила, что в конторе не найдется пара оперативников с открытыми шенгенскими визами. А значит, они могут быть тут уже завтра вечером. А я пока буду занимать чем-нибудь Севера — избегая мест, в которых он может тихо меня кончить. И надеяться, что он мне верит и никуда не сбежит.

— Ну и чего предложить хотела? — Он смотрел на меня, ему важно было видеть мое лицо, мои глаза — хотя я ведь обманывала его уже, он должен был это помнить, но все равно смотрел. Что ж, я в любом случае собиралась сказать ему правду. Не всю — но в основном всю.

— Я хотела вам предложить в начале следующей недели отправиться в Париж и сделать то, что вы должны были сделать.

— Почему не завтра?

— О... — Я удивилась вопросу. — Ваш паспорт мы сможем забрать лишь в понедельник. А к тому же детали вашей работы знал только Владимир. Значит, мне надо позвонить в Москву, все узнать...

— Ну да — чтобы прислали пару рож, а потом меня за этого кончили. Не, не пойдет...

— Я обещаю вам, что скажу, что Владимир сам виноват в том, что случилось. Это вас устраивает?

Он взглянул на меня оценивающе, задумался. Потом резко мотнул головой:

— Не, не катит. Вообще не катит.

— Послушайте, Алексей, вам ведь обещали хорошие деньги за работу, правда? И паспорт на новое имя, и перспективную, хорошо оплачиваемую работу исключительно за границей. Разве это не то, что вам надо? Кому надо резать курицу, несущую золотые яйца, — по-моему, ни вам, ни им. Они, кажется, постарались, вас освобождая — и только для такой одноразовой работы? Убеждена, что проще было взять кого-то другого. И повторю, что в ситуации с Владимиром я буду на вашей стороне...

— Кончай! — Он сделал гримасу, показывающую, видимо, что я ему надоела. — Хватит по ушам ездить. Только мудака мусору поверит...

Не могу сказать, чтобы он был груб. Наоборот даже. Ну проскакивали отдельные слова — и все, это мелочь. А так все было очень прилично. Он не разводил пальцы веером, не говорил со мной в бандитской манере — презрительно цедя слова сквозь зубы, глядя на меня как на дерьмо, произнося каждую фразу долго и весомо, с паузами, заполненными угрожающей тишиной. И взглядом меня не давил, и не произносил двусмысленных фраз, которые должны были бы меня напугать. Вряд ли это было из уважения ко мне — скорее из осознания того, что это ничего не даст. Но я решила придрататься даже к той мелочи, которую он себе позволял.

— Лично я погон не носила...

— Слышь, ты поосторожней тут — думаешь, если баба, так за язык не притяну?

Он говорил очень тихо и спокойно — но в голосе впервые послышалась угроза. На которую мне захотелось ответить достойно — напомнив ему, что если кого и притягивать за язык, так его. И что насчет понятий свистеть мне не надо — я общалась с такими людьми, которые его за один стол не пригласили бы. Но это уже были бы понты в чистом виде — не мое то есть. А к тому же проявление эмоций.

— Не надо мне угрожать, Алексей, — попросила тихо. — Я ведь вас не пугаю — ни Интерполом, ни местной полицией, верно? Хотя у меня на вас много чего есть. Вот и вам пугать меня не стоит...

Я остановилась, подвесив фразу, почему-то в момент понимая, что то, чем я занимаюсь здесь, есть суета сует и всяческая суета.

— И вообще знаете, Алексей, — я больше не буду вам ничего доказывать. По большому счету мне все равно, что вы будете делать. Я свою задачу выполнила — встретила, приняла, развлекала тут, — а остальное все

равно не мое дело. Все, что меня напугало, — так это труп в квартире. Но ее все равно не я снимала — да и позвоню сейчас в Москву, там дадут команду, и все будет чисто. А вы — вы делайте что угодно...

— Ну? — удивился язвительно.

— Алексей, пожалуйста, хватит, — бросила устало в сторону. — Мне безразлично, верите вы мне или нет. Хотите уйти — ну и уходите, мне-то что? Я свои деньги уже отработала — ну и улечу обратно к себе...

Он поддакивал мне издевательски.

— Фу, как некрасиво, — протянула укоризненно. — Взрослый мужчина, с такой биографией — и такое поведение. Правда, уходите...

— Может, еще и паспорт отдашь, раз такая добрая?

— Может, и отдам. — Я пожала плечами. — В конце концов, может, вы его у Владимира из сумки вытащили вместе с деньгами? Могу отдать — если уберете из квартиры труп, да так, чтобы его не нашел никто.

Он задумался.

— А лучше не надо, — добавила, поразмыслив. — Без вас все сделают. Просто в Москву мне и так и так звонить — лучше уж там решат все, чтоб без следов. Хотите ждать понедельника — ждите. Позвоните мне в понедельник утром на мобильный — только номер сами запишите, вот салфетка, а ручку дам. Но гарантий дать не могу — тут уже могут быть другие люди, ради вас я подставляться и врать им не стану. Так что лучше совсем уходите — до утра все равно звонить не буду никуда. Сходите на дискотеку, она близко тут — или к вашим подружкам, чтоб было где ночь провести. А хотите — обратно в квартиру. Даже совет могу дать — попробуйте на корабль какой-нибудь забраться. К тому же у вас деньги есть — проезд оплатите. Глядишь, завтра уже уплывете.

Или у клошара — у бомжа в смысле — документик позаимствуйте. Совет бесплатный.

Он мне не верил и показывал это всем видом.

— Ну что с вами, Алексей? Вы так хотели свободы — из квартиры-то не ушли до моего появления только потому, что ключ не нашли. За шкафом он, кстати, — увидела случайно. А сейчас — уходите, честно. Я хоть отдохну нормально. О покойных плохо не говорят — но ваш, так сказать, друг меня порядком утомил за эти дни. Да и с вами забот хватало. Так что теперь я хочу отдохнуть. А то пришла в хороший ресторан удовольствие получить, а вместо отдыха говорю черт знает о чем...

Он ухмыльнулся, вставая, глядя на меня испытующе. Я не смотрела на него в этот момент, но, почувствовав взгляд, подняла глаза. В которых не было ничего, кроме искренних усталости и спокойствия.

— Ну че, тогда бывай, подруга!

— Берегите себя, — ответила автоматически. — А сейчас извините — не люблю холодную еду...

Я не смотрела ему в спину. Внушая себе, что дергаться не стоит, потому что мне все равно. Тем более что я ничего не могу сделать. Моим словам он все равно не верил и был, возможно, прав насчет того, что конторские могли его порешить прямо тут или после задания. А другого оружия, кроме слов, у меня не было — да и будь оно, я что, держала бы его тут под столом?

Креветки даже в холодном виде были вкусны — и я уничтожила их поспешно, чувствуя пробудившийся аппетит. А потом подозвала официанта, заказав ему сыр, бутылку красного вина и обсудив с ним десерт, поколебавшись между шоколадным суфле и ореховым тортом, остановившись-таки на первом, все же традиционное французское блюдо.

Я закурила в ожидании возвращения официанта, взяла наполненный им заново бокал, поднося ко рту то его, то сигарку. Думая, что все же переиграла с Севером — не только подтолкнув его уйти, но и подав ему несколько весьма неплохих идей. Я не сомневалась, что сейчас, покинув ресторан, он верит в мою искренность куда больше, чем верил здесь, — только что мне это дает?

Мне не хотелось сейчас гадать, как отреагирует на случившееся контора. Я планировала рассказать им несколько другую версию — а именно что, когда я вернулась из порта в их квартиру, мне никто не открыл. И, просидев около их дома всю ночь и звоня каждые пять минут, я поняла, что что-то плохо — потому и позвонила. Решив, что Север убил Владимира, с которым у них с самого начала были очень плохие отношения, и сбежал.

Мне предстояло вскоре выяснить, как они отреагируют — в этой ситуации мне придется отсюда лететь в Москву. Виза не проблема — российские консульства и посольства официально бизнесменами стали, больше платишь, быстрее визу получаешь. Так что, может, я в среду уже там и буду — и все объясню. В конце концов, я давно там, с самого начала, считай, плюс пять лет работы на старую контору — десятилетний стаж. Конечно, всякое бывало за это время — и проколы тоже бывали, хотя и не в таких ситуациях.

Они и вправду могли сделать меня крайней — особенно если впутали меня в это дерьмо ради того, чтобы подставить шефа. Я плохая, значит, и он плохой — логика простая. Я ведь с самого начала удивлялась, почему я здесь — не зная толком языка, никогда не бывав в стране, перелетев через океан, да еще на такое задание. И если меня прислали сюда намеренно, то

в Москве у меня возникнут проблемы. А если все же случайно...

Да ну их к черту! Я решительно допила бокал, ставя его обратно. Радуюсь оперативности отвлекшего меня официанта, давшего мне продегустировать красное вино с длинным названием, поставившего на стол приличных размеров мраморную доску с любимыми моими мягкими сырами и специальным ножом.

— Да, и уберите, пожалуйста, это, — кивнула на полную почти тарелку Алексея, которая здесь все равно уже была не нужна.

— О, мадам... мадемуазель, я думал, вас двое, принес сыр на двоих...

— Не беспокойтесь! — Я наконец-то улыбнулась. — У меня хороший аппетит и хватит денег, чтобы заплатить. А к тому же...

Он уже отошел, но я все-таки сказала то, что хотела, адресуя фразу его спине, всем сидящим в зале, ушедшему Северу, себе самой и никому в целом:

— ...одной куда приятней, чем с любым мужчиной, — от мужчин в жизни только одни проблемы...

14

Куда он делся, интересно?

Я сидела в гостиничном ресторане, наслаждаясь запахом кофе, специально сваренным для меня моим поклонником Тьерри. Вертя в пальцах первую утреннюю сигарку. Размышляя лениво, закурить ее сейчас или после первой чашки.

Это был важный вопрос — куда важнее, чем тот, который задала себе случайно, когда Тьерри наполнял мою чашку из небольшого металлического кофейника, а я улыбалась ему, вдруг вспомнив про Севера. Про которого, честно говоря, забыла. Понятно, что не случайно, но и не намеренно. Это память, оберегающая меня от дурных воспоминаний и депрессий и плохого настроения, пробралась на цыпочках на склад мыслей, четко зная, что ищет.

Ей не нужны были те, которые аккуратно лежали на полочках, рассортированные по годам, именам и странам, — она знала, что ей придется покопаться в совсем свежих, не разложенных еще, сваленных в кучу, спутанных, переплетенных и трансформировавшихся обрывков. И она аккуратно, стараясь не шуметь, порылась там и вытянула его фамилию и мягкой тряпочкой стерла тихонько образ, радуясь, что помогла хозяйке, и так

же на цыпочках ушла и легла на свое место у входа, готовая сторожить, впускать званных гостей и пожирать непрошенных.

Так что я и вправду забыла. Как только он ушел вчера из ресторана, я подумала о нем еще пару минут, а потом поставила на этом точку. До Москвы. И просидела в ресторане до часа примерно — а потом попросила швейцара вызвать мне такси и уточнила, где могу продолжить вечер. И еще часа полтора провела в не менее престижном баре, слушая музыку, разглядывая публику, вежливо отказываясь от приглашений на танец, еле отвязавшись в итоге от настойчивого смазливового типа с гладко зализанными назад черными волосами, блестящими от геля, и со столь ненавистным мне массивным золотым перстнем. Так и не поняла, кто он — то ли жиголо, думающий почему-то, что я ему заплачу за секс, то ли недавно поднявшийся из низов бандит марсельского разлива, наверняка специализирующийся на сутенерстве.

Зато я мило кокетничала с немолодым мужчиной, явно обеспеченным, но благодаря какому-то особому бизнесу. По крайней мере ни на банкира, ни на традиционного бизнесмена, ни на чиновника он похож не был. Яркий пиджак, от Версаче, наверное, сапоги из причудливого вида кожи, нечто типа питона или крокодила — скорее техасский миллионер, работавший ковбоем на ранчо, а потом разбогатевший на случайно найденной нефти, чем европеец. Правда, он был воспитан и утончен — в меру, не по-педерастически.

Не скрою, мелькнула даже мысль, не поехать ли к нему — он уверял, что у него яхта стоит в порту, и вряд ли врал. Стоило бы, наверное, — чтобы расслабиться окончательно и достойно завершить вечер, — но я по-английски скрылась в итоге, выйдя в туалет и не вер-

нувшись. Скорее всего помешала именно та мысль, которую я озвучила в ресторане, — от мужчин одни проблемы.

В итоге в гостиницу я вернулась к половине четвертого. А проснулась по привычке в восемь — и сонно поплелась в душ. И только когда уже разглядывала себя в зеркало — привычный утренний ритуал, приятный и ненадоедающий, — вспомнила, что торопиться мне, собственно, некуда. И никто меня не ждет. И я поплелась обратно — отключившись еще на пару часов. А к одиннадцати спустилась в ресторан — в котором уже было пусто, никакой еды, естественно, никакого сока с кофе. И с унынием констатировала, что придется либо ждать целый час открытия бара, либо вызывать такси и ехать в город — все равно надо «рено» забирать, — а там и позавтракать.

Но тут заметил меня мой старый поклонник Тьерри. Тут же притащивший и два бокала сока со льдом — все-таки потребленная вчера доза вина была приличной — и круассаном и, главное, личным кофейником с черной густой ароматной жидкостью.

И я пила кофе и смотрела в окно — на зеленую лужайку, на чистенькую узенькую улочку, ведущую от гостиницы к дороге, на красивые домики вдалеке. Хоть садись и пиши картину — мирную, спокойную, наполненную достатком, милыми мелкими заботами, приятными праздниками, красным вином и вкусной едой, красивыми, не обязательно супердорогими вещами. Если бы я умела рисовать, я бы и вправду нарисовала — и оставила бы ее для себя. Потому что мне очень нравилось то, что я видела, — и нравилась та жизнь, которая была бы на этой картине.

Нет, я не смеялась. Я бы действительно этого хотела — тишины, спокойствия, комфорта, безо всякой

семьи, друзей и знакомых. И предложи мне сейчас такую жизнь — я бы согласилась не задумываясь. Я бы много спала, подолгу красилась, часами гуляла и сидела в кафе и барах, много читала бы и слушала музыку, постоянно занималась бы самоудовлетворением, изредка находила бы себе женщину на ночь, а еще реже спала бы с мужчинами — типа того, из вчерашнего бара, чтобы был неспешный секс на покачивающейся на воде яхте.

В общем, примерно такая жизнь у меня и была. Не здесь — в Монреале, пусть он был куда больше Марселя и моря там не было, но зато не так далеко ехать до Великих озер, если уж так захочется воды. Но, увы, эта жизнь, кажущаяся сонной и гладкой, на самом деле могла измениться в любую секунду — по прихоти конторы, которая может послать меня на очень стремное дело вроде этого, отозвать в Москву, перевести в другую страну.

Я не жалела ни о чем — так уж вышло. И в общем, мне повезло, что я была в Монреале, а не в Москве. Я была более-менее обеспечена, меня все устраивало, и работа хоть и утомляла порой, но ее выполнение было платой за ту жизнь, которая у меня была.

Мне не на что было жаловаться — кто знает, кем бы я стала, не попади я в свое время в голом виде и в объятиях иностранца, которого КГБ считало антисоветчиком, в глазок видеокамеры. Наверное, я бы в итоге вышла замуж за какого-нибудь американца — но вопрос, как бы я жила сейчас. Тогда, в 86-м, все иностранцы казались мне пришельцами из другого мира — но я уже давно знала, что они такие же, просто живут не в России, вот и вся разница. И среди них больше неприятных людей, чем приятных, больше бедных, чем богатых, и больше дураков, чем умных. И брак с ка-

ким-нибудь инженером, получающим пусть даже сто тысяч в год, вряд ли сделал бы меня счастливой — и уж по крайней мере жила бы я хуже, чем сейчас.

В принципе я могла сказать, что все, что ни делает Бог — в которого я не верила, впрочем, и уж если готова была поверить, то скорее в католического, чем в православного, — все к лучшему. Я наверняка достигла большего, чем могла бы, вычеркни кто-то из календаря тот июльский день 86-го, — и могла подняться еще выше. Чем черт не шутит — могла стать солидной бизнесменшей или соучредительницей крупного концерна или банка, большую часть времени проводить на Гавайях или иметь дом в Малибу по соседству с голливудскими кинозвездами, разъезжать на спортивном «мерседесе», или «порше», или «феррари» даже, а то и на «ламборгини». С конторой все возможно.

Только вот я предпочла бы, чтобы они вдруг забыли обо мне навсегда сейчас, сегодня — и я бы вернулась в Монреаль и жила бы тихо и мирно. На черта нужны особняки и «порше», если по пути к ним нужно через столькое пройти — да можно вообще до них не дойти никогда.

Но я прекрасно понимала, что это нереально, что они забудут. И уйти самой — тоже нереально. Хотя бы потому, что у меня слишком мало денег, чтобы от них бегать. Возможно, будь у меня миллионов пять, я бы рискнула — может, купила бы тоже яхту и курсировала по Средиземному морю, наслаждаясь теплом, водой, вином и сексом. Или улетела бы куда-нибудь далеко — в Новую Зеландию, к примеру, или в Бразилию, — предварительно сделав пластическую операцию. Но таких денег у меня все равно не было — так что о чем речь?

Если задуматься, получалось странно — мою судьбу решала контора. Не некогда грозный КГБ, этакий про-

славившийся на весь мир монстр, пожирающий людей тысячами, пытающий их в темных подвалах с осклизлыми стенами и пропитанным кровью цементным полом, — а маленький уютный особнячок в центре старой Москвы. Ладно бы это был КГБ — в этом случае нормально бы звучало, что он распоряжается моей судьбой. Можно было бы представить себе мрачное здание на Лубянке — и меня, такую маленькую по сравнению с ним, зловещим и гнетущим, пытающуюся вырваться из его тени, окутавшей меня, затягивающей в свою вечную ночь. Но вот тот маленький веселенький особнячок, в котором я бывала несколько раз, приезжая в Москву, — аккуратненький и уютненький, такой теплый и светлый внутри, — он был внешне антиподом этому монстру. И при этом куда страшнее и опаснее.

Конечно, не исключено, что у них были другие офисы — возможно, домик, в котором я бывала считанное количество раз за эти почти три прожитых за границей года, и предназначался для встреч с такими, как я. Я в самом деле была в нем раза три, наверное, — обычно шеф встречался со мной в гостинице, где я останавливалась, в ресторане каком-нибудь или баре, или казино, или клубе. Но суть не в этом — а в том, что она, контора, ассоциировалась у меня именно с этим маленьким нежно-серым домиком. Который мог по своей прихоти перенести меня на любой конец света, мог возвысить или уничтожить, сделать счастливой или покойницей. Может, выпренно — зато правда.

Смешно звучит, но я всегда плохо представляла, что такое контора, сколько в ней работает народу, насколько она сильна и богата. Иногда мне казалось, что это целая армия людей, что она всесильна и способна дотянуться куда угодно. А вот здесь, в Марселе, могло показаться, что у них совсем плохо с кадрами, раз меня

выдернули из такой дали и прислали с Севером всего одного человека, да и то не лучшего и потому уже мертвого.

Образуйся она не после путча 91-го, а, скажем, после расстрела Белого дома двумя годами позже, я думаю она не просуществовала бы долго, а может, и не возникла бы вообще. В 93-м ведь тоже кучу народу поувольняли из комитета, а многие сами ушли — но не в никуда, как в 91-м, а на теплые места в банках и прочих коммерческих структурах.

А после августовского путча — я, кстати, так и не знаю, за что их поувольняли, может, они несостоявшееся правительство поддерживали, а может, просто бездействовали, черт поймет? — уходили именно в никуда. Потому и пришла им в голову идея создать аналог КГБ, теневой, как я его называю, кабинет. Связи у них были, и агенты свои были, и люди, с ними сотрудничавшие, — ведь ценные кадры ушли с Лубянки, не пешки совсем. И вот кто-то из них, проанализировав ситуацию в стране и ее перспективы, поделился с теми, кто был ему близок. С моим шефом в том числе, раз он один из руководства.

Вот так и началось. Достали денег для начала — были свои люди в коммерции, плюс оперативники, уволенные из КГБ и привлеченные конторой, в телохранители пошли и охранники. Короче, строили крыши по типу бандитских — только чисто и законно. Вместе с бизнесменами через закордонные свои связи разные дела налаживали, получая за это места в составе учредителей и немалую долю и, по сути, эти предприятия совместные контролируя. А плюс установки и обнаружения подслушивающих устройств, проверки состояния дел банков и бизнесменов по заказу их партнеров и врагов.

В общем, шпионаж, слежка, охрана. Я так думаю, что в очень редких поначалу случаях еще и отстрел —

коммерсантов, криминала, кого закажут. И все тихо, так, что никто не докопается. А как докопаешься? Есть, к примеру, у банкира какого-нибудь проблемы серьезные — узнали о них, нашли выход через знакомых и аккуратно намекнули, что проблемы, может быть, можно порешать. Ну не самому Ивану Ивановичу, который с этим бизнесменом разговаривает, — а через тех, с кем Иван Иванович общается изредка. И все дела.

Информация ведь оружие страшное. А когда связи кругом, опыт добычи этой самой информации, открытые глаза и всеслышащие уши — добыча приличная выходит. Берет, к примеру, мошенник солидный кредит, планируя завтра свою фирму-однодневку бросить и с этим кредитом свалить за кордон, — а тут его навещают и под предлогом возврата денег изымают все, даже если средства уже на счетах на Западе. А его потом за дополнительную плату еще и кончить могут, никаких денег как бы и не найдя. Ну разве только малую часть, если клиент выгодный, — и опять же за солидный процент.

Мне казалось порой, что они знают все. Неудивительно, впрочем, со связями в КГБ, МВД, ГРУ и прочих структурах. Кому-то приплачивают просто, кто-то, трудясь на свою систему, на самом деле куплен контрой с потрохами, кого-то на компромате держат. Да я сама сколько компромата накапывала — выясняя про счета и недвижимость неизвестных мне, но точно больших людей за границей. А публикации, появляющиеся в западной прессе про купленные высокими чиновниками и банкирами виллы и особняки за кордоном, про их состояния многомиллионные, надежно скрытые в банковских недрах, — это ведь тоже не случайно появляется и не случайно перепечатывается потом российской прессой, это конторы дела, я сама в таких участие

принимала. Не откликнулся сразу человек на предложение — вот ему предупреждение номер один, второго не понадобится.

Контора как крестный отец из фильма — делает предложения, от которых нельзя отказаться. Приставляет пистолет к виску — совсем необязательно в буквальном смысле, пистолет можно и компроматом заменить, и женщиной, и ребенком-наркоманом, и многим другим, — и или подпись на бумаге, или мозги на ней же.

Помню, лично я в 93-м одного человека серьезного подставила — мне, естественно, не сказали, кто он, я и так понимала, что это совсем не пешка, раз внимания конторы удостоился. А из его разговоров я поняла потом, что он как-то с госкредитами связан, может, и не сам решает, кому дать, кому нет, но близок к тому, кто решает. Не последний человек в этой стране, короче.

Продумано все было, как всегда — от и до. Знали, что он в свободное от столь важной работы время совсем не прочь погулять, — на том и решили купить. Правда, знали еще, что осторожен, — лишь бы на чем не подловишь. Пытались, я думаю, и не раз, но тщетно. А тут ловушка была дай Бог. Турагентство мое — как бы мое — выступило в качестве одного из спонсоров конкурса красоты, и один связанный с конторой человек его туда привел как почетного гостя. В жюри мы с ним рядом оказались, представили нас, он мне комплиментов наговорил — вам бы, мол, самой туда выйти, все призы бы взяли, — а я смущалась и отшучивалась.

А потом фуршет у нас был после первого дня двухдневной программы, в одном уютном загородном маленьком ресторанчике — и мы снова рядом оказались, да он совсем и не против был моего общества. Выпил хорошо, кухня отменная — вот я с ним и завела разго-

вор, как, на его взгляд, выбрать лучшую из девиц. Сложный, мол, вопрос, ответственный, и его совет как человека, прекрасно разбирающегося в женщинах, мог бы очень помочь. Лесть он оценил, ну и клюнул — горячо обсуждая со мной достоинства и недостатки конкурсанток, давая понять, какие у него предпочтения.

Мы долго там говорили — но все об абстрактном, ни к чему было торопиться. Тем более что и на второй день приехал, как и обещал, и девицу выбрали ту, которую он расхваливал. Но глупо было бы ему намекать, что он может все получить, что хочет, — слишком прямолинейно. И я вместо этого на заключительном фуршете в загородном ресторане заметила как бы невзначай, что были у меня идеи насчет других конкурсов и даже модельного агентства — но, видно, отказаться от этого придется, дорого, а денег никто давать не хочет. Мол, девушками все рады полюбоваться, зал их глазами только так раздевал — а как платить, так нет желающих.

Ну и дальше в том духе, что любовь русские придумали, чтобы за секс денег не платить. И что деньги не мне лично нужно, у меня и так бизнес неплохой — а вот девушек жалко, они, бедные, так хотят прорваться, что девяносто девять процентов перед финалом готовы были хоть со всем жюри одновременно переспать, лишь бы призовое место занять.

И он пообещал помочь. Не сразу, конечно. Просто намекнул, как бы невзначай, что есть у него богатые знакомые, которым все это интересно. А я ему в ответ свое предложение — что, если, мол, найдется такой, кто модельное агентство спонсирует, мы ведь отработаем. Нужны красивые девочки на презентацию — нет проблем. Бесплатно сняться для рекламы спонсора — с удовольствием. Да даже на загородный пикник приехать гостей поразвлекать — за милую душу. Да хоть эроти-

ческие танцы, хоть стриптиз красивый — я немного смутилась, когда про стриптиз сказала, добавила, что, мол, поймите меня правильно, это вовсе не значит, что я в роли сутенерши выступаю, я совсем не то в виду имела. Сделала вид, что огорчена, что боюсь, что такой солидный человек поймет меня неправильно, — а он успокоил, все в порядке, мол, ничего стыдного в демонстрации красивого тела нет.

А где-то через три дня мы встретились с ним — я позвонила, как договаривались, приехала в ресторан вечером, там это и прозвучало. Что, мол, нашел вам кое-кого — люди готовы разговаривать. Но лучше в нейтральной обстановке — как раз пикничок устроить можно, как вы и говорили, Анна. И в следующую субботу жду вас с девочками вашими — человек пять, не больше, но самых лучших, чтобы людей убедить, — по такому-то адресу.

А остальное уже дело техники, что называется. Трое мужиков возрастных в огромном загородном доме с бассейном, пять девиц, лично мной отобранных и проинструктированных, барбекю, пьянка, стриптиз, совместное купание в голем виде в бассейне, сауна с периодическими отлучками пар, и далее по тексту. Я, естественно, в стороне — старовата уже, с молодыми девочками не сравнить, простите-извините и все такое. Деловые разговоры и светские беседы — с удовольствием, и в сауне я, конечно, посижу в ничего не скрывающем полотенце, и в бассейне без одежд искупаюсь — но от остального увольте. Один там, правда, докопался до меня серьезно — но девица по моей команде его упростила ей дом показать, а потом уже сил у него ни на что не было. А на завтра мы уехали все — и больше уже не встречались, разумеется, не было нужды. Контора, я так понимаю, людей послала, записали все, что надо, свое получили — и привет.

В общем, я, конечно, мало знаю о конторе, могу делать вывод по тем делам, которыми сама занималась, и когда в Москве работала, и когда на Западе уже. Бизнес, политика, криминал — чего только не было. Но мысль о существовании подобной конторы никому и в голову не приходила. На кого только дела ее не валили — на КГБ, милицию, ОМОН и РУОП, на бандитов и охранные агентства. Даже одно время легенда ходила про «Белую стрелу» — несуществующее, чисто придуманное секретное милицейское подразделение, занимающееся отстрелом воров и авторитетов. Даже я с моей скудной информацией понимала, откуда такая легенда взялась — оперативники по криминалу работали плотно. А хитрая контора всегда умудрялась на одну жертву по несколько заказов взять — и со стороны напуганных дойных коров, и от конкурентов, желательно от нескольких сразу.

И при этом — никакой структуры и нет как бы, все законспирировано получше, чем у любых подпольщиков. Каждый сотрудник-оперативник работает, как правило, в одиночку, максимум в паре с кем-то, и знает только одного начальника, в большинстве случаев не самого высокого. А тот тоже знает одного. А тех, кто принимает решение на самом высоком уровне, вообще, видимо, никто не знает — я ведь не могу быть уверена, что мой шеф, к примеру, входит в их число. И благодаря такой системе даже захочешь сдать всю контору — никак не сдашь. А захоти я, например, через пару лет кому-нибудь рассказать про тех, с кем приходилось сталкиваться по работе, — так я только имена их знаю, и вопрос еще, настоящие ли.

Наверное, это может показаться сказкой — но я знаю, что это так. И убеждена, что особнячок без вывески, в котором сидит мой шеф, — на самом деле какой-ни-

будь благотворительный фонд, к примеру, помощи борцам с преступностью или ветеранам спецслужб или содействия правопорядку. Или вообще фирма по оказанию маркетинговых услуг.

И вот разбросаны по всей Москве фирмы, компании, предприятия, агентства, работающие на контору. И прочие, работающие на себя — но в которых сидят на руководящих должностях и ключевых постах связанные с конторой люди. Добывающие для конторы информацию, и деньги, и связи. А добавить сюда тех, кому контора платит за сотрудничество — в правительственных структурах, политических организациях, в самом КГБ, МВД и так далее? Да, и за границей еще люди — уж по пять человек в каждой стране как минимум, а то и по десятку. Кто в бизнесе, кто, как я, статьи и книжки пишет, кто фильмы снимает. Кто лишь изредка помогает конторе, а кто, как я, работает, так сказать, на полной ставке.

И поди догадайся, что все эти люди — я, кстати, так и не представляю, сколько их может быть, — объединены в одно целое. Поди докажи их принадлежность к одной организации — которая занята зарабатыванием денег и наверняка продвижением во власть, руководствуясь только своими интересами и принципами.

В общем, контора есть, но ее и нет одновременно. Поэтому сдай меня, к примеру, тот же морячок, который испугался меня в баре в порту, — никто ведь не сможет доказать, что я агент КГБ. Подсел вчера в ресторане мужчина, узнал, что я журналистка, наговорил кучу комплиментов, назвался редактором международного издания, обещал взять на работу на большие деньги. И попросил на следующий день заехать в порт в бар один, где ему русский моряк за деньги обещал настоящую сенсацию, — а сам он ехать не может, его узнать

могут. А я дура, денег хочется, вот и поехала — и знать не знала, что там, в сумке, мне переданной, и открывать ее не собиралась.

Какой к черту КГБ? Ну была я русская, так давно в Канаде живу, паспорт у меня подлинный, адрес есть и банковский счет и карточка социального страхования. И зарабатываю на жизнь статьями и книгами. И ничего особенного не имею — хотите, проверяйте. Даже сопоставь кто, что я, к примеру, летом 95-го была в Майами в тот момент, когда там произошло громкое самоубийство одного крупного русского бизнесмена, — так что, я его в окно выкидывала? Я вообще по всему миру мотаюсь — и что ж теперь? Вот, например, как-то в Японии была, когда там землетрясение два города разрушило, — может, тоже я виновата?

Так что все чисто, никаких следов, никто никого не знает. В конторе такие перестраховщики, что все задания я получаю опосредованно, в каждую страну еду не просто так, а предварительно обговорив с тем или иным журналом темы статей о местном бытии. Напрямую из Москвы мне в Монреаль никто не звонит — и я не звоню. Если уж бывает нужда звонить из-за границы — на это уличные таксофоны есть.

И реши я когда-нибудь написать книгу о конторе — целую серию можно создать, которая наверняка кучу денег принесет, — никто ведь не подумает, что я реальность описываю. Решат, что блестящая фантазия у автора этих бестселлеров. Контора, правда, поймет — так что больше одного бестселлера я не напишу, случится со мной что-нибудь.

Вот об этом я и думала, сидя в гостиничном ресторане за кофе с сигаркой. О том, как никому не известная структура определяет мою жизнь и мою судьбу. И способна их очень круто изменить в один момент — и

совсем не в ту сторону, в которую бы мне хотелось. А момент этот может иметь место уже через два-три дня, когда я прилечу в Москву.

Я спохватилась, что так и не сделала звонок. Просто вспомнила, что собиралась, но не сделала. Но не стала дергаться: двадцать — тридцать минут ничего не решали. Возможно, я просто оттягивала этот момент — ведь как только там узнают, что произошло, сразу начнется анализ ситуации и поиск крайнего. Которым могу оказаться я — не должна, поскольку и вправду не виновата, но могу.

Не слишком радостные мысли для утра — вполне могли бы и попозже прийти. Потому что когда я налила следующую чашку кофе и сделала глоток, то толком не ощутила вкуса. Пожурив себя за такое вот свинство — я, натура сложная, просто обязана получать удовольствие от самых простых радостей. Поход в туалет и душ, курение, еда и питье, и секс, разумеется, с самой собой или кем-либо другим — вовсе не банальные и серые отправления естественных надобностей, но процессы, которыми можно и нужно наслаждаться. Иначе все превратится в банальность — и музыка, и чтение, и отмечающие праздники, и покупка подарков самой себе, и дегустирование блюд и вин.

Я знала, в чем причина, — это был первый показатель того, что я нервничаю. Из-за того, что не знаю, какой будет реакция конторы на исчезновение Северянина и как будет оценено мое участие в выполнении задания. Ведь даже если взять лучший вариант — что будет решено, что я все сделала правильно, а остальное от меня не зависело, — следующее задание наверняка будет куда более поганым, чем это. А на мне появится нечто вроде клейма неудачницы — которое мне придется любой ценой смывать. И это лучший вариант — и

даже если не думать о худшем, то и средний, типа временного откомандирования в Москву на пару-тройку месяцев с работой там, меня совершенно не радовал.

Я автоматически сделала еще глоток, затаилась неглубоко, благодарно улыбаясь прошедшему мимо Тьерри — но думая совсем о другом. О том моменте, когда я окажусь наверху и наберу номер и замру, откровенно боясь сказать то, что надо сказать. И снова вспомнила покойного Владимира, из-за которого и произошло все, а потом и Северянина, неразрывно связанного с покойником.

Куда он делся, интересно? И вправду сел на какой-то корабль, последовав моему совету? Я ляпнула это просто так, хотя это была неплохая идея — определить, какой корабль отправляется утром, попробовать вычислить куда и дать деньги капитану. И вперед — без документов, с минимумом денег, но главное подальше от Франции. А может, он и вправду изъяснялся документами у какого-нибудь бомжа — здесь они ему ничего не дадут, он не знает языка, но окажись он в Италии, или Германии, или Испании, с любым французским документом будет надежнее, чем без него.

Если честно, то, говоря ему вчера, что он может идти куда угодно, я преследовала вполне определенную цель. Во-первых, показать ему, что мне действительно все равно, уйдет он или нет, а значит, я говорю правду, утверждая, что вынуждена была участвовать в этом, — а во-вторых, заставить его прийти к логическому выводу, что деваться ему некуда. Будь это самая глухая российская глубинка, он бы выжил — но это граница, где он совсем чужой, где он ничего не знает.

Я вспомнила один из материалов, бывших на дискете, — про то, как Северянин в прошлом году отправился в вояж в Тюмень решать вопрос с одним местным авторитетом, задолжавшим пару миллионов московскому бан-

ку, но отдавать их не собиравшимся. Один полетел — видно, не хотел, чтобы кто-то из своей бригады узнал, а может, думал, так понезаметнее будет. Но авторитета предупредил уже кто-то о прилете киллера — без описания, конечно, просто, что такое очень вероятно. И ночью несколько человек, проверявших всех мужчин, прибывших московским рейсом, и решивших, что Леха тот, кто им нужен, пришли за Севером в гостиницу. Обнаружив пустой номер и распахнутое окно — почувствовал их Леха, выпрыгнул с третьего этажа и ушел.

Братва местная, к охоте привычная, вычислила его быстро — следы в глубоком снегу по пустырям шли в сторону леса. Зима, мороз под сорок, и местным-то хреново, а тут фраерок примодненный в версачке. Ну и оседлали джипы-вездеходы и облаву устроили — не сомневаясь, что фраерок и так и так замерзнет насмерть, но приказ был от главного труп привезти. У леса джипы бросили и пошли по следам, вытянувшись в цепь. И ни один из леса не вышел — потом даже слухи ходили, что все преследователи, человек десять, а то и больше, оказались на деревьях развешены, но это скорее сказка красивая. А у тех, кто в джипах оставался, по лишней дырке на теле прибавилось — да и машина одна пропала, так вот.

А на следующий день авторитета к телефону зовут — а там Север. Негостеприимно встречаешь, мол, братан, — хорошо хоть люди твои не забывают, на охоту вот свозили, позабавились всласть. А ты, братан, или долг отдаешь в течение трех дней — или хана.

В общем, можно представить, что там творилось. Угнанный джип у деревни нашли неподалеку, прочесали всю, все дома — ничего. Весь свой город на уши поставили — тоже пусто. Тогда решили, что понтуетя фраерок — ну повезло, ну спасся, ну пострелял лохов, хотя

это волки были, а не лохи. Но сейчас звонит фраерок из Москвы уже — пугает просто.

Долг никто не отдал, короче. А через неделю вышедший из баньки авторитет остановился у машины, прикуривая в толпе охранников, — и тут одним авторитетом стало меньше. Никто даже не понял ничего — темно, поздний вечер, двигатели шумят, прогреваясь, ничего не слышно и никого вокруг. А когда фонариком посветили — три дырки на теле: шея, грудь и плечо. Первый выстрел смертельный — а два на всякий случай, для подстраховки.

В общем, сразу не нашли никого — утром уже разобрались, откуда стреляли, с крыши дома трехэтажного, метрах в пятидесяти стоявшего, гильзы там нашли и снег был утрамбован, словно долго на нем лежал кто-то. Зато с ночи, да сразу после выстрелов, братва и мен-ты аэропорт заблокировали и вокзалы железнодорожный и автобусный. И посты на дорогах из города установили, проверяя все машины без исключения. Но так и не поймали никого, подходившего под описание, данное дежурной в гостинице.

А Леха еще неделю прожил в городе у девицы, которую снял в первую же ночь, вернувшись из леса, — он, оказывается, по прилете газету местную купил с объявлениями насчет интимных услуг, позвонил ей тем же вечером, адрес узнал, а ночью и пришел. И считай, в общей сложности две недели у нее и прожил — заплатив ей бешеную по местным меркам сумму. Причем расплачивался деньгами, вытащенными из карманов мертвых преследователей. А потом спокойно уехал.

Это была история прямо для детективного романа — хотя из конторы мне бы не стали слухи присылать, следовательно, все это имело место. Но то, что он смог выжить в лесах вокруг Тюмени, вовсе не означало, что

он сможет выжить в теплом цивилизованном Марселе, где его, кстати, никто не ищет. Он мог выпрыгнуть в окно гостиницы и бежать в дорогах и тонких ботинках в лес и по одному отстреливать преследователей — но он не мог сесть в Марселе в едущий в Италию, например, поезд. Не мог автостопом добраться до Парижа. И даже угонять машину ему не имело смысла из-за отсутствия прав и знания языка, на котором можно было бы прочитать дорожную карту. Парадоксально — но факт.

Я неохотно встала из-за столика — куда бы он ни делся, для меня это представляло лишь праздный интерес, а мне хватало других забот. Было уже полдвенадцатого, я и так задержалась со звонком — и дольше оттягивать его не стоило, ведь оттяжка мне ничего не давала. Мне надо было позвонить, а потом заполнить чем-нибудь день — желательно так, чтоб поменьше думать, — а завтра идти в российское консульство за визой. За штампиком, который открывал мне дорогу совсем не в рай.

Мобильный был отключен — я это заметила, вытащив его из сумки. Я им пользовалась-то всего, кажется, один раз за все время пребывания тут — а теперь предстоял второй и последний. И я включила его, отложив вдруг подальше от себя, говоря себе, что снова хочу курить. Понимая, что на самом деле тяну время — но как всегда себе потакая.

Он зазвонил в тот момент, когда я прикуривала, — и рука с зажигалкой дернулась произвольно, едва не подпалив мне волосы. Я обернулась резко, глядя на него с опаской, — мне никто не должен был звонить сюда. Номер знал Северянин — но ему звонить было рано, если он вообще планировал это делать. Номер был у Жоржа — звонок от которого означал неприятности. И номер, наверное, был в Москве — через Жоржа опять же, — а звонка от них я совсем не хотела. Я должна была позвонить им первой.

Он звонил и звонил, пиликающая слабо, — но я сделала вид, что не слышу его, возвращаясь обратно к столу, садясь в мягкое удобное кресло, придвигая поближе пепельницу. Радуюсь, что он замолчал наконец.

Я вдруг решила, что лучше позвонить из города — так спокойнее и к тому же мне все равно надо забирать машину. Влюбленное в меня зеркало — они вообще любят меня, зеркала, может, потому, что я с ними откровенна, я показываю себя всю, ничего не стесняясь, и всегда отвечаю им взаимностью за их любовь — продемонстрировало с готовностью, что я в полном порядке. Хотя я даже обрадовалась бы, если бы оно нашло какой-нибудь маленький недостаток — смазанную помаду в уголке губ или плохо подведенные глаза. Я бы подкрасилась тогда, а то и сделала бы макияж заново и заодно переоделась бы охотно — лишь бы оттянуть момент звонка. Но все было о'кей.

Ну что ж. Я пожала плечами, повесила сумку на плечо, убедившись, что права и ключи со мной, равно как и необходимые мне мелочи типа помады, футляра для сигар, зажигалки и многого другого, — и направилась к двери. Остановленная писком мобильного.

«Судьба», — сказала я себе. А от судьбы убежать глупо — настигнет все равно. И я решительно поднесла к уху крошечный черный аппаратик, бережно упакованный мной в мой личный кожаный футляр с позолоченной табличкой «Ферре».

— Уи, — пропела по-французски, как бы и не догадываясь, кто это. — Уи?

— Анна, ты? — Голос в трубке я хорошо знала, просто вот его я точно не ждала и потому промедлила с ответом. Но и он молчал, опасаясь, видимо, что попал не туда.

— О, рада вас слышать! — откликнулась через какое-то время с деланным энтузиазмом. — Это большой сюрприз.

— Сюрприз с тебя был вчера — так ты продинамила, — усмехнулась трубка. — Слушай, сколько спать-то можно? С девяти тебя жду, между прочим, — уже волнуюсь, не случилось ли что?

— Как в анекдоте про ваших коллег? — спросила язвительно, забыв на секунду о том, что это телефон. Но он не понял.

— Так ты едешь — или мне с голоду помирать? Имей совесть, Анна, — три часа уже жду...

Это было смешно — его замечание про совесть. Равно как и его забота.

— Я буду напротив вашего дома через двадцать минут.

— Да зачем там-то — я тебя тут жду, около гостиницы твоей, на улице. Ждал-ждал — вот и пришел. Телефон на углу знаешь — вот там и жду...

Он не мог знать, где я живу, — даже удивление от того, что он мне позвонил, не помешало это понять. Но он узнал — и оставалось поблагодарить его за то, что он не поднялся наверх или не позвонил мне снизу от портье.

— Долго будете жить, Алексей, — протянула, соображая, как он это мог узнать. — Я только о вас думала — тут вы и появились.

— Конечно, долго! — Он согласился легко и уверенно, словно противоположный вариант не приходил ему в голову. — Иначе-то как?

— Никак, — согласилась, отключаясь, вспомнив, что это телефон, в конце концов. И даже неожиданность не должна заставлять меня говорить по нему так долго — тем более с Севером.

И вышла наконец за дверь, и по пути к лифту подумала, что, как и он, я тоже бы хотела прожить долго. Но почему-то мне кажется, что это во многом зависит от него — а он слишком опасен, чтобы от него зависел такой важный вопрос...

15

— Чего за анекдот — и что за коллеги?

— Не знаете? Мне ваши соотечественники рассказывали, между прочим! — Я усмехнулась, как и в гостинице, когда он мне сказал, что уже беспокоиться начал за меня. — Стоят два киллера на лестничной площадке, ждут клиента. Один смотрит на часы и говорит другому: «Что-то наш не идет никак. Я уж беспокоюсь, не случилось ли с ним чего...»

Он хохотнул коротко в своей манере, оборвав смех.

— Смешно. Но я ж другое имел в виду.

— Правда? — спросила язвительно. — Расскажите это Владимиру — за него ведь вы, кажется, тоже беспокоились...

— Какая же ты злая, Анна! — Он развеселился даже. — Я к тебе со всей душой, а ты... Вчера у ресторана торчал, пока ты в нем сидела, — все смотрел, не обижает ли кто. Потом в бар за тобой потащился — жалел, что чернявый тот, что к тебе за столик подсаживался, не ушел раньше тебя. Я бы ему объяснил, как себя вести надо. Ну а со вторым я обиделся прям — ну конченный пидор, а ты с ним ля-ля да ля-ля. Такой мужик тебя хотел — ну я то есть, — а ты ни в какую. А тут пидор какой-то чуть тебя не снял. Ну в натуре обидно — за тебя. Пора бы уж

мужиков научиться различать, не девочка ведь. Ну посмотри на меня — разве можно с теми сравнивать?

— О, у вас снова проснулся ко мне интерес? — Укол, кажется, не достиг цели. — Я, признаться, думала, что вчера вечером вы его окончательно утратили.

— Это ты так думала — потому что в мужиках не разбираешься! — Он был весел и реагировать на мои выпады не собирался. — А я тебя, понимаешь, весь вечер охранял. Еще и в гостиницу за тобой поехал — таксист небось за мусора меня принял. А я за тебя беспокоился — смотрю, под кайфом уже, думаю, вдруг не доедет. Подождал даже, посмотрел, чтобы в лифт вошла. Из-за тебя к девчонкам опоздал. Они уж там все оттраханные были по десять раз — а я как пацан последним в очереди оказался, остатки доедал. И все из-за тебя. А ты говоришь, не забочусь...

Я слушала его, и мне не хотелось верить в услышанное. Все, что он говорил, доказывало, что он следил за мной, и очень профессионально. А я его даже не заметила. А он все время был рядом — заглядывал в окна ресторана, сидел где-то неподалеку от меня в баре, смотрел сквозь прозрачную гостиничную дверь, как я беру ключ и иду к лифту. И значит, вполне мог запомнить загоревшуюся цифру моего этажа — шестая по счету из восьми — и отпустить таксиста и, дождавшись, пока портье отойдет, тихо войти внутрь и подняться наверх и по звукам за дверями вычислить мою. И постучать — я бы открыла. И...

Странно, что он этого не сделал. Когда я вошла ночью в отель, знакомой девицы внизу не было — она подошла, только когда я позвала ее так неопределенно, издав какой-то призывный возглас. И тут же ушла обратно — видимо, у нее была своя комнатка где-то в глубине, в которой она спала. Он должен был это заме-

тить — но все же не стал ждать, не стал подниматься. Но вот почему? Потому что не собирался ничего со мной делать?

Он вполне мог получить что хотел — если хотел. Но в любом случае почему нет, я все же не хуже местных проституток. А потом он мог меня придушить и уйти, прихватив еще и мою кредитку. И свой паспорт, который я не сдавала ни в какой банк, и он мог об этом догадываться. Он не дурак, он снял бы с кредиток все деньги за два-три дня — в принципе это несложно, если знать, как обращаться с банкоматами, — и их бы ему хватило надолго, у меня там очень приличная сумма, выделенная конторой на все необходимые расходы и постоянно пополняемая ею.

Он ничего не сделал. Он проводил меня взглядом и уехал в один из тех публичных домов, в которые мы его возили с Владимиром. Значит, он умнее, чем я предполагала, — он запоминал названия улиц, как они пишутся, вот, наверное, и написал таксисту. Нет, вряд ли — скорее объяснил на пальцах, чего хочет, а уж тот такие места должен знать, отвезет куда надо. А с девяти — он уже вышел, видимо, — он начал мне звонить. Каким-то образом добрался до ресторана, около которого я оставила машину — ну не у самого входа, я ее переставила потом, отогнав чуть в сторону, — и занял наблюдательную позицию. И периодически мне звонил, зная, что я все равно сюда приду, рано или поздно.

Как бы там ни было, я недооценивала его способности — он вполне мог здесь прожить какое-то время. И его шансы выбраться отсюда самостоятельно — из Марселя в смысле — были выше, чем я могла предполагать. Но тем не менее он не уехал. Почему-то не уехал.

— Чего молчишь, Анна? Не хочешь спасибо говорить?

Мы сидели в маленьком кафе в самом начале торгового квартала — чуть в стороне от одной из центральных улиц, с видом на нее и тихий скверик с мирно разгуливающими голубями и сидящими на лавочках людьми, идиллически кидавшими голубям крошки. Правда, мы, несмотря на теплую погоду, были внутри — за столиком у окна, в самой глубине кафе, в котором народу было совсем немного. Может, потому, что воскресенье.

— Нет, я вам благодарна... — Я смягчила тон. — Просто это так неожиданно. Вы так огорчили меня вчера. Были такой внимательный и предупредительный, и вдруг... О, Алексей, Алексей, — я улыбнулась ему так же кокетливо, как и вчера в ресторане до начала предметной беседы. — Вот и верь после этого мужчинам. Столько красивых слов, столько страстных желаний, столько фантастических обещаний — и... Вы даже отказались выпить со мной. Кстати, как насчет того, чтобы выпить сейчас — час дня, самое время. Я заодно заказала бы чего-нибудь поесть — вы же, кажется, тоже голодны?

Он кивнул с энтузиазмом, и вскоре перед нами очутились две порции салата с кучей компонентов — байонская ветчина, маслины, овощи, — плетеная корзинка с кусками багета и бутылка красного вина.

— Ты бы пила поменьше. — Он все еще был заботлив. — Сам знаю, что вино полезно, красное особенно, но в меру же...

— За такое можно, — констатировала спокойно, не став резко отвечать, что это мое дело, когда и что мне пить и есть, и с кем спать тоже. — Может, вы мне нальете?

— Слушай, а че ты в Москву не позвонила еще? — Он спросил это между прочим, разливая вино, но хотя

это и было скорее утверждение, оттенок вопроса там тоже имелся.

Было бы лишне объяснять, что звонка этого я опасаюсь — ему не надо было это знать. И я пожала плечами, не зная, что отвечать. Он бы не поверил фразе, что я хотела дать ему время скрыться, — это выглядело бы дешевой попыткой втереться в доверие. Которое мне не очень-то было нужно сейчас, коль скоро не было сомнений в том, что он и так сорвется — может, через час, а может, этим вечером. И факт его появления ничего не значит. Разве что он-таки хочет убедить меня отдать ему паспорт, потому и про гостиницу сказал — намекнув, что если не отдам, то...

— А я у ресторана стою, смотрю — ешь, пьешь, а телефон не достаешь. И в кабаке этом потом — то же самое. Начальству-то твоему такое не понравится, а?

— Они мне такие же начальники, как и вам. — Я усмехнулась невесело. — А к тому же я не нанималась вас тут охранять. Тот, кто упустил, — он бы об этом и беспокоился, о реакции начальства. Если бы жив остался...

Во взгляде его не было скепсиса. Мне показалось вдруг, что он верит мне, хотя бы частично, — верит, что мне все равно, уйдет он или нет. Но в данной ситуации это вряд ли что-то меняло — а разговаривать о конторе желания не было.

— Давайте сменим тему! — Я подмигнула ему, беря бокал в руки, рассматривая густую жидкость в нем, глядя сквозь нее на вмиг превратившуюся в Марс улицу. — Лучше выпьем.

— Без тоста? Это ж алкоголизм уже...

Я открыла было рот, чтобы объяснить, что тост совсем не нужен, мы же не водку пьем и не шампанское, и мой любимый тост — это слово «прозит», означающее, что каждый пьет сам за себя, за свои мысли и же-

лания. Но произнесла иное — и не поучительным тоном, а таким примерно, каким говорила с ним до того, как поставила все вчера на свои места.

— Ну хорошо. Вчера вы отказались, между прочим, выпить за нас с вами в новом качестве — знающих, кто есть кто. Что ж, есть другое предложение — выпить за нас вчерашних. Когда вы якобы меня желали и обещали мне любовь — а я вам якобы верила. Идет?

— Ну давай! — Он поднял бокал, прикоснулся им к моему, сделал глоток. — А насчет хотеть, так это ты зря — я ж тебя и вправду хотел...

— Правда? — Я изобразила удивление. — А сейчас? Сейчас вы меня уже не хотите? О, быть отвергнутой — это так ужасно...

Он ухмыльнулся, уловив в голосе притворство, — но глаза не улыбались.

— А что — готова?

Вопрос в лоб был задан, ему почему-то важен был ответ. И я чуть замялась, пытаюсь как-то разрядить обстановку, готовясь сказать что-то уклончивое. Но он так смотрел на меня, что понятно было, что ответ должен быть честным.

— Ну, это зависит... — начала было, но остановилась. Я не могла понять, зачем ему это надо знать. Что это меняет, собственно? Вряд ли от моего согласия лечь с ним в постель зависело его согласие выполнить задание — которое теперь, со смертью Владимира и отсутствием других контролеров, в любом случае было невыполнимым. Вряд ли он что-то испытывал ко мне — я не идиотка все же, и самообольщение мне несвойственно, да и не польстило бы мне его желание.

— Ну? — подтолкнул негрубо, но конкретно.

— Вы мне нравитесь, Алексей, правда нравитесь... — Я говорила абсолютно откровенно и хотела, чтобы он

это увидел. — Но есть одна проблема. Видите ли — я предпочитаю девушек. Вот так.

— Чего? — Он впервые за все пребывание тут искренне удивился, я четко это видела, да он этого и не скрывал. — Нет, ты правда? Сидела, что ль? В зоне-то бабы да, любят это дело. Да и мужики — петухов-то вовсю... Так че — серьезно?

Я кивнула молча.

— Ну дела! — Он смотрел на меня так, словно мое сообщение что-то меняло в корне. — Такая девка классная — и... А с мужиками чего — вообще никак?

— Очень редко, — ответила честно. — Даже очень-очень редко.

— Где сидела-то? — Он был совсем другим, таким, словно мы были по одну сторону баррикад. — Статья какая?

— Да я...

— Ладно, кончай, Анна, колись — на чем припутали-то?

— Наркотики. — Он дал мне шанс, и я собиралась им воспользоваться — хотя говорила так, что нельзя было понять, правда это, о которой я не хочу вспоминать, или выдумка, чтобы подыграть ему. — Бутырка, 92-й год, семь месяцев. Только не задавайте мне очень много вопросов — это не лучшее, что было в моей жизни. И о том, что это было, знают, может, два-три человека. Ну и вы теперь. А вообще этого не было — я пошутила...

Я не боялась вопросов — и могла на них ответить. Я и вправду была в Бутырке — от конторы. Ровно месяц — в июне 92-го. В одной камере с сожительницей одного богатого человека, которая много знала о его делах и его деньгах. И о том, где он, пустившийся в бега, находится сейчас. Потом меня выпустили —

якобы нашлись влиятельные заступники. А еще через три недели вышла она — якобы с помощью найденного мной для нее адвоката. А еще через пару месяцев отыскался и он — благодаря той информации, которую она отдала. Которую я спровоцировала ее отдать — внушив ей постепенно, что ни к чему покрывать того, кто ее подставил и бросил тут и вытаскивать не собирается, а сам развлекается где-нибудь во Флориде.

Меня удивляло только, что он всерьез думает, что все лесбиянки стали таковыми за решеткой. Это было наивно и несовременно как-то — хотя, с другой стороны, ему-то откуда знать, вряд ли он интересовался особенно такими вопросами.

— А...

— Алексей, пожалуйста! — Он не мог не услышать просьбу в моем голосе, не увидеть ее в лице. — Это шутка. Со мной ничего подобного не было. Договорились?

— Досталось, значит! — Он кивнул задумчиво, глядя на меня с пониманием. — Мужиков-то небось после этого не жалуешь? Они там с бабами умеют обходиться, мусора-то. У меня, прикинь, девка была класс, хотел развестись, жениться на ней. Ну отпад вообще, а не телка. А тут меня приняли, жена на суд не пришла даже, забыла, не пишет — а эта приезжает вдруг. Полгода я отсидел, что ли, — вызывают, так вот и так, Леха, три дня тебе даем на свидание с женой. Там же есть домики такие — ну для этого. У кого бабки были солидные на воле, те за такое отстегивали. А у меня ни денег, ничего вообще — и тут дают свиданку, да с женой вдобавок. Я понять ничего не могу — чего это она да откуда бабки взяла? А сам кайфую — прикинь, трое суток с бабой наедине? Приводят, короче, — а там она, телка моя, Ленка. Я ей — как, чего? А она меня в койку сразу. Так

и не сказала ничего — мои, мол, дела. Люблю тебя — а остальное по фигу...

Он замолчал, лицо жестким стало вмиг, и я молчала, боясь перебить, желая услышать концовку. Он открывался мне с другой стороны — показывал, что он уязвим. И хотя история, которую он рассказывал, произошла давным-давно, но осталась в нем до сих пор — не просто так ведь она всплыла сейчас.

— Я, считай, три года там парился, пока не подорвал, — так она пять раз приезжала, раз в полгода, короче. А когда подорвал, домой вернулся, ну и к ней наведалься. Еще удивился, когда сказали, что живет где жила, — я-то думал, разбогатела, замуж, может, за коммерсанта вышла или еще чего. А тут — та же квартир-ка, дома как было пусто, так и есть. Я молчу — че спрашивать, сама ж расскажет. Все по кайфу, короче, ночью у нее, а она мне утром — замуж за тебя хочу. А я ей — куда замуж, я ж в розыске. Один-то ладно, побегаю, а вдвоем хана. А она в слезы — ну знаешь бабьи дела-то эти. Ну я успокаивать — а заодно колю, как все получалось-то. Ну и расколол — она за одну свиданку трехдневную неделю всем подряд давала, от начальства до мелочи вроде конвоиров. К начальнику колонии пришла в первый раз, а он ей сразу — денег нет, плати другим. Телка класс, молодая, фигура отпад — ну вот и... Сначала он на пару ночей, потом остальные, кто в чинах, а перед свиданкой самой всякая мелочь уже. Чуть не с утра до вечера. Говорила, как блядь последнюю. Мусора же — им трахнуть мало, им поиздеваться надо. Я их, сук, и так ненавидел — а с тех пор...

Он посмотрел на меня вдруг, но лицо у меня было пустое, я ждала продолжения, мне казалось, что он не закончил.

— Потом это — посчитался я с мусорком-то. В Дагомысе был со своими года через три — и тут прикинь, начальник с бабой своей отдохнуть приехал. Че ему, при бабках ведь — они ж там с тех, кто платить может, по полной программе получают и за свиданки, и за наркоту, и за все такое. Вот и приехал с холодов на солнце кости погреть, в море покупаться. Стремно было соваться — но уж больно злобы много, не удержался. Пацаны еще — давай, мол, перо в бок, за такие дела валить надо с ходу. А че валить — больно быстро. Ну отловили их, отвезли подальше, была у нас там тачка, — и вперед. Жена старая, правда, страшная — но пришлось самому начать. А потом пацаны — приняли на грудь и давай ее, как молодую, всем кагалом. А я с ним толкую, рожу поворачиваю, чтобы смотрел повнимательнее...

Не буду говорить, что он злобно улыбался, или глаза светились жестокостью, или что-то изуверское было в его лице. Ничего такого, просто сосредоточенный вид, отсутствующие глаза, выпятившийся вперед подбородок. Он не бахвалился передо мной, не рисовался — нет, это было нечто типа откровенности за откровенность.

— Короче, приехал пидор на солнышке греться и в море плескаться — ну вот все по его и получилось. И погрели их на пару — и купаться отпустили...

Он замолчал, снова взглянув на меня, задержав взгляд, — а я смотрела чуть в сторону, без выражения, молча, и он снова ушел в себя. Я не хотела представлять себе, что именно он вспоминает, — я не боялась жестоких сцен, а видела кое-что, и вид крови меня не пугал, и в свое время я слышала очень много похожих историй о бандитских делах, и эти истории происходили где-то совсем рядом со мной, когда я крутилась в том мире. И я понимала, что значит «и погрели, и отпустили купаться», — и не хотела выяснять, жгли ли их на

костре или просто подпаливали зажигалками, утопили ли их мертвыми или еще живыми.

Я думала о другом. О том, что так и не поняла пока, зачем он рассказал мне это. Я вообще многого еще не могла понять. Получалось, что то, что я никуда не звонила, пока он наблюдал за мной, внушило ему доверие ко мне. Это было глупо — я ведь могла вчера в ресторане достать мобильный для того, чтобы вызвать такси, но не знала номера и потому попросила швейцара. А так набрала бы сама, и он, увидев это, тут же слинял бы и не появился бы сегодня — или появился бы вчера ночью в моем номере, и не для разговора на дружеские темы.

Но тем не менее то, что я не доставала мобильный, сослужило мне службу. А мой честный ответ насчет моих сексуальных пристрастий, как это ни странно, вообще сделал меня чуть ли не своей в его глазах. Будто он не мог представить, что лесбийской любви отдают предпочтение не только те, кто где-то сидел — да и они, в общем, совсем не обязаны ею заниматься в тюрьмах и зонах, и после них тоже.

Но тем не менее было похоже, что мы вдруг стали более-менее близкими людьми. И похоже было, что абсолютно случайно, ни с того ни с сего, я выиграла то, чего не выиграла бы никаким сексом, даже если бы на него пошла.

— Алексей, скажите — а что было потом с той девушкой?

Фраза уже вырвалась, когда я испытывала острое желание поймать ее и проглотить. Наверное, не стоило об этом спрашивать, но для меня это была важная деталь. Я знала его биографию и понимала, каков он. Он вспоминал то, что задело его, — я не сомневалась, что не за нее он озлобился и мстил, а за себя, за оскорбленные гордость и самолюбие. Он не похож был на человека сентиментального и чувствительного — хотя я все же

собиралась это уточнить. Мне почему-то подумалось, что я услышу сейчас, что он в итоге взял ее с собой, но потом бросил, потому что не хотел ею рисковать — хотя и навещал так часто, как мог, помня о том, что было. Или что она родила от него ребенка, которому он помогает до сих пор.

— А че с ней? — Он посмотрел на меня недоуменно. — Не знаю, че с ней. Денег дал — и все...

Я покивала задумчиво — романтическая концовка была бы достойным завершением рассказа. Нелогичным, если учесть, что жизнь вообще нелогична — и вспомнить, кто такой Леха Север, — но красивым.

— Ее, что ль, жалеешь?

Я кивнула непроизвольно — он удивил меня своим вопросом. Я не жалела ее на самом деле, я всегда старалась абстрагироваться от чужих трагедий — и в этот момент думала, что была не права относительно его, сочтя уязвимым, имеющим слабые места. Мне не следовало так расслабляться — попытка представить его другим могла очень плохо для меня кончиться.

— Ты ж пойми — ну как мне с ней жить, когда ее мусора столько раз во все дырки имели как хотели? Понятно, что любовь там у нее, все такое — так и меня пойми...

Он явно искал моего понимания — хотя на кой оно ему было нужно? Или в который раз объяснял себе, что поступил правильно?

— Ладно, Анна, — че старое вспоминать? Давай перекусим, что ль...

Он подмигнул мне, расслабляясь лицом, размягчая жесткость и суровость, — и принялся за еду неторопливо, хрустя багетом. Кивая мне — присоединяйся, мол.

Я далека была от того, чтобы поверить, что он действительно верит мне теперь на все сто процентов. Да,

мы стали ближе — но эта близость напоминала не железобетонный мост, а мостик с прогнившими досками, болтающийся на измочаленных веревках над глубокой пропастью. И только полная дура могла ступить на него уверенно и пойти на другую сторону, веря, что перейдет. Только полная дура могла сейчас начать агитировать его за Советскую власть — в смысле убеждать в том, что задание надо выполнить.

Я не знала, что дает мне этот контакт. И не знала, что мне делать дальше. Он молчал, он наговорился уже и вряд ли собирался рассказать что-нибудь еще — он ждал чего-то от меня, мне так казалось. Он показал, что доверяет мне, заплатив откровенностью за откровенность — причем моя была лаконичной и, в общем, придуманной, а его — правдивой и долгой. И теперь, видимо, был мой черед что-то говорить.

Но я и вправду не знала, что мне ему сказать. И потому последовала его примеру, медленно и с чувством разбираясь с салатом, смакуя вино. Пытаясь не думать ни о чем и получать максимально возможное удовольствие — как обычно, в общем.

Я не знаю, сколько мы так молчали. Минут двадцать — тридцать, не меньше. Он доел все первым, ответил отрицательно на мой вопрос, не заказать ли еще чего-нибудь, — и сидел, откинувшись на стуле, глядя на меня, немного напрягая этим непонятным взглядом. Он не отрывался от меня, скользил вверх-вниз и влево-вправо, но не уходил, оставаясь на мне, — этакий микроскоп пытливого ученого или оптический прицел снайпера.

Я вдруг подумала, что веду себя абсолютно верно. Потому что он должен думать сейчас, что я под впечатлением от его рассказа — и оттого молчу. И еще он должен думать, что я не тороплюсь воспользоваться нашим сближением — и что мне и вправду от него ни-

чего не надо совсем. Тем более что так оно и было, в общем. А вот ему что-то от меня было надо — паспорт. Но ради этого не стоило, правда, встречаться со мной сегодня, когда все банки были закрыты. Или ему было скучно и он позвонил мне просто так? Или он все-таки собирался мне что-то сказать с учетом того, что несколько изменил свое отношение ко мне?

— Кстати, Алексей, хотела сделать вам подарок! — Я улыбнулась ему, залезая в сумочку. — Я бы сделала это вчера — просто у меня все было в номере. Ваш паспорт — вы же из-за него со мной встретились?

Он ухмыльнулся, протягивая руку, беря его, засовывая в карман пиджака — даже не проверив, его ли это документ. Продолжая сидеть. Так и не прояснив ничего.

— Ну что, последний тост — за ваш успешный отъезд туда, куда вы собрались уехать? Или предпочтете выпить за ваше светлое будущее?

Он не двигался, и я сама взяла бутылку, наклоняя ее к его бокалу, который он вдруг накрыл ладонью.

— Анна, ты спойть меня хочешь, что ли? День на дворе, а ты все пить да пить. Да и тост хреновый, скажу тебе. Че ты меня гонишь, а? Надоел, что ли? У нас дела с тобой — а ты...

Я молчала, закулив вместо ответа, как всегда потратив на процесс закуливания минут пять.

— Дела? — поинтересовалась наконец, выпуская тоненькую струйку дыма. — Какие же?

— Мы ж вместе уезжать собрались — забыла, что ли?

— Интересно, куда — к вам в Израиль или ко мне в Лондон?

— Как куда? — Он нахмурил брови, словно не понимая моего вопроса. — Ты зачем сюда приехала-то? Какой Израиль, какой Лондон — в Париж, конечно. Собирались же в Париж — ну так и поехали...

16

Было темно вокруг, редкие фонари вдалеке не освещали мою машину, но зато показывали мне то, что было нужно, — вход в этот чертов бар, в котором я вчера пыталась передать морячку двадцать тысяч франков в обмен на сумку. И в котором он должен был быть сегодня. Точнее — в котором он был. Стопроцентно был.

Я поставила машину достаточно далеко, дальше, чем вчера, но то, что надо, я видела. И точно ничего не пропустила, потому что практически не отрывала глаз от зеркала заднего вида. Разве что когда моргала. Да и то старалась делать это пореже.

Глаза болели уже — и немного устала спина. Я не вылезала из машины, и я была напряжена. Вряд ли стоило удивляться усталости — все же я уже почти два часа тут сидела. И не знала, сколько просижу еще. Но я готова была сидеть сколько угодно — главное, чтобы не входить туда самой. Не светиться. Не рисковать. Хотя риск был и так и так. И немалый.

Вся разница заключалась в том, что сейчас у меня было время, чтобы уехать — если я увижу, что все плохо. Все вещи были собраны — я сложила их заранее, когда уже знала, что предстоит вечером. По моим расчетам я должна была успеть в случае чего доехать до

гостиницы, взять сумку и убраться оттуда уже через пять минут. Потом отъехать куда-нибудь недалеко, бросить машину, поймать такси и отправиться на железнодорожный вокзал. И сесть в практически любой поезд — практически все равно куда идущий. Лишь бы отсюда.

В глубине души я считала, что готовить путь к отступлению бессмысленно — если случится то, чего я боюсь, меня сдадут в момент. И назовут гостиницу. И может даже, номер машины. Так что до отеля я добраться успею и, может, даже успею оттуда уйти — но вот большой вопрос, удастся ли выбраться из Марселя, а потом и из Франции. И что мне это даст, коль скоро в отеле знают мою фамилию и у полиции будет мое описание. Если будут искать, найдут и в Канаде — забьют в интерполовский компьютер, и привет горячий.

Мне не нравилось все это. Даже очень не нравилось. Это было примерно так же нервно, как вчера. Может, сейчас было еще хуже. Потому что там я сама все видела своими глазами, и действовала сама, и знала, что происходит, — а тут мне не видно было абсолютно ничего. Я только знала, что морячок внутри, — и ничего больше. В остальном мне приходилось полагаться на другого человека — а это было ненадежно.

Я нервничала, и глупо было это скрывать от самой себя, — и собиралась закурить уже шестую за последние два часа сигарку. Для меня многовато — неприятный вкус во рту это подтверждал. Но курение хоть немного отвлекало и успокаивало на время нервы. На короткое — но все же.

То, что происходило сейчас, — этого вообще не должно было быть. Но я тем не менее это допустила. И вот теперь расплачивалась напряжением — и сменяющимися друг друга мыслями, почти похожими, почти не отличающимися друг от друга. Суть которых сводилась к тому,

что мне надо было еще днем сделать звонок в Москву. Но я не решилась — и не смогла. То, что он говорил, сбивало меня с толку — а к тому же он не оставлял меня одну, и даже попытка сделать звонок из женского туалета ничего не дала.

Это было уже часов в пять, мы сидели в ресторане, нагулявшись после ленча, — и я собралась с силами и сказала, что мне нужно отлучиться. И только заперлась в кабинке, как услышала, что кто-то открывает дверь и входит. Не знаю, кто это был — скорее всего не он, конечно, какая-нибудь женщина, решившая подкраситься или отправить естественные надобности, — но говорить я уже не могла. Звонить по мобильному из туалета — это слишком странно.

Так что я не позвонила. И вот теперь сидела здесь. Собираясь закурить шестую по счету сигарку за последние два часа.

Огонек зажигалки ослепил на время, в зеркале потемнело все, словно кто-то невидимый затянул его тонирующей пленкой. А когда посветлело снова, я не поверила своим глазам — едва не просмотренный мной морячок стоял на углу у дверей вместе с двумя людьми. Возможно, теми самыми, с кем он был там вчера, — а возможно, с сопровождением, ждавшим, кто клюнет на удочку, но так никого и не увидевшим. Я не очень верила, что его пасут, — я бы не ушла просто так оттуда вчера. Конечно, факт передачи не имел места — но в любом случае за мной обязаны были следить, чтобы вычислить, кто я. Но...

Я вспомнила, что вчера ночью тот же Алексей следил за мной, за каждым моим шагом, а я даже не заметила этого. Так, может, не заметила и других. Которые проводили меня отсюда до дома, в котором была съемная квартира, потом до ресторана, до ночного бара, по-

том до гостиницы. Тогда, на курсах, мне объясняли, что такое слежка и как ее можно вычислить, — но все было очень скомканно, очень быстро и поверхностно, нечто типа факультатива, необязательного предмета. Да я и не вслушивалась особо ни во что — тогда я плохо себе представляла, чем буду заниматься. Но была убеждена, что всякие слежки, самообороны и стрельбы мне уж никак не понадобятся.

Я верила, что меня будут использовать для сбора компромата, для втирания в доверие и выведывания необходимой информации, — и почему-то видела себя этакой светской львицей, постоянно появляющейся в обществе, занимающейся там то одним, то другим человеком. И просто докладывающей потом о содержании разговоров, звонил ли человеку кто-нибудь или нет при мне, и если да, то о чем шла речь, — в таком вот духе. Джеймс Бонд женского пола без главных атрибутов Джеймса Бонда — перестрелок, погонь, попыток убить.

Все, естественно, оказалось не так. За мной следили несколько раз — грубовато, однажды даже нарочито, не скрываясь. Меня проверяли, у меня дома устраивали обыск. Похищали даже как-то. Засаду организовывали в подъезде. Стреляли дважды — скорее чтобы попугать, потому что не попали. Взрывали машину. Но все это было не так страшно — по крайней мере так казалось — и осталось в далеком прошлом. Я так полагала. Потому и не заметила Алексея вчера — при том, что он чужой был тут, за границей, а я своя — и могла не заметить других, если они были.

Морячок все еще стоял там, на углу, и двое рядом — похоже, они разговаривали о чем-то. Похоже, те его убеждали отправиться куда-то — потому что один из тех махнул рукой в сторону, противоположную порту. Я видела, как морячок помотал головой, кивая в другую

сторону, — и как они тронулись все втроем, направляясь в порт. Возвращаясь, видимо, на корабль.

Все было точь-в-точь как вчера. Он снова приперся не один — я уже не верила, что это совпадение, что эти двое опять с ним, — и снова после бара пошел обратно на свое судно. Видимо, чтобы избавиться от сумки, а потом, быть может, продолжить гулянку. Я всегда считала, что совпадения случаются, это нормально. Но уж больно странно было, что, идя передавать оружие тому, кто за ним явится, он тащит за собой двоих сотоварищей. Да, в первый раз они могли оказаться в одном баре случайно — они могли зайти туда сами, когда он уже был там, или вслед за ним, могли прицепиться и не отвязаться. Но повторно — когда он знал, что тот, кто должен прийти, придет точно, поскольку это последняя возможность для встречи?

Возможно, никакой случайности здесь и не было — он мог брать их с собой для подстраховки. Может, для того, чтобы в случае чего они подтвердили, что сумка, висевшая рядом с ним на стуле, вовсе не его. Он ведь не мог знать, что в сумке, — не должен был, — но мог предполагать все, что угодно. И не обязан был доверять конторе.

Они удалялись уже — и если честно, я испытала облегчение. Нет оружия — точно нет работы. А если и есть, то уже позже. И без меня — по крайней мере без моего присутствия поблизости. И это меня устраивало — и я повернула ключ зажигания, оживляя «рено», зная, что сейчас выйдет он, и пойдет ко мне, и мы уедем.

Он вышел буквально через пару минут после того, как они отошли, — и сейчас стоял там, где стояли они совсем недавно, и поглядывал по сторонам. Внезапно направившись вслед за ними. Спокойной такой, неторопливой прогулочной походкой.

Господи, что ему надо еще? Посмотреть, как называется их корабль, — но что это дает? Попробовать зайти туда и застать морячка в одиночестве — вообще маловероятно! Или он рассчитывает, что эта троица разделится — и тогда с морячком можно будет потолковать один на один?

Черт, это не входило в мои планы. У нас была четкая договоренность — а теперь он ее нарушал. И в этом была моя вина — мне не следовало вообще ни о чем с ним договариваться. А я...

Когда он сказал мне днем в кафе, что мы едем в Париж, — я подумала, что это шутка. Я даже не отреагировала никак. Да и он тут же сменил тему — переключившись на меня. На мою сексуальную ориентацию точнее.

— Значит, с мужиками никак? — Вопрос был таким неожиданным и таким неуместным в свете моих серьезных мыслей о том, почему он не уходит, получив паспорт, что я не поняла даже сначала, о чем он. А когда поняла, то усмехнулась — видимо, для него это был вопрос принципа. Видимо, гордость не позволяла ему уйти, не попробовав убедить меня с ним переспать.

— Очень-очень редко, — произнесла финально, думая, что теперь, когда он услышал отказ, его уже совсем ничто тут не держит. — Практически никак.

— Как хочешь! — Он легко пожал плечами, показывая, что это мое личное дело. — Не то нам теперь с тобой под одной крышей жить — надо ж мне знать-то. Я ж тебе чего сказать хотел — в Париж мы с тобой едем. Сегодня, как собирались. Условие одно — играем честно. Чтоб никаких звонков в Москву без меня, никаких встреч, ничего вообще. Я с тобой честно — ты со мной честно. Живем вместе. В душ, сортир и в койку можно порознь — а все остальное вместе. По рукам?

Было бы преувеличением сказать, что я превратилась в статую — но со мной происходило нечто похожее. Я не ожидала этого, я была к этому абсолютно не готова — и, более того, меня все это совершенно не устраивало. То есть мне это было надо, чтобы он все сделал, это снимало бы с меня кучу проблем и принесло бы одни плюсы — но я совершенно не собиралась ехать туда с ним вдвоем и оказывать ему необходимое содействие и светиться рядом с ним. К тому же у него не было оружия и неоткуда было его взять.

— Так по рукам?

Я качнула головой, понимая, что то, что я скажу сейчас, прозвучит глупо. Он мне точно не поверит либо решит, что я идиотка. Но из двух зол — засветиться рядом с киллером, которого могут запомнить, захватить, арестовать при выезде из страны, или объясняться перед конторой — я выбирала второе.

— Ты че, серьезно, что ль? — Он не верил мне, он, видно, считал все-таки, что мне очень надо, чтобы он сделал то, зачем его сюда привезли. — Слышь, кончай, Анна! В чем дело-то?

Это уже был какой-то трагифарс — он соглашался выполнить работу, ради которой его освободили, а я, по идее кровно заинтересованная в том, чтобы он ее сделал, отказывалась. Мне не хотелось, чтобы он принял все мои предыдущие слова и поступки за игру, а последнее заявление — за переигрывание.

Я огляделась. Нами никто не интересовался. Мы сидели себе одни в углу, и никого рядом — и никто не собирался к нам прислушиваться, тем более что мы говорили очень тихо.

— Дело в том, Алексей... — Я еще понизила голос, это уже был не шепот, а что-то типа рыбьей речи. — Дело в том, что я не имею ни малейшего желания нахо-

даться рядом с вами, когда вы будете работать по специальности. Я не хочу об этом ничего знать, меня не должно там быть, даже рядом. Я уже говорила, что моя работа в том, чтобы встретить, разместить, помочь освоиться в стране и в городе. Найти деньги, вывезенные за границу, — найти человека, сбежавшего из России, прячущегося от кредиторов, партнеров и прочих личностей. Я здесь живу, понимаете, — и мне не нужно, чтобы меня искал Интерпол или местная полиция. То, что я делаю для тех, о ком мы с вами говорили, — это вполне законно. А вот все остальное... В общем, я даже не хочу об этом говорить — равно как и слышать. Я вас встретила, у меня есть письмо от официальной организации с просьбой вам помочь и показать вам город — а больше я ничего не знаю и знать не хочу...

— Чистенькой, значит, быть хочешь? — В неприятном по идее вопросе не было ни издевки, ни обиды. Просто констатация факта.

— Хочу и буду. Вам за вашу работу платят одни деньги, мне за мою совсем другие, несравнимо меньшие. Да и не в деньгах дело — это принцип. Понятия, если хотите. Мои личные...

Он покивал, молча, без выражения. Думая о чем-то своем.

— Алексей, почему бы вам не дожждаться людей из Москвы? — спросила с надеждой, отводя разговор от себя. — Я позвоню при вас — скажу, что вашей вины в случившемся нет, вас спровоцировали, я была свидетелем. Приедут люди и...

Он помотал головой.

— Не катит — я ж сказал уже. А этого я б все равно кончил. Дурак он был — нельзя показывать, как к человеку относишься. Надо так — улыбаешься, обнимаешься, а через пару часов в подъезде его ждешь. А этот

дурак. Вопрос-то был — кто кого первым. Я хотел там его, в Париже, — а вышло, что тут. А если этот дурак, так и другой такой же будет. А одного не пошлют уже, двоих или троих — ну и прикинь. Охота им мне бабки платить, что ли?

— Но у вас же был договор — о дальнейшем сотрудничестве...

Это звучало выпендренно, но он в самом деле больше был похож на бизнесмена, чем на киллера.

— Да кончай, Анна, — какой с мусорами договор? Тут бы кончили — или там кончат, куда я отсюда должен был лететь. Или еще чего сделать попросят, а потом все равно кончат. У меня работа такая, что между мной и заказчиком посредник должен быть, — если заказчик исполнителя знает, все, кранты. Другому его покажет. А...

Что ж, все было разумно — глупо было убеждать его в обратном. Я даже чуть не улыбнулась, подумав, что то, что происходит, похоже на то, как если бы Север вернулся сейчас обратно в Бутырку и стал бы проситься его впустить — а его бы гнали, иди, мол, братан, не до тебя нам. Своих забот полно, а то, что сбежал ты якобы, так не наше дело, к тем иди, от кого сбегал. Вот так же вела себя и я.

— Слушай, Анна, миллионершей хочешь стать? — Голос его оживился, словно ему в голову пришла блестящая идея. — Нет, серьезно — хочешь?

— Если вы предлагаете мне вывезти вас в Англию или еще куда и помочь вам вытащить ваши деньги, вложенные в западный банк за определенную долю, — я отказываюсь сразу, — произнесла жестко и категорично, чтобы он понял, что это не шутка. — Поймите — да дайте вы мне миллион, его будет мало для того, чтобы спрятаться. Десяти хватило бы — но боюсь, что такой

суммы у вас у самого нет. Да и репутация у вас соответствующая — я так полагаю, что даже пообещай вы мне миллион, я и десяти долларов не успею потратить...

— Не, ты правда злая, — он улыбнулся широко, и я почувствовала в нем какой-то подъем внутренний. Необъяснимый, но сильный. Мы с ним поменялись ролями полностью — теперь я была насторожена и несговорчива и резка. А он, наоборот, мягок и полон желания наладить контакт. — Я ж не зверь какой. Ну были дела — так не я б их сделал, другие бы нашлись. Не, я о другом. И начальству твоему по кайфу будет, и тебе — всем хорошо, все при бабках. И если оглядываться почаще, долго прожить можно.

— И что же это за чудесное предложение? — поинтересовалась просто так, даже не любопытствуя. Честно говоря, я бы предпочла, чтобы он ушел — совсем. В никуда. И не мешал мне, не занимал мое время. Он вносил сумятицу в мои мысли — сосредоточенные на необходимости звонка в Москву. Неприятного — но все равно неизбежного.

— Звонишь своим сейчас, при мне — поднимаешь их до лимона. Десять процентов твои — ладно, пятнадцать. Ну двадцать — устроит? Им говоришь, что условие мое одно — никого рядом, работаем в паре. И сейчас — и дальше, сама ж говоришь, что они не только ради этого меня вытащили? Заказ через тебя, работа моя. Светиться нигде не будешь, помощь твоя мне не нужна. Работ десять делаем — и я отваливаю с концами. Как?

Я, признаться, была ошарашена. Тем, что он предлагал это всерьез, — и, вполне очевидно, ему казалось, что это гениальная идея. В то время как лично я была другого мнения.

— Это невозможно. — Я повторила это, глядя ему в глаза, тем тоном, которым психиатр должен говорить с

больным, страдающим навязчивыми идеями. — Ни сейчас, ни потом. Не-воз-мож-но.

— Анна, Анна. — Он вернул мне мой же тон, в его глазах больной была я. — В чем проблема-то? Че, правда меня боишься? Ну давай одно дело сделаем — получишь свои двадцать процентов, увидишь, что можно со мной дела иметь. А там и о будущем поговорим. Ну как? Работа моя — а твое дело всю информацию получить, и деньги, и город мне показать. Я ж этого спросил-то, покойника, — он сказал, в Париж приедем, там все скажут. Ну так скажут тебе. Двести тысяч баксов — мало, что ли?

— Послушайте, Алексей... — Я огляделась снова, мне не нравилась тема и то, что мы обсуждаем ее здесь — хотя на улице не лучше было наверное. — Я отдала вам паспорт, у вас есть деньги, пусть небольшие — ну почему вам не уйти совсем? Зачем вам этот Париж? Если вы собирались туда в любом случае, повременили бы с Владимиром — вы ж не знали, кто я, значит, без него и никакой работы не было бы. Ну так вот представьте, что я просто иностранка, согласившаяся показать вам Марсель, — и уезжайте, ладно?

— Ну не собирался — а теперь собрался. — Он улыбнулся мне весело, хотя причин для веселья я не видела. — С тем не собирался — а с тобой за милую душу. Тебе верить можно — сечешь? Да и деньги нужны — люблю жить красиво...

Похоже, он говорил правду. Не назовись я, он бы уехал — а тут увидел шанс заработать, не боясь получить пулю в затылок от Владимира. Но я не могла дать ему этот шанс — и двести тысяч были не деньги, чтобы рисковать за них всем.

Мне надо было как-то объяснить ему, почему это невозможно, — иначе бы он не отстал. Но я не знала

пока как. И только когда уже были на улице, приняла решение. И, найдя пустую лавочку в сквере, подробно, чтобы он поверил, рассказала про то, что из-за Владимира инструмента для выполнения задания у него теперь нет. И единственный вариант его получить — это доставка из Москвы. Только вот тот, кто его доставит, останется с ним, чтобы проконтролировать все.

— Любишь ты проблемы придумывать! — Он рассмеялся легко. — Давай сам схожу сегодня в кабак этот. Да сам, не бойся. Тебе не отдал — а мне отдаст. Пойдем сейчас погуляем, корабли посмотрим — вдруг этого встретим? А нет — так вечером точно.

Я помотала головой — его нельзя было к этому привлекать, да и я не сомневалась, что у него ничего не выйдет.

— Эх, не ценишь ты меня, Анна, — он покосился на меня укоризненно. — Ведь читала ж про меня. Небось этот тебе привез почитать — раз то, что я следаку сказал, один в один повторила, насчет того, чтоб в историю войти. Что читала-то именно? Ладно, потом расскажешь — ты мне, а я тебе. А пока давай так — если этот мне не отдаст что привез, разбегаемся. Если отдаст — едем. Идет?

И вот тогда я кивнула — не сомневаясь, что морячок, испугавшийся вчера безобидную меня, Севера испугается еще больше. Если вообще там появится. Мне не хотелось продолжать этот разговор — и потому я кивнула. И жалела об этом весь остаток вечера. Пока не увидела выходящего с сумкой через плечо морячка со своими приятелями — а потом и Севера с пустыми руками.

Но вместо того чтобы вернуться к машине — ему ведь не надо было мне ничего доказывать, ну не вышло, так не вышло, — он пошел за ними. Видно, слишком

гордый был Леха Север, чтобы признавать неудачи — даже передо мной, хотя я ничего в его жизни не знала.

Я подумала, что он проводит их сейчас до корабля и вернется. И скажет мне, что наведается туда завтра, — и услышит от меня тут же, что уговор есть уговор, а значит, никакого завтра не будет. И я отделаюсь от него таким образом и прямо с утра поеду в российское консульство за визой — и, может, послезавтра уже буду в Москве. А пока...

Я автоматически запустила руку в сумку, нащупав мобильный — медленно вытащив ее обратно. Я пообещала ему пока не звонить, и хотя по большому счету мне плевать было на все обещания, он был за себя, а я за себя, — не исключено, что он наблюдал за мной откуда-то, как и вчера. Он ведь должен был знать, что я видела, как он вышел с пустыми руками, — и потому он вполне мог сейчас следить за мной откуда-то из темноты и мог заметить поднесенный к уху мобильный.

Он неплохо ориентировался на местности — мы были здесь днем и ходили кругами по его просьбе. У меня было такое ощущение, что он воспринимает то, что будет вечером, как серьезную работу — словно ему предстоит застрелить кого-то в баре или у бара и он заранее изучает пути отхода. Потому что мы бродили и бродили, он даже в бар заглянул ненадолго, и мы пошли дальше, заглядывая во все дворы, проходя всеми переулками.

Я знала, что он осторожен — это было в его досье. Он умел все просчитывать и выбирать позицию. Он был профи высшего класса, не рискующий без нужды, все вычисляющий и оценивающий, прежде чем выбрать лучшее место и сделать выстрел. Я читала, как он убрал одного авторитета через дыру в заборе. Тот в курсе был, что его приговорили конкуренты, без охраны не выхо-

дил из дома, не появлялся два раза подряд в одном и том же казино или ресторане.

Так Леха подкараулил его на стрельбище, куда тот раз в неделю приезжал тренироваться вместе со своими многочисленными бодигардами. Проделал заранее небольшую дыру в глухом бетонном заборе, огораживавшем стрельбище с одной стороны, — и сделал один-единственный выстрел, оказавшийся смертельным. Пока охрана вычислила, откуда прилетела пуля, пока объехали забор, там давно уже не было никого. Только снег примятый, гильза и винтовка с разбитым прикладом — фирменный Лехин знак.

Так же он тогда то на шумевшее убийство совершил — человека, который авторитетом был, бизнесменом и политиком в одном лице, — сделав выстрел именно там, где этого не ждал никто. Тот целыми днями по городу мотался, и рестораны у него были коронные, и на всех тусовках он появлялся — но Леха выбрал совсем другую точку. На чердаке дома напротив бани, где тот бывал раз-два в неделю. Милиция снайперскую позицию нашла только на следующий день — слишком далеко и угол неудобный, чтобы сразу предположить, что оттуда стреляли. Но для Лехи условия идеальные. И ушел он, судя по всему, легко, хотя тут же шумиха поднялась, охрана бегала по переулку взад-вперед, и он бы им точно показался подозрительным. А он прошел через чердак и оказался в другом подъезде, который выходил не в переулок, а на перпендикулярную ему улицу.

У него было много таких случаев — и всякий раз никто не мог понять с ходу, откуда выстрел. И охрана бегала со стволами, готовая стрелять во всех подозрительных, но никого не видела. Один раз даже зарезали из-за Лехи человека, который просто рядом оказался. Вор в законе с дискотеки ночью выходил, куча людей с

ним, только к стоянке подошли, а тут выстрел — и напал. Они в панике, кто стрелял не поймут, и тут машина выезжает — кстати, этого вора знакомый. Они его тормознули, а тот и выстрела-то не слышал — ну и послал этих быков за такое неуважение. А его из машины вытащили и нож в сердце. А Северянин, стрелявший издалека с заранее подготовленной позиции, спокойно ушел.

В общем, он ко всему серьезно подходил — и хотя отмахнулся, когда я сказала, что тут может быть подставка, тщательно изучал район. И я не возражала — тем более что он вел себя вполне обычно, не говорил мне ничего о предстоящем, не строил из себя никого. Как бы просто гулял — что-то там отмечая и запоминая. Так что нельзя было исключать, что сейчас он был где-то совсем рядом с машиной и смотрел за мной — а я еще не оставила надежды убедить его дожидаться людей из Москвы и потому мобильный доставать не стала.

Я только не могла понять, почему он так долго там сидел. Мы приехали сюда к семи, встали от входа метрах в пятидесяти, и он осмотрелся и ушел, сказав, что походит немного, прежде чем зайти. Это было разумно — проверить, не топчется ли кто неуместный рядом, нет ли людей в припаркованных поблизости машинах. А где-то без двадцати восемь он вошел наконец — и вышел только в девять вслед за этими. Явно не попытавшись подойти к морячку — иначе тот не вышел бы первым. Значит, он сидел и смотрел. И ему не нравилось что-то — и он не предпринял попытку. Но зачем-то поперся за ним сейчас.

Бог с ним — она была мне даже на руку, его неудача. Потому что его предложение сделать все вдвоем в Париже отдавало безумием. Возможно, контора гордилась бы мной — что тоже еще вопрос, потому что кто знает, как там все сложится и как она отнесется к тому, что я

буду им передавать условия Севера относительно увеличения суммы и отсутствия других контролеров. Но зато я рисковала засветиться и тем самым оборвать мою заграничную жизнь. А для меня это было неравноценно.

Я огляделась, не видя никого рядом — не считая проезжающих изредка машин и не менее редких пешеходов. Мне вдруг стало неприятно при мысли, что он наблюдает за мной — справа нечто вроде парка было, и оттуда легко можно было наблюдать, — и я двинула «рено» с места, проехав метров пятнадцать вперед, а потом резко развернулась через сплошную линию, встав на противоположной стороне улицы. И решительно вытащила из сумки мобильный. Понимая, что дошла до того состояния, когда оттягивать звонок не имеет смысла — потому что я все равно постоянно возвращаюсь мыслями к конторе и к ее реакции на то, что она услышит от меня. Ожидание смерти, как известно, хуже самой смерти — тем более что разговора мне все равно было не избежать.

Здесь было полдесятого, значит, в Москве уже полдвенадцатого. Но это был круглосуточный телефон, и мне надо было только позвонить, сказать, кто я, и оставить свой номер — и ждать звонка. Который последует через полчаса, через час, может, ну через два или три максимум. В зависимости от того, насколько срочным покажется мой вопрос тому, кому передадут, что я звонила. Здесь я не сомневалась, что долго ждать мне не придется.

— Добрый вечер, — произнесла на английском, услышав вежливый женский голос на том конце. — Это Анна Симони из Марселя. Извините за поздний звонок, но это очень срочно. Мне нужен мистер Головин. Мой номер... О, прямо сейчас? Да, конечно...

Я растерялась немного — не думала, что в такое время услышу, что меня свяжут с ним без задержек. Трубка

молчала пока, там попискивало что-то, возможно, в Москве наш разговор записывали — даже не возможно, а наверняка, — и я чуть отвела ее от себя, делая вдох и выдох, потом еще один и еще.

— О, мистер Головин, — добрый вечер! Извините, что так поздно, но... Да, да, мне передали ваше письмо — я ценю наше сотрудничество и всегда рада помочь, как вы помогаете мне в Москве. Я звоню по поводу ваших знакомых, которых вы поручили мне опекать. О, они приятные люди, да, но... но дело в том, что они поссорились и один из них, Владимир, уехал. Сегодня. Нет, нет, он уехал совсем. Нет, второй остался. Нет, он не хочет уезжать — он просит меня поехать с ним в Париж. Я сказала, что это невозможно, я предложила ему немножко подождать, пока я найду ему профессионального гида со знанием русского, — а он говорит, что поедет только со мной. Мне не сложно это сделать — но вы понимаете... А он очень упрямый — он говорит, что если я поручу его другим, то Париж потеряет для него интерес. Это очень лестно, да — но вы знаете, я совсем не гид. Да, он еще говорил, что вы обещали ему прислать семьсот долларов, чтобы у него были тут деньги, а теперь он просит тысячу. Да, да. Нет, его нет здесь сейчас — он скоро придет. Я очень хочу вам помочь — я ценю наши с вами взаимовыгодные отношения, — но вы же понимаете...

Через две минуты, дав отбой, я поспешно засунула мобильный обратно в сумку и закурила, чувствуя, как меня распирает радость. Все было прекрасно, все было здорово, и мне не надо было теперь гнать из головы мысли о том, как сложится все в Париже. Потому что шеф успокоил меня — ему всегда это удавалось, он, видимо, слишком хорошо меня изучил, чтобы безо-

шибочно определять мое состояние, как бы я его ни скрывала, и говорить именно то, что мне нужно больше всего.

«Анна, не волнуйтесь — все будет хорошо. Конечно, вам понадобится профессиональный гид — Париж такой город, что без знатока вы пропустите множество достопримечательностей. Запишите телефон того, к кому вам следует обратиться. Только, пожалуйста, не торопитесь — будет лучше, если вы приедете туда в конце недели. Надеюсь, вы сможете пока развлечь вашего компаньона? Кстати, вы ведь можете отправиться туда на машине, верно? Франция — фантастически красивая страна...»

Все было прекрасно, все-таки я зря волновалась. Единственная сложность, которая мне предстояла, — это убедить Севера не торопиться в Париж. Может, и в самом деле предложить ему отправиться туда на машине, а не на поезде? Конечно, он напряжется, он сразу начнет подозревать, что я позвонила-таки и получила инструкцию потянуть время — чтобы, когда мы приедем туда, конторские нас там уже ждали. Но если попробовать что-нибудь придумать...

Мне казалось сейчас, что это будет не очень сложно. Может, потому, что звонок так расслабил меня. Конечно, это был телефонный разговор, разбор ситуации никто устраивать бы и не стал — но я явно уловила в голосе шефа облегчение, когда он услышал, что Север здесь и намерен выполнить задание. Значит, он должен был решить, что это моя заслуга, — и именно так все и преподнести завтра, когда они будут обсуждать случившееся в своем начальском кругу.

Мне не хотелось думать сейчас, как будет происходить в Париже передача Севера под контроль конторских — под который ему идти не захочется. Но я

не сомневалась, что все пройдет как надо и без эксцессов — они учтут опыт Владимира и что-нибудь придумают. А я, сделавшая свое дело, спокойно уеду.

Так что все было классно — по крайней мере, мне хотелось в это верить. Если мое предложение не торопиться не вызовет у него подозрений.

— Фу, Анна, ты и накурила!

Я даже вздрогнула, услышав Лехин голос, непонятно как взявшийся тут. Я задумалась и пропустила его — это была ошибка. За которую я сама себя простила сейчас. Добавив в свое оправдание, что он подошел к машине сзади. Я не ждала его оттуда — ведь для этого ему пришлось сделать огромный крюк.

— О, вы меня напугали...

— А ты не бойся! — Он улыбнулся, садясь рядом. Вид у него был нормальный на первый взгляд, и дышал он ровно, и настроение, кажется, было приподнятым. — Видишь, деньжат для нас заработал. Корешок наш брать не стал, для хороших людей все бесплатно, говорит. Нам же лучше — делим по-честному, пополам то есть...

Я посмотрела недоуменно на протянутую мне пачку купюр — только сейчас заметив сумку в его руках. Которую он, видимо, прятал за спиной, когда открывал дверь.

— Слушай, может, поедем все-таки? — Он посмотрел в сторону порта. — Корешки-то у знакомого твоего левые какие-то — такие же моряки, как я мусор. Пришлось обидеть их слегка и его потом. Так поехали, а?

Я тронулась с места, чуть сильнее, чем надо, вдавив газ, неуклюже вписавшись в поворот.

— Да ты не гони — они купались, когда я ушел! — Он рассмеялся, словно вспомнил что-то очень забавное. — Во начальнички твои дают — ничего нормально сделать не могут! Я-то думал, это сила, фирма-то твоя, — а тут одна лажа...

Я кивнула механически, ничего не отвечая и ничего не спрашивая — хотя понятно уже было, что передача сумки произошла с некоторыми осложнениями. Заключившимися в том, что он ее отнял, избив этих и скинув в воду. Наверное, мне надо было спросить — но на уме было другое.

— Раз мы разбогатели, у меня есть предложение, — произнесла кокетливо. — Немного оттянуть наш приезд туда, где надо будет заниматься делом. Может быть, нам имеет смысл немного попутешествовать — я хочу сказать, поехать в Париж на машине? Заодно и Францию посмотрим — я, между прочим, сама здесь не была. Да и последние дни были несколько нервными — лично я не отказалась бы от небольшого отдыха...

Он покосился на меня задумчиво, так, словно просчитывал сейчас причины моего поведения и его последствия. Взгляд замер на мне, потяжелел и похолодел, — и мне подумалось, что я слишком рано расслабилась и слишком поторопилась со своим предложением, не продумав его как следует. И теперь...

— А че, мысль! — Он согласился так внезапно и так легко, что уже я на него покосилась, старательно пряча недоверие. — Только это — отдыхать так отдыхать. Тут городок такой есть, Сен-Тропез, курорт, — вот туда и поедem. Он близко тут, я по карте посмотрел даже. Кореш там один у меня был — говорил, место класс, и Лазурный берег вообще, и городишка этот. Вот туда и поедem — поживем недельку, а оттуда в Париж...

У нас не было недельки, нас ждали в Париже в пятницу — но сейчас это было не важно. Главное, что он согласился — ничего не заподозрив, весело и легко. И я даже не задумалась в тот момент, что оно чересчур легким было, его согласие...

17

Его тут не было. Растерзанная кровать, смятые полотенца, скомканное белье в шкафу, демонстрируемое приоткрытой дверцей, — и никого. Ни в огромной комнате, ни в гигантской ванной, ни в коридоре, в который я выглянула зачем-то.

Я быстро заперла входную дверь, распахивая его шкаф. Вещи были на месте — купленная им в Марселе дорогая дорожная сумка, джинсовый костюм, в котором он сюда прилетел, какие-то мелочи типа носков и трусов. Но это ничего не значило — он вполне мог все это бросить.

Я быстро осмотрела номер, не найдя ничего такого, что свидетельствовало бы о намерении хозяина этого самого номера вскорости вернуться. В принципе я ничего и не могла найти — паспорт он носил с собой, равно как и деньги, — и искала чисто ради того, чтобы оттянуть момент осознания факта, что он ушел с концами. Запудрил мне мозги своим желанием ехать в Париж, подготовил тут пути для отхода — и скрылся, когда решил, что пора. Как раз тогда, когда мы собирались уезжать.

Что ж, мне оставалось только признать, что он очень хитер. Но с другой стороны, я вела себя глупо с ним —

позволив затянуть отъезд на целых два дня, побеседовав из-за этого вчера с конторой. С шефом, позвонившим мне, чтобы узнать, куда мы делись, собственно. Шеф был вежлив и приветлив, разумеется, — хотя понятно было, что, раз он звонит сам, контору беспокоит, почему мы не приехали в Париж в пятницу, как было условлено.

Наверное, он успокоился, услышав, что мы тут задержались по просьбе его друга, которому так нравится Лазурный берег, что он капризничает и не хочет уезжать. Но тем не менее завтра, в воскресенье, мы уезжаем. И будем в Париже в понедельник.

Северянин, естественно, был рядом, когда зазвонил телефон. И когда я передала ему содержание разговора — я ведь по-английски говорила, он ничего, как я полагала, не понял, — пожал плечами. Я умно все передала — вставив от себя, что они беспокоятся, потому что те, ради кого мы туда едем, в данный момент на месте, но могут ведь и уехать куда-то, а значит, задание отложится на неопределенный срок. Который нам все равно придется торчать в Париже, что не нужно ни ему, ни мне.

«Ну раз такой расклад — завтра и едем», — заметил деловито. Так, словно это не он убеждал меня пожить здесь, в Сен-Тропезе — это пишется так, а французы произносят «Сен-Тропе» — то один лишний день, то второй, то третий.

В общем, он согласился — с таким видом, словно не в его интересах тянуть. Словно ему самому не терпится поскорее все осуществить. И вот сейчас отсутствовал в комнате. И вряд ли планировал снова в ней появиться.

Мне следовало заподозрить это еще ночью. Когда он, как обычно, привел к себе проститутку — а потом ушел, сказав, что что-то не понравилась она ему, он

прогуляется немного, а потом, может, другую найдет, получше. Мы разговаривали в баре — я сидела там, пока он находился в номере, потому что мне надоело слышать из-за специально полуоткрытой им двери, соединяющей наши смежные номера, дешевые, наигранные стоны и якобы страстный шепот. И он спустился буквально через час после того, как ее снял, и я ничего не заподозрила в его словах — он действительно отпустил ее очень быстро, хотя обычно терзал проститутку подолгу, — и пошутила еще по поводу его придиричивости.

И он со мной пошутил, деланно сокрушаясь в который раз, что все из-за того, что я отказываюсь стать третьей в его постели. И ушел. А я, посидев еще в баре с час, вернулась и переместилась с имевшейся у меня бутылкой бордо 93-го года — высоко ценимый тут урожай, лучше, говорят, был только в 86-м — на балкон, любуясь морем. А в полтретьего легла спать, решив не дожидаться его возвращения.

Сейчас сколько угодно можно было обзывать себя дурой и кретинкой — но что толку? Это были бы заслуженные оскорбления — я сама дала обвести себя вокруг пальца. Уж слишком мне хотелось верить в то, что все хорошо, — вот и поверила. И сама ему помогла — позвонив по его просьбе позавчера в названный им швейцарский банк и уточнив, не пришел ли перевод на имя мистера Кантора, радостно сообщив ему, что он стал богаче на миллион долларов. И что очень жаль, что в этих деньгах нет моей доли. Недоверчиво погрозив ему пальцем, когда он сказал, что доля моя там есть — ровно двадцать процентов, как и договаривались.

Он почти каждый день звонил в Москву. Я не возражала — потому что знала, что вряд ли кто-то оттуда окажет ему какую-либо помощь. Я знала, что он приговорен десятками людей, что его ищут и стоит кому-то

узнать его местонахождение, проживет он максимум пару дней. И он не идиот, чтобы говорить, где он.

Он и не говорил. Он делал все звонки при мне. Прося кого-то — девушку, по его словам, ту самую, которая принесла конторским его израильский паспорт — через знакомых перевести его деньги, лежащие в Москве, в Швейцарию на фамилию Кантор. Больше он ничего не говорил — только бросал короткие вопросы типа «Что?», «Где?» и «Кто?». И хотя я не слышала ответов, они меня не беспокоили.

Последний звонок он сделал позавчера — после того как узнал от меня, что деньги пришли, и мы отправили в банк составленный мной факс с просьбой перевести сумму, поступившую на имя мистера Кантора, на номерной счет. Это было умно — чтобы никто не узнал, когда он их снимет. И мы отправили факс, потом перезвонили туда еще раз, уточнив все и узнав номер, — а после этого он набрал московский телефон, произнес «все в порядке, через десять дней связь» и дал отбой. И я еще пожурела, что бедная девушка старается для него — а он с ней так холоден. И может, и мне следует быть с ним поосторожнее — потому что он может бросить меня, как только работа будет выполнена.

Вот так получилось, что я ему помогла. Но подумала сейчас, что это все равно было глупо — сбегать в расчете, что теперь, когда у него появились деньги в Швейцарии, контора и ее заказ ему больше не нужны. Ведь я знала название банка и знала номер счета — и он не мог не понимать, что, если он скроется, я тут же доложу все конторе и в банке его будут ждать. Он уже мог быть в Швейцарии, он мог ночью вернуться в Марсель, сесть там на самолет и сейчас прогуливаться рядом с банком, поглядывая на него плотоядно. Рассчитывая завтра утром заявиться прямо к открытию, кое-как объясниться

там с персоналом — обладателю миллиона они бы переводчика нашли без проблем — и снять часть суммы, а часть перевести на кредитку, поменяв заодно номер счета еще раз, чтобы мое знание ничего мне не дало.

Но в любом случае он мог сделать это только завтра. А сейчас было воскресенье, почти двенадцать дня — соответственно два часа дня по московскому времени. Да, я сделала все, чтобы дать ему возможность сбежать, сейчас это было очевидно, — но я могла и исправить ситуацию.

Конечно, в том случае, если он в Швейцарии, ничего выполнять для конторы он уже не станет — если только не заблокировать каким-либо образом счет, который он терять не захочет и пойдет на условия конторы. Но я сомневалась, что они смогут это сделать — скорее всего, если контора среагирует оперативно, его встретят завтра у банка. Но он, как я уже понимала, просто так не сдастся — и им придется его убрать. Если получится.

Я оглядела еще раз его комнату и пошла обратно в свою. Понимая, что мой звонок контору не обрадует. И меня ждут куда большие проблемы, чем ждали бы, если бы он исчез из Марселя после убийства Владимира. Потому что мне придется сказать им про то, что я ему помогла с деньгами, — скрывать глупо, они все равно заподозрят меня и как минимум решат, что я сделала это по глупости. А не скажи я — скажет он, расколется сразу, если дойдет до допроса.

Что ж, неприятности мне были гарантированы. Сейчас не стоило думать о них, лучше было верить, что я все объясню, изложу все так, что моя вина будет казаться минимальной — и степень моей вины будет напрямую зависеть от того, успеют и смогут ли его перехватить в Швейцарии и чем закончится этот перехват. Если его убедят вернуться — я выкручусь легко, если нет...

Не знаю почему, но я не торопилась хвататься за мобильный. Десять минут ничего не решали, я могла обдумать все — настолько спокойно, насколько это возможно. Я ведь могла обнаружить его отсутствие два часа назад, как только встала, — но не обнаружила. Так что суетиться в данную минуту смысла не имело.

Я должна была заподозрить что-то сразу, как только встала. Обычно он любил меня посмущать и входил без стука, явно рассчитывая увидеть меня обнаженной — зная, что я сплю голой и одеваюсь, в смысле накидываю отельный халат, только после душа, перед приходом официанта с чашкой кофе. Вряд ли Северянину так уж нравилось мной любоваться — все же я была не в его вкусе, да и старовата, он двадцатилетних предпочитал. Но тем не менее он входил без стука каждое утро, как только слышал, что я проснулась, — а иногда и будил меня, садясь на мою постель и начиная меня поглаживать.

Это уже был утренний ритуал, без которого обойтись он не мог. Я, правда, всякий раз ему высказывала за это — мне было все равно, что он видит меня без одежды, но вот то, что он видит меня без косметики, мне нравилось меньше. Не то чтобы я уж чересчур сильно красилась и без косметики ощущала себя уродливой — но все же. Однако мои выговоры на него не действовали. И он припирался каждое утро и посреди ночи порой — поделиться подробностями насчет секса с находившейся в его номере проституткой и пригласить меня присоединиться. И каждый день заваливался ко мне в ванную и упорно не желал уходить, рассматривая меня и периодически запуская руку в воду.

Ему нравилось, что я его не стесняюсь, — да он сам был не из стеснительных. Он чуть ли не в первый свой день в Марселе появился передо мной голым — наме-

ренно, на мой взгляд, сразу после душа заскочив в гостиную, где мы сидели с Владимиром. Он якобы не знал, что я у них, — но я не сомневалась, что он услышал мой голос и потому и зашел. Или чтобы посмущать меня намеренно, или чтобы увидеть, какое впечатление он на меня производит.

Кажется, он считал, что при виде его каждая женщина обязана возбуждаться безумно и мечтать только о том, чтобы отдаться ему поскорее. Что ж, это была ошибка. По крайней мере в моем случае. Крепкое тренированное тело — не накачанное до безобразия и бугрящееся мышцами, но именно тренированное, готовое взорваться в любой момент легким резким движением, которое при наличии сверхмускулатуры невозможно, — никакого впечатления на меня произвести не могло. Внушительных размеров член — мне всегда казалось, что такие размеры встречаются именно у невысоких людей скромных габаритов, словно природа намеренно обделила их ростом и весом, вложив все свои силы в то, что ниже пояса, — опять же оставлял меня равнодушной. И потому, что я не считала размер гарантией качества, и потому, что видела слишком много самых разных членов, — и потому наконец, что мужчины давно меня не интересовали.

Единственное, что в нем и в самом деле было примечательно, в его теле, — так это обилие шрамов. Огромный в нижней части спины — оставшийся, видимо, после операции в тюремной больнице по удалению почки, — и куча более мелких. Грудь, живот, верх спины, бедро — они были везде, эти отметины беспокойной Лехиной жизни. Один след от пули, несколько ножевых, о происхождении остальных оставалось догадываться. Да даже на голове были шрамы, старые уже, побелевшие, отказывающиеся прятаться под короткой

стрижкой. Я так понимала, что это последствия той драки в зоне, когда он был один против полутора десятков, и избиения при задержании, когда тяжело раненного топтала толпа озверевших ментов — да и другие столкновения у него наверняка были.

Странно, но вот эти шрамы были единственным, чем могло бы возбудить меня его тело, — будь я другой. Но он этого не знал и потому с удовольствием припирался ко мне голым посреди ночи, и пах потом и выделениями своими и чужими. И потому с удовольствием заскакивал ко мне без одежды и в другое время суток.

А вот сегодня утром он не зашел. Но я ничего не заподозрила, и даже тишина за соединявшей наши комнаты дверью — почему-то закрытой, в то время как обычно он неизменно ее приоткрывал — меня не смутила. Я посмотрела на часы, проснувшись — было без нескольких минут десять, — и подумала, что он спит. Вернулся часа в три ночи с новой девицей и забавлялся до шести-семи — вот и спит. Так что я встала, сходила в душ, потом заказала кофе в номер и долго красилась. И постучалась к нему только около двенадцати.

Я походила потерянно по комнате, все еще не в силах окончательно осознать, что все кончилось. Все было так хорошо, так легко, ничто не предвещало проблем — и тут... И еще что-то было не так в его отсутствии, что-то не укладывалось в схему — но вот что, я пока не знала.

В гостиничном баре, куда я спустилась через мгновение, вдруг подумав, что он сидит там и ждет меня, его тоже не было. Жаль, это была неплохая мысль — что он проснулся рано и захотел позавтракать, но не стал меня будить и пошел вниз сам. И сидит там, и наслаждается видом, попивая кофе с пирожными, которые ему так нравились. Но тем не менее его тут не было — как не

было и на улице. Куда я вышла на всякий случай, сразу заметив отсутствие на стоянке нашей машины.

Это тоже было неправильно. Я знала, что он оставил себе международные права покойного Владимира, — но я не думала, что он будет ездить сам. Человек, не говорящий по-французски и показывающий права на имя некоего Владимира Соловьева, на которого он совершенно непохож, вызовет подозрение у самого тупого полицейского. А когда выяснится, что у этого человека при себе есть еще и израильский паспорт на имя господина Кантора, — это будет уже совсем плохо. Правда, российский загранпаспорт Владимира он тоже оставил себе — но сходство было нулевым.

Кстати, именно на фамилию Владимира он зарегистрировался в отеле. Это была его идея — и я сочла ее разумной. Он высказал ее, когда я увидела, к какой шикарной гостинице мы подъехали, и отказалась в ней поселиться, мотивировав это тем, что за такие расходы мне придется отвечать. Тут он и извлек на свет кредитку покойного. И, выслушав мое замечание по поводу того, что человек по фамилии Кантор не должен рассчитываться кредиткой на чужое имя, — это я просто так сказала, отелю ведь все равно, какое имя ты называешь, ему главное, чтобы на карточке были деньги, и когда они будут снимать с нее сумму, которую ты должен, фамилия фигурировать не будет, — заявил, что пусть его запишут как господина Соловьева. Я, мол, местные порядки знаю, паспорт тут не спрашивают — пусть так и запишут.

Я согласилась — мне тоже не хотелось называть собственную фамилию, достаточно было, что я назвала ее в Марселе. Так что тут я была мадам Соловьефф — почему-то спокойно реагирующая на то, как ее муж снимает каждый вечер проститутку прямо в гостинице и

уходит с ней в свой номер. Но это были уже мелочи. Особенно по сравнению с тем, что произошло сейчас.

Мне было странно, что он взял машину, — проще было поймать такси. Доехать до вокзала, сесть в поезд, идущий в Марсель — а может, и в Ниццу, там ведь тоже есть аэропорт. Но он уехал на ней — не зная языка и дорог.

Я медленно вошла обратно в отель, еще раз обернувшись на бар — в котором он, естественно, не появился за те три минуты, что я стояла на улице. И быстрым шагом направилась к лифту — вдруг затормозив на полпути. Остановленная мыслью, что не стоит бежать в номер в надежде, что он вернулся чудесным образом, — его там нет. И лучше выпить чашку кофе и, возможно, легкий аперитив — и еще раз спокойно все обдумать и понять наконец, что, кроме исчезновения машины, кажется мне странным. Было что-то, что вертелось в голове, — была какая-то неувязка, какая-то кривая шестеренка в выверенном механизме его побега.

Я устроилась за столиком у окна, глядя на шикарные автомобили у входа, на хорошо одетых, беспечно прогуливающихся людей. Курортный город, одно слово. Время, правда, было не слишком подходящее, самый конец октября — но все равно здесь было очень тепло и вполне можно было купаться. Что Леха, кстати, твердо намеревался сделать — пока я не убедила его, что демонстрировать свое тело ему не стоит. Ни на пустом почти пляже — ни в роскошном гостиничном бассейне.

Мы приехали сюда в понедельник днем. В час дня, кажется, поезд пришел, а может, в два. Я думала сначала поехать на машине — но потом предпочла поезд. Я не собиралась больше возвращаться в Марсель, я дос-

таточно там посветилась. А к тому же в съемной квартире по-прежнему лежал труп. Северянин, правда, предложил вывезти его и бросить в воду, но я отказалась. Накануне отъезда в Сен-Тропе перезвонив при нем в контору и объяснив кое-как, что мы оставили не самые приятные следы, которые кому-то предстоит подчислить. А заодно упомянув, куда мы направляемся.

Мы приехали и прямо с вокзала отправились в этот отель, «Ле Библос». Он настоял, что уж если отдыхать, так по высшему классу, а приятель его именно этот отель и называл. Место действительно супер оказалось, и свободные номера были только потому, что не сезон, — даже таксист, везший нас туда, сомневался, что нам удастся там поселиться. Говорил, что обычно забито все, уж больно место престижное. Но нам повезло.

Мне, правда, отель не очень нравился — отделан в византийском стиле с византийской же пышностью и роскошью. Это не мое, я предпочитаю функциональность, и по мне лучше стекло и металл, чем дерево, каким бы ценнопородным и старинным оно ни было. Но зато Северу понравилось. И когда я заметила, что четыреста долларов за ночь за смежный номер, в общем, дороговато, он только рукой махнул — отдыхаем же, чего, мол, жаться, да и деньги все равно не свои.

Мне надо было сразу заподозрить, что что-то тут не так — что он знает название городка и даже отеля. Но я расслабилась. Тем более что вел он себя вполне нормально. Он делал все звонки при мне, никуда не выходил без меня — мы были вместе. И в местном итальянском ресторане при отеле, который, как мне объяснили, пользуется среди местных обитателей жуткой популярностью, — и в не менее модном ночном баре, в котором он и снимал девиц. И по нему незаметно было, что он кого-то ждет тут, кого-то хочет

встретить, — так что оснований для волнения у меня не было.

А к тому же он был со мной необычайно галантен. Даже его приставания можно было назвать джентльменскими — и отчасти приятными, и никак не назойливыми. Он мне сам еще в первую нашу ночь здесь предложил сделать это втроем — ты же, мол, женщин любишь, ну давай на двоих и снимем, — но я отказалась. И в итоге полночи слушала доносившиеся из-за намеренно приоткрытой им двери шепоты и стоны, чисто проститутские, не слишком качественные, хотя я не сомневалась, что контингент тут куда лучше, чем в Марселе, да и берет за свои услуги куда дороже.

Престижный курорт, виллы миллионеров и миллиардеров кругом, в гостиничном ресторане и баре, куда заглядывают сливки местного общества, народ одет так, словно собрался на церемонию вручения «Оскаров» — так что и путаны, тоже разодетые вовсю, почти неотличимые от местной золотой молодежи, должны соответствовать. Но дешевые стоны показывали, что это, увы, не так.

Он не смущал меня своими предложениями. К сексу втроем я в принципе относилась нормально, все это у меня уже было. В первый раз, кстати, из-за конторы, которая в конце восьмидесятых приставила меня в качестве гида-переводчика к одному пожилому американцу, представлявшему для комитета какой-то интерес. Вот я и работала с ним и его женой — возила их по городу и всяким подмосковным достопримечательностям типа Загорска, водила по музеям. Так они еще и по всем магазинам на Горького попросили их провести, и в ГУМ проводить, и в Парк культуры свозить — так вот нестандартно.

Любознательные были до ужаса — за неделю доставили меня основательно. А уж вопросов задавали — язык

отваливался к вечеру. Тем более что отпускали они меня очень поздно — все уговаривали подольше посидеть с ними в ресторане или баре, расспрашивали про квартплату, цены на бензин, вещи и продукты, дискотеки и прочие места отдыха для молодежи. Хорошо хоть о политике мало говорили — им в основном бытовые вопросы были интересны. Писатель он был — забыла фамилию, но в любом случае не самый известный — и приехал сюда в поисках сюжета для очередной книги, почему-то хотел, чтобы в Союзе все происходило. Наверное, рассчитывал, что так она лучше продаваться будет — интерес к СССР был высок тогда за границей.

Я видела несколько фильмов американских, в которых на Красной площади приземлялись вертолеты, а милиционеры были похожи больше на пожарных, а генерал КГБ носил форму, больше подходящую для какого-нибудь африканского царька, так он орденами был увешан. А тут хотя бы человек хотел знать все детали советской жизни, хотел все точно описать — уже хорошо. И хотя мне тяжело было с ними — считай, по тринадцать часов в день без перерыва, — я охотно сидела в гостинице или прогуливалась в их компании допоздна. Мне нравилось с ними работать — а такое нечасто случалось, — потому что они были очень приятной парой. И относились ко мне прекрасно — не в том смысле, что заваливали презентами в благодарность, хотя и это имело место, а в том, что мы с ними были на равных, подружески вполне, несмотря на разницу в возрасте.

В общем, я возилась с ними, и, естественно, ни о каком сексе речь не шла — был бы он один, может быть, но тут была семья, что было лишним плюсом в их пользу. И вот в один из вечеров, когда мы вернулись уже с очередной экскурсии и сидели в ресторане, разго-

вор вдруг свернул на интимные темы. Секс в СССР, сексуальные меньшинства и все такое. Она в основном говорила — приятная женщина лет сорока, выглядевшая куда моложе, не вылезающая из плотно облегающей грудь майки и таких же тесных джинсов. Она очень приветлива была со мной, вежлива и ласкова, все время норовила по руке меня погладить или по щеке — но я ничего не видела в этом. И тут этот разговор, немного странный, — и смотрела она меня как-то поиному. И вопросы задавала тоже странные — нет ли у меня знакомых лесбиянок, нравятся ли мне самой женщины, пробовала ли я когда-нибудь заниматься с ними сексом?

Тема меня устраивала более чем — интереснее цен на бензин и обсуждения плодов перестройки. К тому же у нас были такие классные отношения. Поэтому я и вела себя соответственно — и честно сказала, немного кокетничая, что пробовала, конечно, лет в тринадцать; на мой взгляд, такие эксперименты для девочек, как онанизм для созревающих мальчиков, нормальны и безвредны.

А потом она отошла — и тут я и узнала от него то, ради чего вся беседа и велась. Что жена его бисексуальна, и я ей ужасно нравлюсь, и она очень меня хочет, но стесняется сказать об этом. И если мне этого не хочется, то в этом нет ничего такого, — а если хочется, то он уйдет, оставив нас одних.

Он смущался, говоря об этом, — и посмотрел на меня немного неловко, когда закончил. А мне было любопытно — только и всего. И я кивнула, деланно смутившись на мгновение, — и уже через полчаса лежала разметавшись на гостиничной кровати, чувствуя ее язык между ног, ее пальцы, скользящие по моему телу. Она умела это делать, и ей это нравилось — и мне. Она даже

не ждала от меня ничего, она все делала сама, проникая везде пальцами и языком, целуя, полизывая и покусывая, сочетая страсть и нежность, невесомые почти касания и стискивания до синяков с рычанием и дрожью.

Мне правда было очень приятно — я не чувствовала себя на работе и потому ощущала больше, чем с любимым мужчиной. И потому, уловив момент, сама начала ласкать не опавшее еще тело, показав ей, чтобы она перевернулась так, чтобы мы могли делать это одновременно.

Я не знаю, сколько это длилось — этот жутко откровенный, все переворачивающий секс. Но в какой-то момент я обмякла, устав от оргазмов, нуждаясь в отдыхе, — и отодвинулась от нее, прося со слабой улыбкой передышки. И только тогда заметила его. Я не знала, когда он вошел, как долго смотрел на нас с жадностью и восторгом. Да и мне было все равно — в конце концов, он все уже видел, чего стесняться. Но когда я заметила испуг в его глазах — может, он боялся, что я начну орать на весь отель? — то улыбнулась ему только, показывая, что поводов для беспокойства нет.

И молча смотрела, как он стаскивает с себя ужасно красивую темно-синюю пижаму, тускло блестящую в неярком свете дорогим шелком, — как открывает поросшее побелевшим от возраста белым пухом дряблое тело, на фоне которого выделялся совсем не дряблый орган. Как он садится рядом несколько нерешительно, любовно поглаживая свою жену, немного опасно касаясь меня.

В итоге мы делали это втроем. Она целовала меня, стоя на коленях, а он был позади нее, вцепившись в округлую белизну пигментными пальцами, откидывая голову и закрывая глаза. И кончил с таким криком, что

я испугалась, что он сейчас умрет. Но не умер — просто откатился в сторону и не сводил с нас глаз.

Она интересовала его куда больше, чем я, — мне это нравилось. Хотя в середине ночи, которую я провела у них, кажется, он побывал и во мне. Не помню точно, потому что она не успокаивалась и я на каком-то этапе перестала понимать, что именно в меня входит, что оказывается у моих губ. Я даже не помню, как заснула. Такое было в первый раз, и это было куда лучше, чем все, что было до этого, — может, оттого и воспоминания остались самые яркие.

Так что в предложении Севера ничего такого я не видела. Сразу, еще как только услышала его в первый раз, сказав себе, что если он выберет проститутку, которая меня устроит, — почему нет? Но вкусы у нас с ним были слишком разные — потому в его постели вместо трех человек были двое. И хотя к сексуальной теме он возвращался раз по десять в день, я видела, что мой отказ его не задевает — может, потому, что я умею отказывать не обижая. Отказывать так, что человек понимает лишь, что я кокетничаю и потому и оттягиваю согласие — которое он обязательно услышит, скорее рано, чем поздно.

Мы взяли напрокат машину в первый же день — «рено-сафран». Этаким компромисс между моим предложением не понтиться и его желанием взять нечто типа «БМВ». По крайней мере, рядом с забившими отельную стоянку «мерседесами» и прочими супермарками типа «порше» и «ягуара» наш «сафран» смотрелся вполне на уровне — все-таки по местным меркам машина недешевая. Я, правда, не понимала, зачем она нам нужна, но Алексей настаивал, а я не хотела с ним спорить. В конце концов, он так легко согласился поменять с поездкой в Париж — что в моих глазах было

равноценно согласию там, в Париже, перейти под контроль присланных из конторы людей, — и я была ему за это благодарна.

Я, кстати, думала, что они прилетят прямо сюда — чтобы его забрать у меня. Там ведь не могли не понимать, что Леха опасен, коль скоро убил Владимира, — и я рассчитывала, что уже к среде тут появится пара человек, которым я его передам. Я даже согласна была добраться с ними до Парижа — почему нет? — а там попрощаться навсегда.

Я ждала их — пусть я не сказала название отеля, но их тут, в конце концов, не так много, да и надо было бы — они бы мне перезвонили и уточнили все. Но никто не появлялся, никто не звонил. Словно они очень серьезно восприняли мои слова о том, что Северянин хочет иметь дело только со мной, — и не хотели пока выходить на сцену. Или — или все же следили за нами тут, уже не слишком доверяя мне и потому не открываясь.

Мне не понравилась эта мысль — о том, что мне могут не доверять. Я знала, чем кончается недоверие конторы, — это несложно было себе представить. Но если бы они следили за нами, Север не ушел бы никуда. Или он был сейчас у них — а контора, проверяя меня, ждала моего звонка с докладом? И в случае отсутствия этого самого звонка сделала бы относительно меня свои выводы?

Наверное, для аперитива было все-таки рановато — но я заказала себе кампари с содовой и кофе и, сделав первый глоток, посмотрела на часы. Двенадцать десять — то есть Северянин отсутствовал уже одиннадцать с лишним часов. Вполне достаточно, чтобы раствориться навсегда.

Я не преуменьшала своей вины — после напряженных дней в Марселе, особенно двух последних, я с ра-

достью воспользовалась передышкой. Забыв, с кем имею дело, не обращая внимания на странности, которые насторожили бы меня раньше. На то, например, что мы изъездили все пригороды Сен-Тропе на арендованном «сафране» — потому что Алексей вознамерился присмотреть себе подходящую виллу на будущее. Я восприняла это как игру — его полушутливое заявление, что неплохо бы прикупить тут особнячок где-нибудь через годик и зажить мирной жизнью. И охотно в нее включилась — тем более что ему интересно было мое мнение.

«Ну помоги выбрать, Анна, мы ж партнеры с тобой теперь, может, вместе поселимся или по соседству. А че, десяток работ сделаем, смоемся от твоих этих, будем жить. Море под боком, кабаки супер, вино твое любимое. Да и девки тут класс — каждый вечер будем новую на двоих снимать. Как тебе?»

Я не собиралась делать с ним дела — но игра казалась мне безобидной и даже интересной. Как идея выбрать место, в котором обоснуешься навсегда, выйдя, так сказать, на пенсию. И мы стали играть. Каждый день часов в двенадцать или в час отправляясь в путешествие по Сен-Тропе и его окрестностям. Исколесив все вокруг, пока он не остановил свой выбор на одной из вилл минутах в сорока — пятидесяти езды от нашего отеля. Она мне не нравилась, на мой взгляд, она была слишком роскошной. А вот он в нее влюбился буквально. Так, что это уже мало напоминало игру — а скорее манию. Хочу, куплю, будет моей — он твердил это как заведенный. При том, что явно покупать в ближайшее время ничего не собирался.

Мы нашли ее в среду, после визита к риэлтеру. Я отказывалась ехать, но он упрямил — они, мол, тут привыкли к богатым нашим, тут на Лазурном берегу у чиновников всяких дома свои и новых русских, ну пусть и

думает, что мы из таких. И я сдалась — в конце концов, мне предстояло лишь выступить в качестве переводчицы некоего мистера Соловьефф, и ничего стремного я в этом не видела.

Нас приняли весьма любезно — более чем. Я так поняла, что русских тут и вправду ценили — как весьма выгодных клиентов. И мы просидели там, наверное, целый час, потому что Алексей очень серьезно вел эту беседу и задавал вопрос за вопросом — о порядке цен, о том, что выгоднее, купить или арендовать, и какие именно виллы могут сдать ему в аренду, и какие из арендованных в настоящее время вилл освободятся в течение ближайшего полугода, он бы с удовольствием их посмотрел, не тревожа тех, кто живет там сейчас. И вообще предпочел бы арендовать виллу, которую до него арендовал русский, — доверяет он, мол, вкусу соотечественников.

Мне показалось в какой-то момент, что его интерес уже выходит за рамки игры — игра ведь тем и хороша, что детальная информация не имеет значения. Желать иметь что-то теоретически и визнавать дотошно адреса и цены — это разные вещи. Но риэлтер не напрягался, даже расхохотался, когда я перевела Лехину фразу насчет того, что он доверяет вкусу русских. Хотя у меня сложилось впечатление, что ему, как и мне, нравятся далеко не все вопросы — он заметил даже вскользь что-то про конфиденциальность и все такое, — просто он не хочет этого показывать. Не хочет отталкивать потенциального клиента. Тем более что Леха вел себя так, словно и вправду в самое ближайшее время планирует здесь поселиться — и, возможно, порекомендовать Сен-Тропе своим влиятельным друзьям, которых тоже интересует вопрос приобретения недвижимости за границей.

Мы улыбались, мы смеялись и шутили — я по привычке, а Леха, как мне казалось, искренне, — и полицейских либо агентов Интерпола мы не напоминали. Так что он был с нами откровенен, этот месье Дессаж.

— Наверное, я могу с относительной уверенностью сказать, что одна из вилл, которая могла бы вас заинтересовать, освободится до конца года. — Он сказал это уже напоследок, когда у Северянина иссякли вопросы, а у меня терпение. — Дело в том... В общем, дело в том, что человек, который ее арендует, — у него проблемы с полицией. Нет, нет, он не преступник, конечно, наши клиенты очень порядочные люди, — но в настоящий момент решается вопрос о выдворении его из страны. У него что-то не в порядке с документами, кажется, — так говорили по телевизору. Он очень богатый человек, месье Бондаренко, он живет здесь почти год, и у него очень хороший адвокат — но аренда оплачена до тридцать первого декабря, и пока он ее не продлевал. Из чего я могу заключить, что вполне возможно, что вилла вскоре освободится. Я, конечно, не могу вам показать ее, месье Соловьефф, — нынешнему арендатору это вряд ли понравится, — но вот посмотрите фотографии. Я не сомневаюсь, что это то, что вам надо...

И Леха пропал. Он минут тридцать еще рассматривал снимки этого большого белого двухэтажного дома с гигантским бассейном — заговорщически попросив меня уточнить пока цену, условия аренды и прочие мелочи. И я спрашивала и записывала, а он изучал снимки с дотошностью маньяка, случайно нашедшего порножурнал. В конце концов, к моему облегчению, попросив у риэлтера визитку — и заявив, что в любом случае объединит все указанные в данном нам списке адреса.

— Алексей, вы кого-то ищете? — спросила в лоб, как только мы оказались на улице. Я все-таки убеждена

была, что было слишком много вопросов для праздного любопытства. Правда, мы оказались здесь случайно, в Сен-Тропе — он сам собирался в Париж, и если бы не контора с ее просьбой не торопиться, мы бы уже были там. Но все-таки было ощущение, что он заигрался, — потому что я точно знала, что ничего покупать он не планирует. Я, конечно, была не в курсе, сколько он заработал своим ремеслом, — но все же сомневалась, что названные Дессажем цены ему по плечу.

— Слушай, ты про меня ж знаешь все! — Он улыбнулся, рассеивая мои подозрения. — Это меня ищут, а мне искать некого. Просто мечта у меня давняя, с зоны еще — поселиться где-нибудь у моря в хорошем доме. Чтоб дом белый обязательно и чтоб бассейн был — а в нем девки голые. Да шучу насчет девок — а насчет остального нет. Там холодно было, в зоне, паскудно — Бутырка по сравнению так просто санаторий, — ну вот и мечтал. Понимаешь? А про русских че спрашивал — я ж сам русский, надо ж знать, что земляки предпочитают...

Я кивнула. Он легко все так объяснил, что я даже удивилась собственной настороженности, улыбнувшись ему в ответ. И мы отправились на экскурсию по Сен-Тропе и его пригородам, останавливаясь то там, то тут. Наконец притормозив неподалеку от той виллы, на которую он так запал в офисе, — той самой, нынешний жилец которой впал в немилость у властей.

— Слушай, отпад, а? Во гады живут, прикинь? Давай поближе подойдем, что ли?

Я удивилась, что он в ней нашел, — те, что мы видели до этого, были ничуть не хуже, даже лучше. Но к ним он отнесся спокойно — а эта чем-то его привлекала. Можно сказать, притягивала — потому что он вдруг выскочил из «рено» и пошел не спеша в сторону виллы.

Когда я вышла, он уже был метрах в десяти от высокого белого забора. Нам не стоило здесь задерживаться, потому что коль скоро у живущего здесь были проблемы с законом, полиция вполне могла вести наблюдение за домом и зачислить нас в число подозрительных лиц. Но я тут же сказала себе, что мы ведь обычные туристы, таких, как мы, тут, наверное, немало, а к тому же мы не вторгаемся в частные владения, мы просто смотрим. Но тем не менее я вздохнула с облегчением, когда Алексей вернулся обратно.

Я не знаю, что он мог увидеть там — кроме высокого забора и решетчатых ворот с видеокамерами над ними, к которым он предусмотрительно не приближался. Но может, ему было достаточно и этого — ведь фотографии того, что за забором, он уже видел. Не просто видел — изучал прямо-таки, жадно впиваясь в них глазами.

— Слушай, давай вокруг объедем, а? Ну отпад, натуральный отпад!

Его восхищению этой виллой не было предела. Оно наивностью отдавало какой-то детской, и потому я пожала плечами. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы свалить не думало — примерно так. И мы объехали забор и встали по его просьбе с другой стороны — и он начал примериваться, кажется, намереваясь залезть на него и заглянуть внутрь, благо с этой стороны камер не было. Но я отговорила, к счастью. Частная собственность — на Западе понятие святое, и покушаться на него мне совсем не улыбалось. За это и в полицию забрать могут. А объяснять там, что у нас паспорта на одни фамилии, а зарегистрировались мы под другими, потому что бегаем, к примеру, от частного детектива, нанятого его гражданской женой и моим гражданским мужем, — слишком муторно и путано и неправдоподобно.

Мы приезжали сюда и в четверг, и в пятницу — то есть мы мотались по разным адресам, но сюда приезжали неизменно. Он напоминал мне об этом всякий раз, чтобы не забыла, что ему надо сравнить увиденное сегодня с тем, что так запало в душу. И со все усиливающимся интересом рассматривал ее то с той, то с этой точки. И признаться, уже начал утомлять меня разговорами о том, что, если все будет классно, он ее возьмет. Мне не хотелось говорить ему, что не слишком умно после убийств в Париже селиться тут, — да я и не сомневалась, что против этого категорически будет контора, с которой он планировал сотрудничать и дальше.

В пятницу мы, кстати, чуть не попались на глаза владельцу — я так думаю, что это он выехал на серебристом пятисотом «мерседесе» в сопровождении двух машин охраны и проследовал в сторону города. Мы, к счастью, были метрах в пятидесяти от его забора — поэтому на нас никто не обратил внимания. Но для меня это был лучший показатель того, что с этим любованием пора заканчивать. Тем более что мы должны были в этот день приехать в Париж, и Северянин об этом знал, и не мог не видеть, что со вчерашнего дня, когда мы по его просьбе опять отложили отъезд, настроение у меня не такое классное, как было. Ну не плохое — но похуже, чем вначале.

— Все, Алексей, — наша игра может закончиться печально, — сказала твердо, когда он сел в машину. — Нам с вами только не хватало вступить в конфликт с охраной. Не то чтобы я сомневалась в ваших способностях — но боюсь, что они совсем не арабы и вместо ножей достанут пистолеты. И вообще нам с вами еще вчера утром надо было уезжать — а мы, похоже, остались только ради того, чтобы в очередной раз приехать сюда...

— Анна, перестань... — Он был так мягок и бесконфликтен, что все мои попытки заговорить с ним жестко вязли и плавилась в его непротивлении. — Знаешь, между нами... Это ж говорить легко — того убрать, этого убрать. А чем работа закончится, никогда ведь не знаешь. Да хоть все просчитай — мусор какой-нибудь случайно рядом окажется и шмальнет тут же. Так что, может, я в последний раз отдыхаю — а ты...

Скажи он это резко, я парировала бы, что такая уж у него работа, он сам себе ее выбрал. Но замечание его было спокойным и философским, безо всякой патетики. И он был прав в общем, я не могла этого не признать.

— Ну хорошо — только пообещайте мне, что мы уедем завтра, — произнесла примирительно.

— Обещаю — в воскресенье, — он подмигнул мне хитро. — Не, сюда не надо больше — че душу-то терзать? Лучше отдохнем по полной — по городу пошатаемся, в кабаке посидим, с девчонкой повеселюсь напоследок — и все. Договорились, ладно? С меня подарок — поехали покупать...

Я развела руками, показывая, что лишний день здесь меня не слишком радует. Но в конце концов он ведь имел, наверное, право на исполнение желания перед рискованным делом? Да и какое значение мог иметь один день, если мы все равно собирались ехать в Париж? Если у нас были такие классные отношения и я не ждала от него подвоха?

Мне не нужны были его подарки, к тому же сделанные на деньги конторы — которая почему-то не закрыла кредитку Владимира, демонстрируя неслыханную щедрость и предоставляя Северу возможность шиковать. Но я приняла в итоге его презент — после долгой поездки по магазинам выбрав очередное кольцо от Мюглера, за

которое он выложил почти две тысячи, и совсем не франков.

А вот теперь было ясно, что он просто со мной хитрил. Он расслаблял меня своим отношением ко мне, своими галантными приставами и деланными переживаниями по поводу моих отказов. Я только не могла понять, почему он не исчез сразу после того, как узнал с моей помощью, что его деньги уже в Швейцарии, — то есть прошлой ночью? Но имело ли это сейчас значение?

На часах было почти двенадцать сорок. И я призывно улыбнулась официанту, тут же подскочившему, прося его принести еще кампари и еще кофе. Твердо говоря себе, что ровно в тринадцать ноль-ноль пойду наверх. Тянуть бессмысленно, перед смертью не надышишься все равно — да и не убьют же меня за это, наверное. Лишат прежней жизни — это точно, но хоть какой-то я еще поживу. Хотя понятно, что уже никогда не верну себе того положения, которое имела.

— Ваш заказ, мадам. Могу я сделать для вас что-нибудь еще?

Я улыбнулась ему через силу, чувствуя, какой натянутой получилась улыбка. Интересно, что он подумал, глядя на меня, всю такую трагичную и усугубленную? Что я переживаю из-за измен мужа — возможно, он не случайно назвал меня мадам, возможно, тут весь отель в курсе, что приехавший недавно русский ежевечерне снимает в баре проститутток при живой жене? Или что я алкоголичка, находящаяся в постоянной депрессии и выходящая из нее ненадолго только после приличной дозы?

Ярко-красная жидкость разбилась на два потока — один потек вниз по желудку, согревая все внутри, а второй рванул вверх, в голову, затопив ненужные мысли,

проясняя сознание. Я вдруг поняла отчетливо, что показалось мне странным еще в номере, как только я заметила его исчезновение, — странным и не вписывающимся в хитроумную схему его побега. Это было до смешного просто — но понадобился глоток кампари, чтобы все понять. Он должен был меня убить — или хотя бы нейтрализовать каким-то образом на один день, чтобы успеть снять деньги со швейцарского счета. А он почему-то этого не сделал.

Я снова поднесла высокий стакан к губам, чувствуя себя значительно лучше. Все же он не был гением, Леха Северянин, он делал ошибки — а значит, должен был ошибиться еще раз. А значит, у конторских были все шансы его перехватить и вернуть сюда — тем самым смягчив претензии ко мне со стороны начальства.

Что ж, получалось, что все не так уж и плохо. Я не в первый раз уже замечала, что лучше не паниковать преждевременно — всегда находится какой-нибудь выход, пробивается откуда-то светлая мысль, отыскивается спасительное решение. Так, как сейчас.

Двенадцать сорок семь. Мне оставалось просидеть здесь еще тринадцать минут — и идти наверх и звонить. У меня оставалось еще полстакана аперитива и кофе на дне чашки — и я потянулась за сигаркой, лучшим аккомпанементом к тому, что стояло передо мной.

— Так и знал — пьешь с утра пораньше. Ну что за женщина — на минуту отойдешь, а она уже в баре...

Я даже не дернулась — я медленно подняла голову, глядя непонимающе и неверяще на подходящего ко мне Алексея, улыбающегося радостно, приглаживающего рукой влажные отчего-то волосы, сажающегося напротив.

— Анна, кончай пьянствовать — мы же уезжать собирались, нет? Давай-давай, пойдем собираться — или собралась уже? Или знаешь — давай перекусим, может,

перед отъездом? Голодный — ужас, слона б сожрал... Ты чего, а? — Он был излишне весел, как-то нервно весел, но все же понял, кажется, что со мной не все в порядке. — Заболела, что ли? Ты кончай болеть-то — у нас дела впереди. И вообще сама виновата — надо здоровый образ жизни вести. С меня б брала пример — разминаюсь по утрам, гуляю, секс опять же. А ты что — бар—ресторан, ресторан—бар. Давай так — раз нам вместе работать, будем твой образ жизни менять. Пробежки, спортзал, и пить поменьше, и курить бросай. Идет?

Я молчала. Я отдавала себе отчет в том, что это он, и, значит, он никуда не сбежал, и все идет по плану. И все прекрасно, и завтра утром мы будем в Париже, и через пару часов после приезда он перейдет под контроль тех, кто уже ждет его там. А еще я отдавала себе отчет в том, что смотрю на него, словно он свалился с Луны, — и это глупо, но я ничего не могу с этим поделать.

— Анна, ты чего? — Он посмотрел на меня с демонстративной озабоченностью. — Если напилась, кивни хотя бы — потащу тебя протрезвлять. Если не напилась, говори, в чем дело. Не то молчишь тут, меня пугаешь. Я-то думал, обрадуешься, поесть мне закажешь — а ты...

— Я вам рада, Алексей, — выговорила наконец, чувствуя себя разорванной какой-то, двуликой. С одной половиной, готовой взорваться идиотским смехом и начать подпрыгивать до потолка — в то время как другая половина задумчиво-философична. — Вообще-то я решила, что вы уже в Швейцарии...

— Все пьянство твое, Анна! — Он был в жутко хорошем настроении, и оно лезло из него, струилось, окружало его этаким нимбом, видным, кажется, на большом расстоянии. — За ленчем вино, за обедом вино, вечером опять вино, и ночью снова оно — ну тут чего хо-

чешь примерещится. Да и воздержание твое еще — каждую ночь слышишь, как телки подо мной визжат, понятно, что голова кругом, а все упрямишься. Вот и результат...

Он был не прав — я выпивала весьма умеренно, а к тому же это было вино, у меня к нему была привычка, как у итальянки или француженки. А что касается воздержания, то я гладила себя под доносившиеся из его комнаты стоны, представляя себе куда более красивую картину, чем та, что была за моей дверью, и испытывая не менее сильные оргазмы, чем он сам. Это было приятно — приятнее, чем то, что я почувствовала бы, окажись вместе с ним и его пассивностью в соседней комнате. У меня мелькнула мысль пошутить на эту тему, скрыть таким образом, о чем думала до этого, — но не получилось.

— А где же вы были, могу я узнать? — осведомилась сухо, абсолютно не опасаясь испортить ему настроение, которое, кажется, ничто не могло омрачить. — Ночью вы не возвращались, утром вас нигде не было — равно как и машины, кстати. Так что мне было думать?

— Так ты решила?... — На лице его появилось настолько изумленное выражение, что я на мгновение ощутила себя идиоткой. — У нас же уговор с тобой, Анна, — я за свои слова отвечаю, ты знаешь...

— А что мне было думать? — повторила уже немного по-иному, уже не тупо, не обвинительно, но стараясь объяснить свою позицию. — Что вы переехали на эту виллу, просто забыли взять меня с собой?

— Виллу? — Он снова изумился, но в это изумление я уже не верила, слишком он в нее влюбился, чтобы не понять сейчас, о чем речь. — А, ты об этом. Да не — просто такую девчонку нашел, вообще отпад. Погулял по набережной, пришел обратно в бар, тебя уже нет —

ну, думаю, Анна спать легла. А тут смотрю — девка класс. Молодая, длинная, ну манекенщица натуральная. Волосы черные, глазищи здоровые — ну супер. Ну подсел к ней, вина взял — и давай на пальцах объясняться. Хотел тебе показать, а будить жалко стало. Потусовались мы с ней тут, я ей выпить заказал, потанцевали, все дела. Зову в номер, она никак. И показывает — хочешь, поехали отсюда, еще потусуемся. Я и просек — не шлюха, нормальная девчонка местная, из города. Поднялся тихо, ключи от тачки взял и к ней — сама вежи, не знаю тут ничего. Ну она меня и повозила по местам тут всяким тусовочным. А потом купаться поехали — ну там и это, прям на пляже. Ну ночка, я тебе скажу — кончаю и кончаю, как молодой, никак остановиться не могу. Так путаны эти надоели, озверел от них — а тут полный кайф. Прикинь — я ж не спал еще. С пляжа к ней, продолжать — а потом обратно купаться. А потом она меня досюда довезла — и все... Ты че, ревнуешь, что ли?

Все было так просто и так понятно — но мне это не пришло в голову. Я сидела тут как дура и думала черт знает о чем — в то время как этот гад расслаблялся с девицей. И додумалась до того, что даже не могла улыбнуться ему толком, посмеяться, слушая его рассказ, подшутить.

Он рассказывал и рассказывал — про ее дом, про обалденный пляж, про ее тело и всякие подробности их совокупления. А я молчала, курила и молчала. Вдруг заметив, как все, кто был в баре, обернулись на экран телевизора, — и уставилась в него, глядя через плечо Алексея, тоже обернувшегося туда.

— Слушай, может, пойдем в кабак, поедем нормально перед дорогой? — Он начал вставать, загораживая от

меня экран, но я отклонилась, не столько глядя, сколько слушая. — Ты прикинь, как я жрать хочу после такой ночи, а? Ты меня слышишь, Анна?

«...Три часа назад на своей вилле в окрестностях Сен-Тропе был застрелен некто Виктор Бондаренко, подозреваемый французской полицией в связях с организованной преступностью. Предпринятая месяц назад попытка выдворить Бондаренко за пределы Франции не увенчалась успехом, поскольку адвокат Бондаренко заявил, что имеющаяся у правоохранительных органов информация, что его клиент занимается чем-либо противозаконным во Франции, не подтверждена документально. Равно как и заявление полиции, что он является главным представителем русской мафии за пределами России.

Адвокат признал, что Виктор Бондаренко несколько лет назад отбывал в России тюремное наказание, — однако заявил, что его подопечный был не криминальным, но политическим заключенным, преследуемым властями за инакомыслие. А перепечатанная французскими газетами статья из русской прессы, в которой говорилось, что Бондаренко скрылся во Франции, чтобы избежать уголовного наказания, и, живя здесь, налаживает контакты между преступностью России и Запада, в частности, поставку наркотиков в бывший СССР, есть не что иное, как газетная утка.

В следующем месяце в суде должен был рассматриваться иск Бондаренко к целому ряду французских газет, однако жизнь расставила все по своим местам. Убийство Бондаренко было заказным и было совершено профессионалом высшего класса. Несмотря на то что при убийстве неотлучно находились пятеро телохранителей, а вилла была оборудована современной сигнализацией и видеокамерами, помешать киллеру не смог никто.

Сорокадвухлетний Бондаренко был застрелен посреди белого дня, прямо у своего бассейна. Каждый из двух выстрелов был смертельным. Киллер внезапно появился и внезапно исчез — ни охрана, ни поспешно прибывшая на место преступления полиция не нашли никаких следов убийцы и пока не могут даже предположить, откуда был произведен выстрел. Телохранители показали, что незадолго до выстрелов слышали что-то напоминающее шум вертолета, откуда, возможно, и прозвучали выстрелы.

В любом случае понятно, что покушение разрабатывалось не один день и в проведении операции по устранению русского крестного отца принимали участие десятки человек. И есть сомнения в том, что страшное преступление, всколыхнувшее тихий курортный город, а за ним и всю Францию, когда-либо будет раскрыто...»

— Анна, ты меня слышишь, а? Я с голодудохну — а ты ни с того ни с сего ящик этот смотришь. Че хоть говорят-то там?

Надо отдать ему должное — ведь он тоже развернулся к телевизору и, хотя не понимал, о чем речь, не мог не заметить сменяющие друг друга картинки с изображением его любимой виллы. Или, может, все еще считал, что меня легко можно провести? Что ж, у него были на то основания — но не в этот раз.

— Да, да, Алексей, я вас слышу, — сказала тихо и устало. — У вас была бурная ночь, и вы очень хотите есть. Я все прекрасно поняла. Что ж, пойдемте в ресторан. А что касается телевизора — ничего там не было такого, просто ерунда. Лично к нам не имеющая совершенно никакого отношения...

18

— Че? Какой Бондарь? Слышь, ты меня не припутывай — на мне и так всего хватает. Ну были мы там, в городишке этом, и че? Ты знаешь, сколько народу к Бондарю претензии имело? Мы вон с Анной сами только в аэропорту узнали — точно, Анна?

Я кивнула. Не сразу, но кивнула. Мне самой очень хотелось побеседовать с ним на эту тему — просто пока не было возможности. Да мне и не хотелось — все и так было ясно.

А теперь я рассчитывала, что все разговоры кончились — для меня по крайней мере. Я привезла его сюда, я позвонила предварительно в Париж, сказав, когда мы прилетаем, и вот теперь сидела здесь, в машине того, кто нас встретил. И ждала, пока передача из рук в руки завершится — и я буду свободна.

Я не сомневалась, что те два выстрела в Сен-Тропе были его рук делом. И миллион долларов, переведенный ему в швейцарский банк, — это были не его деньги, которые он хранил где-то в Москве, а аванс за убийство или весь гонорар, проплаченный вперед. Все зависело от того, кем именно был покойный — чего я пока не знала — и насколько нужно кому-то было его убрать.

Я не сомневалась, что он взял этот заказ еще до убийства Владимира — или по крайней мере начал переговоры. Значит, тот был прав, говоря, что Север вполне может сделать нужные звонки из публичного дома, благо ему есть чем рассчитаться — сташенными из карманов Владимира деньгами. Я принимала все это за паранойю — а оказалось, что он был прав.

Что ж, Север был даже хитрее, чем можно было предположить. Сразу просчитал ситуацию, оказавшись во Франции, и решил заработать все, что можно. Видимо, он знал еще до того, как сел, что есть желающие рассчитаться с этим Бондаренко, а может, и в тюрьме узнал. И сделал звонок кому-то, заявив, что готов выполнить работу. Я знала, что он достаточно умен для того, чтобы не говорить, что он во Франции, — он мог назвать любую соседнюю страну, будь то Италия, или Швейцария, или Германия, или Испания.

Я много думала об этом — и в автобусе, и в самолете потом — и пришла к выводу, что он намеренно убил Владимира. И мне совсем не случайно казалось, что он провоцирует его на столкновение. Да, тот сам был не прав — а к тому же он был прямолинеен там, где Алексей был гибок. И в итоге в нужный Северу момент рванул в лобовую атаку — а тот, изящно уклонившись, нанес по-тореадорски один-единственный удар, отточенный и смертельный.

И ко мне Север вернулся не случайно. Он убедился, что я не тороплюсь никому звонить, он стал мне доверять после второго нашего откровенного разговора и решил использовать меня для того, чтобы из Парижа вместе уехать в Сен-Тропе. Отсюда и его разговоры о дальнейшем сотрудничестве. Он выполнял задание конторы во французской столице, оставлял себе оружие, ставил условие, что все дальнейшие контакты идут че-

рез меня, а сам уезжал со мной на Лазурный берег. Просто потому, что ему нужен был рядом кто-то, кто знает язык, кто поможет устроиться и освоиться.

А все вышло еще проще. Он услышал от меня про оружие и потому и вызвался пойти на встречу с морячком. Наверное, заранее решив, что если все получится, то сначала он поедет в Сен-Тропе. Убедив меня либо заявив жестко — или так, или никак. А оттуда уже в Париж — почему нет? А тут я пришла к нему на помощь, предложив не торопиться, проехаться по стране, — вот и назвал город, в котором якобы хотел побывать, о котором якобы слышал от своего кореша. Он ведь заранее изучил карту, он заранее знал, что от Марселя до Сен-Тропе два шага.

А все эти байки насчет давней мечты жить у моря — только я могла на такое купиться. Того же Владимира он не купил бы этим никогда. Можно, конечно, было возразить, что потому-то Владимир мертв, а я жива, — но все-таки я слишком легко купилась. И ездила с ним как дура, выясняла все, засветилась рядом с ним в отеле и, что еще хуже, около виллы Бондаренко. И, что совсем плохо, в конторе риэлтера. Который, если он не дурак, сопоставит, что к чему, и опишет и меня, и Севера. Потому что наивно думать, что он проглотил Лехины истории, что Алексею удалось запутать его так же, как меня. Но ведь даже я заподозрила, что слишком много любознательности в его вопросах — и вряд ли риэлтер этого не понял.

Так что выходило, что я во всем помогала Лехе, четыре дня подряд подвозя его к этой вилле, вставая то здесь, то там, объезжая ее со всех сторон — давая ему возможность все оценить и выбрать место для стрельбы. И мне ведь даже и в голову не пришло, что происходит — он ведь хитро все обставлял, мы ведь и по другим

местам мотались. Но это было для отвода глаз — все эти многочасовые поездки предпринимались ради того, чтобы провести тридцать — сорок минут около нужной ему виллы.

Он усыпил полностью мою бдительность — и сделал то, что надо. Видимо, ночью сам приехал к вилле, рискнув сесть за руль «рено», поставил машину в укромном месте — скорее всего у пляжа, где она вряд ли бы бросилась кому-то в глаза, — занял загодя позицию, а в девять с чем-то утра сделал два выстрела. Пути отхода он продумал четко — так что риск был минимальным. Я так поняла, что он вернулся к машине и еще умудрился искупаться на пляже — и потому-то и появился в гостинице с влажными волосами, и ради меня, и ради местных работников.

Он рисковал собой — это бесспорно. Тот, кому он звонил, от кого получал заказ, мог ведь отдать кому-то другому заказ на самого Леху — чтобы его кончили прямо в Сен-Тропе. Ведь именно тот человек назвал ему город, сказал, что Бондаренко арендует виллу, и заодно, чтобы легче было отыскать цель, сообщил, что у того проблемы с властями, — значит, при наличии той же информации настоящий профи вычислил бы крутящегося около виллы Северянина. И убрал бы его — а вместе с ним, возможно, и меня. И то, что этого не произошло, я могла объяснить только тем, что Леха был кому-то очень нужен живым, здоровым и свободным, — или тем, что он перехитрил всех, пообещав приехать в Сен-Тропе через неделю, скажем, после получения денег, а сам уже находился на месте и был готов стрелять.

Я могла оценить его рисковость, когда она не касалась меня. Но он рисковал и мной. И если честно, я не очень уютно чувствовала себя и когда мы уезжали из

гостиницы, и в аэропорту Ниццы, и в парижском Орли. Я не видела нигде усиленных полицейских патрулей — возможно, никто и не собирался особо искать убийцу Бондаренко, потому что его смерть снимала с местных властей головную боль, связанную с его депортацией, — но от этого не было легче. Не было легче и от того, что я заранее оповестила отель, что в воскресенье мы скорее всего уедем. Возможно даже, имело смысл задержаться там на пару дней, чтобы никто не считал наш отъезд или заранее продуманным, или чересчур поспешным. Но я не хотела там оставаться — где-то рядом был риэлтер, который, узнав о смерти своего русского клиента, наверняка вспомнил чересчур любопытных визитеров, интересовавшихся виллой покойного.

Так что все было понятно и без разговора с Севером. Который не имел никакого смысла. Он знал, что я знаю, а я знала, что он знает, что я знаю, — этого было достаточно.

Он был по-прежнему галантен и любезен со мной — на протяжении всей дороги до Парижа. Заигрывания, комплименты, сожаления по поводу отсутствия у меня интереса к нему как к мужчине, надежды, что я изменю свое мнение в Париже, — я слушала это все шесть часов подряд. И улыбалась в ответ, хотя и вяло, и даже произносила что-то ничего не значащее — замыкаться в себе и вообще не разговаривать с ним было бы слишком по-детски. Но все это время я размышляла о своем. Главным образом о том, что мне надо срочно покинуть Францию — потому что уже завтра наше описание, данное риэлтером, будет в каждом аэропорту и каждом отеле, на каждом вокзале и в каждом прокате машин.

Мне надо было сообщить Северянину только одно. Что я никому не скажу, что он получил миллион долла-

ров с моей помощью, и не назову номер счета. Это было невыгодно прежде всего мне самой — этим идиотским поступком я, по сути, поставила под угрозу всю операцию конторы, — но это было невыгодно и ему. Так что я промолчу об этом — а он не будет настаивать на нашем дальнейшем сотрудничестве. Потому что после того, как он рискнул мной, я не собираюсь находиться с ним рядом. Но я не успела сообщить ему это — в аэропортовском зале нас встречали.

Я сразу поняла, что это к нам — эти двое крепких, здоровых ребят, один из которых шагнул ко мне, улыбаясь широко и протягивая одинокую розу и называя мое имя. Называя таким тоном, словно он жутко по мне скучал и фантастически рад меня видеть — хотя понятно, что мы никогда не встречались до этого. И я улыбнулась ему в ответ, столь же радостно его поприветствовав. Успев заметить, как второй оказывается чуть позади Севера — и, судя по брошенному им в сторону косому взгляду, где-то поблизости есть и третий.

Леха тоже это заметил — легко усмехнувшись, показывая им, что все понял. Но когда я вместе с тем, кто вручил мне розу, пошла вперед, аккуратно придержал меня под локоть, замедляя мой шаг, притягивая к себе, заставляя идти рядом. Вырываться было бессмысленно, и я аккуратно освободила руку, только когда мы вчетвером оказались у машины — у синего «Пежо-605».

— Ну что ж, я надеюсь, мы можем попрощаться прямо здесь, — произнесла тихо, но твердо. — Спасибо, что встретили, — дальше я доберусь сама. Прощайте, господа, было очень приятно познакомиться...

Эта краткая прощальная речь была подготовлена заранее — еще пока мы шли к машине. Мне понятно было, что я тут не нужна, — их минимум трое, и они уже находятся здесь какое-то время, и в любом случае ори-

ентируются на местности не хуже, чем я, в Париже вообще не бывавшая. Плюс у них есть тут человек, которому мы должны были звонить, — явно живущий здесь и собравший в наше отсутствие информацию по двум объектам.

— Ты че, Анна? — На лице Алексея, стоявшего сбоку от меня, было удивление. — Кончай, садись.

Все замялись как-то, это было видно. Значит, я им и вправду была не нужна — или, наоборот, нужна и очень. Мне важно было это понять, и я посмотрела на того первого, прикрывшего глаза на мгновение. И, поколебавшись, села на заднее сиденье. Чуть подвигаясь, давая место Северу, тут же севшему рядом. Опустившему свою руку на мою.

Он вел себя так, словно мы и в самом деле были партнеры. Словно не он подставил меня сегодня утром — подставил так, что мне надо было уезжать отсюда как можно быстрее, лучше прямо сейчас.

Мне показалось, что он хотел мне что-то шепнуть — но не успел. Оба сопровождающих, севших спереди, развернулись к нам.

— Значит, халтуришь на стороне? — поинтересовался тот, который шел сзади. — Мы тебя вытаскиваем, а ты и Бондаря до кучи.

Тут-то Леха и произнес свою изумленно-гневную отповедь — закончив ее тем, что мы с ним сами узнали о случившемся только в аэропорту. Повернувшись ко мне, как бы прося подтверждения.

Они смотрели на меня все втроем. И я кивнула. Решив в долю секунды, что сейчас не время и не место это обсуждать — они и так начали разговор не в том тоне, повторяя ту же ошибку, которую сделал Владимир. Правда, их тут было минимум трое — я заметила мужчину, смотревшего на нас из соседней машины, тоже

не трогавшейся с места, — но ведь им нужно, чтобы он сделал дело, а значит, нужны нормальные рабочие отношения. А вот они, похоже, считали по-другому. И я сказала себе, что этим кивком помогла им — помогла избежать первого конфликта. Хотя обязательно шепну потом, что это Лехиных рук дело — им надо это знать.

— Я его из пальца валил, что ли? — Вопрос был несколько глумливый, словно Северянин поражался идиотизму спрашивавшего. — Или думаешь, я в отеле объявление повесил — куплю ствол?

Они промолчали. Я только сейчас сообразила, что они ведь не знали, что Север забрал-таки оружие у курьера, — я не сказала, потому что когда говорила с конторой в первый раз, он на моих глазах удалился в порт вслед за тремя моряками. А потом забыла. Сейчас поняв, что мне не следует об этом говорить вслух, — я не имела права впутывать его в получение оружия.

Мне показалось, что конторские несколько растерялись — быстро переглянувшись, быстро решив исправить оплошность и продемонстрировать свою крутость.

— Потом разберемся! — Первый, так и не назвавшийся, добавил в тон суровости. — А сейчас другие дела у нас. По деньгам все как договаривались изначально — семьсот. Минус тот полтинник на кредитке, которую ты себе в карман положил. Делаешь дело — получаешь деньги и паспорт, латиноамериканский тебе сделали, гражданин Панама ты теперь...

— Клиенты-то кто?

— Потом, — жестко бросил первый.

— Я спрашиваю, клиенты кто?

— Знаете, может, вы обсудите это позже? А если хотите сейчас, то я, пожалуй, выйду — давно не курила...

— Да кури здесь, Анна! — Леха был сама любезность, хотя ведь понимал, что я ничего не хочу слышать об этих делах. — Так кто клиенты, говоришь?

— Один наш бывший, один местный. — Первый решил явно уступить. Для него этот момент не был принципиальным — все равно ясно было, что я потом узнаю из тех же газет. Да и Север тоже как-нибудь узнает. — Наш этот — делать нечего, охраны ноль, живет в обычном доме, только район хороший. Когда-то приличные деньги сделал, свалил сюда пару лет уже — потом оказалось, перед отъездом в компьютерах банковских покопался, и приличные бабки ушли с ним. Живет тихо — квартирка за пару лимонов, «мерс» трехсотый, а больше никаких понтов. Пешком ходить любит, никого не боится — знает, что не пришьешь ему ничего. А второй — тут похуже все. Тачка с охраной сопровождает, в его машине водитель и еще один, оба вооруженные. Дом такой, что не подойдешь. Миллионер, а то и миллиардер. Дело у него одно, хороших людей пускать туда не хочет — а заодно кое с кем из наших, российских то есть, крутые бабки крутит...

— А нашего сами не могли, что ль? — Вопрос прозвучал издевательски.

— Все, закончили! — резко оборвал его первый. — Короче, шестьсот пятьдесят, бабки и паспорт после всего. И...

— Не пойдет. — Леха сказал это спокойно, скучающе так. — По деньгам лимон ровно, половина до первой работы, после первой остальное вместе с паспортом. Первым нашего, вторым ихнего. И это — не на рынке, кончай торговлю. Или так — или никак...

Оба напряглись — в то время как Леха даже не смотрел на них, поглядывал безразлично в окно. Я в который раз отметила, что он хладнокровен. Он вполне мог

перегнуть палку таким поведением — но этого не боялся. То ли верил слепо, что он слишком всем нужен, — то ли знал, что в случае чего сможет повернуть все в свою пользу.

Он отвернулся наконец от окна, усмехнувшись в напряженные лица. А эти по-прежнему тяжело смотрели на Леху, стараясь задавить его взглядом, — и вдруг отвернулись один за другим, почувствовав, видимо, что ничего не получается.

— И еще — Анна со мной будет. Как гарант — понятно? Что не так — одним работничком меньше у вас...

«Ну и сволочь!» — пронеслось в голове, но я еще думала, стоит ли что-нибудь говорить, когда он вдруг сжал слегка мою руку. И, встретив мой равнодушный взгляд, подмигнул мне еле заметно. Словно у нас с ним были какие-то свои секреты, словно он говорил это специально для них. Первый это заметил — и я резко вырвала руку, отодвигаясь демонстративно.

— Анна, ну шучу же я, ты ж знаешь. Я ж тебе верю — а им нет. Вы, мужики, без обид — сами знаете, что с обиженными делают. Да и ясный день, что мусору только лох поверит. К вам спиной повернешься — пулю всадите...

Абсолютно ненамеренно, но он приподнял их этими словами, и они приободрились заметно, и часть крутости прежней, угасшей на моих глазах, начала, кажется, возвращаться. Просто потому, что они не услышали того, что он вложил в это слово — «мусор».

Я вдруг подумала, как это странно — что он, сам бывший мент, не может скрыть ненависть, злобу, презрение к представителям этой, так сказать, профессии. Я бы поняла, если бы он был классическим вором в законе, живущим по понятиям, — да и то уже изменилось все в отношении к ментам. Криминалу без тесных контактов с милицией не прожить. Кто предупреждать

будет, помогать, отмазывать? Через кого так легко по-квитаться с конкурентами? Кто наведет на денежных пассажиров?

И тем не менее бывший мент Леха Север своих экс-коллег не переваривал. Всегда спокойный, уравновешенный — он вкладывал в слово «мусор» столько эмоций, сколько не вкладывал в куда менее приятное слово «пидор». Мне стало интересно почему — я сама придумала себе этот интерес, чтобы не думать ни о чем, тем более все молчали пока. И я сказала себе, поразмыслив, что эту ненависть он принес с собой из зоны — видимо, произвол ментовской там был на высшем уровне. Плюс та история с девицей, многократно пользованной начальниками и конвоирами — а потом уже допускаемой до своего любовника.

Может, ему казалось потом, когда он все узнал, что все они смеялись над ним за его спиной. Он ведь такой крутой был среди заключенных, чуть ли не король зоны — а самая последняя тварь в форме за его спиной трахала его девицу, издеваясь над ней как захочется, зная, что отказа от нее не будет. Сделает все, лишь бы увидеть своего Леху.

Наверное, это было так — я сочла это самым логичным объяснением. Может, потому, что неслучаен все же был тот его рассказ про зону и эту девушку, — и мне показалось, когда он говорил, что вся эта история сидит где-то глубоко внутри его и порой переворачивается там, больно скребя внутренности острыми углами. Он им не мог забыть не то, что они делали с ней, — а то, что, делая это с ней, они унижали его. Для него с его гордостью это было худшим оскорблением, за которое он платил всем людям в форме.

Парадоксально, но факт — сбежав из зоны с ненавистью к ментам, из-за этой самой ненависти хладно-

кровный суперкиллер Леха Север снова оказался за решеткой. Присланная мне на дискете история его попадания показалась мне странной тогда — а сейчас, когда я об этом задумалась, она представлялась логичной.

Там говорилось, что попал он совершенно случайно. То, что он киллер высшего класса, известно никому не было — заказы он получал через посредника и выполнял их тайком от своей братвы, с которой перебрался в Москву из родного города. А все остальное время был с ними — как бы в стороне, но с ними. И потому в тот злополучный для себя день вместе с двумя другими оказался на вещевом рынке, который его бригада по его же, кстати, инициативе решила взять под себя — прибыли-то бешеные, выгоднейшее ведь дело.

Правда, там не говорилось, почему он пошел на рынок сам — все же он был вторым человеком в бригаде, но при этом неформальным лидером и легко мог бы стать первым. Если бы захотел, если бы не работа на стороне, нравившаяся ему, видимо, куда больше. В любом случае ему достаточно было дать команду и отправить на рынок своих людей — но он поехал сам. Посмотреть, как там и что, щелку найти, в которую влезть можно и вытеснить всех, кто с рынка получает. И так ходили они втроем по рядам, присматриваясь, — и, естественно, бросались в глаза. Леха, как утверждала дискета, был в длинном пальто — и я не сомневалась, зная его, что под пальто был костюм от Версаче и туфли, естественно, дорогие и модные. Так что понятно, что он бросился в глаза местной охране. Которую часто нанимают для всяких рынков контролирующие эти рынки бандиты — которым самим на такие мелочи отвлекаться неохота.

Охрана, заподозрившая что-то, сама лезть побоялась — позвонили ментам, у которых пункт был при

рынке. Те подошли втроем, позвали охрану, окружили этих — пройдемте, мол, проверка документов. Документы у Лехи были, это факт — фальшивые, но он же жил с ними, и ничего. Но тем не менее, когда менты завели троих в помещение, оставив охрану снаружи, Леха выхватил из-под пальто автомат. Думаю, ему достаточно было просто его достать — менты бы отдали оружие, дали бы себя связать и были бы счастливы. Но тем не менее Северянин уложил всех троих одной очередью в упор. И вместе со своими сподвижниками бросился бежать.

Ему не повезло — выстрелы на рынке слышали все. И стоило перепуганной охране вызвать милицию, как у рынка оказались две или три случайно проезжавшие мимо патрульные машины. Все по закону подлости — потому что обычно милиция всегда отсутствует там, где она нужна, а тут оказалась на месте.

В общем, пока Северянин со своими через рынок бежал к машине, менты уже перекрыли выход. Двое Лехиных, увидев такое, затерялись в толпе, так и не нашли их — а Леха, как самый дерзкий и рискованный, пошел на прорыв. Уложив в упор еще одного человека в форме и умудрившись смертельно ранить другого — уже пятого по счету, — причем на бегу, стреляя через плечо. Опять же на бегу пробил очередью колеса метнувшейся наперерез патрульной машины, чудом не задев тех, кто в ней сидел. И уже был у своего джипа, когда кто-то слепым неприцельным выстрелом попал ему в почку, а потом и в легкое.

Это могло показаться смешным, но было правдой — суперкиллер едва не погиб из-за своей ненависти к бывшим коллегам. И кажется, готов был пойти на конфликт сейчас — по крайней мере мне это было понятно. Но я сказала себе, что мне на это наплевать. Теперь наплевать. Потому что я не собиралась тут оставаться.

В «пежо» царила тишина, свидетельствовавшая о некоторой растерянности встречавших, так и сидевших вполоборота к нам, кажется, не знавших, что предпринять и как себя вести. И я вышла из машины, доставая сигарку и прикуривая — давая им возможность разбираться без меня. Буквально тут же увидев, как вслед за мной вылезает из машины первый — и, отойдя чуть в сторону, достает телефон. И не удивилась, когда через какое-то время он дотронулся до моего плеча, неслышно подойдя сзади, и протянул мне трубку.

— О, Анна, рад вас слышать! — Голос шефа, как всегда, был приподнят. — Надеюсь, у вас все в порядке? Ваш подопечный ведет себя нормально, ничего не натворил?

Я поняла, о чем он, и задумалась на мгновение.

— Может быть — точно не уверена, — ответила тем же тоном, каким говорил со мной он. — Должна вам сказать, что с мужчинами ужасно тяжело. Их не поймешь и за ними не уследишь. Сейчас он говорит тебе комплименты и пытается тебя поцеловать — а потом выясняется, что он отсутствовал ночью в своем номере, развлекаясь с кем-то еще. И не говорите мне, пожалуйста, что рядом с такой женщиной, как я, мужчина не может думать ни о ком другом. Так что вы понимаете, мистер Головин, что в этой ситуации я просто не могу оставаться с ним — он компрометирует меня своим поведением...

— Да, да, я понимаю... — Голос в трубке смолк, но тут же проснулся снова: — В любом случае хотел вас попросить уделить ему еще некоторое время. Это моя личная просьба, Анна, — я буду вам очень обязан. Понимаете, человек, о котором я просил вас позаботиться, он очень для меня важен, наша фирма возлагает на него особые надежды. Профессиональные гиды — это пре-

красно, но ваше присутствие — это совсем другое. Да, я знаю, что вы сами никогда не были в Париже, — но все же я доверяю вам куда больше, чем любому знатоку местных достопримечательностей...

Он замолчал, давая мне возможность все осознать и переспросить, если будет нужда. Но ее не было.

— А если — если вдруг выяснится, что вам пора уезжать, позвоните мне, я приму меры. И вообще — звоните мне, даже если возникнут самые незначительные вопросы. Заранее вам благодарен, Анна, — вы так мне помогли. Кстати, совсем забыл — я же хотел пригласить вас в Москву. Проезд мы оплачиваем, гостиницу, разумеется, тоже — все за наш счет. Очень хотелось бы повидать вас — а заодно обсудить темы следующих материалов. Вы же знаете, как мы ценим ваши статьи. Между прочим, у вас тут накопился солидный гонорар за предыдущие публикации — сможете закупить кучу подарков к Рождеству. А заодно я смогу вас отблагодарить за ваше содействие...

Какие, интересно, меры он планирует принять, если выяснится, что у полиции есть мое описание? Переправит меня в Москву дипломатическим багажом? Или вывезет в чемодане в Лондон? Меня не обманул его веселый тон — я знала, что не все так просто, как это звучит. И что, наверное, он заботится обо мне — но ему очень важно, чтобы это задание было выполнено. И ему важно, чтобы я была рядом — то ли потому, что он не слишком доверяет этим, потому что это не его люди, то ли потому, что его личная заинтересованность в успехе очень и очень велика. Настолько, что он сулит мне сейчас приличную сумму в качестве премии. Но разве эти двадцать — тридцать тысяч — в лучшем случае пятьдесят — являются стимулом для риска?

— Вы поможете мне, Анна?

— С превеликим удовольствием, — произнесла игриво. — Хотя предпочла бы, чтобы на месте вашего человека были вы сами...

Все условности были соблюдены, конспирация тоже, и я быстро попрощалась, жестом показывая предупредительно отошедшему первому, что я закончила. И снова втянула в себя ароматный дым, все еще стоя спиной к машине, словно все еще раздумывая, словно не желая поворачиваться, до того как приму решение — которое было принято за меня.

Которое лично я никогда бы не приняла...

19

Рука, скользнувшая между моих ног, была мужской. Я поняла это по тому, как она раздвинула их легко. И приподняла голову, открывая неохотно глаза, вырываясь из того сладкого тумана, в котором была.

Конечно, это был он. Отодвинувший проститутку в сторону и устраивающийся поудобнее между моих ног, придерживая здоровый член, готовясь ввести его в меня. Думая, что не сразу пойму — а потом мне так понравится, что я и возражать не стану.

— О нет, — прошептала по-французски, для нее специально — покачивая головой, чтобы он понял. А на всякий случай еще и легко погрозив ему пальцем. — Нет...

Я двинулась назад всем телом, опираясь на спинку кровати, принимая полусидячее положение. Он не отводил от меня глаз, и я показывала ему на нее — перевернув ее на спину, глядя, как Леха пристраивается перед ней. И садясь ей на лицо, повернувшись к нему, сцепившись взглядами, видя, как учащаются его резкие, сильные движения.

Это было невозможно — но мне казалось, что между моих ног не ее язык, но его член, проникающий через нее в меня. Так не могло быть — хотя бы по анатомическим причинам, — но ощущения отрицали реальность.

И потому я, дрожа от ее старательных влажных прикосновений, смотрела на него так, словно делаю это с ним. И готова была поклясться, что он в тот момент чувствовал то же самое...

Это была его идея. И я согласилась — потому что своими приставаниями он меня утомил. И потому что понимала, что мои рассказы о моей нетрадиционной ориентации могут показаться ему сказкой, специально придуманной, чтобы от него отвязаться, — а мы были партнеры, ему ни к чему было иметь такие мысли. И еще я понимала, что увидь он меня в постели с девушкой, увидь, что мне нравятся ее ласки — и больше приставать он ко мне не будет, я в это верила. И потому согласилась — хотя он, кажется, на это не рассчитывал.

Это была наша пятая ночь в Париже. И четвертая в этих апартаментах, найденных мной без особого труда — здесь, в этом городе туристов, поселиться можно где угодно и без проблем, от пятизвездочного отеля до ночлежки для малоимущих приезжих типа студентов. А нам нужны были апартаменты — неподалеку от центра, но не в слишком престижном месте, уютные, но не слишком большие, в неприметном доме, но с отдельным входом.

Вообще-то эти, конторские, привезли нас на квартиру, в которой, как я поняла, собирались жить вместе с Севером — все втроем, но скорее вдвоем, потому что третий, похоже предпочитал нам не показываться, хотя я его видела и Север, возможно, тоже. Не слишком умно было парковаться рядом в аэропорту — а мне несложно было догадаться, что коль скоро мы сидим тут двадцать минут, выясняя отношения и не трогаясь с места, а в соседней машине сидит какой-то мужчина, поглядывая на нас, значит, он имеет к ним самое прямое отношение.

Так что таков был их план — держать Северянина под постоянным контролем. Однако Север, узнав, куда мы приехали, покачал головой:

— Не, не пойдет. Я даже в камере один сидел. С меня вашего кореша хватит, который меня в Марселе доставал. Не моется ни хера, на всю квартиру воняет — да еще понтов куча и тупой вдобавок. Да еще и пидор, похоже, — на баб не смотрит, а на меня косится...

Я не сомневалась, что он специально это сказал, — я почувствовала, как он собрался, готовый молниеносно среагировать. Как угодно — в зависимости от того, как поведут себя они. Я не знала, знакомы ли они были с Владимиром и если да, то насколько близкими были отношения, — но, зная конторский принцип «разделяй и властвуй», не верила, что он был их другом. И что сейчас они, забыв обо всем, попробуют разобраться со спровоцировавшим их Севером.

Они уже не пытались давить его взглядами или возражать — они молчали. Я думаю, их здорово задевало его поведение — но они понимали ведь, что сделать ничего не могут. То есть они точно не сомневались, что сломают его, если захотят разобраться физически, — хотя я сомневалась. Он вел себя жестко с ними, он ставил их на место, показывая, кто они и кто он и как они будут общаться дальше — так, словно они были в одной камере или в зоне. И они, может, и верили в свои силы, но, к счастью, отступали пока — мне только не хватало драки прямо в машине, которую, на мой взгляд, выиграл бы Север, или выхватывания оружия с попыткой его усмирить, которая закончилась бы или случайным выстрелом, или тем, что ствол перешел бы в его руки.

Но у них были указания оставаться в рамках. И первый вышел опять и снова звонил. И значимо кивнул, вернувшись, — словно откажись он, это что-то измени-

ло бы. Но он хотел таким образом сохранить лицо — и она жутко смешно смотрелась со стороны, его напускная важность, при том что все мы прекрасно знали, что он только что согласовал все с Москвой, поскольку не имел права на самостоятельное решение.

— Вы можете поселиться там вдвоем, — разрешил первый запоздало. — То есть если Анна не против тут остаться...

— Да Анна-то не против, — оборвал его Леха. — Я против. Знаю я вас — небось прослушки там напихали уже, а то и глазки повсюду. Не, я так не могу — мне интим нужен, а вы ж и в сортире снимать будете. Да и Анна девушка стеснительная...

Он так усмехнулся при этих словах, что можно было понять его как угодно. Но, правда, не добавил ничего такого — типа того, что я сплю голый или что я люблю женщин, — такого, что показывало бы им, что наши отношения не совсем деловые. Но и эта фраза могла заставить их насторожиться.

— Короче — в отель везите. В нормальный какой-нибудь. Смежный номер на двоих и все дела. А камер ваших я нахавался уже. Хотите пасти — там и пасите. Хоть на пороге спите — ваше дело...

И мы поехали в мотельчик на окраине, найденный в имевшемся в их «пежо» толстом путеводителе по Парижу. Север, правда, поначалу возражал против мотеля — ему «Хилтон» подавай как минимум, — но я жестко сказала, что так будет лучше, и он тут же согласился со мной, проявив редкую покладистость. А утром я сделала пару звонков, и мы приехали сюда — в удобную трехкомнатную квартиру неподалеку от набережной Сены.

Это было странно, но они пошли в итоге почти на все его условия. И уже не пытались его обламывать — я так думаю, что они и в самом начале вели себя так чи-

сто для понта, рассчитывая, что контора оценит, если они его поставят на место, но быстро сдались. И утром второго дня, после того как отвезли нас на эту квартиру — в агентство, ведающее арендой, они заходили сами и платили тоже сами, нам не стоило светиться, — отдали ему чемоданчик, в котором было ровно пятьсот тысяч. И чуть позже, выполняя очередное пожелание-приказ Северянина, подогнали к дому специально для нас арендованную машину — «Пежо-306».

Единственное условие, которое они не приняли, — это выплата второй части гонорара после выполнения первого этапа задания. Единственное, но для Севера очень важное — хотя он и не рассчитывал, похоже, что они на это пойдут.

А так они шли на все — и это проявление доброй воли со стороны конторы было необычным. Оно показывало, что конторе очень нужно, чтобы он сделал дело, — но одновременно и настораживало. Не знаю, как его — но меня точно. Мне было, естественно, плевать на его дальнейшую судьбу — но я бы предпочла, чтобы, если они решили кончить его после всего, они осуществили это не здесь и уж в любом случае в мое отсутствие. Появись в газетах его портрет, кто-то в Марселе или Сен-Тропе может его узнать — и вспомнить про меня. Конечно, мертвый отличается от живого — а контора обычно все делает хитро, маскируя под несчастный случай, произошедший с неизвестным типом без документов, который не интересен ни полиции, ни газетам. Но по закону подлости может произойти что угодно.

Пока нам везло — я покупала ежедневно кучу газет, и ни в одной ничего не было о странной паре, навещавшей риэлтера в Сен-Тропе и изучавшей снимки виллы Бондаренко. И крутившейся потом около этой самой

виллы — и уехавшей через несколько часов после убийства. Это ничего не значило, конечно, полиция могла скрывать информацию — но это Запад, здесь журналисты быстро все узнают, так как за сенсации им неплохо платят. Так что мне казалось, что это хороший знак — то, что в огромных детальных статьях, печатающихся вот уже несколько дней во всех крупных газетах, нет даже упоминания о нас.

Наверное, мне надо было позвонить шефу и выяснить, что будет с Севером дальше, — аккуратненько так, мне ведь и намека хватит, чтобы я поняла, — но пока я на это не решилась. А с теми, кто встречал нас здесь, я, естественно, не разговаривала — они могли сами ничего не знать. А если и знали, то не обязаны были мне говорить. Да и в любом случае я не оставалась с ними один на один — Алексей всегда был рядом.

По ним я ничего не могла понять относительно его дальнейшей судьбы. То есть видно было, что они злобятся на него, им неприятна та ситуация, в которой они оказались, и наверняка бесит, что они вынуждены выполнять его указания, — но я не видела по ним, что они знают точно, что ждет его впереди. В них не было такого превосходства — командуй, мол, тварь, мы тебе потом покомандуем, когда работу сделаешь, — или просто я не могла его заметить.

Впрочем, можно сказать, что я их и не видела толком. Они приезжали утром, и Северянин спускался и садился в их машину — а минут через пять спускалась я и садилась в «пежо». И, заранее зная маршрут и держа на соседнем сиденье карту города, ездила за ними по всем тем местам, которые они показывали ему. По тем точкам, в которых часто бывают Лехины, так сказать, клиенты.

Эта была инициатива Алексея — чтобы я ездила за ними. Я ему твердо сказала в первый же вечер, что остаться я осталась, ладно — но светиться рядом с ним не собираюсь. И если он рассчитывает, что я буду ездить вместе с ним по маршрутам или ходить с ним в рестораны, он глубоко заблуждается.

— Да ладно, че ты — я ж об этом и не просил. Думаешь, мне тебя подставлять интересно? — Он был весь такой понимающий, готовый на компромисс, демонстрирующий мне, что ценит меня и уважает и совершенно не собирается мной рисковать. — Ты лучше сзади едь на своей тачке. Ну надо ж тебе город знать — вдруг когда еще тут работать будешь, да и скучно одной-то тут сидеть, а? А так поездишь, Париж посмотришь. И никакой засветки. Я о тебе, Анна, забочусь — мы ж партнеры, забыла, что ль?

Мы снова были в прекрасных отношениях. Даже в лучших, чем в Сен-Тропе. И это не моя инициатива была — это все сделал он. И почти сразу после того, как мы оказались в мотеле, полез ко мне мириться. Примерно через полчаса после того, как мы приехали. Я сразу ушла в душ, я чувствовала себя несвежей с дороги и закрыла за собой дверь на задвижку, чего не сделала бы раньше, — а когда вышла, он уже аккуратно, художественно так разложил на столе купленные мной по дороге сандвичи и салаты. И предусмотрительно приобретенная бутылка красного вина была открыта.

— Ну как тебе? — Он явно гордился собой. — Будем гонорар обмывать. Завтра привезут — четыреста мои, сотка твоя...

Я отрицательно качнула головой.

— Ты че, Анна? — На лице было нечто вроде обиды. — То дверь закрываешь, проведать себя не даешь, — то от денег отказываешься. Ты кончай, слышь?

— Большое спасибо, Алексей, — но ваши деньги мне не нужны...

— Ты на это, что ль, обиделась — на гаранта? — Он округлил глаза, демонстрируя высшую степень изумления. — Ты правда, что ль? Ну, Анна, ну даешь! Да я ж специально — для них. Ну чтоб тебя не подставлять перед этими. Чтоб не подумали, что у нас уговор с тобой. Ну че я им скажу — мы с Анной кореша, у нас с ней план на будущее есть? Ну понимаешь, а?

Я немного удивилась — он и так чувствовал себя королем положения, он спокойно ставил им условия, но, похоже, ему было важно, чтобы между нами были наилучшие отношения. Видимо, потому, что он, естественно, не доверял конторским, но знал, что может доверять мне — и обмануть меня тоже может.

Следующие минут десять он говорил — столько комплиментов в свой адрес я не слышала давно. Он умел убеждать — этого я не отрицала, — вот только со мной этого делать не стоило. Я и раньше не обольщалась насчет его расположения ко мне — может, именно в силу того, что оно мне лично было совершенно не нужно, только для работы, — а уж после всего случившегося в Сен-Тропе и после его слов, произнесенных в Париже, оно мне было совсем ни к чему.

— Бросьте, Алексей. Там подставили, тут заложницей объявляете — а завтра что будет?

— Подставил? — Он посмотрел на меня непонимающе, но я молчала, и он, устав ждать, хлопнул себя по лбу. — А, ты про Бондаря? Ну ты ж пойми — скажи я тебе, ты б меня живьем съела. А тут такой вариант! Не я, так кто другой бы его... Знаешь, сколько его народу завалить хотело? Ты че думаешь, у него проблемы тут были с мусорами местными — из Москвы постарались. Он же вор, законник — сечешь? Из Москвы свалил, тут

жировал, а оттуда только бабки получал на счета свои. Вроде сам не при делах — менты московские плотно до него докопались, он уж столько бабок выложил, а напряг снять до конца не смог, вот и отвалил пересидеть — а людей своих так напрягал, что выли они. Вот кто-то из них все и организовал — и статейки в газетах, и мусорам проплатил, чтоб в Интерпол данные на Бондаря закинули. Вальнуть не могли просто — может, некому. А может, боялись. Мне под него работу сделать предлагали еще перед тем, как я попал, — тогда отказался, за границей тяжело работать, да и стремно. А тут звоню и говорю — лимон баксов и есть работа. А потом перезваниваю — как раз когда узнал, что ствол в Марселе надо забрать, — а там уж готово все, есть заказ. Так что дело-то старое — тогда не доделал, сейчас пришлось. Надо ж форму поддерживать — да и тебе показать, что способен кое на что...

— Я так и поняла, — произнесла холодно. — Вы очень убедительны...

— Да кончай, Анна! — Он отказывался оставить меня в покое. — Отсюда уедем, до бабок тех доберемся — двадцать процентов твои. Если бы не ты, хер бы я че сделал, и Бондарь бы жил сейчас — а так у меня лимон в банке. У нас с тобой. Ну плохо тебе — двести штук, а?

Я слушала молча, разглядывая лежащие передо мной сандвичи — куски багета, проложенные ветчиной, салями, тунцом, сыром и зеленью, конечно. И только протянула руку к бутылке, как Север, схватив ее первым, наполнил мой стакан — а потом и свой.

— Давай за нас, Анна. Первое дело мы с тобой классно сделали — все путем прошло, и денег подняли. Тут сработает — еще столько же поднимем. Ты думаешь, я не оценил, что ты этим про Бондаря не сказала? Я тебе верю так, как никому не верю, — и ты мне верь. Со мной не пропадешь — я за слова отвечаю. Ну, за нас?

Я улыбнулась — впервые за этот день. Я прекрасно понимала, что он лезет сейчас из кожи вон только потому, что я ему нужна тут, в Париже, — и если бы не он, может, контора бы и не настаивала на моем присутствии здесь, может, я уже летела бы в Канаду или Штаты ближайшим рейсом. Но при плохой игре лучше всего делать максимально хорошую мину — а к тому же, коль скоро я осталась, проще было быть с ним друзьями. И я подняла свой стакан.

— Ну что ж, давайте за нас. Хотя боюсь, что с кем пропадешь, так именно с вами...

Так что с тех пор мы снова были лучшие друзья — и еще и лучшие партнеры. Причем партнерство меня целиком и полностью устраивало. Я ездила за ними следом, но никогда не парковалась прямо за ними, никогда не выходила из машины, когда выходили они, чтобы показать Лехе то или иное место, и соответственно с ними не разговаривала. Я заходила вслед за ними в рестораны, когда они делали перерыв на ленч или обед, — но садилась отдельно. Так что я нигде не светилась пока, и меня это устраивало.

С ним мы тоже никуда не ходили — я закупила запас продуктов, свежий хлеб приобретала в ночном магазине по пути обратно, так что обедали мы в квартире, благо там была микроволновка. Да и если честно, мы достаточно поздно приезжали, чтобы есть, — в течение трех дней мы мотались по этим точкам до часу ночи, так что после возвращения аппетита уже не было никакого. Я делала ему сандвичи, если он хотел, — а для себя нарезала камамбер и открывала вино. А где-то в три мы ложились — а в десять за нами приезжали эти, и все начиналось сначала.

Мы ездили по одним и тем же местам — несколько шикарных ресторанов и баров, дорогой многоквартир-

ный дом в престижном шестнадцатом аррондисманте, в котором, как я понимаю, обитал бывший наш соотечественник, особняк в пригороде, офис явно преуспевающей фирмы, которой, я так понимаю, руководил клиент номер два. Они изучали каждое место из машины, подъезжая с разных сторон, потом выходили и прогуливались вокруг. А я стояла то в десяти, то в пятидесяти метрах — в зависимости от наличия свободного места у тротуара, с которым в Париже существуют большие проблемы, — готовая тронуться, как только тронутся они. Мирно рассматривая серый дождливый город, поблескивающий мокрым асфальтом, и прославленных мировой литературой и кинематографом парижан и парижанок, которые в реальной жизни выглядели самыми обычными, ничем не примечательными людьми.

Мы не говорили с ним о том, что ему предстоит. Он только фыркнул презрительно после первого дня совместных поездок, высказавшись в том плане, что чертовы советчики ему надоели, говорят слишком много, а сами лохи в этом вопросе натуральные. И что первого могли бы и сами сработать — человек прогуливается каждый вечер неподалеку от дома, подходи и делай что хочешь, — но не могут, видать. А поворачивают все так, что проверить хотят, каков он как профи. Он был возмущен явно — тем, что великого Леху Севера проверяют как мальчишку, может он или нет.

— Ты прикинь — будто с пацаном дело имеют. Боятся небось, что я тогда дел на себя набрал впустую, — один хер вышка за ментов. Я ж следаку тогда ляпнул, что в историю войти хочу, — вот твои и боятся небось, что сам-то я пустой, просто рядом стоял с тем, кто стрелял, а то и просто слышал от кого и чужие грехи на себя взял. Следак-то всего в три-четыре места меня вывозил

на эксперимент этот следственный — с остальными не успел. А я не лепил — просто думал, что сдохну сегодня-завтра, вот и рассказал. Ну и в историю хотелось, чем скрывать — не то сдохну, никто и не узнает, кто такой Алексей Афанасьевич Северянин. А так статейек понапишут всяких, следак, может, книжонку черканет. А сейчас мне чего, этим объяснять — верьте, граждане начальники, в самом деле душегуб я и убивец?

— Алексей, я ничего не хочу об этом знать, — сказала твердо, и больше он к работе не возвращался. Не обсуждая со мной вообще ничего — даже планы на будущее, о которых я как раз не прочь была бы услышать. Он столько распинался о них до приезда сюда — а тут молчал, и это было странно. Мне даже показалось, что он опасается, что в наше отсутствие они установили тут подслушивающее устройство, — иначе я ничем не могла объяснить его молчание.

Что ж, он был предусмотрителен. Это был вполне возможный вариант — «жучок» где-нибудь в квартире и в телефонной трубке заодно, хотя никто из нас никуда не звонил, разумеется. Все-таки я была убеждена, что конторских тут трое — но так как третий никогда не показывался, то не исключено, что он действительно поработал тут в наше отсутствие, а по ночам дежурил у дома, чтобы мы никуда не ушли, а заодно слушал разговоры. Правда, мне не хотелось совсем, чтобы нас слушали — Северянин столько распинался о своих чувствах ко мне, пусть и полушутя, а я так же полушутя выражала недоверие и обвиняла его в том, что он бабник, что слушающий точно решил бы, что между нами что-то есть. Но уж тут я ничего не могла поделать — это была любимая тема Северянина, и обрывать его всякий раз было бы лишним.

В целом мне было тут достаточно комфортно, в Париже, — насколько это возможно. Мне удавалось ни о чем не думать, о будущем в том числе, — я отложила все мысли на потом, на тот момент, когда он закончит работу. Я даже не хотела размышлять о том, почему он тянет, если сам говорит, что с первым клиентом работа пустяковая. Мне казалось, что в этом что-то есть, в его неторопливости. Но с другой стороны, это было их дело — его и конторы. Им и решать было, кого, где и когда.

Я точно знала, что их ежедневный маршрут включает места, в которых бывают оба клиента, — значит, они рассчитывают убедить Севера начать с более сложного задания и потом выполнить более простое. И разговорами о необходимости проверки на более простом деле к этому его и подталкивают — чтобы он из желания им доказать, кто он такой, начал со сложного. Им бы это было выгоднее — но я убеждена была, что он на это никогда не пойдет. Потому что понимает, что освободили его исключительно ради сложной работы, а легкую дали так, заодно. И убей он сначала француза, до русского дело может уже не дойти. Но он, как всегда, оказался хитрее — они задели его, но лишь слегка, и бросаться слепо в их ловушку он не собирался.

Странно, но я ощущала, что мое отношение к нему становится двояким. С одной стороны, я знала, что он опасен, он уже подставил меня и может подставить еще, я не сомневалась, что он способен убить меня, возникни в этом необходимость, — и потому мысль о том, что контора может его убрать, казалась мне весьма разумной, особенно если учесть, что я не собиралась ездить с ним по миру, как он того хотел. А с другой стороны, я не могла не уважать его за его биографию, и мне все больше нравилось то, как он относится ко мне. И пото-

му, несмотря на то что я привыкла, казалось бы, за время работы на контору к тому, что те, с кем я работаю, периодически умирают, было его немного жаль. Так что вот такая получалась двойкость — я считала, что для меня будет лучше, если он умрет, но одновременно я испытывала сожаление, что он должен умереть.

Он по-новому проявился для меня тут, в Париже. Он не впутывал меня в свои дела, за что я была ему благодарна. И относился он ко мне более лично — и хотя у него давно по его меркам не было женщины, он ко мне не приставал. В день приезда, само собой, ничего не могло получиться — а следующие три дня езды по городу с утра до позднего вечера времени ни на что не оставляли. Я даже удивлялась, что он не требовал от конторских отвезти его в бордель — не было сомнений, что, скажи он, они бы это сделали. Но он, похоже, слишком серьезно относился к работе — я так понимала, что мы завершали очередной день одновременно с Лехиными клиентами, подстраиваясь под их распорядок. И хотя, судя по нему, даже суточное воздержание было для него слишком долгим сроком, он был со мной корректен — хотя, естественно, мог добиться своего, я бы не стала отбиваться и орать. Но он ценил наши отношения — и не хотел их портить.

И при этом я видела, что он меня хочет. Не потому, что рядом нет женщины, — а просто потому, что хочет именно меня. Я начала замечать это еще в Сен-Тропе — где, несмотря на обилие проституток, сменяющих друг друга в его постели, он все-таки постоянно пытался уговорить меня стать хотя бы третьей. И постоянно улучал моменты, чтобы увидеть меня без одежды, чтобы дотронуться до обнаженной груди или погладить по голой попке, — и то же происходило и здесь, только в менее шутливой форме и более чувственно.

Конечно, я сама провоцировала его в какой-то степени — потому что привыкла жить одна и не изменяла своим привычкам и рядом с ним. Я спала голой, я ходила утром и вечером по квартире, завернувшись в мало что скрывающее полотенце. У меня даже не было с собой халата — я рассчитывала, что буду жить в хорошем отеле, в котором халат с фирменной монограммой обязательно висит в ванной.

Но как бы там ни было, он ничего не предпринимал. Ему нужно было, чтобы я сама сказала, что хочу его. Возможно, потом, после всего, он с ходу утратил бы ко мне интерес — все же я не в его вкусе совсем, — но сейчас ему этого хотелось. Может, он был убежден, что все женщины его хотят, — может, он никогда не был в такой ситуации, когда он все время находился рядом с женщиной, до которой готов был снизойти, махнув рукой на то, что она не в его вкусе, а она не ценила своего счастья.

А может, еще в чем-то была причина этого желания, которое он обуздывал — но которое мне надо было уметь поддерживать. На тот случай, когда оно останется единственным моим козырем. И именно потому я не купила халат, хотя могла это сделать, не зная, сколько нам предстоит тут жить, — и потому кокетничала с ним, когда он заводил разговор на сексуальные темы.

Если честно, я не верила в то, что его желание спасет меня, например, в том случае, если он решит меня убить — или сбежать после первого дела, решив не рисковать и плюнув на оставшиеся пятьсот тысяч. Я никогда не верила в правдоподобность героинь фильмов и книг, которые могли соблазнить кого угодно и чего угодно добиться своим телом. Я вообще не верила в то, что желание — влечение, если угодно, или похоть — может заставить мужчину пойти наперекор своим интересам.

Испытывай ко мне желание мой шеф, это не значит, что я уже была бы владелицей какой-нибудь фирмы где-нибудь в Лос-Анджелесе. Я могла сколько угодно ему отдаваться — но ничего бы не произошло. Влюбись в меня, скажем, агент Интерпола — достаточно ему узнать, кто я, чтобы желание уступило место профессиональным обязанностям.

Да, мне часто доводилось расставлять мужчинам западню — они клевали на тело, не зная, что в этот момент их записывают или фотографируют, выбалтывая многое до и после постели, до, естественно, чаще. Сначала на мое — потом на те тела, которые я им подсовывала, предоставляя собственное в самых важных случаях. Я знала, что какой-нибудь большой начальник, утратив бдительность, может случайно попасться на молоденькой смазливой девице — или даже на более взрослой, но более сексапильной женщине. Но приди та же самая девушка или женщина к нему на прием до близкого знакомства и попроси о каком-то одолжении в обмен на тело — он бы послал ее к черту.

Я не сомневалась, что того же Севера где-нибудь в Москве несложно было бы заманить в ловушку, подсунав ему длинноногую модель, — он бы забыл об осторожности и поехал бы с ней туда, куда она захотела. И мог бы найти там свою смерть. Но приди та же девица к Северу и попроси его бесплатно убить, скажем, ее соседа по коммуналке, чью комнату она хочет занять, — он бы не стал с ней разговаривать.

Так что тот факт, что Север меня хочет, имел не слишком сильное значение в серьезной и тем более экстремальной ситуации. Но все же это был единственный козырь, имевшийся у меня. Козырь, который мог превратиться в обычную карту, если слишком долго дер-

жать его на руках. И потому я решила предъявить его, когда на пятый день, вернувшись из очередной поездки по городу раньше, чем обычно, он вышел из душа с мощной эрекцией, превратившей полотенце в подобие тента.

— Ты все, — заметил с упреком, поймав мой взгляд. — Как в зоне прям — там телку из журнала на стену повесишь, так с ума сходить начинаешь. Вот и ты как картинка эта — только ходишь еще и разговариваешь, вообще свихнешься.

— Ну вы же не в зоне, Алексей, — произнесла кокетливо. — Это ведь Париж, тут столько девушек вокруг. Я вам вызову сейчас — прямо по справочнику...

Он не мог понять того, что я говорила по телефону, набрав номер самого, на мой взгляд, лучшего агентства эскорт-услуг — с самой солидной рекламой и офисом в центре, — что мне нужна бисексуальная девушка для семейной пары. И потому жутко удивился, когда я, открыв ей дверь, оглядела ее оценивающе — еще не поздно было выпроводить ее и вызвать другую, всучив этой эквивалент двадцати долларов на такси, это обычная практика на Западе в том случае, если приехавшая не нравится, — и только потом посмотрела на него, кажется, довольного высокой темноволосой девицей, и в самом деле для проститутки выглядящей весьма неплохо. И провела ее в его спальню, сказав, чтобы она раздевалась. И, скинув полотенце, вышла к нему, посмотревшему на меня непонимающе.

— Совсем забыла сказать, Алексей, — шепнула тихо. — Вы мне нравитесь, поэтому, если захотите присоединиться, я буду только за...

Я повернулась и пошла, улыбаясь, зная, что он не осознал всего пока, — но не успею я войти, как он ворвется вслед за мной. И оказалась права.

А часов пять спустя, когда мы отпустили ее наконец — он, кстати, еще в самом начале предлагал ее выгнать и остаться вдвоем, — он вошел в ванную, в которую я легла только что, сытая, довольная, ослабевшая, с трудом подносящая ко рту потяжелевшую сигарку. И открыл воду, так что струя шумно забила в раковину, и сел рядом на край.

— Алексей, неужели вы не устали? — спросила слабо, испытывая в принципе только одно желание — спать. — Пожалуйста, не говорите мне, что теперь вы ужасно хотите меня, — я вам не поверю. Или решу, что у вас какая-то половая дисфункция, благодаря которой вы хотите все время и всех...

Он ухмыльнулся довольно — ему понравилось то, что я сказала. И рука скользнула в мыльную пену — и я не стала ей мешать, у меня не было на это сил. Вообще-то ей пора было устать от меня, она достаточно гладила меня в эту ночь — но почему-то так и не устала.

— Если захочешь — только скажи, Анна. — Я вдруг заметила, что взгляд у него странный такой, словно он и вправду хочет меня в эту минуту и готов заниматься этим до утра. — Я, знаешь, раньше-то такого и не видел. Супер — любое порно туфта. Вас с ней снимут — по всему миру пленку раскупят. Не, серьезно. Я еще думал — просто со мной ложиться не хочешь, а тут смотрю — правда ты по этой части. И кайф ловишь, и вообще. Слушай, а с мужиками вообще никак — ну со мной в смысле?..

Взгляд перешел с тела на лицо, поискал там что-то и не нашел — и изменился трезвея.

— Да ладно, я ж вижу — устала. Я что сказать-то хотел — вещи завтра собери, ладно? И прям днем найди квартиру нам подальше отсюда — вечером, может, переедем. Хватит нам тут торчать. Сама ж говоришь, что

светиться не хочешь, да и девчонка тут была, — вот и примем меры. И это — завтра не вставай в такую рань, выпишься. И с нами не ездь — отдохни...

Он замялся на мгновение.

— Дело пора делать — как считаешь? Ну вот завтра и начну. Да, слушай — если со мной никак, может, это повторим?

Я улыбнулась, и он выключил воду и вышел. Мне показалось, что он хотел добавить что-то еще — но было это личное или связанное с работой, я не знала. К тому же он и так сказал больше, чем я рассчитывала услышать.

Я затаилась, продолжая улыбаться. Я не была бизнесменом — но совершенно случайно, по наитию совершила выгодную сделку, получив важную для меня информацию и избавившись от необходимости присутствовать при завтрашнем деле в обмен на несколько часов секса, который к тому же доставил мне массу удовольствия.

Он это видел — но все же счел нужным заплатить мне откровенностью. Не догадываясь о том, что то, что она делала языком — старательно, но за деньги и потому без души, — было ничем по сравнению с его осязаемым желанием, физически ощущаемыми мной взглядами и полными эмоций прикосновениями. С ней бы я испытала пару скучных оргазмов — с ним их было куда больше, и очень сильных. Но ему не следовало об этом знать — по крайней мере пока...

— Анна, ты? — Я не ждала услышать Лехин голос и потому растерялась даже, с некоторым недоверием покосившись на трубку, номер которой он вроде никогда у меня не спрашивал. — Короче — выезжай, только быстро, ладно? И вещи захвати. Круглый дом помнишь — ну останавливались там рядом, у реки он, там башня еще рядом... Вот туда подъезжай. И это — мобильный отключи, я тебя прошу. Все, жду...

Я не ждала его звонка — я вообще думала, что он вернется вот-вот. Я не видела его утром, я спала, встала поздно, потом сидела на телефоне, узнавая насчет квартиры, потом съездила ее посмотреть, хотя это было непринципиально. Главным было местонахождение не слишком далеко от центра, наличие отдельного входа, чтобы мы не сталкивались ни с кем, — ну и, естественно, желание сдающего взять у меня наличные и удовлетвориться названной ему фамилией. Так что я быстро сделала все, потом заехала в ресторан и просидела там достаточно долго, потому что не ела с утра, а после вчерашнего аппетит был зверский. Потом я вернулась и собралась не спеша, еще подумав, что в его сумке, стоящей в углу, лежит полмиллиона долларов. И только в

тот момент вспомнила, что первая часть задания будет выполнена сегодня. И пожала плечами: так — значит, так.

Лично я была только за, чтобы все произошло быстрее. У меня бывали случаи, когда присланный из Москвы человек весь процесс — я имею в виду подготовку и заключительную фазу — растягивал чуть ли не на месяц. Но тут все было выяснено без нас — маршруты, излюбленные места, адреса квартир, домов и офисов, — так что я надеялась, что двух недель им хватит, трех максимум. Но в то же время я отдавала себе отчет в том, что Северянин — профессионал экстра-класса, что он осмотрит все по тысяче раз, просчитает и продумает, прежде чем сделает шаг, — и знала, что конторские торопить его ни в коем случае не будут, не в их интересах. А следовательно, все может затянуться.

Так что Лехино известие — первый этап на пятый день — меня обрадовало. И в этом не было ничего нечеловеческого — он все равно был приговорен, Лехин клиент, и весь вопрос был в том, кто и где и когда, — и мое сочувствие к нему, совершенно незнакомому мне человеку, к тому же укравшему большие деньги и, значит, сознательно рискнувшему собой, было бы неоправданно. Укради я деньги у конторы, я бы не стала рассчитывать на то, что кто-то меня пожалеет.

Было примерно девять, когда я закончила сборы. Раньше двенадцати ждать его не следовало — он сам мне сказал, что клиент имеет обыкновение гулять поздно вечером у дома, и я понимала, что Алексей заинтересован в том, чтобы все произошло как можно позже и как можно меньше народу было вокруг. И потому я залезла в ванну, пролежав там пару часов, с удовольствием вспоминая вчерашнее, даже умудрившись возбудиться

от воспоминаний — настолько, что возбуждение пришлось снимать. Потом я одевалась не спеша, проверила еще раз, все ли собрала. И когда посмотрела на часы, было уже двенадцать сорок. И в этот момент запищал мобильный.

Я умудрилась вылететь буквально через пару минут — нервно вздрогнув, когда, уже запирая дверь, услышала, как зазвонил домашний телефон, которым мы не пользовались ни разу. Но я слишком торопилась, чтобы думать, кто это может быть — и нам ли это звонят, и если нам, то кому известен номер, и что означает этот звонок.

На улице не было вроде никого — увидь меня кто, счел бы, наверное, за квартирную воровку, поспешно уносящуюся с места преступления с добычей. Но пусто было, к счастью, и никто так и не появился, пока я закидывала в багажник сумки, а потом обегала машину, чтобы сесть за руль.

Я знала то место, о котором он говорил, — этот круглый дом, штаб-квартиру «Радио Франс» рядом с набережной Сены. Мне где-то минут тридцать было ехать — может, даже двадцать с учетом ночного времени, — но я в любом случае не собиралась торопиться, проблемы с полицией были мне не нужны. А к тому же мне нужно было сохранять полное спокойствие — и скорость в сорок — пятьдесят километров в час сопровождала это, как ничто иное.

Что-то случилось — это было понятно. Правда, он говорил абсолютно спокойно, я не слышала, чтобы он задыхался, впускал в голос эмоции, говорил бессвязно и обрывочно. Наоборот — ощущение было, что с ним совершенно все в порядке. Словно он всем доволен и в прекрасном настроении и просит меня поторопиться просто потому, что не хочет долго ждать, что ему не

терпится меня увидеть, назначив мне такое вот романтическое свидание. Но я-то понимала, что что-то не так.

Интересно, что? До «Радио Франс» не так уж далеко было от того дома, в котором жил тот бывший наш соотечественник, клиент номер один. В смысле на машине недалеко — пешком-то прилично. Но в принципе могло быть, что Леха, выполнив задание, добрался туда. Только вот зачем ему это было надо, если они с конторскими должны были обговорить место встречи? И почему он попросил меня отключить мобильный?

Я думала и думала — но все не могла понять, что произошло. Почему Леха, совершив убийство, пусть даже тихо и без свидетелей, идет на такой риск и уходит с места преступления пешком? Я не профессиональный киллер, с тонкостями работы не знакома — но, честно говоря, полагала, что он будет стрелять прямо из машины и они уедут тут же, никем не замеченные. Мы парковались три вечера подряд у этого дома, примерно в одиннадцать, и стояли там до двенадцати — половины первого, и хотя я вставала от него на куда большем расстоянии, чем они, даже мне было видно, что прохожих там минимум. При этом один из замеченных мной прохожих, несомненно, был тот самый клиент — выходящий на прогулку или возвращавшийся с нее. И машин там тоже проезжало немного — оживленная дорога была в стороне.

И тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту задания, что-то пошло не так — и они разделились. И Леха в результате оказался у круглого дома, а конторские попали в какую-то передрагу.

Конечно, с ними могло произойти все, что угодно. Может, полиция внезапно подъехала в тот момент, когда Север стрелял из машины — но он убежал, а они остались. А может, он вышел из машины, чтобы все

сделать, а тут мимо проезжали копы, и конторские как бы случайно перекрыли им дорогу, давая Лехе выстрелить и уйти, — а сами сейчас дают показания в участке, объясняя, что они туристы и под машину полиции подставились случайно, слишком резко рванули, испугавшись выстрелов. Да всякое могло случиться — такое, что и не предположишь.

Я предпочитала думать о лучшем, зная, что может произойти самое худшее. Мне так всегда было легче. Слепая вера в лучшее опасна — далеко может завести. По-моему, легче знать все последствия или все варианты, но о них не думать, чем твердить себе, что все пройдет на высшем уровне, потому что по-другому быть просто не может.

Я спохватилась, уже подъезжая, что мы так и не договорились конкретно, где именно он будет меня ждать — круглый дом немал весьма, и вряд ли он наматывает вокруг него круги, высматривая мою машину. И я рассудила, что коль скоро он упомянул реку, то мне лучше всего встать на набережной — и ждать до упора, не трогаясь с места. Потому что по закону подлости, как только я отъеду, он выйдет на то место, где я только что стояла.

Я заметила идущего в мою сторону человека практически сразу, как припарковалась. Только это был не Алексей — а кто-то еще, ниже ростом, сгорбленный какой-то, и походка у него была слишком расслабленная, полутрезвая. И одет он был совсем не так. И я отвлеклась, не обращая больше внимания на человека, подходящего к машине сзади, — мало ли кто тут шляется по набережной, это ж Париж, в конце концов, тут клошаров куча, которые как раз на набережных и обитают, под мостами, нравится им почему-то у воды.

Он заставил меня вздрогнуть — несильно стукнув по боковому стеклу костяшками пальцев. Он не наклонял-

ся, я не видела его лица — и не услышала, что он сказал. Было какое-то междометие или короткая фраза, но я не уловила. И решила, что он мелочь просит — в конце концов, в родном моем Монреале на центральной улице куча мужчин просит мелочь, притом на двух языках, в полном соответствии с двуязычием провинции Квебек. И я полезла в сумку, нащупав там что-то, и чуть приспустила стекло, поднося к нему ладонь, готовясь ссыпать ему то, что я выудила.

— Экономишь, Анна, — произнес с укоризной знакомый голос. — Я тебе двадцать процентов от дела, а ты мне копейки какие-то. Не ждал, не ждал...

Он хохотнул, быстро обходя «пежо», плюхаясь сбоку. И только тут я рассмотрела его внимательно. Он был почему-то в джинсовом черном костюме, в котором прилетел сюда, но больше не надевал при мне, и в какой-то вязаной черной шапчонке, и щетина поблескивала. Я не видела его утром, я спала, когда он уходил, а так удивилась бы, что он собирается в город небритым и в таком наряде. Да, джинсовый костюм тоже был от Версаче, и обувь была дорогой, но на расстоянии, тем более ночью, он ничем не напоминал Алексея Северянина в версачевском костюме и плаще с блестящими пуговицами, никогда не забывающего о своем росте, никогда не сутулящегося, всегда чисто выбритого. И никогда не носившего головных уборов — тем более таких.

— Из Бутырки прихватил — на память. — Он правильно истолковал мой взгляд, стаскивая шапку с головы и кидая ее назад. — Ну как я — хорош?

— Алексей, не кокетничайте! — Я была рада его видеть и рада, что с ним все в порядке, что он шутит. — Вы бы лучше рассказали, что случилось — не могу сказать, что ваше сообщение меня очень порадовало.

— По пути — идет? А то стоим тут...

Он заметил это спокойно, значит, и вправду все было хорошо. И я включила поворотник, показывая пустой дороге, что отъезжаю, — и мы покатали не спеша куда-то в район нашей новой квартиры. Я уже открыла рот, чтобы попросить его дать мне карту, — я лишь приблизительно представляла, куда мне ехать, — но он заговорил первым:

— Да нормалек все, Анна. С клиентом вообще ерунда — народу рядом никого, ствол с глушаком. Пошел ему навстречу, к стенке толкнул, ствол из-под куртки и в упор. Он по стене, я ему сесть помог, ну и контрольный — так, чтоб не забрызгаться. Со стороны — нажрался мужик, и все дела. Ну а я сюда — я ж там так находился за эти дни, что с завязанными глазами ходить могу. Никакой полиции, никто не орет, сирен так и не слышал, шел спокойно чуть ли не всю дорогу. Нормалек, короче, — сечешь?

— А...

— Да потерялись мы с ними, Анна. Трухнули мусорки, рванули так, что покрышки дымились, — а меня бросили...

Я посмотрела на него недоверчиво — лишь бы кого контора сюда не прислала. Особенно после того, что случилось с Владимиром.

— Да шучу я, ну ты че? Договорились, что они меня там неподалеку заберут — прихожу, а их нет. Ну подождал, набрал тебе. Плутанули, что ли, — кто их поймет. А может, с машиной чего — может, психанули, ну и дались в кого-то...

Это было похоже на правду — то, что они разминулись в чужом для них всех городе, — и я кивнула. Тут же спохватившись:

— А телефон? Почему мне надо было отключить телефон, Алексей? Да... и мне звонил кто-то по домашне-

му — я выходила уже, не подошла. Может, они? Я помню номер — сейчас встанем и...

Наверное, я засуетилась — я просто была рада, что все прошло нормально, что со всеми все в порядке. А ту глупую оплошность, которая имела место, лично я даже в отчете могла не упоминать — в том случае, если упоминание обо мне в их отчетах будет положительным. В конторе же все хитро, начальство разделяет и властвует — и никогда не знаешь, что потом скажет о тебе тот, с кем ты работала.

Я поначалу в порядочность играла, выгораживать кого-то пыталась — а когда потом узнала, что написал обо мне человек, которого я покрыла, даже не поверила сразу, хотя и знала, что шеф врать не будет. И с тех пор писала все как было — никого намеренно не подставляя, не преувеличивая собственные заслуги, просто четко их выделяя, чтобы не надо было копаться в тексте, отыскивая их. Но сейчас я была так рада, что готова была поклясться заранее, что напишу потом, что конторские вели себя очень профессионально — не сделав ни единой ошибки.

— Да не надо набирать... — Леха все еще улыбался, и тон был прежним, но сказанное заставило меня насторожиться. — Дай телефончик, Анна. Ну давай, давай — ну что ты жадная такая, прошу же...

Я отвернулась от него, глядя перед собой на дорогу, начиная все понимать.

— Анна, я жду.

Я молча открыла бардачок, извлекая мобильный, протягивая ему, — и он сунул его не глядя в карман куртки.

— Ты не обиделась, а? Просто так надежней, сечешь? Мне спокойно, а тебе им врать не придется. Скажешь потом правду — отнял телефон, и все дела. А я подтверждаю...

Я пожала плечами:

— Да нет, какие обиды...

— Ну вот и класс! — Он развеселился снова, улыбнувшись мне, накрыв своей рукой мою, лежавшую на руле. — На хату новую едем, да? О, забыл — давай пожрать по пути купим, не то помру. И вина — повод не тот, но понемножку можно. Кстати, слушай — не передумала, а? Ну, насчет меня?

Я решила, что он шутит. Но он смотрел на меня совершенно серьезно — моментально переключившись с такой важной для меня темы на ту, которая важна была для него. И я улыбнулась против воли, оставляя его вопрос без ответа. Хотя улыбаться было нечему — я отправлялась в автономное от конторы плавание, которое неизвестно сколько продлится и которое конторе явно не понравится. И которое, что очень неприятно, совсем непонятно чем и где закончится.

Что ж, он снова доказал, что он хитрее — хитрее их и хитрее меня. Я была убеждена, что он сказал конторским о намерении сменить квартиру, — а теперь получалось, что они не в курсе и наверняка уже приехали к той, из которой я ушла меньше часа назад, и будут ждать там всю ночь, наверное, уже догадываясь, что Север туда не вернется. А утром позвонят в Москву и доложат — и наверняка выскажут предположения на мой счет. Если им удастся проникнуть в квартиру, если не испугаются вскрыть дверь и увидят, что вещей нет и меня тоже, то скажут, что, возможно, я с ним заодно. А если будут ждать на улице, то доложат, что меня, возможно, уже нет в живых.

Второй вариант меня устраивал больше. Я ведь понимала, что Леха все равно выйдет с ними на связь — если он, конечно, не решит свалить, не получив оставшиеся пятьсот тысяч, что было под вопросом, — и при-

том через меня. И они узнают, что я жива, — и узнают все остальное. Что он отобрал у меня телефон, например, — и именно потому я не могла с ними связаться. А пока — пока пусть думают, что он меня убил или увез силой, мне так лучше.

Я скрестила пальцы, оторвав на секунду ладони от руля. Надо же ляпнуть такое — «пусть думают, что он меня убил». Ведь если он решил свалить, не делая вторую работу, — зачем ему оставлять меня? Особенно с учетом того, что я знаю номер швейцарского счета. Он длинный был, в нем цифры были и буквы, — но я запомнила, у меня хорошая память. И он не был бы Лехой Севером, если бы сказал себе, что я не могла ничего запомнить, — он потому и жив был до сих пор, что исключал все случайности.

— Надеюсь, они не уехали внезапно, как Владимир? — Я спросила первое, что пришло в голову, лишь бы заставить его говорить, лишь бы прекратить пустые гадания. Я не знала, смогу ли верить его ответам и будет ли он вообще отвечать на мои вопросы или предпочтет держать меня в неведении, отделяваясь расплывчатыми фразами, — так что этот вопрос, ответ на который меня не интересовал, потому что я его знала, был лучшим началом для разговора. — Не то я уже начинаю думать, что все, кто оказывается с вами рядом, рано или поздно внезапно отправляются в далекое путешествие — в котором им уже не нужны ни вещи, ни деньги...

— Анна, Анна!.. — Если бы я его не знала, я решила бы, что он обиделся. — Ну за кого ты меня держишь? И на кой они мне — заплатят за них, что ли? С тем ладно — сам на рожон пер, — а тут-то чего? Ну мусорки как мусорки, понтов много, но видят, с кем дело имеют, — нет у меня к ним ничего. Да и лохи они

натуральные, чего с них взять? Не, я подумал вот, что разбегаться нам пора — и все дела. Лох-то лох — а в спину шмальнуть большого ума не надо...

— Вы думаете...

— А откуда я знаю? — Он посерьезнел неожиданно. — Я через диспетчера всегда работал — диспетчер не кинет и в спину не дышит, ему знать не надо, как там чего. И болтать не резон — самого завалят. А тут чего? Я дело сделаю, а они к нам ночью в гости придут — и привет, Леха, спи спокойно. Мне че — тобой от них прикрываться, когда шмалять начнут? А если в машину че положат, пока мы спим? Да ты не смейся — если вопрос будет, нас двоих или я уйду, они двоих и положат. За тебя им башку не оторвут — а за меня точно. Да еще скажут потом — она ему помочь хотела, она с ним трахалась, из-за нее кореша нашего завалили. Или скажут, что это я тебя. Давай лучше, чтоб всем спокойней было — и тебе, и им, и мне...

Я хмыкнула скептически. В его словах была большая доля правды — но я не хотела признавать это при нем.

— Ты че, не веришь? Я ж тебе верю — и ты мне верь. Я ж тебе не говорю: звони начальству, спрашивай, какие насчет меня планы? Я ж понимаю, что тебя подставляю. Да и еще они тебе не скажут ни хера — а и скажут, ты мне не скажешь, потому что они тебя прячь могут. Скажут тебе — подведешь, потом в Лондоне тебя автобус переедет. Что, не так? Да не отвечай — не надо. Пойми просто, что я тебя не подставляю и врать мне не вынуждаю — вот и ты мне верь, что я о нас двоих забочусь...

Несмотря на ситуацию, в которой я оказалась, у меня потеплело вдруг внутри. Ведь он действительно вел себя корректно, не пытался выведать планы конторы отно-

сительно его будущего — да он даже никогда не спрашивал меня, как вообще поступает контора с исполнителями со стороны. Он не задал мне ни одного вопроса, на который мне сложно было бы ответить, — он понимал, что я с ним сейчас, в данное время и в данном месте. А так мной руководят совсем другие люди, которым я, может, и не предана до мозга костей, но которые имеют надо мной власть и знают, как на меня можно надавить.

Я не ждала от него такого. Но и не ждала от себя, что еле удержусь, чтобы не накрыть своей рукой его руку и не сжать ее слегка в знак благодарности. Правая кисть соскользнула уже с руля, начав движение в его сторону, но я тут же рванула ее обратно, словно на пустой дороге возникла какая-то преграда и надо было срочно вывернуть руль, чтобы ее объехать. И выругала себя за детское какое-то проявление чувств по отношению к человеку, который, может, и порядочно ведет себя со мной, но убьет легко и не раздумывая, если ему это будет нужно.

— Спасибо, — выдавила из себя странным каким-то голосом, мне самой показавшимся чужим. — Спасибо...

— Ну ты даешь, Анна! — Голос его потеплел, утратив серьезность. — То ледышка ледышкой, только знай меня подкалываешь — то на моих глазах такое в постели вытворяешь, что я резинок штук пять испортил. То кремень — а тут как девочка. Я человек нормальный — ты это пойми и успокойся. Че я, не секу, что ты бабки взять боишься из-за них? Зря боишься — между нами это. Двести штук, может, немного — хотя, думаю, тебе за них года три-четыре пахать нужно, так? Ну видишь — угадал. Так еще за Бондаря с меня две сотки — да че ты, помогла ж, без тебя б никак. А эти дела сделаем, за другие возьмемся — ну и бабки другие пойдут...

— Так вы не собираетесь уезжать? — переспросила удивленно, почему-то так уверовав уже, что он решил смотаться, дабы избежать риска, что даже пропустила в голос удивление, которое следовало бы скрыть. — Я думала...

— Ну че тут думать — я ж за слова отвечаю. Хотел бы свалить — тебя б не подставил со звонком этим. Да и пол-лимона нам с тобой не лишние. Ты это, Анна, — мы с тобой договорились, а ты меня все за клоуна держишь. Все сделаю — просто не хочу, чтоб эти рядом крутились. Вот сделаю — сразу им и позвонишь. Да, слушай, ты магазин не пропусти — вино-то все небось из квартиры вынесла, у тебя там был запас, а жратву бросила, точно? Ну так и знал...

Я рассмеялась вслед за ним, притормозила у показавшейся впереди бензоколонки с длинным освещенным залом ночного магазина при ней. Все шло не совсем гладко — но зато шло и, судя по его настрою, должно было завершиться в самое ближайшее время. Что будет потом, о чем думают сейчас в конторе, каковы их планы относительно его — в настоящий момент это не имело для меня значения. Он не подвел меня, он остался со мной — это было главное. И он вел себя так, как я того не ожидала.

— Ну что, пируем? — весело бросила ему минут через пятнадцать, перекладывая на заднее сиденье пакет, набитый сэндвичами, сыром, салатами в коробочках и прочими припасами.

— С тобой на сладкое?

Я выехала с заправки, так ему и не ответив. Задумавшись серьезно над его вопросом — и не поверив данному собой себе ответу. Который гласил, что я готова с ним переспать — и потому, что он так этого хочет, и потому, что он — это он, и потому, что он так ведет

себя со мной. И главное, потому, что он мне нравился больше, чем кто-либо из встреченных мной за последние два года мужчин.

Я сбросила ответ одним нажатием на условную кнопку внутреннего калькулятора. И снова набрала короткое уравнение — наивно веря, что на панели высветится другой ответ, но увидев все тот же. Предпринимать третью попытку не имело смысла — я заранее знала ее результат.

Так не должно было быть — но так было. И глупо было бы сейчас копать в себе и анализировать все. И выискивать тот этап, на котором мое уважение к нему как к профессионалу — не в самой лучшей области, бесспорно, но не в этом суть, тем более что по сравнению, к примеру, с изобретателем атомной бомбы Северянин чист как ребенок — и желание установить с ним хорошие отношения перешло в нечто большее. В нечто, что никак нельзя было назвать влюбленностью — вот на это я точно была неспособна, — скорее сильной симпатией, сочетающейся с неярко выраженным влечением.

Он был не в моем вкусе, он был опасен, возможно, он планировал меня убить, несмотря на все его отношение ко мне, — но тем не менее я готова была лечь с ним в постель при отсутствии рабочей необходимости в этом. Для меня московской это было более-менее нормально, хотя по мере взросления это случалось все реже и реже, — а для меня монреальской это было странно и ново.

— Знаете, Алексей... — начала неуверенно, не зная еще, чем закончу предложение, — начала потому, что он смотрел на меня все это время, ожидая ответа. — Знаете, мне очень сложно — у меня давно этого не было. Вы мне нравитесь, несмотря ни на что, — но...

Я улыбнулась, беря передышку, выигрывая время — безрезультатно пытаюсь заткнуть ненужный и непонятно откуда взявшийся душевный порыв, обтекающий любые затычки в виде адресованных самой себе ругательств, попыток собраться или сделать несколько глубоких вдохов и выдохов.

— Потом, когда все кончится, — да.

— А сейчас?

Он спросил это серьезно. Он оценил то, что услышал, он не стал шутить насчет отговорок и пустых обещаний. Но продолжал развивать тему, которая, видимо, была для него очень важна.

— Если честно... — Я замаялась, вдруг вспоминая, кто я есть — бездушная тварь, которой не нужно ничего, кроме спокойствия, одиночества, денег и удовольствий. — О, я такая откровенная с вами, это так опасно, ведь мужчинам нельзя доверять...

Он ждал, не услышав и не заметив, что я стала другой, — он, похоже, тоже чересчур расслабился, выпустив наружу то, что лучше было скрывать. Я знала из его досье, что у него есть ахиллесова пята в виде женского тела — но вот что она, эта пята, может быть настолько уязвимой, я не догадывалась.

— Если честно — это возможно, но при одном условии, — сказала совсем другим, нормальным своим тоном, игривым и кокетливым. — Я, конечно, не знаю, но боюсь, что вам не очень понравится мое предложение насчет орального секса — мужчины любят, когда это делают им, но не наоборот. Согласитесь, что получится нечестно — вам будет хорошо, а я буду страдать...

Он замолчал, и я еще раз назвала себя бездушной тварью, которая может поставить человеку такое условие, которое для того окажется неприемлемым — ли-

шая удовольствия его и заодно себя. Но при этом гордясь своей бездушностью.

Я притормозила у нужного нам дома, мрачноватого двухэтажного строения, с усилием втиснувшись между двумя машинами, едва не задев переднюю. И потянулась за лежащим сзади пакетом.

— Ну все, приехали, — провозгласила бодро. — Забираем вещи, и вперед. Да, только возьмите сумки из багажника — ваши деньги слишком много весят...

— Наши! — Он подмигнул мне, внося поправку. — Наши деньги, Анна. У нас же честно все с тобой должно быть — и в деле, и в постели...

И ухмыльнулся мне в лицо, словно говоря: «Не ждала?» И я ухмыльнулась, соглашаясь с ним внутренне. И добавляя без слов, что это первый его сюрприз, который кажется мне очень и очень приятным...

21

Я сидела тут уже почти час. Поставив «пежо» туда, куда он сказал, — и не трогаясь с места. Глядя на шикарный ресторан, вход в который был прямо напротив меня, через аллею.

Я не нервничала. Хотя знала, что может произойти, если он решится на этот шаг. Отчасти я была в безопасности — все мои вещи лежали в багажнике, увидь я что-то не то, я могла по собственной инициативе прямо отсюда рвануть в аэропорт. Но я ведь могла ничего такого не увидеть — ничего конкретного в смысле. И решить, что все пошло по плану. И по договоренности с ним не спеша тронуться с места, объехать ресторан и встать в той точке, которую он мне показал сегодня, — в переулке, минутах в пятнадцати ходьбы от этого самого ресторана. И там и попасть.

Он все продумал, он прекрасно изучил район, в котором находился ресторан, за те четыре дня, что мотался по городу с конторскими. Я убедилась, что он знает его от и до, когда мы прогулялись тут сегодня днем, пробродив часа два, не меньше. Мы даже в метро спустились по его просьбе — чтобы он увидел, как им пользоваться, местным метрополитеном, и узнал, куда ему ехать, если придется-таки пользоваться метро. Даже билетик купили — чтобы не терять времени.

— Увидишь, что меня нет, — отъедь куда-нибудь недалеко и жди звонка. Бегу мимо — возвращайся на хату, там жди. Видишь, что иду спокойно, — значит, порядок. Засекут машину — выскочу по дороге, на шоссе поди поймай. Скажешь, что остановил, оружием угрожал. Если так, жди звонка на хате или на мобильный. Но это — на край...

Он показывал, что не хочет мной рисковать — что, как бы там ни было, я буду ни при чем. Я верила ему — процентов на пятьдесят, но все же верила. Ему и в самом деле невыгодно было меня сдавать — он ничего от этого не выигрывал. Но и никакой выгоды от того, что он попадет, а я нет, у него тоже не было.

Но все же я не нервничала. Потому что это был не день Икс — а Икс минус один. Даже если ему повезет и он сделает все удачно, несмотря на безрассудность плана, — останется еще один вопрос. Вопрос взаимоотношений с конторой — которая не захочет давать ему самостоятельность и не захочет отпускать, если он будет настаивать на своем. А так как я оказалась между ними, то день окончательного выяснения отношений и будет днем Икс. И для конторы, и для него — и, что самое главное, для меня.

Вход был освещен ярко, я видела его прекрасно — равно как и подъезжающие машины, высаживающие людей, отправляющиеся прочь или на парковку слева от входа, освещенную куда хуже, чем вход. Только вот Лехи я не видела — хотя он был где-то там, где-то рядом со входом. Он не сказал мне, где будет, — хотя, несмотря на все мое отнекивание, свой план изложил подробно. Добавив, правда: «Сегодня не придет — значит, завтра». Может, еще и поэтому никакого напряжения я не чувствовала.

И это при том, что мне не нравилась его идея — потому что она была не в его стиле. Он, такой хладнокровный, расчетливый и осторожный, стреляющий, только когда убедится, что все чисто и нормально и пути для отхода надежны, — тут, как мне казалось, слишком спешил. Я пыталась сказать ему об этом, но он мне только подмигнул — не бойся, мол.

Все было бы по-другому, будь мы здесь с ним вдвоем. Но где-то тут, в этом большом городе, были конторские — знающие номер моего мобильного, знающие номер нашей машины, знающие нас в лицо, знающие точки, где мог появиться Алексей, — и потому получалось, что у него две задачи одновременно. Первая — убрать клиента и уйти самому. Вторая — убрать клиента там и тогда, где и когда конторских поблизости не окажется. И это здорово все усложняло и заставляло его торопиться.

Он был прав отчасти — они не знали, где он, они могли предполагать, что он уже далеко, но они должны были верить, что он еще в Париже и колеблется, делать дело или нет. Но как бы там ни было, они совсем не ждали, что он сделает вторую работу на следующий день после первой — причем сделает ее в одной из самых неудачных для такого дела точек, которую они сами считали бесперспективной. И даже приди они к выводу, что он все же будет стрелять, попытайся они определить, откуда и где он это сделает, им и в голову не придет, что он сделает это сегодня и здесь.

Так что в какой-то степени его замысел был верен — я согласилась с ним, когда он мне все выложил утром. Я уже не обрывала его, не просила сменить тему, не затыкала уши — мне было понятно, что, хочу я или нет, теперь я должна все выслушать. Должна знать о его планах все, что он захочет мне рассказать.

Я не сомневалась, что мое мнение ему малоинтересно — в его мире женщина не имела права на слово, а к тому же он был профессионалом в своей области. И потому я не стала напоминать ему все его славные, так сказать, дела — в смысле самые громкие и на шумевшие, которые были в досье. Там он заранее подбирал позицию на чердаке или крыше или в другом удобном месте, облеживал ее, если можно так выразиться, убеждался, что это идеальное место для стрельбы и последующего отхода. Там у него был иногда напарник, который, как в случае с убийством вора в законе, по мобильному или портативной рации сообщил залегшему на крыше Лехе, что клиент вышел с дискотеки и направляется на стоянку и через такое-то примерно время окажется на свету. Который, как в другой ситуации, сообщил, что машина с прекрасно охраняемым банкиром, боящимся покушения и потому осторожным, выехала из офиса и примерно тогда-то притормозит, сворачивая в переулок напротив дома, на чердаке которого сидит Леха. Не будь напарника, вряд ли Север сделал бы те два выстрела, судя по дискете, потрясших даже конторских, — с очень острого угла и сорока метров расстояния сквозь затемненное стекло смертельно ранив клиента.

Я знала, что он творил чудеса и титул суперкиллера заслужил не случайно, — но в основе всех этих чудес лежала кропотливая и долгая работа, математический почти анализ и обостренное до предела желание уйти живым. Думаю, он и сам об этом знал — но идея сделать все быстро и там, где его не ждут, казалась ему гениальной. А плюс, несмотря на всю свою расчетливость, он был способен на риск. Ненужный, от куража — как тогда, на рынке, когда его взяли почти мертвым. Вот и сейчас я опасалась, что это кураж в

нем говорит. Он на свободе, он при деньгах, он ушел от опеки, он знает, что скоро денег будет еще больше, — отсюда и кураж этот. И еще от того, что он получил почти все от одной женщины, которую ему почему-то жутко захотелось. И сразу после окончания дела должен был получить все полностью.

Он чуть не принял мою утреннюю озабоченность за боязнь за его жизнь. С него бы случилось — все-таки он жутко был самоуверен и убежден, что ни одна женщина перед ним устоять не может. А уж та, до которой он снизошел, больше ни о ком думать не в состоянии и сделает все, что угодно, лишь бы ему было хорошо. Что ж, мне пришлось его немного протрезвить — и на его веселое: «Не бойся — прорвусь», — я ответила с прохладной улыбкой, что, как и он, опасаюсь только за себя саму.

Он не обиделся, что я поставила его на место, — он, видно, вспомнил сразу все подробности этой долгой ночи, от которой он, похоже, рассчитывал получить больше, но получил только то, что я ему позволила. Да еще и отдавать пришлось немало, чтобы и я получила кое-что. И протрезвел.

— А ты, Анна, и вправду ледышка, — укорил с насмешкой. — Я думал, только мужики наутро холодные — своего добился и привет. А ты-то, выходит, сама такая — койка койкой, а дело делом. Да ладно — так и надо. Дурную бабу кто уважать будет — да никто...

Я была рада, что он так сразу все оценил. Я не скрывала, что мне было приятно ночью — но сейчас было утро. И рисковать из-за него собой только потому, что он доставил мне ночью энное количество удовольствия, получив не меньшее количество взамен, — на это я была неспособна.

Он попытался опровергать свою собственную тактику — доказывая мне, что иногда внезапность есть лучший ход. Вспомнив историю, как однажды взял заказ на клиента, который знал, что его заказали, и подставляться упорно не желал. И тогда Леха разработал план, согласно которому он и его напарник, переодевшийся в женскую одежду, стали прогуливаться с коляской вдоль дороги, по которой клиент ездил в офис. Прятаться там, как утверждал Алексей, негде было, но люди с коляской никого не настораживали — и никому не приходило в голову, что в коляске вместо ребенка лежат два автомата. И так они гуляли несколько дней, и выбрали наконец отрезок дороги, на котором машина начинала замедлять ход, перед тем как въехать во внутренний двор здания, — и почти в упор в два ствола изрешетили «мерс», продолжавший катиться по инерции даже после того, как в нем остались только трупы, и этим отвлекший внимание от бросившихся в разные стороны киллеров.

Я не читала об этом — этого не было на конторской дискете — и поразилась в который раз его умению делать свое дело. Только вот это не Москва была, он был здесь чужой, и языка он не знал — и плюс он был один. И у него было слишком мало времени, чтобы все рассчитать.

— Возможно, вам нет смысла торопиться, Алексей, — заметила мягко, как бы между прочим. — Даже если те, от кого вы ушли вчера, думают, что вы уехали, — они ведь вряд ли будут делать это сами. Уж раз вас вытащили — значит, в Москве понимали, что никто другой такого не сделает. А к тому же я могу им позвонить — и сказать, что вы здесь и что вы все сделаете, просто опасаетесь за свою жизнь и предпочитаете действовать в одиночку.

— Да сам знаю, что не сделают, — тон был презрительным. — Я тебе честно скажу — год назад мне такую работу предложи, я бы не взялся. Да я за Бондаря не взялся — тогда, правда, пятьсот обещали, но, даже подняли бы вдвое, я думал бы еще. В Москве б мне двух недель хватило, чтобы этого завалить — пацана бы взял одного, на пару бы сделали. Но уж раз я Бондаря сам кончил, так и этого сделаю. А звонить не надо — им узнать только, они за этим повсюду ездить будут. Он-то не в курсах, что заказан, — а эти в курсах...

Я первая прекратила разговор — он не имел смысла.

— Дело ваше, Алексей. Но я бы хотела, чтобы вы знали, что я предпочла бы вас видеть здоровым и богатым, нежели с пулей в голове или в тюрьме. И еще в большей степени я бы предпочла увидеть себя далеко отсюда — чем дальше, тем лучше...

— Люблю честных! — Он расхохотался. — Ладно, прорвемся, Анна, — и вот тогда... Помнишь, что обещала — дело сделаем, бабки получим, и...

— Помню, — согласилась, глядя в глаза, впившиеся в мое лицо. — Помню — и надеюсь, что этот день наступит. Правда, я вполне могла бы неделю подождать, но вот вы, похоже, торопитесь. Мне, конечно, лестно ваше желание, но...

Он не подхватил подвешенную специально фразу — а я не стала продолжать. И мы приехали сюда примерно к часу дня, и побродили вокруг, и спустились в метро, а потом сидели в машине, периодически перемещая ее с одного места на другое, объезжая со всех сторон ресторан. А потом мы вернулись на квартиру — перекусить. Идти с ним в какой-либо ресторанчик поблизости я отказалась наотрез — и он хотя и заметил, что я с ним как с прокаженным, это была шутка. А к восьми мы вернулись сюда. И где-то в полдевятого он

вышел из «пежо» — и, обогнув аллею, сделав намеренно большой круг, оказался у ресторана. А потом его загородила подъехавшая машина — и больше я его не видела.

Я не специалист в области заказных убийств — но тем не менее мне было понятно, что место максимально неудобное. Куча народу на улице, особенно с учетом того, что сегодня было воскресенье. Престижный район, в котором отсутствуют подворотни и лабиринты грязных переулков, где можно затеряться. Все подъезды на соседних улицах были с домофонами — я это отметила, — а следовательно, забежать в них и спрятаться было невозможно. И ничего такого около ресторана, где можно было бы спрятаться и спокойно контролировать вход — кроме ресторанной парковки. На которой, как я понимаю, он и находился сейчас.

А к тому же ему предстояло стрелять из пистолета — того самого пистолета с глушителем, из которого он вчера застрелил удачливого некогда компьютерщика. Он не бросил его, как должен был бы сделать. Он так и нес его с собой до того места, в котором мы встретились, — жутко рискуя. Но понимая, что другого оружия у него теперь не будет. То, что полиция сопоставит потом, что два убийства совершены из одного и того же пистолета, — было не страшно. Хуже было, что пистолет лишал его возможности сделать выстрел издалека. Хотя в этом месте по-другому и не получилось бы.

Мне хотелось верить, что клиент номер два с клиентом номер один никак связан не был — и ничего не ждет. По крайней мере в дневных «Новостях», которые я посмотрела по телевизору на квартире, и в купленной мной по пути сюда вечерней газете ничего об этом не

было. Там вообще толком ничего не было — кроме того, что полиция обнаружила труп месье Андрэ Бермана около часа ночи, приехав по звонку одного из жильцов этого самого дома, поздно возвращавшегося домой и заметившего на углу тело. И что Берман, по словам консьержа, вел замкнутый образ жизни. И что полицией установлено, что Берман, полтора года назад купивший эту квартиру в центре Парижа за двенадцать миллионов франков — два миллиона долларов примерно, — являлся соучредителем одной из французских компаний, занимавшихся компьютерным бизнесом. И что никаких версий полиция пока не высказывает — хотя не исключено, что убийство Бермана, приехавшего во Францию из России, есть дело рук русской мафии. И что самое главное — никаких свидетелей убийства пока не найдено. Как заверил меня Алексей, они их и не найдут — просто потому, что их не было.

Так что никто пока не искал человека, похожего на Леху Севера, — и связи между клиентами вроде не было. А значит, находящийся где-то около входа в ресторан Северянин не мог вызвать ни у кого подозрений. Я не сомневалась, что он не будет нервно ходить взад-вперед или привлекать внимание каким-либо другим способом — он был слишком профессионален для этого. К тому же он был дорого одет, быстро отросшая щетина выглядела модной, и в целом вид у него был вполне респектабельный и он вписывался в местность.

Он так и не сказал мне, что собирается делать, — то ли не хотел, то ли не знал сам. Мне казалось почему-то, что именно последнее было верно. Хотя не исключено, что он все же не доверял мне до конца. И мог предполагать, что, пока он будет стоять в облюбованном месте и ждать клиента, я позвоню конторским.

Он сам отдал мне телефон — еще вчера вечером, когда мы подъехали к дому. В знак доверия, видимо. И напомнил сегодня, чтобы я его не забыла — он мог нам понадобиться. Только попросил включить в самый последний момент — когда я увижу, что что-то там произошло, не раньше. Он лежал в сумке и напрягал меня, пожалуй, больше, чем все происходящее. Гипнотизируя меня сквозь тонкую дорогую кожу, внушая, что я должна взять его в руки, хотя бы просто так, чтобы проверить, что не села батарейка. Но я понимала, что значит это «просто так», — и старалась о нем не думать.

Возможно, это было самое разумное, что я могла сделать, — позвонить конторским и сообщить, что Леха готовится убрать клиента в таком-то месте. Даже заподозри он потом меня в предательстве, я ведь всегда могу сказать, что они проезжали мимо, осматривая все места, в которых мы бывали вместе, и заметили машину, и подошли к ней незаметно. И, увидев в ней меня одну, сразу все поняли. И поди докажи, что это не так, — они бы ему подтвердили, если бы я им сказала, что мне так надо.

Наверное, подтвердили бы. Потому что хотя мы с ними были как бы на одной стороне, мы были в разном положении, а плюс я была свидетелем их неудачной попытки его укротить, а потом и свидетелем, пусть и заочным, их провала. И они могли решить, что, если бы не я, Север бы и не свалил никуда, негде бы ему было прятаться в чужом городе, — и затаить на меня злобу.

Мне надо было им позвонить — этого требовала логика. Даже если предположить, что Алексей сделает все удачно и уйдет, не подставив при этом меня и не засветившись — хотя, если честно, я не могла предположить, каким образом ему это удастся, — на завтра встанет воп-

рос о передаче денег, а следом встанет вопрос о Лехином будущем. Дело даже не в том, что контора никогда не согласится, чтобы он ушел из-под ее контроля, — а в том, что он будет настаивать, чтобы рядом с ним была я, а меня это никак не устраивает.

Мне плевать будет на то, что он подумает обо мне, — но ведь беда в том, что контора может на это пойти. Скажет мне, к примеру, шеф что-нибудь вроде того, что это временно, что в следующий раз, на следующем задании из Москвы приедут другие люди, которые будут вести себя с ним по-другому. А пока мне следует уехать с ним туда-то и туда-то, просто чтобы он был подконтролен. Я не сомневалась, что он может так сказать, — и не сомневалась, что Леха снова будет звонить в Москву и искать заказы на работу в Европе. И пудрить мне мозги и эту самую работу выполнять. И рано или поздно произойдет осечка — последняя для него и последняя для меня.

Так можно было думать до бесконечности — гадания утомляли, раздражали и, что самое печальное, все равно не наталкивали на единственно правильный ответ. И я потянулась к сумке, и мобильный в моем собственном кожаном футлярчике от Ферре мягко лег в руку, ласкаясь, упрекая за то, что давно не уделяла ему внимания, прося погладить в знак примирения кнопки, так соскучившиеся по моим пальцам.

Мне надо было позвонить — прождав его больше часа, я была в этом убеждена. Но что-то мешало. Может, боязнь того, что он сейчас где-то рядом — и следит за мной, проверяет меня, и даже если я нагнусь и буду набирать полулежа, то потом, подняв голову, встречусь с его глазами? А может, мне мешала вера в него — в то, что все пройдет нормально и я не засве-

чусь, а при передаче денег он сам вернется под контроль конторских, если убедится, что его хотят использовать и дальше, понимая, что я как напарник ни на что не гожусь?

Я покопалась в себе, вытащив наконец странный, но четкий ответ: я не знаю, что будет завтра, но я верю в то, что сегодня все будет о'кей. И что мне лучше никуда не звонить — пока. И я вышла из машины, сунув телефон в бардачок — чтобы избежать искуса. Объясняя себе самой, что не в телефоне дело — а в том, что, сидя здесь в течение долгого времени, я могу привлечь внимание, а это лишнее.

Я закурила и медленно пошла вниз по улице — зная, что услышу, если что-нибудь произойдет. Не выстрел, но хотя бы крики — хоть кто-то должен ведь заорать. Но мне не нравилось то, что я ничего не вижу, и я развернулась метров через сорок, так же медленно двинувшись обратно. Поглядывая на видный сквозь голые деревья ресторан, сразу заметив притормозившие у входа «бентли» и «мерседес». И быстро выходящих из «мерса» людей, подходящих к задней двери «бентли», загораживающих мне обзор.

Я вдруг поняла, что даже не знаю, какая машина у того. И застыла, вспоминая, не упоминал ли ее Алексей, пристально глядя туда — выронив сигарку и чуть не упав, когда кто-то толкнул меня сзади.

— Извините — ради Бога, извините...

Молодой мужчина в очках — высокий, симпатичный, улыбчивый — держал меня под локоть.

— О, все в порядке, месье! — Я улыбнулась ему в ответ, чувствуя, что улыбка немного натянутая. Потому что я не вижу, что происходит за моей спиной, и он не подскажет мне, что там, потому что ему в очках вооб-

ще, наверное, ни черта не видно. — Ничего страшного, я сама виновата. Просто я хотела прикурить...

— Одну секунду. — Он залез в карман, прежде чем я успела что-то сказать, извлекая зажигалку, ослепляя меня яркой длинной вспышкой, заставляя растерянно посмотреть на упавший на землю коричневый комочек. — О, вы уронили из-за меня сигарету, позвольте вас угостить?

Он достал из кармана замшевой крутки пачку, протягивая мне, — но я покачала головой. Доставая свои сигарки, прикуривая от снова зажженного им огня.

— Вы туристка, правда?

Признаться, я думала, что произношение у меня лучше. Он начинал злить меня — тем, что никак не уходил.

— Да, вы правы, месье. Я приехала из Лондона.

— О, вы выбрали не самое удачное время. Но лучше побывать в Париже сейчас, чем не побывать вообще, — вы согласны? Как вам наш город? Между прочим — может быть, я смогу вам чем-нибудь помочь? Знаете, я даже рад, что вас толкнул — иначе бы так и прошел мимо. Может быть, я могу вас куда-нибудь пригласить? Париж — это особый город, ночная жизнь здесь просто бурлит...

— Спасибо, но нет.

Я все еще улыбалась — по привычке. Будь мы в Москве, я бы посмотрела на него холодно и пошла дальше — или послала бы его на три буквы. Но я давно уже жила за границей, где вежливость принята — и даже если человеку наступают на ногу, он улыбается и говорит, что это пустяки, в противном случае его сочтут редкостным хамом.

Он не уходил, хотя все вроде было сказано. И продолжал смотреть на меня, не глядя туда и не давая мне повернуться. Впрочем, я все равно ничего не слы-

шала, — хотя мимо нас проезжали машины, равно как и по другой стороне аллеи, мимо ресторана, я не сомневалась, что, когда происходит такое, услышит и полуглухой.

— Вы на меня обиделись? Я не имел в виду ничего такого — хотя вы такая очаровательная женщина... Нет-нет, поймите меня правильно — мне действительно хочется показать вам тот Париж, которого туристы не видят...

— Может быть, не сегодня? Я устала — у меня был длинный день. Оставьте мне телефон — я позвоню вам завтра...

— О, с удовольствием, но... Будем откровенны — вы ведь не позвоните мне, правда? Может, все же лучше я позвоню вам — или вы передумаете насчет сегодня?

Господи, ну почему сейчас? Почему именно в тот момент, когда я вышла совсем ненадолго? Ничего страшного в моей отлучке не было — но ведь откуда-то за мной мог наблюдать Север и неправильно оценить происходящее. Да и этот меня наверняка запомнит — и хотя сложно связать знакомство со мной на одной стороне улицы, в то время как на другой через час или даже три часа, может быть, совершат громкое убийство, это все же лишнее.

Самое странное было в том, что я не настолько броская и эффектная, чтобы со мной познакомились на улице. Ладно в баре или ресторане, тем более что я там бываю одна, — это нормально. И это объяснимо — пришел мужчина, увидел одинокую девушку или женщину, это уж кем он меня сочтет, и подумал: почему бы, собственно, не попробовать получить удовольствие, коль скоро она, то есть я, одна? Мужчины достаточно своеобразны — им вполне может прийти в голову, что раз женщина пришла куда-то без спутника, значит, она хочет снять кого-нибудь на ночь или просто завязать знакомство. Которое

окончится сексом пусть не сегодня, но завтра — а если постараться, то все же сегодня.

Но на улице — такого не было давно. Или, может, это отличительная особенность парижан, коим молва приписывает необычайную сексуальность и любовь к женщинам — равно как парижанкам приписывает неотразимость в постели и вне ее? Сколько я здесь была, таких женщин почему-то не заметила — а на мужчин не смотрела вообще. Этот был первым — но пока доказывал мне лишь, что парижане занудны и приставучи и не понимают вежливых отказов.

— Я Патрик — почти английское имя, правда, только ударение на последнем слоге. А вы?

— Викки, — бросила первое, что пришло на ум. — Оставьте мне свой телефон, Патрик, — и завтра...

— О, конечно! — Он извлек визитку, вложив ее в мою ладонь. — Но знаете, до завтра так далеко, а тут поблизости...

Завывшая совсем рядом сирена заставила меня вздрогнуть — и я обернулась. Вырывая руку, видя на той стороне несущуюся машину с мигалкой и следом еще одну. И тут же появившуюся третью, реанимобиль, кажется. Они могли нестись куда угодно — но я уже знала куда. Не знала только, за кем.

— О мой Бог! Что-то случилось!

Он смотрел туда, но уж коль скоро ничего не видела я, то что мог видеть он, паскудный очкарик?

Мне что-то нужно было сказать ему — что-то финальное, чтобы он сразу отстал. Я не знала, что там, мертв ли клиент и жив ли Северянин, и если жив, то на свободе ли, и был ли вообще выстрел, и кем он был сделан, им или все-таки обнаружившими его конторскими, заметившими мою машину и сделавшими вывод, не подходя к ней.

— Не бойтесь, Викки, наверное, ничего серьезного, у нас такой спокойный город. Может быть, подойдем и посмотрим?

Я не боялась — скорее ему следовало меня бояться. И узнай он, что я имею самое непосредственное отношение к случившемуся, вряд ли бы он стоял тут. Правда, его предложение было мне на руку — и я заколебалась. Мне жутко хотелось приблизиться к тому месту, около которого сгрудились сверкающие огнями машины и столпились зеваки, — пусть это и было опасно. И в то же время хотелось сесть за руль, вдавить газ и умчаться в сторону международного аэропорта.

— Если вы уверены, что это неопасно...

Мы перебежали дорогу, огибая застрявшие в вызванной любопытством пробке автомобили, и он вклинился в толпу с опытностью профессионального зеваки, втягивая за собой меня, буря сомкнувшиеся ряды. Едва не врезаясь в одного из оцепивших место полицейских. Отсюда, из партера, видно было все — но видно было и меня, — и я шагнула назад, за него, успев заметить несколько больших пятен крови на асфальте, возбужденных людей в штатском в центре и впрыгивающих в реанимобиль санитаров.

— Я уточню...

Он уже забыл про меня. Ему интересно было знать, что случилось, — и я аккуратно вытянула у него свою руку, разворачиваясь и проталкиваясь обратно. Я сама могла рассказать ему, что произошло — примерно, — но мне пора было ехать.

— Викки, Викки! — Он догнал меня, глаза были округлившимися, и он смотрел то в мою сторону, то в обратную, как бы разрываясь. — Представляете, это убийство — представляете?

— Это ужасно, Патрик. — Я кивнула удрученно. — Извините, я очень впечатлительна, и мне нехорошо. Нет, нет, не надо меня провожать — я позвоню вам завтра, обещаю. Нет, не сегодня — вы уже показали мне Париж, который не видят туристы...

Я не ухмылялась, когда он оставил меня, кидаясь обратно. Я все-таки не знала до конца, что произошло и жив ли тот, о ком я думаю, — но мне надо было ехать туда, где он должен был меня ждать. И если его там нет, ехать в точку номер два. Я и так уже опаздывала из-за этого идиота.

Так и не узнавшего, что это я показала ему тот Париж, которого не видят парижане...

22

— А этот где?

Я пожала плечами. Думая, что он мог бы быть по-вежливее — и сначала поздороваться хотя бы.

— Возможно, где-то рядом.

— Может, точно скажешь? У вас с ним любовь, что ли? А то и в Москве уже задумались — ты с кем вообще?

Я почувствовала, как каменеет на лице улыбка, как похолодевший мозг вталкивает мне в рот ледяной убийственный ответ.

— Анна, вы не обижайтесь. — Первый, еще раньше изобразивший желание вмешаться, встрял наконец, помешав мне ответить. — Добрый день, между прочим, — простите, не успел сказать. Такая ситуация, конечно, мы понервничали. И за него, и за вас. Может, вы его позовете — мы бы поехали сейчас к нам и все обговорили бы...

— Я ведь сказала — я не знаю, где он...

— Ну да, конечно. — Первый покачал головой понимающе, на лице его была забота. — Конечно-конечно. Как вы там с ним, нормально? Мы за вас беспокоились — да и в Москве волнуются...

Хороший следователь и плохой, добрый и злой — схема неновая, но порой дающая результаты. Однако опробовать ее на мне не стоило.

— Давайте перейдем к делу, — заметила прохладно. — Я забираю у вас деньги, отношу ему, и...

— А вы где живете сейчас? — Первый спросил это как бы случайно, словно давно хотел, да все забывал и тут вдруг спохватился. — Мы за вас беспокоились, все отели объездили...

— Я могу дать вам адрес, но не могу дать гарантии, что через час он не решит отсюда съехать...

— Да, партнер нам попался! — Первый рассмеялся чересчур весело. — Вы не подумайте, Анна, что я вас имею в виду, — я о нем...

— Если знаешь, где он сейчас, ты найди его и скажи, чтоб сюда шел, — влез второй. Он сидел за рулем, не поворачиваясь ко мне — видимо, таким образом выражал свое отношение к моей персоне. — А не знаешь, так тут пока посиди — посмотрит со стороны, сам подойдет. Ему ж деньги нужны — придет, куда денется...

Это было неумно — кажется, уже можно было догадаться, что, раз пришла я, он не появится. Я бы тоже предпочла, чтобы он пришел за деньгами сам, — и рассчитывала, что так и будет. Но вчера, когда я собралась им звонить, он сказал мне, что не пойдет — мало ли что, вдруг видел кто, вдруг свидетели нарисуются, на черта светиться просто так? А конторские поймут — ну не совсем же лохи. И мне это показалось убедительным — а к тому же я была жутко рада, что все обошлось, по крайней мере пока.

Когда я приехала в первую точку, его там не было. Я понимала, что опоздала — и ждать ему было негде, он бросался бы в глаза в этом пустом переулке. И я выругала себя за то, что потеряла время на переход через

дорогу с любознательным Патриком — хотя ведь толком ничего не выяснила, никто ведь не сказал мне, что киллер сбежал, никем не замеченный. И поехала в точку номер два — через две улицы от первой.

Сейчас не вспоминалось, о чем я думала в машине, — кажется, я просто зажала себя, ни о чем не размышляя, гоня прочь все мысли. Зная, что мне следует полагаться на судьбу — и просто ждать. И когда я притормозила в конце той улицы, ушла направо и запарковалась, почувствовала, какая внутри пустота. Не сразу заполнившаяся, когда увидела, как к «пежо» неторопливо подходит он — и стучит по стеклу и открывает дверь, наклонясь ко мне с улыбкой, и садится.

— Может, поедem?

Уже понятно было, что судьба за нас, — и я не удивилась, что за нами не гнались каким-то образом выследившие его полицейские, что никто не стрелял по машине и не пытался сбросить ее с дороги, что не выхватывали нас прожекторами поднятые по тревоге вертолеты. Я ехала медленно, и он не просил меня прибавить скорость — и мы оба молчали. И я первая нарушила тишину, когда притормозила у знакомой бензоколонки.

— Я куплю вина, хорошо?

— И побольше! — Он снова улыбался. — И поесть не забудь — не то у тебя только выпивка на уме...

Мы и в квартире долго молчали — обмениваясь ничего не значащими фразами. Я только там поняла, что расход нервов был дай Бог — они все это время утекали незаметно, и пусть я казалась себе спокойной, пока ждала его, теперь платила за это спокойствие опустошенностью и слабостью. И руки слегка тряслись, когда я набрала их номер — сказав сухо, что все в порядке и завтра они должны передать деньги. «Хэллоу, Ник, это Анна, — произнесла, когда слышала голос первого. —

О, у нас сегодня был чудесный день, а у вас? Хотела напомнить, что завтра мы должны встретиться в банке, вы не забыли? В два часа? Прекрасно. Уточним утром, где именно встретимся — о'кей?» И продолжали трястись, когда я делала сэндвичи и резала сыр лично для себя, потому что он его не ел, и вскрывала коробочки с салатами и открывала вино.

Мне не хотелось пока ничего — и я сказала, что схожу в ванную, мне это необходимо. И не удивилась, когда он ко мне пришел — это уже была традиция — и сел рядом. И я жестом показала ему, что он может присоединиться — в конце концов, я уже видела его голым, равно как и он меня, и никаких открытий нам не предстояло.

Он не стал отказываться — быстро устроившись напротив. Чуть поморщившись, потому что вода показалась ему слишком горячей.

— Сваришься ведь, Анна! Или это так у тебя там все меня ждет — так что вода кипит?

Это было пошлово — но не стоило забывать, кто он и откуда. Вчера, во время долгой бессонной ночи — которую я закончила сама где-то часа в четыре, сказав ему, что больше не могу, что было правдой лишь отчасти, — практически все, что он говорил, было грубоватым и пошловатым. Я не винила его — я знала, с кем имею дело, и понимала, что он, видимо, всегда так изъяснялся в постели. И хотя раньше мужские пошлости меня коробили — особенно в молодости, когда хотелось чего-то красивого, а все прочее казалось грязным и гасило желание, — тут я не придавала им значения. Тем более что рот у него большую часть времени был занят — наверное, даже дольше, чем мой.

И потому сейчас я только улыбнулась ему в ответ:

— Вы предпочли бы, чтобы тут стало холодно и сухо?

— Ну я б в момент разогрел...

Он сидел напротив, глядя на меня, несколько размытый из-за напущенного мной пара и дыма от сигарки, смягченный немного этой размытостью, менее жесткий, менее опасный, более привлекательный. Я видела, что он смотрит на меня — в лицо, поскольку все остальное было скрыто пеной, — и встретила с ним глазами.

— Переживала?

Вопрос был таким мягким, таким необычным для него — или он стал таким, пройдя через пар и дым?

— Немного.

— Да я сам... Прикинь — ну неоткуда, в натуре неоткуда. На парковку вперся — до входа далеко, это из винтовки в самый раз, а с этим-то... Да еще и засекут того гляди — долго не проторчишь. Старые отъезжают, новые подъезжают — а тут хмырь какой-то между машинами сидит отдыхает. Попрут же. Да и машин немного — видно меня. Я уж знаешь чего думал — умрешь сейчас. Мы ж там были с этими-то твоими, ну внутри — ну так я и думаю: отшмаляю и через кухню попробую уйти. В фильме каком-то видел такое. Вот не поверишь — чую, фарт прет, все нормальное будет. И уж вроде устал топтаться-то у входа — я там прогуливался так, будто жду кого, — а не ухожу. А потом смотрю — телка паркуется, ну такая, старая, разодетая, «мерс» такой нормальный. И встала класс — ну как надо. Уходит, а я ей про себя: дай тебе, бабка, Бог здоровья...

Он расхохотался, ему показалось это забавным.

— Я так захожу туда, за «мерс» встал — самое оно. Далековато, да и угол херовый — но хоть так. А тут этот. Я даже оборачиваться не стал — времени не было. Ствол достаю, а тут быки эти, охрана, тачку загораживают. И

вроде идут уже — этот чуть из-за одного высовывается. Ну и я всю обойму туда — сначала две в охранника, а потом четыре в этого. Грубовато — но верняк. Бык споткнулся, этот как на ладони — все четыре в него. А тут их тачка как раз на парковку въезжает — и меня и не видно вроде. Я ствол под бабкин «мерс» и на прогулку — пешочком так. Иду и спиной чувю — со мной фарт, со мной. Везуха сегодня у Лехи. Ну прикинь — красавец я, а? Ну в натуре красавец!

Я молчала. Не представляя ничего — просто глядя на него. Он воодушевленно рассказывал, радостно — но это было больше похоже на нервное возбуждение, на выплеск пережитого. И я не удивилась, когда он махнул рукой.

— Скучно все это, Анна. Все, свернули базар. Может, вина принести — а че, прям сюда?

Он выскочил, прежде чем я отреагировала на такое слишком сильное для него предложение, — и мы сидели и пили вино. А потом ели, включив телевизор, так и не услышав ничего. А потом переместились в постель.

Если честно, мне хотелось разрешить ему все. Тем более что он не настаивал вчера — и предпринял только одну попытку в эту ночь. Когда я возбуждала его с полчаса языком, губами и намазанными кремом пальцами — намеренно не давая ему кончить, — и он, стонавший и сжимавший мою грудь, не выдержал в какой-то момент, подмяв меня под себя и одним движением раздвинув мои ноги. Но одно мое слово — «пожалуйста» — его остановило. Не знаю почему — может, потому, что он и вправду верил, что для меня это серьезный шаг?

У него это было трижды, прежде чем я его отпустила, — а у меня на раз больше. Конечно, он был менее умел, чем даже не слишком опытная лесбиянка. Но меня

жутко возбуждал тот факт, что он, человек из того мира, где о женщинах отзываются презрительно и где подобные ласки считаются чем-то отвратительным и низким и недостойным настоящего мужика, старался сделать мне приятно.

Не скажу, конечно, что он наслаждался процессом — но и отвращения я не видела. Это просто было для него ново и непривычно — но я так хвалила его, говорила ему такие комплименты, так стонала и шептала, что он, я думаю, полностью забыл о том, что в Москве такое было бы для него невозможным. Попросившая об этом девица в лучшем случае была бы послана на три буквы — а в худшем получила бы по лицу.

Я не раз убеждалась в том, что представитель криминального мира, из этого самого мира вырванный на время, общающийся с человеком из мира параллельного, меняется. Если он, конечно, не тупой бычина, а нормальный толковый человек, добившийся авторитета не только кулаками и стволом, но и головой. И он тоже менялся, целуя меня между ног, целуя куда более стыдную дырочку, в которую другим всовывал только член, но не язык. Конечно, поцелуев туда было меньше, чем прикосновений, ему легче было делать это пальцами, целуя при этом мои ноги, — но я нагло требовала именно оральных ласк. В одном из перерывов заметив ему, что рукой могу все сделать себе и сама — лучше, чем кто-либо, — равно как он может сделать это себе. И он рассмеялся только.

Я выкладывалась полностью в постели — больше, чем делала это по работе, когда от оставшегося у моего партнера впечатления от меня во многом зависело выполнение задания. А здесь это была не работа — это было искренне. И я ничего не стеснялась, я была максимально открыта и откровенна, темпераментна и не-

жна, бесстыдна и внимательна, изобретательна и разнообразна. И я видела, что ему совсем не скучно, хотя он привык к другому, видела, что ему это нравится — это и глаза его подтверждали, и тело, и слова.

Я устала так, что не хватило сил дождаться первого выпуска новостей. До них полтора часа оставалось, когда я уснула. Я так хотела их дождаться, прежде чем мы оказались в постели, — но у меня просто не было на это сил. Я даже не дошла до ванной. Я даже не ушла из его постели — хотя предпочитала спать одна. Да даже не заметила, как отключилась.

А ровно в двенадцать я встала — на два была назначена встреча. И пила кофе под включенный наконец телевизор, подававший вчерашнее убийство видного бизнесмена, подозревавшегося в связях с криминальным миром Франции, как главную сенсацию дня.

Он говорил слишком быстро, ведущий. Почти скороговоркой — но, как я поняла, покойный, мультимиллионер, владелец банка и нескольких крупных фирм, подозревался в отмывании грязных денег и неуплате налогов, и его убийство приписывалось мафии, с которой он что-то не поделил. Местной мафии — о русских не было ни слова. И с убийством накануне ночью тоже никто не проводил параллелей. И, что самое главное, пока убийцу видел только один человек — описавший его как мужчину среднего роста в темном пальто, настолько спокойно вышедшего с автомобильной парковки около престижнейшего парижского ресторана, что свидетель даже выражал сомнения, что видел именно киллера.

«Месье Фош, сам обратившийся в полицию, утверждает, что мужчина, лица которого он не разглядел, спокойно шел, не убыстряя шаг и не оглядываясь назад. Мсье Фош не отрицает, что, возможно, мужчина про-

сто проходил через неогороженную парковку, потому что в его действиях не было заметно ни нервозности, ни поспешности. По словам свидетеля, он бы не вспомнил ничем не выделявшегося мужчину, если бы не узнал, что у ресторана было совершено убийство, причем стреляли именно со стороны парковки. Месье Фош сообщил полиции, что не заметил, чтобы мужчина сел в поджидавшую его машину, — ему кажется, что тот просто ушел.

Однако полиция не сомневается, что найдутся еще свидетели этого кровавого убийства, совершенного в самом центре Парижа. И киллер, шестью выстрелами смертельно ранивший двадцатипятилетнего телохранителя Мишеля Арно и убивший не раз становившегося объектом скандалов, расследований и сенсаций месье Дювилля, будет найден...»

— Ну пусть ищут, — отреагировал Алексей почти равнодушно, выслушав, что я ему сказала. — Газету купишь, ладно — может, там побольше? И это — может, кофе тебе еще?

Он был сама предупредительность. Встал первым, разбудил меня, а пока я была в душе, сварил кофе. Который сам не особо любил — знаю, мол, что сразу после душа кофе пьешь, вот и сделал. Не скажу, что была тронута, — но его поступок, думаю, очень для него необычный и значимый, был лучшей оценкой того, что произошло между нами. И я курила, и пила кофе, и слушала еще раз его инструкции. А час пятьдесят спустя, высадив его в минутах десяти ходьбы от места встречи и бросив там же машину, прошла через огромный универмаг и в два ноль семь садилась в «Пежо-605». И вот уже пятнадцать минут как сидела в машине вместе с двумя встречавшими — и ждала, пока наконец они отдадут мне деньги.

Я не сомневалась, что он где-то рядом. Он сам подал мне идею назначить им встречу около большого магазина — и я не задумываясь последовала его совету. Я не знала точно, где он, — но знала, что где-то тут. И еще знала, что где-то поблизости находится еще третий конторский, а может, и четвертый, если он существовал.

— Мы так и будем сидеть? — поинтересовалась наконец. — Мы же здесь для того, чтобы что-то сделать, правда? Ну так давайте сделаем. Он просил, чтобы я забрала у вас деньги — и чтобы мы договорились о встрече вечером в людном месте, где вы сможете обсудить дальнейшие перспективы. Я заинтересована в том, чтобы все произошло быстрее, не меньше, чем вы, — так, может, не будем терять время?

— Вот на встрече все и получит! — Второй был непреклонен. — Ты ему и скажи — от нас свалил, считай, контракт нарушил. Подставить мог тут нас всех — а теперь ему бабки...

— Если он и мог кого-то подставить — так это меня, потому что вас там рядом не было, — заметила вежливо, но твердо. — Мне все это тоже уже надело — и я очень хочу со всем этим закончить. Если вам так нравится сидеть в Париже, дело ваше — я предпочитаю другие города...

— Анна, ну что вы за него заступаетесь? — Первый все еще играл этакого джентльмена, прямую противоположность своему напарнику, хотя под напускной вежливостью и веселостью была такая же злость, как и у второго. Видимо, когда они позвонили позавчера и доложили, что Север ушел, разговор с ними был жесткий и предметный. И вчерашний звонок в Москву — сделанный сразу после моего — тоже радости им не принес. — Вы же понимаете, в каком мы оказались положении из-за него? Жаль, что вы нам не позвонили

вовремя — мы бы избавили вас от необходимости при этом присутствовать.

— Ты работаешь-то на кого, помнишь? Ты с кем вообще? — Второй встрял снова, не пряча злобы. — Или у вас с ним любовь там? То с нами не едешь, а сама новую базу для него ищешь, — то за деньгами приходишь. Нас уж Москва спрашивает — они там в доле, может? Не знаю, говорю, — но ведь могу и по-другому ответить...

— У меня не было возможности вам звонить — не-сложно догадаться, верно? — ответила в тон. — И на кого я работаю, мне известно. Роль посредника между им и вами мне не нравится — и если бы не вы, меня бы уже здесь не было. Сначала вы с ним во всем соглашаетесь, потом его упускаете — а свою беспомощность пытаетесь свалить на меня? Один тут был уже, тоже весь из себя крутой — закончил, правда, похуже, чем вы. По вашей вине он ушел — и на меня ее перекладывать не надо. И я не собираюсь возвращаться без денег и находиться у него в заложницах, пока вы не соблаговолите отдать ему то, что обещали. А насчет Москвы...

Он промолчал — почему-то злорадно глядя, как я набираю длинный номер. И я не удивилась, услышав от приветливой девушки, что мистер Головин в настоящее время отсутствует, но обязательно свяжется со мной, как только появится. Это могло означать, что шефа в самом деле нет — либо что он не хочет со мной говорить, потому что кто-то более высокий принял решение рискнуть мной, но вытащить Леху на встречу с конторскими. А в худшем варианте это означало, что эти два урода сплавляли меня как могли — понимая, что могут оправдаться только за мой счет. И им поверили.

— Короче — передай ему, что пусть вечером приходит сам. — По непреклонности второго можно было

догадаться, что он знал, чем закончится мой звонок. — Давай в восемь или в десять — все равно, хоть в двенадцать. На той квартире, которую вам сняли, — вот там пусть будет.

— Я сомневаюсь...

— Ты ему передай — придет, никуда не денется, — оборвал меня второй, в который раз показывая, что ни он, ни его приятель абсолютно не понимают, кто такой Северянин.

— Не появится — денег не получит. А паспорт его Интерполу засветим — так что и не улетит отсюда.

— А что, интересно, делать мне? — поинтересовалась резко. — Ждать, пока его примут и он меня сдаст?

— А вы уезжайте, Анна, — добро посоветовал первый, посмотрев на молчавшего второго. — Он в квартиру зайдет, а вы уезжайте.

— А если он меня заставит пойти с ним?

— Ну, Анна, вы же женщина, вы ему нравитесь, неужели не отговоритесь? Нет, серьезно нравитесь — мы уже давно по его разговорам это поняли. Да вы же и сами знаете, Анна, — ну разве он мог перед вами устоять? — Первый был сама учтивость, только вот не нравилась мне эта лившаяся из него патока. — Вы ведь умеете с такими обходиться, правда?

Это был намек на что-то прошлое — я не знала точно что, — но ему не стоило это говорить.

— Я много с кем умею обходиться — в отличие от вас, — бросила резко. — А что касается средств, то я более разборчива в их выборе, нежели вы. Я уже видела в день нашего знакомства, как вы то глазами сверкали, то, извините за прямоту, становились в неприличную позу. В которой клиент вас потом и использовал...

— Анна, ну что вы! — Первый возмутился деланно, не приняв оскорбление, а вот второй напрягся

так, словно я напрямую назвала его педерастом. — У меня и в мыслях не было вас обидеть. А вы с нами так жестко...

— Ладно, потом разберемся. — Второй до боли напоминал мне Владимира своей тупостью. — Скажи, на мужской разговор его ждут — тебя не приглашали. Ну придумай что-нибудь — чтоб клюнул. Ну все, звякни тогда...

— Скажите — будущее у него есть? — Я смотрела на первого, немного сожалея о собственной несдержанности, потому что мне нужен был честный ответ. — Вы ведь понимаете, о чем я? Если вы что-то предпримете и у вас это не получится, вы подставите меня...

— Да что вы, Анна! Ну зачем...

— Ты за него не беспокойся, — перебил его второй. — И за нас тоже. И за себя.

— Я настаиваю на ответе! — Это было глупо. Но я ничего не могла с собой поделать — разговор вывел меня из себя. — Пока весь ваш профессионализм свелся к тому, чтобы делать что он скажет, а потом его потерять, — и я не собираюсь приглашать его в ловушку, из которой он уйдет и вернется за мной...

— Ты свою работу сделай — а мы свою сделаем...

— Анна, ну что вы? — поспешно начал первый, видя, как я кладу руку на ручку, открывающую дверь. — Никто такого решения не принимал, все, что нам надо, — это с ним поговорить. Да, и если увидите его в ближайшие полчаса — мы будем здесь, подождем на всякий случай...

Я вылезла из машины, даже не кивнув им на прощание. Они злобили меня — хотя я понимала, что за Севера им навставляли так, что они его ненавидели. А я для них была его представителем, так что часть ненависти переносилась на меня. Но они были пешки — делавшие

все, что скажет им контора. Которая, наверное, думала еще, как быть с Севером — в конце концов, убийство произошло, когда в Москве была ночь, и обсуждать дальнейшие планы они сели только утром, и не исключено, что еще не решили ничего. Или уже решили — но не желали ставить в известность меня. В большой игре пешкой можно и пожертвовать — если думаешь, что эта жертва принесет победу. Я, конечно, верила, что я не пешка — я была ею давно, но, кажется, пару лет назад уже перешла в разряд тех пешек, которые становятся проходными, — но они могли считать по-другому.

Я купила газету на углу, специальный дневной выпуск, в котором случившемуся был отведен целый разворот. Но ничего нового не было там — те же факты, те же версии, а многочисленные фотографии покойного и его телохранителя, не сумевшего сохранить ни жизнь босса, ни свою собственную, особого интереса для меня не представляли. Я рассмотрела бы их внимательно, не возникни очередная проблема, — но теперь лишь скопала газету, убирая ее в сумку.

Я шла не спеша через длинный огромный магазин, думая о том, что оказалась в очень скверном положении. Если он к ним не пойдет — а он к ним не пойдет, — они не отдадут ему деньги, это очевидно. Если не отдадут ему деньги, в его глазах виноватой буду я, это тоже понятно. И отношение его ко мне сразу изменится — несомненно, когда речь пойдет о возможной потере полумиллиона, никаким сексом такую сумму уже не компенсируешь. И вот тогда я точно стану заложницей — с помощью которой он будет пытаться убедить их все вернуть. И обе стороны будут хитрить, выдвигая неприемлемые для другой стороны условия, и тянуть время.

Я знала, что он будет работать с ними только на своих условиях. Он никогда не позволит поселить себя в названном конторой месте и держать себя под полным контролем — потому что должен понимать, что не вечно будет оказываться хитрее и быстрее. Должен понимать, что будет становиться все опаснее и опаснее для конторы — и в один прекрасный день его кончат. А они не будут работать с ним на его условиях — понимая, что рано или поздно он исчезнет.

Это был замкнутый круг — в центре которого была я. Они могли что-то сделать — либо разорвать круг, либо сузить его до предела, превратив в точку. А я ничего сделать не могла — и в любом случае проигрывала. Либо меня должны были раздавить, либо я проваливалась в безвоздушное пространство.

Мне хотелось верить, что шеф объявится вскоре. Он никогда не подставлял меня, он всегда был на моей стороне — но с другой стороны, у меня никогда не было такого задания и такой ситуации. Я и раньше знала — ведь у меня поганая натура, — что может прийти момент, когда он меня бросит, от меня отречется, может, и не по собственной инициативе, а вынужденно, но мне не будет от этого легче. И сейчас очень похоже было на то, что этот момент пришел.

Я шла не спеша по оживленному магазину, не обращая внимания ни на кого и ни на что, вдруг улыбнувшись мысли о том, как описал бы сейчас меня какой-нибудь автор детективов, будь я его героиней. Я всегда ненавидела банальности — но это описание точно было бы жутко дешевым и банальным. Типа того, что «она шла, размышляя о том, что ее жизнь вот-вот может оборваться, с тоской взирая на счастливые лица прохожих, на кипящую вокруг нее жизнь, в которой она

была чужой». Типа того, что «несмотря ни на что, она была женщиной и, оказавшись в магазине, повела себя чисто по-женски, пристально всматриваясь в витрины, думая о том, что, наверное, ей бы пошел вот этот костюм или вон то платье — и, думая об этом, она забывала о том, что над ней нависла мрачная тень».

Жизнь сделала меня достаточно равнодушной — и я не требовала от людей чувствовать мое состояние и проникаться ко мне состраданием. И вовсе не считала, что если мне плохо, то все вокруг должно замирать. Я сама большую часть своей жизни прожила, находясь в прекрасном настроении, чувствуя себя если не счастливой, то близкой к этому — а рядом ходили несчастные, обиженные, некрасивые и бедные, нисколько меня не трогая. И еще я знала, что витрины меня не отвлекут, потому что я более-менее обеспеченная женщина и оттого придирчивая и капризная в том, что касается вещей, — и даже будь это не универмаг, а диоровский, скажем, бутик, самое причудливое платье, продавайся оно хоть за десять франков, не заставило бы меня забыть о том, что происходит.

Что ж, по крайней мере я немного развеселилась. И вправду начав разглядывать застекленные прилавки с косметикой и бижутерией и ювелирными изделиями — обычный ассортимент первого этажа таких вот огромных комплексов, будь то Европа, или Америка, или Австралия, — чтобы прийти в соответствие с нарисованным мной образом. Мне ничего не было нужно, французская косметика в Канаде была подешевле, чем во Франции, тем более проще было купить все в аэропорту в Париже, в беспошлинной зоне, но так я отвлекалась от своих мыслей. И потому смотрела, перемещаясь по огромному залу, — и совершенно случайно оглянулась

назад, инстинктивно почувствовав что-то. Но ничего не увидела.

Кстати, они действительно могли меня пасти — чтобы я вывела их на Алексея. Мне это даже не пришло в голову — только сейчас. Глупо, конечно, — надо быть супермастером слежки, чтобы вот так пасти меня, знающую их в лицо, только что с ними разговаривавшую. Тем более пасти за границей, в незнакомом городе — в котором они освоились уже более-менее, может, и бывали тут раньше, но все же не настолько освоились, чтобы быть здесь своими.

Но все-таки я что-то чувствовала. Правда, это мог быть Северянин, идущий за мной — из недоверия или из желания проверить, нет ли за мной слежки. И я, вспомнив, чему меня учили в свое время на курсах, сделала вид, что все в порядке, и продолжила хаотические перемещения, останавливаясь то там, то тут, нюхая тестеры с новыми диоровскими духами, интересуясь цветами помады от Елены Рубинштейн, рассматривая лаки от Живанши. И вышла наконец на улицу, вдруг замерев, резко повернувшись к магазину с озабоченным лицом, на котором читалась попытка вспомнить, что именно я забыла там посмотреть.

Мужчина, шедший за мной метрах в трех, был единственным, кто среагировал на мое движение, отвернув поспешно в сторону, к газетному лотку. Он показался мне знакомым — нет, скорее его поспешность показалась мне странной. И я постояла так, еще раз мазнув по нему взглядом, покачала головой, как бы удивляясь собственной забывчивости, и пошла дальше, в ту сторону, откуда пришла на встречу. Машину я оставила на большой парковке, до нее было еще минут пятнадцать ходьбы по улице, полной са-

мых разных магазинчиков и бутиков — дававших мне возможность проверить, действительно ли это за мной или мне просто кажется.

Он шел за мной, этот мужчина, — я убедилась в этом, когда снова остановилась, повернувшись, шагая назад к аптеке, мимо которой прошла только что. Вот что значит действовать в незнакомом городе — ловишься на ерунде. Ему, вместо того чтобы останавливаться и отворачиваться, следовало отметить, куда я направилась, и войти туда вслед за мной, чтобы не торчать на улице, — но, видимо, он не знал французского и, значит, боялся засветиться при мне, уже зная, что ни в одном магазине ни одного покупателя просто так в покое не оставят, а будут спрашивать, что ему нужно, до тех пор, пока не получат хоть какой-нибудь ответ.

Мне самой здесь ничего не было надо — и я сама растерялась, услышав вопрос, что меня интересует. И как-то очень быстро нашла ответ — противозачаточные таблетки. Да, да, я знаю, что каждой женщине подходят свои таблетки, нужна консультация с врачом, но я туристка, я не рассчитывала, что они мне понадобятся, а оказалось, что французы так симпатичны и так умеют ухаживать...

Он посмотрел на меня с восхищением — пожилой мужчина с седыми усами. Наверное, я в его глазах вела себя так, как настоящая француженка — открыто, без ложного стыда заявляя, что планирую с кем-то переспать, и весело и легко ища способ избавиться от последствий. Не думаю, что француженки в большинстве своем именно таковы, — но он тем не менее смотрел на меня как на свою, порекомендовав мне в конце концов какие-то таблетки — которые я и купила тут же.

Он стоял у аптеки — я видела его сквозь стекло, пока беседовала. Он не смотрел на меня, он оглядывал-

ся рассеянно, словно ожидая кого-то. Но я уже точно знала, что он за мной, — потому что узнала его лицо. Это был тот самый третий, которого я видела мельком в аэропорту в соседней машине. Я узнала его только потому, что терпеть не могу блондинов — а он как раз был самый натуральный блондин. И ладно бы еще волосы короткие, как у Северянина, — к таким я отношусь нормально, — но у него они были средней длины. И плюс круглое лицо, щекастое, мясистое — в котором не было ничего особенного, которое бы я забыла, не увидь его здесь.

Я вышла из аптеки и пошла в сторону машины. Если хотят пасти — пусть пасут. Начни я играть с ним, начни предпринимать попытки от него оторваться, эти все сообщат конторе, и все будет выглядеть так, словно я на стороне Севера. И сейчас-то уже они намекают, что подозревают меня — а так подозрение только усилится. Мне было плевать, что думают эти двое и их друг третий, но молчание конторы мне не нравилось. Они связывались с ней, это точно, а вот со мной контора разговаривать не пожелала. И это был не очень хороший знак.

Я выбросила из головы того, кто шел за мной. И шла и поражалась самой себе — на вопрос аптекаря сказавшей именно про противозачаточные таблетки, а не от головной боли, скажем, или расстройства желудка. Видимо, я все время держала в голове то, что должно было произойти сегодня вечером. И была настроена на это — и отсюда и взялся этот ответ, его.

Он говорил, что ненавидит презервативы, которые приходится надевать с проститутками, — и я их ненавидела, они были для меня символом искусственности, помехой, суррогатом, чем-то типа безалкогольного вина.

Когда-то давно я, конечно, на них настаивала — безопасность прежде всего, тем более что это была работа. Но то, что предстояло сегодня, — это было нечто иное. И я сама, по-видимому, хотела, чтобы все произошло. Наверное, хотела. Мысль напрягала меня немного, у меня очень давно этого не было с мужчиной и плюс это был мой последний козырь в отношениях с Северянином.

«Очень уместно!» — сказала самой себе с издевкой. В такой ситуации, когда я нахожусь между двух огней, любой из которых сожжет меня в одно мгновение, я думаю о сексе. И это не попытка абстрагироваться от происходящего — это самое настоящее желание. Может, не ярко выраженное в силу моего отношения к мужчинам, может, не окончательно сформировавшееся, но все же существующее.

Что ж, Алексей рад был бы об этом узнать. Вчера ночью он спросил меня, нравится ли он мне, — и я кокетливо ответила, закатив глаза, что он не может этого не видеть. Но я понимала, что он ждет другого ответа, более серьезного, более значимого. Бесспорно, услышь он от меня признание в любви — которой быть не могло, не мое чувство, — я бы надоела ему через пару дней или пару недель. Но ему важно было знать, что я с ним не потому, что он меня утомил своими представлениями, не потому, что мне это нужно для дела, не потому, что решила проделать это с ним из спортивного интереса и ради физической разрядки.

Ему, кажется, хотелось, чтобы для меня все это что-то значило — что-то большее, чем просто постель. И то, что он называл меня ледышкой, это подтверждало. Он своеобразно так произносил это слово. С восхищением, с одной стороны, — тем, что у женщины могут

быть чисто мужские свойства, принцип «трахнул и привет», — и огорчением, с другой. Ему нужны были мои чувства — на раз, на два, ну на месяц, может, — а не хладнокровное партнерство. Видимо, все женщины, с которыми он делал это, обязаны были к нему что-то испытывать — иначе это его задевало.

Но вполне возможно, что ему это нужно было не только потому, что он сам что-то глубокое испытывал ко мне, — не потому, что я уязвляла слегка его самолюбие. Вполне возможно, это требовалось, чтобы уверовать, что я привязана к нему своими чувствами и буду делать все, что он скажет — не в плане секса, в плане работы. Для него это было бы гарантией, что я с ним, — и меня можно спокойно использовать, пока я нужна, пока он не освоился тут, на Западе, как следует, пока не получил от конторы определенное количество заданий на своих условиях и не выполнил определенное количество заказов из Москвы. А потом — потом я утрачу свою ценность. И буду слишком много знать. А значит — если только он не собирался на мне жениться, в чем я сомневалась, — меня надо будет убрать.

Конечно, может, это было чересчур — такие вот предположения. Но я с моей поганой натурой не верила, что он так уж сильно мной увлечен, — и не верила, что я ему нужна только для чувств и секса. Кто-то назовет это цинизмом — на мой взгляд, это трезвый реализм, основывающийся на жизненном опыте — и на твердом убеждении, что каждый сам за себя.

Но как бы там ни было, я не могла ему ничем помочь. Максимум, что я могла, — это ему отдаться. Для меня это и так было слишком много. Но я хотела сделать это не для него — а лично для себя. И только один раз. Больше ни к чему — да и неинтересно.

Но судя по тому, что происходило сегодня, все равно все откладывалось. Может быть, до ночи, если он поедет на встречу с ними и с нее вернется. Может, до завтра, если встречи не будет и вместо нее стороны продолжат переговоры через меня. А может, и насовсем.

Что ж, я совершенно не собиралась переживать по этому поводу. Я знала, что все получится так, как получится. Тем более что надеждам Севера на то, что после ночи с ним я стану иной — он, видимо, считал свой член волшебной палочкой, который способен преобразить женщину, подчинив ее себе, — не суждено было сбыться. Так что, возможно, было бы лучше, чтобы он об этом и не узнал...

23

— Ну что считать, Анна? Неужели мы будем обманывать — тем более в этой ситуации?

Я молча посмотрела на первого и тут же отвернулась, продолжая пересчитывать аккуратно уложенные в чемоданчик пачки.

— Да, и еще одно, — бросила, отвлекаясь на секунду. — Как только вы получите команду из Москвы, мы зайдем в ближайший обменный пункт — вот, кстати, один, впереди, метрах в двадцати, видите? — и проверим несколько банкнот. Выберем несколько пачек, вытащим из каждой по купюре — скажем, вы поменяете пятьсот долларов, и я пятьсот. Или лучше вы тысячу, а я пятьсот...

Второй, так и не обернувшись ко мне ни разу, тихо выругался. А на лице первого появилась обида.

— Ну что вы, Анна? Думаете, что подделку вам отдаем? Обидно, честное слово...

— Да не мне вы их отдаете! — Я была резкой и жесткой. — Если он убедится, что здесь не хватает десяти тысяч, если окажется, что деньги фальшивые или помеченные, — он меня заставит за это отвечать. А я рисковать собой из-за вас не собираюсь. Пока я вижу только одно — что сделать вы ничего не можете. Вы себя не в состоянии защитить — так что я вынуждена заботиться

о себе сама. Потому что, если что, сначала он придет за вами — а потом за мной...

Второй снова выругался, пробормотал что-то злобное, но не слишком громко. Он был очень крут, когда мы встречались сегодня в первый раз, — но вот прошло всего полтора часа, а крутость снова оказалась пустышкой. Как и в случае с Владимиром, которого он мне очень напоминал.

Они снова были в дураках. И сейчас вынуждены были вновь идти на все условия Севера. Потому что тот снова всех перехитрил. Всего одним ходом.

Он сделал его, этот ход, когда я уже была на парковке. Я не оглядывалась больше, я шла к машине, думая, что Северянин там или появится вот-вот — и если третий конторский идет за мной, так пусть идет. Я плохо представляла, что ему дает эта слежка — ну доведет он меня до «пежо», ну увидит Севера и как мы отъезжаем, а что дальше? Номер машины им и так известен — они на себя ее брали. Или он думал, что мы живем где-то рядом и пойдем туда пешком? Или ожидал, что мы пойдем в ресторан и на выходе они нас встретят и скажут Северу, чтоб сажился к ним в машину, они поедут разговаривать?

Я четко знала одно — даже если тот, кто идет за мной, связывается по телефону с первым и вторым, те не могут тронуться с места, потому что не знают, куда именно я иду. И в любом случае не успеют к парковке, если я сяду сейчас и тут же стартую. И соответственно шансов на то, чтобы проследить нас до того места, где мы живем, у них фактически нет.

Ладно, это было их дело — следить или не следить. И я дошла до машины, маленького темно-зеленого уродца, которого лично я никогда не выбрала бы в прокате, — убедившись, что Северянина в ней нет. Я оставила ему

ключи, он так попросил — посижу здесь, че светиться, подремлю, может. Я удивилась — я думала, что он пойдет за мной, чтобы посмотреть издалека, чтобы убедиться, что я взяла деньги и возвращаюсь к нему. Но его слова показались мне разумными — а его поведение доказывало, что он мне верит. Что ему и в голову не приходит, что я дойду до тех и попрошу их отвезти меня в аэропорт, наплевав на оставшиеся в квартире вещи — которые бы я, кстати, никогда не оставила, они были мне слишком дороги. Однако теперь его тут не оказалось — и мне предстояло ждать его под легким, чуть моросящим дождем.

Я остановилась нерешительно, не зная, то ли ждать здесь, то ли зайти в какой-нибудь магазин. И подошла вплотную к «пежо», чтобы убедиться, что он не спит там, улегшись на сиденья, — и похлопала пустую машину по мокрой крыше и обернулась наконец. Увидев открыто идущего в мою сторону третьего — не сразу разглядев Севера позади него. И только когда они подошли вплотную, заметила, что Север упирает ему что-то в спину — что-то, что он не вынимал из кармана плаща.

— Во, Анна, корешка твоего привел! — Он улыбался радостно. — Ты прикинь — смотрю, за тобой идет. Я прям заревновал — во, думаю, прицепился гад, отбить тебя у меня хочет. А он че-то не подходит к тебе да не подходит — стесняется, видать. И все по мобиле с кем-то треплется — прям на ходу. Присмотрелся — рожа-то знакомая. В аэропорту я его видел тогда, когда прилетали. Он в соседней тачке сидел, шлангом прикидывался...

Я слушала внимательно, боясь, что он меня выдаст — намеренно либо случайно. Это я рассказала ему про третьего — еще вчера утром, перед поездкой к ресторану. Просто сказала, что, кажется, их тут не двое, а трое — потому что в аэропорту мне показался странным просто

сидящий на заднем сиденье соседней машины человек. Станным, потому что не было никого, кто сидел бы впереди, — а если это была его машина, зачем он сел сзади? Да и не сидят на аэропортовых парковках в машинах — проще внутрь войти, попить кофе или погулять в ожидании рейса.

И я дала Алексею описание — здоровый, скорее полноватый, чем крепкий, блондин со средней длины волосами. Кажется, высокий — мне так показалось. И Леха запомнил его и вычислил и привел сюда — при этом сказав то, что нужно было сказать.

— Ну вот я и смотрю — ну прилепился как банный лист. И сюда даже за тобой прется — и все треплется чего-то. Ну я и подхожу к нему сзади и говорю тихонько: стоять, мусорок, а то лишняя дырка образуется. Ну он и встал. Я его хлопаю по карманам — а у него волына с собой. Прикинь, а? Киллер, может? Газеты читаешь — то того убили, то этого? Может, полиции его сдадим, а? Ладно, подумаем — а пока потолкуем. Он же за тобой шел, Анна, ты ж ему понравилась, ну вот пусть и познакомится. Или вы знакомы?

Я качнула головой, открывая машину протянутыми Лехой ключами. Глядя, как он сажает третьего вперед, рядом со мной, нагибается к нему, вынимая что-то из его кармана — видимо, ствол, который не стал доставать у него на улице из соображений конспирации, — а потом садится сзади него.

— Ну и лохи там у вас, Анна. Что первый, что те двое, и этот тут. Забыл с перепугу, что у меня волыны и быть не может — я ж ту выкинул, по телевизору сказали даже, а новую где, в магазине куплю? А этот скис с ходу. А у меня все, что есть, — ножичек швейцарский, взял тут по соседству, пока тебя ждал. Им и не напугаешь-то никого — засмеют. А лошок лажанулся...

Я молчала. Дело принимало ненужный совсем оборот — так не должно было быть. И я не понимала, зачем он это сделал — неужели думал, что этот будет в него стрелять посреди бела дня или что мы не сможем быстро уехать со стоянки и уйти от любой слежки?

— Я так понимаю, Анна, бабки они тебе не отдали. — Он словно прочитал мои мысли. — И че говорят — чтоб на встречу приходил, попозже вечером, и место чтоб поглуше, чтоб по душам потолковать можно было? Угадал, а? Обычные заморочки — я такие слышал уже, когда начинал только. Приходи, мол, братан, насчет будущего потолкуем — а там пуля в затылок ждет...

Что ж, даже мне эта их идея казалась неновой и прозрачной. Господи, неужели они не могли прислать кого-то поумнее, подипломатичнее, похитрее — а не этих вот московских Рэмбо, которые крутее всех крутых, считают, что любого могут обломать, а наткнувшись на такого профи, как Север, оказываются в дерьме? Но сейчас поздно было что-либо менять — сейчас надо было убедить Леху отпустить этого. Попугать, если захочет, — но отпустить.

— Ну что, лошок, — своим звони, пусть бабки готовят. Через час бабок нет — и тебя нет. А я тебя еще порасспрашиваю сначала, ножичком поковыряю — там столько херни в нем всякой, обалдеешь. Ножницы вон какие-то, штопор. Так что ты мне, лошок, расскажешь, где они живут, — и я к ним в гости завалю. Мне терять нечего — ты знаешь, и они в курсах. А с кого бабки получать — с живых или с покойников, — мне один хер...

Третий молчал. Я не смотрела на него, глядя перед собой, я хотя бы внешне старалась показать всем, включая себя, что я непричастна ко всему этому, это их разборки, а я случайно оказалась с ними в одной машине. И как бы отделена от них затемненной пластиковой пе-

регородкой, не дающей мне возможности ни слышать, ни видеть.

— Че молчишь-то, мусорок? — Голос Севера был слишком спокоен, словно он сдерживал приступ ярости. — Знаешь, что за слова отвечать надо? Или за язык тебя притянуть? Ножницы у меня есть — чтоб ты за базар ответил. Че, Анна, — может, этим язык его отнесешь, а? Ничего мысль — работает башка-то...

— Алексей, прошу вас прекратить, — сказала тихо, не поворачиваясь, не желая видеть третьего, наверняка напуганного до смерти, наверняка потеющего, с его-то полнотой. Я могла представить, что творится с ним — приехал в хорошую страну, на обычное как бы задание, и вдруг оказался в такой ситуации, в которой не оказывался в Москве. И вот теперь прямо посреди тихого мирного Парижа ему собирались отрезать язык — и, похоже, собирались всерьез. — Лично я не знаю этого человека, но в любом случае насчет денег разговор у вас был с другими. Я понимаю ваше состояние, и можете поверить, что мне тоже неприятно все происходящее — но, может быть, проще решить все по телефону, чем прибегать к таким вот варварским методам, недостойным человека вашего уровня? Если вы собираетесь решать вопрос таким образом, я вынуждена вас покинуть...

— Да ладно, Анна, ну ты че? — Леха, впечатленный, видимо, высоким стилем моего монолога, чуть смягчил тон. — Ну не опускать же его, тем более что я женщин люблю! Был разговор при тебе — был. Слово нарушили — нарушили. Надо ж им показать, с кем дело имеют, — чтоб больше не было такого. А то словно с пацаном играют — захотим, так отдадим бабки, а не захотим, так не отдадим. И что мне делать — башку в петлю совать? Не работают так серьезные люди — понимаешь?

Я промолчала — он явно хотел выговориться.

— У меня пацан один был классный — бабки вот только очень любил. Детдомовский, на малолетке потом парился, а потом на взросло перевели, а там еще добавили — откинулся только лет в двадцать. Ну и одурел оттого, какая жизнь началась. Телки, кабаки, тачки — живи не хочу, были б бабки. Ну и сгорел пацан. Заказ взял стремный — так-то через диспетчера, а он напрямую. Бригада одна ему человека заказала, мусорка, кстати, — кончишь, мол, вали к тачке, ждать будем, вывезем. Ну он дело сделал. А они его в тачке и оставили. А у меня знаешь сколько такой херни было, когда первые заказы брал? Таких же много умных — свидетелей боятся, напрямую выход ищут, без посредников. А потом и того, кто дело сделал, валят — чтоб никто вообще никогда не узнал. На этом знаешь сколько народу сгорело?

Я кивнула. Я не раз читала в газетах, еще когда в Москве жила, материалы о заказных убийствах. В которых говорилось всякий раз, что исполнителя скорее всего давно уже нет в живых. Это было разумно, на мой взгляд, — киллер, выполнивший заказ и знающий, кто этот заказ сделал, по сути, представляет собой ходячую угрозу и расколоться может, если примут, а может и заказчиков начать шантажировать. Правда, Север, взявший на себя кучу трупов, заказчиков не называл, я от Владимира это знала, — но он был исключением, и тот факт, что он жив и здоров после убийств очень высоких людей, это подтверждал только. Странно только, что контора все никак не могла это осознать — с кем именно она имеет дело.

— Слышь, мусорок, насчет меня у твоих какие планы? — В голосе Севера не было угрозы, но он холодным очень был, по-ледяному спокойным и оттого особенно неприятным. — Ладно, потом — а сейчас своим звони. Скажешь, чтобы через час Анне бабки отдали — и чтоб больше никаких шуток. Сечешь?

Так и вышло, что ровно через час я снова села в «пежо». И сидела в нем вот уже полчаса, пересчитывая деньги, которые они не захотели отдавать сразу — зато были готовы отдать теперь, как только получат разрешение из Москвы.

Мне не нравилось то, что происходило, — но они были в этом виноваты. Им с самого начала не следовало отпускать его от себя — но они совершали ошибку за ошибкой и вот теперь пожинали плоды. А чуть позже плоды их деятельности пожинать предстояло мне. Потому что было понятно, что Леха, и до того относившийся к ним с недоверием — иначе бы не сбежал после первого убийства, — сейчас убедился в своей правоте. А значит, иметь с конторой дела будет только на своих условиях. И только через посредника — идеальным кандидатом на роль которого он считал меня. Мне было лестно — но согласиться на эту роль я не могла.

Самое плохое — я не видела выхода из этой ситуации. Он явно не собирался уже с ними встречаться и что-либо обсуждать. А они явно не собирались его отпускать. При этом он находился в более выигрышном положении — у него были деньги, был паспорт, даже два, и он мог скрыться в любой момент и в любом направлении. А вот они не знали, где его искать. И в случае провала — на мой взгляд, неминуемого — собирались всю вину переложить на меня, не открывшую им местонахождение Севера, не выведшую на него.

И что было еще хуже — шеф мне так и не перезвонил пока. Я понимала, что они совещаются там, в Москве, — видимо, они не готовы были к такому повороту событий, видимо, не могли решить, что предпринять. И как только они решат, они перезвонят этим. И если тут же не перезвонят и мне, то это будет значить, что я подозреваюсь в симпатиях к Северу и потому лишилась доверия.

— Слушай, а может, Эдику набрать? — Второй повернулся к первому. — Скажем, чтоб этого позвал. И ему — твоя у нас, отпускаяй парня, получишь ее, а за бабками придешь вечером. Ничего идея?

Кейс, отброшенный мной, тяжело упал на первого, гулко ударив его по коленям. А следующим движением я открыла дверь, и когда второй, за которым я сидела, развернулся ко мне, пытаясь схватиться за ручку, я уже была на улице. Я понимала, что он так выражает свое отношение ко мне, обвиняя меня во всем, чтобы не признавать своей вины, — но пора было поставить их на место. И я пошла к пешеходному переходу, собираясь вернуться к Алексею. Рассказать ему о том, что произошло, и сообщить вдобавок, что я выхожу из игры, потому что она, не нравившаяся мне изначально, теперь разонравилась окончательно.

— Анна, Анна, пожалуйста! — Первый, выскочивший следом за мной, явно нервничал. — Пожалуйста — я приношу свои извинения. Вы должны понять — мы оказались в таком положении. Слушайте, вам же надоело, наверное, в машине — давайте сходим поменяем деньги, как вы хотели. А потом зайдём в бар — вон тот, рядом с обменом. Я вас прошу — пожалуйста. Мы посидим спокойно, поговорим — вам надо расслабиться, да и мне тоже...

Я только потому и остановилась — потому что он признал, что сам психует. Скажи он что-нибудь другое, начни напоминать мне о моем долге — я бы ушла. Но то, что он сказал, было искренне — и я изобразила нечто типа улыбки:

— С вас кофе и бокал вина — идет?

Мобильный зазвонил минут через тридцать, когда мы уже сидели в баре. Здесь тихо было и уютно, и мы сидели в самом углу, и я смотрела на мокрую улицу и

спешащих под дождем пешеходов и покрытые каплями машины с работающими дворниками. Я не знала, почему они тянут там, в Москве, — кажется, понятно было, что положение безвыходное и придется сделать так, как говорит Север. Оставалось лишь радоваться, что тот согласился подождать — первый при мне перезвонил на трубку третьему и попросил передать Лехе, что они вот-вот получают деньги и максимум через час я вернусь.

В принципе я была не против ожидания — особенно здесь, вне машины. И почему-то я не особенно спешила услышать вердикт конторы. Я не сомневалась, что они отдадут деньги, — но вот какое решение будет принято по Северу, мне сложно было угадать. И какую роль в этом отведут мне — тоже.

Я представляла примерно, что будет. Что, получив звонок из Москвы, эти начнут требовать у меня наш адрес, а его я им не дам — потому что, заявись они туда, Северянин сразу поймет, как они его узнали, и с учетом того, что у него есть ствол, первая пуля будет моей. Я уже не верила, что им удастся захватить его врасплох, — я не сомневалась, что они были профессионалами, просто им попался тот редкий противник, который оказался намного профессиональнее.

Так что я не собиралась давать им адрес, я планировала сказать, что наши вещи в машине и я не знаю, куда мы отсюда поедem, и не смогу перезвонить оттуда, потому что он все время рядом, — а они скажут мне, что я обязана сообщить им наше местонахождение любой ценой. Им ведь все равно, как я это сделаю, — с них станет-ся решить, что я могу зайти в туалет или в ванную и набрать оттуда и заговорщицким шепотом назвать улицу и дом. Им важно прикрыть свое бессилие — и сделать крайней меня.

Мне было уютно здесь — сидеть на мягком, обшитом кожей стуле с подлокотниками и высокой спинкой,

и курить, и пить вино, глядя в окно. Размышляя обо всем спокойно и отстраненно, так, словно это происходит не со мной. И я поежилась, когда в кармане первого запищал мобильный — и он вытащил его осторожно, кажется, боясь неприятных известий. Я не сомневалась почему-то, что это Леха, намеренный их поторопить, — и усмехнулась невесело, когда первый протянул мобильный мне. Только вместо голоса Северянина там был голос шефа, как всегда, веселый и оптимистичный, как всегда, обрушивший на меня лавину комплиментов, как всегда, излучавший радость оттого, что меня слышит.

Эта радость не могла меня обмануть — уже сам факт того, что мы говорим по телефону, когда я на задании, означал, что что-то плохо. Но это был телефон, и я отвечала ему тем же тоном, и кокетничала, и выражала надежду на скорую встречу. Я сомневалась, что нас кто-то слушал, — но так было принято, говорить завуалированно, и слушай нас кто, он бы уже бросил трубку, убедившись в невинности беседы.

— Да, кстати, Анна, — хотел поговорить с вами об одном очень... щекотливом деле. — Шеф произнес это как бы стесняясь того, что вынужден говорить с женщиной о делах. — Понимаете, наш друг — которому я попросил вас помочь, — я хотел взять его на работу. Он говорил вам, наверное? Он прислал мне две очень хорошие статьи — они немного не в нашем стиле, но это не страшно. Хуже, что он не согласовал с нами темы. Мы, конечно, с удовольствием их взяли и поставим в ближайшие номера — но я даже не знаю, как вести себя с ним дальше. Какие у него планы, вы не в курсе?

— О, это сложный вопрос! — Я тоже посерьезнела, потому что мне надо было обдумывать каждое слово, потому что каждое слово имело значение и вес, каждое слово могло повлечь за собой серьезные последствия.

И в принципе любое слово могло стать приговором Северу — не знаю, кто мог его привести в исполнение, но тем не менее.

У меня был только один выход — говорить то, что я думаю. Честно и откровенно. Решение все равно было за ними — но они должны были хотя бы четко знать, что происходит, поскольку от этих наверняка получали искаженную картину. Это было непросто — нарисовать четкую картинку в таком завуалированном разговоре. И хотя знала, что шеф поймет меня правильно, мы слишком давно знакомы и слишком давно работаем вместе, чтобы научиться правильно истолковывать намеки, недосказанности, полутона и оттенки, — здесь цена слов была слишком высока, чтобы рисковать.

— Он говорил, что готов работать на вас. Но я не могу исключить, что он будет писать статьи и для других — если будут заказы. Вы же знаете, он очень профессиональный журналист — и, разумеется, стремится заработать пером как можно больше. Насколько мне известно, он уже связывался с каким-то изданием и что-то им отослал — вы, наверное, в курсе. Не исключено, что он свяжется с ними еще. Он дорого просит, но зато он способен написать так, как не напишет никто другой, — и ему за это платят...

— Да, да, конечно... — Шеф задумался, похоже. — Скажите, Анна, — вы не могли бы его убедить писать только для нас? Я слышал, у вас с ним прекрасные отношения — может быть, он вас послушает? Такая женщина, как вы, — разве мужчина может перед ней устоять? Не удивлюсь, если узнаю, что он предлагал вам не только партнерство. Признайтесь, Анна, — он ведь в вас уже влюблен?

— О, это нескромный вопрос, — протянула игриво, жестко глядя на первого — который тут же потупил

взгляд, поняв, видимо, о чем речь. — Боюсь, что слухи сильно преувеличены. Не стану отрицать, что он мной увлечен, — но вы же знаете мужчин, они не могут долго хранить верность женщине. Стоит им получить свое — и интерес к женщине может начать слабеть. Возможно, не сразу, но он, кажется, такая увлекающаяся натура...

— Да, я знаю... — Шеф замялся. — Скажите, Анна, как вы отнеслись к его предложению работать вместе? Я хотел, чтобы он тесно сотрудничал с нашими штатными корреспондентами, для нас это очень важно, — но мне передали, что он наотрез отказывается, говорит, что будет работать только с вами. Если вам нравится его предложение, мы ведь могли бы переманить вас к себе. Да, я знаю, что вы свободный художник, но мы бы дали вам конкретный участок работы, платили бы хорошую зарплату. Если вам действительно это интересно, то...

— Нет! — Я сказала это резко и категорично, так, как никогда ему не говорила, — но сейчас был тот самый случай, когда я не могла по-другому. — Я удивлена, признаться, — вы ведь знаете меня, а значит, должны понимать, что это невозможно. Это не мой профиль — а к тому же его методы меня не устраивают. Он предпочитает горячие точки, репортажи на грани фола, а я люблю более спокойную тематику. А к тому же я не уверена, что он скоро не расхочет работать и со мной...

— Что ж, я так и полагал... — В голосе шефа прозвучало облегчение, словно он и вправду думал, что Север переманил меня на свою сторону и убедил работать с ним в паре. — Я очень удивился, когда мне сказали про ваш возможный тандем... Я ведь знаю вас, Анна, — и тут такая информация...

— Но вы же понимаете, откуда она взялась? Я ничего не имею против здоровой конкуренции — но мне не нравится, когда тот, кто ничего не может сделать сам,

начинает компрометировать других, чтобы оправдать свое бессилие. — Я взглянула на первого, поникшего, грустно смотрящего в окно. Что ж, они с напарником пытались подставить меня — и вряд ли стоило рассчитывать, что я об этом забуду. — И вообще, мистер Головин, — все это перестало мне нравится. Вы попросили меня помочь вашему знакомому — и я согласилась только ради вас. Если вы еще не поняли, мне не нравится ни он, ни пребывание рядом с ним, ни беспомощность ваших подчиненных — и я была бы счастлива оказаться дома...

— Анна, ну что вы! — Он извинялся, значит, он и вправду поверил сообщениям этих. Не до конца, естественно, — иначе бы мы не говорили сейчас, — но они сбили его с толку. Легко представить, что они говорили Москве, чтобы оправдаться за его побег, — что мы любовники, что именно я ему помогла сбежать, что не случайно я пришла за деньгами, что я точно в доле. Им предстояло за это ответить — и прямо сейчас.

— Простите, мистер Головин, — но коль скоро мы заговорили на эту тему... — Я снова посмотрела на первого, взглянувшего быстро на меня, прочитав на его лице нечто вроде сожаления и предчувствия неприятностей. — Если бы не ошибки тех, с кем вы его познакомили, он бы давно дал согласие работать у вас в штате. Но эти люди совершенно не годились на ту роль, которую вы им отвели. Он очень профессиональный человек, и это влияет на его характер — а те, с кем вы его познакомили, ущемляли его самолюбие и пытались показать ему, что их уровень не ниже. Боюсь, что это повлияло на его решение не иметь с ними дел. Он специалист высочайшего класса — мне пришлось убедиться в этом самой, — но, как у любого сверходаренного человека, у него очень тяжелый характер...

— Я вас понял, Анна. — Он снова задумался. — Скажите, а если мы, например, дадим ему корпункт где-нибудь за границей — в Европе скорее всего? Он будет разъезжать по миру, мы будем давать ему командировки — но при этом он будет подотчетен и будет писать только то, что мы ему заказываем. Вы считаете, это возможно?

Мне показалось, что у них так и нет четкого решения. Он был им нужен, его профессионализм, — но они понимали в то же время, что с ним слишком много проблем. И потому колебались. Будь у них время, они направили бы сюда еще пару человек — но на это уже не было времени. И им надо было решать сейчас — потому что уже завтра, да уже к вечеру он мог раствориться бесследно.

И вот теперь ему нужно было мое мнение. Он верил ему — и умел убеждать в правильности моих взглядов других. Но мне нелегко было его высказать. Скажи я «да» — в смысле что он перейдет под конторских, — я брала на себя ответственность. Скажи я «нет» — это значило, что его надо убирать.

— Я попробую поговорить с ним. — Я уклонилась от прямого ответа. — Не знаю, каков будет результат, — но сегодня же с ним поговорю...

— Нет-нет! — Он не дал-таки мне скользнуть. — Я хочу знать сейчас. Это возможно — сотрудничество на наших условиях?

Я вдруг вспомнила Леху. Того, которого увидела еще в аэропорту, — маленького, со светлым ежиком волос, наглого типа в джинсовом костюмчике, развязного и самоуверенного. Того, которого встретила в квартире, когда я зашла туда и обнаружила вещи якобы уехавшего Владимира, — деланно сонного, потягивающегося, трущего якобы заспанные глаза, но при этом пытающегося

определить, насколько много я поняла, и размышляющего напряженно, отпускать меня или нет. Того, с которым я жила в шикарном номере в Сен-Тропе, — веселого, беззаботного бабника, заигрывающего со мной беспрестанно, демонстрирующего чувство юмора и умение ухаживать, любящего красивую жизнь, но при этом хитро обводящего меня вокруг пальца и рискующего мной и собой. Того, с которым я была вчерашней ночью — только что убившего двух человек, но не вспоминающего о них, желающего меня, умелого и страстного, старающегося доставить мне удовольствие и жаждущего услышать от меня, что я его люблю. Того, кто сегодня впихнул в нашу машину конторского, — жестокого, беспощадного, готового убить за нарушение обещания. Но в то же время прислушивающегося ко мне.

Я вдруг осознала, что мне было бы проще дать отмашку. Я подставлялась и светилась из-за него, я рисковала своей карьерой и жизнью за границей, я обостряла из-за него отношения с конторой. И, что почему-то казалось более важным, он ломал мою спокойную, размеренную жизнь, так мне нравившуюся, он пытался вторгнуться в нее и заставить меня стать немного другой. Он пытался пробудить во мне желание жить с мужчиной, абсолютно мне ненужное, он пытался изменить мою сексуальную ориентацию и уже кое-чего добился — он мне нравился, и мне очень нравилось его отношение ко мне, и я была готова ему отдаться.

Я не готова пока была стать его достойной напарницей, зажить авантюрной, полной приключений и риска жизнью — но я должна была признаться самой себе, что вчера задумывалась над этим. Через месяц с небольшим мне исполнялось тридцать, мне казалось, что это какой-то рубеж — и может быть, повод начать кардинально новое существование. Может быть, не слыш-

ком долгое, но более богатое, более яркое, насыщенное впечатлениями — полный антипод того спокойного, размеренного бытия. Которое я предпочитала последние два с лишним года.

Мне не нужны были эти мысли — точнее, воплощение их в жизнь. А он как сильная личность внушал их мне подсознательно, заставлял меняться и задумываться над тем, что я с ходу отвергла бы до знакомства с ним. Так что мне, бездушной твари, было бы удобнее сказать «нет» — но что-то мешало.

— Мне кажется, что если бы был человек, который обращался бы с ним так, как надо, — все могло бы быть нормально. Он лишь частично виноват в сложившейся ситуации — я могу подтвердить, что большая часть вины лежит на других людях. А ему нужен другой. Вы понимаете, о чем я — хороший психолог, умеющий польстить, подыграть, подтолкнуть. Талантливый человек нуждается в талантливом менеджере, продюсере, если хотите, агенте, промоутере. Но сразу скажу, что я не гожусь на эту роль...

— Может быть, мне прилететь к вам? — В голосе шефа было сомнение. — Я мог бы прилететь — в пятницу, например. Самое раннее — в четверг. Я смог бы его убедить?

— Бесспорно. — Я не льстила, я верила, что это возможно. — Но боюсь, что он вас не дождется. Я не знаю его планов, но то, что происходит, вряд ли ему нравится. И не исключаю, что он может улететь куда-нибудь хоть сегодня — и он вряд ли скажет мне куда до самого последнего момента. Я попробую уговорить его, но...

Шеф замолчал — он обдумывал что-то очень важное, что-то, что было бы выводом из нашей беседы.

— Если я правильно вас понял, в настоящий момент он бесконтролен и никакой возможности его контролировать нет?

— Вопрос не ко мне. — Я снова посмотрела на первого. — Но боюсь, что они...

— Анна, у меня к вам просьба... — В голосе появились новые интонации, он, кажется, решился наконец. — Я понимаю вашу ситуацию и очень вам признателен за то, что вы столько с ним возились. Но у меня есть последняя просьба. Я не знаю, как с ним быть, — и некоторые мои партнеры советуют мне его уволить. Они считают, что, раз мы не можем на него положиться, такой сотрудник нам не нужен. Мне уже предлагали его перекупить — за очень большие деньги...

Что ж, значит, я была права, подумав еще в Марселе, что контора, освободив Леху, одновременно взяла на него заказ. Это было вполне в ее стиле. И теперь вопрос стоял так — либо Северянин контролируем и тогда его используют дальше, либо нет и тогда его убирают. Конечно, странно, что шеф так открыто сказал мне об этом — но значит, он хотел, чтобы я знала все.

— Давайте договоримся так — мы можем рассчитывать только на вас. Поэтому и решение принимать вам. Либо вы убедите его остаться — либо сообщаете ему, что мы в нем не нуждаемся...

— Но подождите, мистер Головин... — Я не знала, как объяснить ему эзоповым языком, что я не могу, так сказать, «уволить» Алексея своими руками, если он захочет уехать. — Вы...

— Не волнуйтесь, Анна, я полностью вам доверяю и знаю, что ваш выбор будет верен. И в любом случае хотел отблагодарить вас за ваше содействие. У меня для вас сюрприз — в знак признательности я хотел бы предложить вам отдых на Гавайях за наш счет. Что скажете? После дождливой Европы — месяц на райских островах, в пятизвездочном отеле. Все включено — и все оплачено. Вам надо только назвать дату прилета. Вы ведь

можете из Парижа вылететь прямо туда, верно? А на Рождество — ваше Рождество, католическое — я приглашаю вас в Москву. Представляете, как чудесно: отдохнете на Гавайях, в вечном лете, — а оттуда к нам, в зиму...

— Звучит заманчиво, — заметила, просто чтобы что-то сказать. — Очень заманчиво.

— Ну вот и чудесно. И еще одно — не совсем телефонный разговор, но... Со следующего года мы повышаем ваш гонорар — на двадцать процентов. Как вам это? А заодно мы хотели бы выплатить вам нечто вроде премии — чтобы вы увидели, как мы ценим наше сотрудничество. Пятнадцать процентов от той суммы, которую мы предлагали нашему другу, — вас устроит?

— Лучше двадцать пять, — ответила автоматически.

— Двадцать. — Шеф усмехнулся. — Приятно иметь дело с практичной женщиной. Кстати, один деликатный момент — наш друг уже потратил весь гонорар?

Я подумала вдруг, что, узнай он, что все деньги Северянин держит при себе, он тут же решит, что все-таки лучше его ликвидировать. Конечно, мы живем в трезвом реальном мире, но я точно знала, что они заплатили ему не свои деньги — и побег, и гонорар были оплачены теми, кому очень мешали эти двое клиентов, ныне уже покойных. И контора наверняка неплохо поимела на всем этом. Но сейчас, когда у них был заказ на Севера — явно на очень немаленькую сумму, — известие о том, что у того при себе имеется еще миллион долларов, могло перевесить чашу весов не в его пользу. А так у него еще оставался шанс. Я намеренно соврала — в первый раз за весь разговор и, может, в десятый раз за все время работы с шефом, — но в конце концов, я обязана была дать Алексею этот последний шанс.

— Насколько я поняла, он арендовал сейф в банке либо перевел деньги на свой банковский счет. Не знаю точно — по его просьбе я проводила его в банк, а там он разговаривал сам. Вы же знаете, если у человека есть хорошие деньги, банк всегда найдет способ с ним объясниться — даже если этот человек говорит только на суахили. Думаю, что сегодня, получив вторую часть гонорара, он снова туда отправится — он не доверяет наличным...

— Ну что ж! — Для человека, узнавшего, что выплаченный Северу миллион долларов в любом случае находится в недосыгаемости, он был чересчур весел. — Не знаю, встретимся ли мы с вами в Париже. Если нет, я жду от вас звонка с уточнением даты вашего прибытия на Гавайи...

Да, кстати, Анна! — Голос проснулся в тот момент, когда я уже собиралась попрощаться. — Совсем забыл — у вас же проблемы со сном. Мне тут порекомендовали одно лекарство... Ну вот, забыл название. Старею...

— Не кокетничайте, мистер Головин, — произнесла финально, протягивая трубку первому. Поднимая со скучившийся по мне бокал — и глядя сквозь него на покрасневшую вмиг улицу.

Что ж, это было щедро — двести тысяч премиальных за работу. Отдых на Гавайях не в счет — конечно, это недешево, но у конторы куча своих туристических фирм, так что ей это ничего не стоит. Двадцать процентов повышения — считай сто двадцать тысяч канадских в год плюс двенадцать тысяч американских ежемесячно на особый счет — тоже не слишком много. Но вот такие премиальные — это уже серьезно. Значит, они боятся, что Северянин может соблазнить меня деньгами, и пытаются это предотвратить. Значит, они понимают,

что без меня ничего не могут с ним сделать — и я им нужна, как никогда. А заодно перекладывают решение на меня. И именно мне предстоит убедить его или его «уволить». Только вот как?

Я вспомнила упущенные слова шефа про бессонницу, только когда мы вернулись в машину и первый протянул мне фирменную упаковку с маленькими капсулами, на которую я посмотрела непонимающе — наконец сообразив.

— Растворяется без осадка, за пару секунд, действует моментально. Через минуту человек выключается — на три часа минимум. Если поймете, что никак, — дайте ему и звоните нам, мы тут же приедем. — Он был заискивающ, улыбчив и суетливо-деловит. — Лучше бы, конечно, встречу в городе — мы все ему объясним, по-другому. Но если нет — то попробуйте. И еще — на всякий случай...

Он огляделся быстро, запустил руку в карман пиджака и через мгновение протянул мне сложенную вдвое газету, держа ее аккуратно, чтобы не вылетело то, что он вложил в нее. И я взяла ее чисто механически, кладя себе на колени и разворачивая — и тут же протягивая ее обратно.

— На всякий случай, Анна. Возьмите — чисто на всякий случай...

Я помотала головой, молча открыла дверь машины и вышла, не забыв прихватить с собой чемоданчик с деньгами. И медленно двинулась туда, где ждал меня Северянин и решающий момент дня Икс. Который обязан был закончиться чем-то для нас обоих — только вот вопрос, чем именно...

В ванной было жарко, и пар поднимался, и пена окутывала меня мягко и эгоистично, рассматривая и лаская сама, но пряча от мира. Я нравилась ей — как и одежде, как и косметике, как и зеркалам — и потому позволяла ей наслаждаться мной. Скрывая от нее, что не могу получить от ее ласк полное наслаждение — потому что думаю о другом.

Все шло не так — с самого момента моего возвращения к нему. Он встретил меня на подходе к парковке и, ничего не объясняя, предложил вернуться на такси или на метро. А когда я открыла было рот, чтобы сказать, что у меня осталось кое-что в машине, он продемонстрировал мне все незначительное имущество, возимое мной в бардачке и перекочевавшее теперь в его карман.

Я все поняла. Это было глупо, это было неправильно — но это уже случилось. И когда я осознала все, то сразу ощутила, как навалилась на меня усталость — все напряжение сегодняшнего дня, сдерживаемое и контролируемое до этого, тут в одно мгновение пропитало меня свинцом, давя на голову и ноги, притягивая к земле.

Я хотела взять тайм-аут — заявив, что в целях безопасности нам лучше вернуться в разных такси, — но он отказался. Это был плохой знак — он не доверял мне,

он не хотел меня оставлять одну, может, боялся, что я его кину и скроюсь. И в итоге мы ехали в метро. Он пытался что-то говорить, напоминать про ночь, которую я ему обещала, — и я вяло улыбалась в ответ и кивала, ощущая подавленность и опустошенность. И он точно видел мое состояние — но продолжал заигрывать со мной и меня веселить. И похлопал по попке, когда мы вошли в квартиру. Удивившись, когда я не отреагировала и прошла вперед, снимая сапоги и плащ.

— Ты че, Анна? Да расслабься — че такого-то? Ну виноват я, что ль, — он же сам дернулся. Ну я башку ему и скрутил автоматом. Шею тренировать надо было — жив бы остался...

— Я должна их предупредить — машина на их имя, в конце концов, — перебила его, не желая слушать ненужный мне рассказ. — Его ведь найдут — и...

Он одним движением вынул у меня из руки телефон и вдруг разжал пальцы, выпуская его. Тут же наступая на него ногой, вдавливая с силой пятку в мягкий пластик, заскрипевший жалобно и лопнувший вдруг, взорвавшийся градом полетевших в разные стороны осколков.

— Не надо звонить никуда, Анна. Ничего — пусть подергаются. Я, кстати, там протер все — ну руль, панель, все как положено. Так что за себя не беспокойся — и за этих тоже. Завтра утром мотаем отсюда — сечешь? Берем тачку в прокате — нормальную только, а не говно это французское — и едем в Италию. Я домой звонил сегодня, еще пока ты с теми в тачке сидела утром. Есть предложение одно — работа несложная, бабки неплохие.

— Но...

— Этим потом позвонишь. — Он сказал это так, что ясно было, что тема закрыта. — Не хера со мной как с

пацаном — за эту историю еще к ним наведаться в гости надо было бы. Да пусть живут, я не злой. Дело сделаем, тогда и позвонишь — через пару недель. Скажешь, я тебя увез, звонить не давал — что, не поверят, что ли?

Он все сделал не так. И говорил не то, что я хотела бы услышать. Я так защищала его перед шефом, я старалась быть объективной, старалась объяснить, что не его вина в случившемся, — и вот теперь он свел все усилия на нет, убив зачем-то третьего и собираясь свалить от конторы. Но я должна была предпринять еще одну попытку — последнюю. И потому произнесла мрачно:

— Нам надо поговорить, Алексей. Сейчас и серьезно...

— Да кончай, — он отмахнулся от меня. — Слушай, ну че ты? Давай вина откроем, выпьешь — а то грустная, как с похмелья. Радоваться надо — дела сделали, бабки сняли, такая ночь у нас сегодня...

— Пожалуйста...

Он пожал плечами — пряча недовольство. И мы просидели примерно полчаса напротив друг друга, за столом, на котором стояла бутылка минералки — не тот был разговор, чтобы пить вино, от него надо удовольствие получать, а беседа этому не способствовала. Я только курила и пыталась убедить его, что нам надо просидеть здесь до пятницы, до приезда человека из руководства — очень нормального человека, которому я все объяснила, который все понимает и не имеет к нему претензий, — потому что сейчас очень важно установить нормальные отношения. И хотя все усложняется из-за убийства третьего, я постараюсь, я приложу все усилия. А потом — потом, наверное, можно будет решить вопрос и с Италией. А сейчас...

— Анна, прекрати, — за наигранной веселостью пряталось легкое раздражение. — Ну что ты в самом деле? Какие на хер встречи — чтобы они меня тут завалить попробовали? Если уж на бабки пытались кинуть — значит, и кончить попытаются. Давай так — позвонишь им через пару недель, тогда и потолкуем. Я ж не отказываюсь работу делать — просто херни такой не переносу. Вот и дадим им время подумать, как надо вести себя с Лехой Севером, — им же на пользу. И никуда они не денутся — поразмыслят пока. А тут и мы объявимся. Я те отвечаю — так лучше...

Самое интересное — я прекрасно его понимала. Он не просил контору его освободить, он не просил давать эти заказы — его вытащили, привезли в Марсель, пытались им командовать, уязвляли его самолюбие. И здесь, в Париже, с ним вели себя так же — вот он и решил, что его уберут после всего. Но работу все же сделал — и тут его попытались кинуть на деньги, и ему пришлось выбивать их силой. И он не мог не понимать, что теперь, когда на нем уже двое конторских, никаких встреч действительно быть не может. Только через посредника — да и то когда улягутся страсти, будут сделаны выводы и усвоены преподанные уроки.

Я понимала его — но верила, что, несмотря на смерть третьего, смогу убедить шефа. Потому что если не наладить отношения с конторой сейчас, потом это точно будет невозможно.

— Алексей, поймите — они будут вас искать и найдут. Это серьезная организация, и они обязательно найдут. Они знают ваши имена — и старое, и новое, — и у них достаточно возможностей, чтобы вас проследить...

— Да брось ты! — Он отмахнулся от меня с пренебрежительной ухмылкой. — Может, была серьезная — а сейчас фуфло. Ну если там такие лохи работают — о

чем речь-то? Ты ж им сказала, что я того кончил в Марселе, — так они опять таких же шлют. Да кто, кроме лохов, за их копейки работать будет — были, думаю, толковые, да поразбежались давно. Кто с братвой, кто в бизнесе...

Он не верил в силу конторы — и у него были для этого основания. Он не знал того, что знаю я — что это не КГБ вовсе, — но я не могла ему это объяснить.

— Но они могут сообщить тем, кто вас ищет, — неужели вы не понимаете...

— Ну все, закончили с делами, ладно? — Он поставил точку конкретно, хотя и вежливо. И тут же взял мою руку, проводя по ней большим пальцем, глядя мне в глаза. — Помнишь планы наши на сегодня? Есть предложение — сейчас в койку, потом поедим, выпьем, а потом опять в койку. Как тебе?

— Алексей, поймите, это очень важно...

— Анна, Анна... — Кажется, он уже с трудом сдерживался. Но вдруг какая-то мысль пришла ему в голову, это видно было по его лицу, по изменившемуся взгляду, ставшему очень внимательным. — Слышь, ты за кого боишься — за меня или за себя? Че тебе говорили-то — что меня завалят, если что? Ну пусть попробуют — пока я их валю, могу и этих двух козлов сегодня кончить в придачу. Чем они тебя напугали-то так, а? Ты пойми — на понт они тебя берут. Ты ж со мной, а они не тянут против меня — ты ж видела...

— Да, я боюсь, — вставила тут же, воспользовавшись подсказанным им ходом. — Очень боюсь. И если вы хотите от них уйти, то я... То мне...

— Ты че — передумала? Уйти хочешь? Ну че молчишь, Анна? Уходишь — или остаешься?

Я задумалась — он подал мне идею, возможно, я могла бы пошантажировать его, возможно, это и полу-

чилося бы. Но тон его мне не нравился — в нем было что-то. Что-то, дающее понять, что лучше не предпринимать таких попыток. Да, у меня оставался в запасе один козырь — но я была не настолько самонадеянна, чтобы считать, что то, что у меня между ног, заставит его изменить свое решение. Это он собирался окончательно меня завербовать своей волшебной палочкой — и потому и торопил события. А я — я просто в такое не верила. Но рискнуть надо было.

— Давайте так, Алексей. Я останусь с вами до утра — если вы пообещаете мне подумать над моими словами. А там — там мы посмотрим...

Он молчал, и тишина казалась мне неприятной и напряженной.

— Я не ставлю вам условий, — добавила быстро, подумав, что, может, ущемила его самолюбие, а я помнила, чем кончались попытки других это сделать. — Но вы сами говорили, что мы с вами партнеры. А партнерство подразумевает совместное принятие решение — и еще компромиссы. Вы ничего не боитесь, вы уверены в себе, вы хотите зарабатывать деньги — и пока, на какое-то время, хотите меня. А я боюсь, я хочу жить спокойно и готова ради этого спокойствия зарабатывать меньше — и вы мне нравитесь, и я хочу вас. Так, может быть, мы придем сегодня к компромиссу?

Он усмехнулся, протягивая мне руку, помогая встать, — и медленно повел вниз «молнию» костюмной куртки, опуская обе руки на открывшуюся грудь.

— Хочешь, чтоб раздел?

— Я схожу в ванную, хорошо? — Я собралась, и улыбка получилась более естественной, и в голос прокрадось нечто, напоминающее кокетство. — Сегодня был такой тяжелый день — а вы же не хотите, чтобы я была усталой и бесчувственной?

— Да я тебя и такую... — Он начал расстегивать «молнию» на моих кожаных джинсах, но я шлепнула его по руке.

— Алексей, пожалуйста, — мне лестно ваше желание, но полчаса в ванной мне необходимы. Если хотите, присоединяйтесь...

Он не сказал ничего, и я повернулась к нему спиной, стягивая джинсы, чтобы он видел то, что открывается его глазам, — и чувствовала его напряженный взгляд. Он думал о чем-то — я заметила это, когда обернулась, подмигивая ему игриво, — и кажется, совсем не о сексе. И я решила, что это хороший знак — это означает, что мои слова дошли до него наконец. И мне сегодня надо будет сделать все, чтобы они дошли до него окончательно, — и я буду разговаривать с ним о деле в перерывах, и за едой, и посреди ночи. И может быть — если все-таки я была не права, не веря в то, что женщина может обратить желание мужчины себе на пользу и заставить его сделать то, что ей надо, — мне удастся его убедить.

И вот теперь я лежала здесь, в горячей воде, пытаюсь расслабиться, пытаюсь выкинуть из головы все мысли, пытаюсь внушить себе, что все должно получиться. Это было очень важно — обо всем забыть, ни о чем не думать и настроиться только на удовольствие. В конце концов, у меня не было этого с мужчиной Бог знает сколько — и уж раз я готова была на это пойти, надо было ощутить все по максимуму, по максимуму взять и отдать. Правда, если утром какое-то желание у меня имелось, то сейчас оно было на нуле — но я должна была попробовать опровергнуть себя саму. И доказать себе, что женщина может иметь над мужчиной власть — если тот ее по-настоящему хочет.

Он все не шел почему-то — это было на него не похоже. Он приходил ко мне в ванную даже в Сен-Тро-

пе, когда между нами вообще ничего не было и не намечалось, — и с тех пор приходил каждый день. Это был ритуал — который он вдруг ни с того ни с сего нарушил. Мне не понравилось это, когда я об этом подумала. Но ведь я пыталась внушить себе, что женщина может добиться от мужчины всего, чего угодно, — и потому мне не следовало думать об этом. А вместо этого следовало предположить, что он уже лежит в постели и ждет меня, сгорая от желания — думая только обо мне, готовый пойти на любой компромисс, лишь бы получить то, чего так хочет.

Мне захотелось сплунуть. Я всегда считала идиотками женщин, убежденных в том, что все их хотят. Мне казалось, что это от комплексов идет — и чтобы эти самые комплексы победить, придумывается такая вот красивая теория. И ничего, что рожа кривая, что голова грязная, что лак облуплен, что одета с оптового рынка — хотят, притом все. И вот теперь мне, чистой, ухоженной, дорого одетой, приходилось внушать себе то, во что я никогда не верила. И во что никак не могла поверить и сейчас — потому что поганая натура противилась этому изо всех сил.

Он вошел неслышно, и я заметила его не сразу. Только когда он присел на край ванны.

— Не хотите присоединиться? — поинтересовалась томно, входя в роль. — Вы можете принести вино, и...

— Я думал, ты принесешь. — В голосе было наигранное удивление. — Или ты хочешь, чтобы я сам себе таблетки кидал? Перебор, Анна, — в натуре перебор...

Я действительно не сразу поняла — я расслабилась уже, отключилась от реальности. И потому недоумение на моем лице было искренним.

— Да ладно, кончай! — Он ухмыльнулся непонятно. — Корешок твой, пока сидели с ним, много чего напел. И

про тебя тоже. Жить хотел — вот и кололся. И кто ты, и что ты, и какие дела делала, и каких людей дурачила — все, что знал, то и рассказал. Я еще думаю — лепит, падла. А тут хлоп — таблетки нахожу. Он мне так и сказал: сами кончить не смогут — Анна тебя кончит. Уж лучше застрелила бы, чем травить, — я же не таракан какой...

Он врал — третий не мог ничего про меня знать. Наверное, не мог. Но то, что у них приготовлены таблетки для него, — это он вполне мог быть в курсе. И то, что это было не снотворное, а яд, — тоже было вполне реально. И значит, шеф не случайно упомянул насчет имеющегося заказа на Леху и не случайно мне такую щедрую премию пообещал. И значит, контора играла со мной втемную — в то время как я была с ней открыта. Что ж, это не в первый раз случалось.

Но все же тут что-то было не так. Зачем давать мне яд и тут же говорить, чтобы позвонила сразу, как только он заснет? Первый слишком нервничал в тот момент, он бы не мог так сыграть — если только и сам был не в курсе, что в этих чертовых капсулах.

— Ну так че делать будем, Анна? — Леха вел себя как ерничающий палач, скрашивающий своим поведением последние минуты осужденного. — Ну че молчишь, а? Я к тебе со всей душой, а ты... Не ждал я от тебя — верил ведь тебе...

Он отвернулся и вышел вдруг, оставив меня одну — вернувшись с бокалом вина.

— Как попросила. Ну че, пей, что ли?

Я готова была расхохотаться нервно, когда увидела упаковку в его руках. Но у меня не было даже сил поблагодарить Бога, что я не взяла пистолет — хороша бы я была, найди он его у меня. А уж на смех их тем более не было. Я просто смотрела на него, чуть

прищутив глаза — продолжая улыбаться, чувствуя, как свело лицо.

Мне нужна была передышка, и я потянулась за сигарками, отметив, что он даже не собирался их мне подавать, — и щелкнула зажигалкой, еле сдержав едкую шутку, что она не стреляет. Ничего не кончилось еще, все было в самом разгаре, и играть следовало умно. Без обид, истерик и ущемлений его самолюбия.

— Вы правы, Алексей. Это действительно яд — в каком-то смысле, — заметила спокойно. — Только он не от них, а куплен мной в аптеке — у меня в плаще лежит чек. И к тому же он не для вас.

— Да ну? — Леха продолжал веселиться. — Себе, что ль, купила?

— Вообще-то да, — согласилась легко. — Лично для себя.

— Ну так пей! — Лицо вмиг стало жестким, но задумываться, что именно расписывал ему третий, не хотелось. — Ну пей, пей! Или трахнемся сначала — напоследок?

— Если по правилам, то это пьют после. Но я лучше выпью до — потому что никакого после уже не будет...

— Ну выпей! — В нем явно проснулся азарт, злобный такой, жестокий. — На вино, запей — любишь винцо ж, напоследок по кайфу...

— Алексей, таблетки вином не запивают, — произнесла с укоризной. — Вы разве не знали? Алкоголь может помешать их действию. Лучше уж воды дайте — и лучше минеральной...

Он удалился неохотно, прихватив упаковку с собой — боялся, что я растворю их в ванне, что ли? — поспешно вернувшись с нераспечатанной бутылкой, явно не желая оставлять меня ни на минуту.

— Тебе сколько — одну, чтоб помучиться, или сразу десяток?

— Положено одну...

Он протянул мне таблетку, выдавив ее на ладонь, — и я взяла ее, вертя в руках, ожидая, пока он нальет мне воду. Он был доволен собой, и его роль ему нравилась — он наслаждался происходящим.

— Или передумала? — спросил вдруг, закрывая ладонь перед моим лицом. — Ты пойми, я б глотнул за компанию — да пожить еще охота...

— Алексей, мужчинам это лучше не пить, — произнесла осторожно, душа смех, зная, что тема достаточно щекотлива. — Вообще-то это противозачаточные — ну чтобы не забеременеть. Давайте таблетку — вам хотелось проверить, так я готова...

Он задумался, но азарт его распирал — и ладонь раскрылась снова, и я подхватила таблетку, отправляя ее в рот, протягивая руку за стаканом. Не спеша запивая ее выплевывающей пузырьки водой. Видя недоверие в его взгляде.

— Ну как яд — вкусно?

— Ну вообще-то это для сперматозоидов ваших яд — понимаете? Лекарство от мужчин, если можно так сказать. Мы же с вами чем-то заниматься собирались, ну вот я и зашла в аптеку — зная вашу нелюбовь к презервативам и ее разделяя...

Он не верил пока. То есть не хотел поверить. Азарт выдыхался уже, и пузырьки его еще будоражили, но все слабее и слабее. Однако оказаться в дураках ему явно не хотелось — и он нашел достойный выход, громко расхохотавшись.

— Да шутка это, Анна, — шуток не понимаешь, что ли? Ну пошутил — сечешь?

Я молчала, по-прежнему улыбаясь ему, медленно выпуская дым.

— Слышь — зачем пила до, если надо после? — Он забеспокоился вдруг, уводя меня к другой теме. — Ты сразу б сказала, что после надо. Ты че, обиделась? Ну шутка не очень — так я ж че, от сохи я, парень простой. Смотрю, беспокоишься ты слишком насчет того, что я с твоими расстаться пока хочу, — думаю, накрутили девку, тебя то есть, запугали, могли подговорить херню какую сделать. А тут сумку твою роняю — а оттуда это...

Я покивала насмешливо. Он не мог ее уронить — я прислонила ее к спинке кресла. Сесть он на нее мог — а уронить нет. Да и от падения замок бы не раскрылся. Значит, залез. Что ж, следовало отдать ему должное — инстинкт самосохранения у него был развит дай Бог. Он словно чувствовал, что именно конторские мне скажут и что таблетки всучат и будут предлагать ствол. Третий ему ничего не сказал — это была чушь, блеф. Он мог что-то знать и при жестоком допросе раскололся бы, наверное, — но я не верила, что Северянин резал его перочинным ножиком в припаркованной в переулке машине с самыми обычными, нетонированными стеклами, а тот сидел спокойно.

Наверное, от пара так кружилась голова — и хотелось обмякнуть безвольно и сползти вниз, потому что держаться было тяжело, даже такое незначительное усилие почему-то давалось с трудом. Но рано было расслабляться — я не могла исключить, что обыск был более тщательным, а значит, в любую секунду он мог со смехом поинтересоваться, зачем мне две упаковки таблеток, к тому же разных, — и предъявить те конторские капсулы, которые лежали в боковом кармане кожаных джинсов.

— Слушай, не обижайся, а? — Его беспокойство не казалось мне притворным. — Ну в самом деле не по-

нравились мне твои разговоры. Думаю, если запугали, ствол всучили точно или еще чего — а тут это. И паспорт там еще...

Я замерла.

— Говоришь, в Лондоне живешь, а там написано — Канада. Ну, думаю, раз здесь врала...

— Я со своим канадским паспортом могу жить где угодно — хоть в Москве. Вам, мистер Кантор, следовало бы это знать, между прочим...

— Да знаю, — согласился быстро, опровергая самого себя, но явно не знал того, что от меня услышал. — Я так просто. Слышь, а че фамилия у тебя такая — Симони? Отец итальянец, что ль? Вот и навестим заодно, а? Все равно ж в Италии будем...

Он говорил и говорил — я толком не слушала. Думая только о том, что теперь он знает, где я живу, и знает мою фамилию. И хотя я не в курсе, что собирается контора делать с ним дальше — убирать или использовать, — но он не должен был этого знать. Вообще никто не должен был — кроме шефа и, может, еще нескольких человек из конторского начальства. Но больше никто — тот же Владимир покойный и не представлял, откуда я, и фамилия моя была ему неизвестна. А кто-то из тех, с кем я сталкивалась по работе, возможно, знал и фамилию — но не знал, настоящая ли она, и на девяносто девять процентов был убежден, что скорее всего нет, и подданной какой страны я являюсь, тоже не знал. Зато теперь знал тот, кому это было знать совсем ни к чему. И это было плохо — примерно так же плохо, как если бы он нашел те таблетки в джинсах.

— Ну че, Анна, без обид? Мы ж партнеры, а? Ты давай вылезай — не то я прям тут кончу. Ну выпила ее до — ну ладно. Мы прям сейчас и в койку — чтоб не

пропадала таблетка-то твоя. Слушай, ты как больше любишь? А в попку нравится?..

Я толком не прислушивалась к его словам — только отмечала, что они неестественно веселы и текут непрерывно, словно он пытается загладить вину. Кажется, на лице у меня была все та же улыбка — я поддерживала ее автоматически, думая совсем о другом. О том, что была душой, когда допускала мысли о том, что могу с тридцати лет начать другую жизнь, полную авантюры, риска и денег. Потому что я не хочу ничего менять. Я хочу жить себе спокойно в Монреале, и покупать себе подарки, и наслаждаться одиночеством и спокойствием, и изредка оказываться в постели с женщиной — но никоим образом не с мужчиной. Потому что от них, мужчин, одни проблемы.

Я взяла протянутую руку, вылезая из ванны, позволяя ему накинуть на меня полотенце и прижать к себе, — и удивилась, ощутив напрягшийся член. Я даже не заметила, как он разделся.

— Ну идем, хочу тебя — кошмар просто!

— Лучше посидите в ванне, Алексей. — Я отстранилась мягко и аккуратно. — Мне все равно нужно подождать — эти таблетки очень неприятная вещь. Так что вы ложитесь — а я посижу рядом.

Я сидела на краю ванны, глядя ему в глаза, позволяя мыльным рукам ласкать грудь, проводить по животу, замирать в самом его низу. Я вспомнила, насколько ласков он был со мной в одну из наших оральных, так сказать, ночей, — и если забыть о том, кто он и что совсем недавно было между нами, ощущения от его прикосновений могли бы быть очень приятными.

За добро надо платить добром, и я медленно опустила руку в воду, натываясь на нечто крепкое, нечто, что было даже горячее воды, — обволакивая его пальцами,

пробегая ими вверх и вниз, а потом вверх и снова вниз. Вытягивая из него стон, заставляя выгнуться слегка, прикрывая глаза. Придержав его рукой, когда он попытался встать.

— Посидите еще — разве вам неприятно? Разве нам есть куда торопиться?

— Да кончу ведь!

— Тогда начнем все сначала — насколько я могла убедиться, с потенцией у вас все в порядке...

Он улыбнулся — совсем не так, как улыбался недавно, но более открыто, более искренне, более мягко. Каких-нибудь двадцать минут назад я увидела в нем другого — того, кого не видела раньше, того, кто убил Владимира, и третьего, и многих-многих других. А сейчас тот другой ушел, спрятался, а у того, кто остался, была совсем иная улыбка — или она преображалась так, проходя через пар?

— Классная ты, Анна. — Он произнес это таким тоном, словно говорил что-то очень важное. И я смутилась даже, чувствуя, что дальше последует что-то такое, чего бы я не хотела слышать. Я бы предпочла, чтобы он говорил, что кончит вот-вот, что-нибудь про мое тело и про то, что мы будем делать в постели — но было бы некрасиво затыкать ему рот. — В натуре классная. Не поверишь — мне раньше совсем другие нравились. Как телки, которых в Сен-Тропе этом снимал, — чтоб молодые, худые, длинные. А ты не такая совсем — а я от тебя кайфую. Не, я серьезно — за базар отвечаю...

— Алексей, вы меня смущаете, — перебила его, опустив глаза, неловким движением сбив стоящий рядом со мной бокал, из которого он так и не сделал ни глотка, — подкрасив белую пену красноватым. — О, извините! Видите, что со мной происходит после ваших слов? Сейчас я принесу еще — одну секунду...

— Да посиди, — он придержал меня, не давая встать. — Ты чего смущаешься, а? Ты ж ледышка, Анна...

Я высвободилась легким движением и пошла к двери.

— Только без яда! — Он расхохотался мне вслед, и я подхватила его смех, когда нащупала в брошенных небрежно джинсах то, чего не нашел он. Я ждала шагов за спиной, но их не было слышно. Он не собирался ничего предпринимать — проверка уже кончилась для него неудачей. Хотя он и не знал, что двойной.

— Без яда не получится, Алексей! — крикнула в ответ. — Вы уж извините, но без него никак!

— Ну раз никак — тогда тащи, — донеслось из ванной. — Только всыпь побольше, чтоб не мучился, лады? И это — может, сначала койка, а яд потом?

— Я подумаю, — отозвалась весело. — Ничего не обещаю — но подумаю...

25

Ровно пять минут прошло — а из ванной не доносилось ни звука. Конечно, он мог придуриваться — а может, это и вправду был яд, с конторы станется. Мне пора было пойти и проверить — но я одевалась. Не поворачиваясь к ванной спиной, не отходя от кресла, в котором лежал пистолет, вытащенный из кармана его плаща.

Я кинула в его бокал четыре таблетки — я знала его привычку пригубливать вино крошечными глоточками. И не успела напрячься, когда он взял его у меня и начал рассматривать на свет. Но подозрение во взгляде было поддельным — равно как и осторожность, с которой он сделал первый глоток, а потом второй, а потом третий.

— Ничего яды у вас делают, — произнес ухмыляясь, но вдруг посерьезнел, глядя на меня пристально. — Ты чего смущалась-то, когда я тебе говорил, что ты мне по кайфу? Ты ж ледышка — чего тебе смущаться...

Он смотрел на меня так, словно сделал мне предложение стать его женой — и теперь с замиранием сердца ждал ответа. Это было так странно — то, что он купился все-таки на меня, не соответствовавшую его вкусам. Я этого не ждала и, в общем, этого не хотела — и хотя это

меня спасло, я предпочла бы видеть его злобным и жестоким, чем таким. Он жесткий и резкий и самоуверенный возбуждал меня больше, чем этот мягкий, ждущий моего ответа человек. Настолько непривычный, что даже видные сквозь рассеивающуюся пену шрамы на его теле казались нарисованными — такому они не могли принадлежать. И такой он мне совсем не нравился.

— Вообще-то... — Я посмотрела ему в лицо, широко распахнув глаза, округлив их невинно. — Вообще-то ледышки иногда тают — разве вы не в курсе?

Он ухмыльнулся, и рука с трудом вылезла из пены, ложась на мою грудь.

— Ты подожди — сейчас в постель переберемся, от ледышки твоей одна лужа останется...

— Фу, Алексей! — Я поморщилась притворно под его смех. — Это так пошло...

Больше он ничего не сказал. Глаза закрылись вдруг, и он предпринял вялое усилие, и веки дрогнули, но его не послушались. И я встала, оглядываясь на него, думая, что рада, что последнее он сказал именно это — и отключился таким, который нравился мне куда больше. Иначе у меня осталось бы впечатление, что я усыпила безобидную влюбленную тряпку.

Он лежал в той же позе, когда я заглянула к нему наконец, подойдя к двери на цыпочках, тихонько приоткрыв ее.

— Алексей, вы что, уснули? Алексей! Посмотрите, что принес мне ответный обыск! Вы возили это собой в метро? Мы так не договаривались, это слишком рискованно...

Я заговаривала ему зубы на тот случай, если снотворное не подействовало и он просто прикидывается, — но он не шевелился. И я подошла поближе, все говоря и говоря. И села нерешительно на край ванны, держа одной

рукой направленный на него ствол, опуская другую ему на шею. Убеждаясь, что он жив.

Я пожалела вдруг, что это не яд. Так мне было бы проще — он слишком много знал теперь про меня.

Мне было дискомфортно тут, и я вышла, быстро собрав не упакованные еще мелочи. Спohватившись вдруг, протянув руку к телефону, поднимая трубку. И так же медленно кладя ее обратно. Потому что какая-то мысль, вертевшаяся внутри, подсказывала, что мне не стоит торопиться. И я поправила косметику, все еще косясь на ванную, и села в кресло закуривая. Пытаясь понять, в чем моя проблема.

Я могла доверять конторским в том плане, что они сотрут все отпечатки, если все же решат его кончить и именно здесь. Значит, дело было не в этом. И я огляделась еще раз, уткнувшись взглядом в открытый стенной шкаф в прихожей, скользнув по своей сумке, стоящей рядом с его сумкой, по поставленному в угол кейсу. И решительно взяла в руки телефонный справочник.

— Добрый вечер. Скажите, есть ли завтра рейс на Монреаль? Только через Торонто? Хорошо — я хотела бы заказать билет, экономический класс. Нет, лучше бизнес. Мисс Анна Симони. Да, я выкуплю его за два часа до вылета — это получается в час дня, верно? Спасибо...

Я заслужила бизнес-класс — и готова была доплатить разницу из своего кармана. Мне оставалось сделать еще два звонка — в какой-нибудь нормальный отель, чтобы снять комнату на ночь, а потом конторским, которых я не собиралась дожидаться. Можно было, конечно, сделать еще один звонок и вызвать такси на дом — но лучше было отойти от дома подалее, на всякий случай.

Я улыбнулась — думая о тех приятных делах, которые ждали меня впереди. Завтра с утра мне предстояло заехать в банк, абонировать там сейф и положить туда миллион долларов — возить с собой такую сумму было бы непредусмотрительно. Конечно, это означало, что мне придется раз в пару месяцев наведываться в Париж и забирать из сейфа тысяч по сто, — но я была не против. Конторские все равно не рассчитывали обнаружить при Лехе эти деньги — а я их заслужила. Больше, чем кто-либо.

Я все еще улыбалась, выкладывая деньги из его сумки, упаковывая все в кейс — из которого, подумав, выложила пятьдесят тысяч, чтобы все выглядело естественно. Северянин вполне успевал после встречи со мной у парковки заехать в банк и избавиться от наличных — но он должен был хоть немного оставить на текущие расходы. Лишние пятьдесят тысяч мне, конечно, не помешали бы — но конспирация прежде всего.

На часах было почти семь вечера. В половине восьмого или чуть позже я должна была приехать в отель — и просидеть до ночи в баре. Потом немного сна, потом банк, потом самолет. Пара дней в Монреале — и на Гавайи. На заслуженный отдых. А потом в Москву — в ранге героя, остановившего безжалостного Леху Севера, которого не могли остановить наверняка лучшие конторские оперативники, оказавшиеся рядом с ним бумажными тиграми.

Что ж, пора было уходить. Я вернулась в ванную и посмотрела пару минут на спящего Леху — который должен был проснуться примерно через два часа сорок минут, но теперь не проснется уже никогда. И я снова присела на край ванны, не выпуская из руки пистолета. Вспомнив вдруг его последние слова — связанные с его планами изменить меня своей волшебной палочкой.

Сейчас опавшей грустно, вяло плавающей в пене, как дохлая рыба.

Я вытянула руку, опуская ему ее на голову, проводя зачем-то по волосам — и легко нажала, глядя, как голова уходит под воду, и нагнулась, удерживая ее там. Во мне не было страха, что он выскочит сейчас из воды и утопит меня саму, — но не было и радости. Только облегчение от того, что все кончилось.

— Деньги тут ни при чем, — сказала ему, сказала просто для очистки совести. — Честное слово...

Он вряд ли мог меня слышать, и, наверное, не стоило объяснять ему, что я не могла оставить его тут дожидаться конторских. Он мог бы сбежать от них, он мог бы захотеть отомстить мне — да даже если не захотел бы, он знал, как меня зовут и где меня можно найти. А для меня, бездушной рыжей твари, мое спокойствие, мелкие радости и праздники важнее всего на свете.

Я на всякий случай протерла мокрым полотенцем все, что могла протереть, включая пистолет. И остановилась уже в дверях, вспомнив, что забыла подстраховаться. Запустив руку в карман его пиджака — вытащив из паспорта факс из швейцарского банка с номером счета. И улыбнулась, убедившись, что и так все помню, — и похвалила себя за хорошую память.

Сумка была тяжелой, и я шла медленно и неторопливо, внушая себе, что своя ноша не тянет. И лучше тащить по улице миллион долларов — и знать, что еще один обезличенный миллион у тебя лежит в швейцарском банке, — чем идти с пустыми руками. Я никогда не поступала так — но с другой стороны, у меня никогда не было такой возможности. И никогда не было такого задания — за которое, если учесть его сложность, я получила не так уж и много. А потерять могла все.

Я остановилась, прежде чем свернуть за угол, и обернулась еще раз на дом, в котором чуть не осталась навсегда — но в котором вместо меня навсегда остался Леха Север. Окна по-прежнему были темны, никто не бежал за мной, я больше никому не была нужна. Кроме самой себя — пусть бездушной твари, но зато живой. И собирающейся пожить еще. Любоваться собой, пить вино, заниматься сексом, наслаждаться спокойствием и дорогими вещами, тихой музыкой и вкусной едой.

Что ж, каждому свое. Я уходила — а он оставался там.

Это могло показаться смешным — если бы не было так грустно. Киллер номер один Российской Федерации, убивший стольких людей, разыскиваемый кучей народу, готовый заплатить за его смерть бешеные деньги, неудержимый, неуловимый и ужасный Леха Север сейчас плавал в ванне в парижской квартире — утопленный не столько женщиной, сколько своей единственной слабостью, собственной похотью. Заслонившей на миг инстинкт самосохранения — но этого мига оказалось достаточно для того, чтобы он остался там, а я ушла.

Я подумала, что не хотела бы быть мужчиной. И не только потому, что это создает сложности чисто анатомического характера в виде неудобного отростка, — но главным образом потому, что эта несуразная деталь требует к себе внимания, и отвлекает, и может завести своего хозяина слишком далеко.

Такси вынырнуло из-за угла, и я подняла руку, заставляя его прижаться к обочине. И закинув тяжеленную сумку в багажник, уселась на заднее сиденье. И мы поехали. И вокруг мелькали огни, но я видела за окном совсем не вечерний Париж. Я видела солнце, пляж и океан, и молодую красивую мулатку в ярком венке, улы-

бающуюся мне зазывно. И подмигнула ей заговорщи-
чески.

— Жди, милая, — шепнула я про себя. — Дней пять у тебя есть — так что жди и готовься. Тебе придется компенсировать все, что обещали мне эти противные мужчины, но так и не сделали, конечно. Да и что вообще хорошего они могут сделать? Ты, конечно, наивна, ты, может быть, еще об этом не догадываешься, но от них одни только проблемы. Можешь поверить гадкой белой женщине — гадкой, рыжей, белокожей, но ужасно вкусной — на слово. Кто-кто — а она это знает точно...

НОВЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ

СЕРИЯ «ИНТРИГА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Любовь героев романов серии «Интрига» подвергается страшным испытаниям. Повороты их судеб непредсказуемы, и каждый неверный шаг грозит обернуться трагедией. Но, даже идя по лезвию бритвы, отделяющей жизнь от гибели, продолжают прекрасные женщины и их бесстрашные возлюбленные бороться за свое счастье. Сюжеты романов серии «Интрига» поражают динамизмом, а невероятные ситуации и стремительное развитие событий соседствуют с блестящим знанием авторами нравов богемы и высшего света.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ – «Книги по почте».
Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

ПРЕДЛАГАЕТ

СЕРИЯ НОВЫХ СОВРЕМЕННЫХ ЛЮБОВНЫХ РОМАНОВ "СТРАСТЬ"

Героини незабываемых, увлекательных романов серии "Страсть" - наши современницы. Книги этой серии способны убедить в том, что неистовые чувства и романтические переживания вовсе не ушли в прошлое - напротив, по-прежнему занимают главное место в жизни женщины. Действие романов серии "Страсть" динамично, характеры отличаются оригинальностью и остротой, а эротические сцены буквально завораживают читательниц своей красотой и возвышенностью...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

- ◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.
- ◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".
- ◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".
- ◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".
- ◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.
- ◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.
- ◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.
- ◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".
- ◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".
- ◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".
- ◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.
- ◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".
- ◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

**THIS BOOK CAN BE ORDERED
FROM THE "RUSSIAN HOUSE LTD."
253 FIFTH AVENUE
NEW YORK, NY 10016
TEL: (212) 685-1010**

Литературно-художественное издание

Оранская Анна

Лекарство от мужчин

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Н.В. Пашкова
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 01.09.99.
Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж 10000 экз. Заказ № 1704.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО "Фирма "Издательство АСТ"
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса;
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства "Самарский Дом печати".
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

HRC-HK

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 04026 240 2 m

WITHDRAWN

No longer the property of the
Boston Public Library.

Sale of this material benefited the Library

ЛЕКАРСТВО ОТ МУЖЧИН

Она не выбирает средств, считая, что цель оправдывает все.

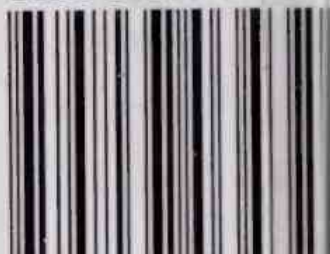
Ее можно считать безжалостной и бездушной. Но...

Жизнь жестока, и каждый в ней — сам за себя.

Она знает — если не защитит себя сама, этого не сделает никто.

И она помнит об этом всякий раз, когда выходит на новую смертельно опасную охоту...

ISBN 5-237-03432

9 785237 03432